

СЛЕД ПАМЯТИ

СЛЕД ПАМЯТИ

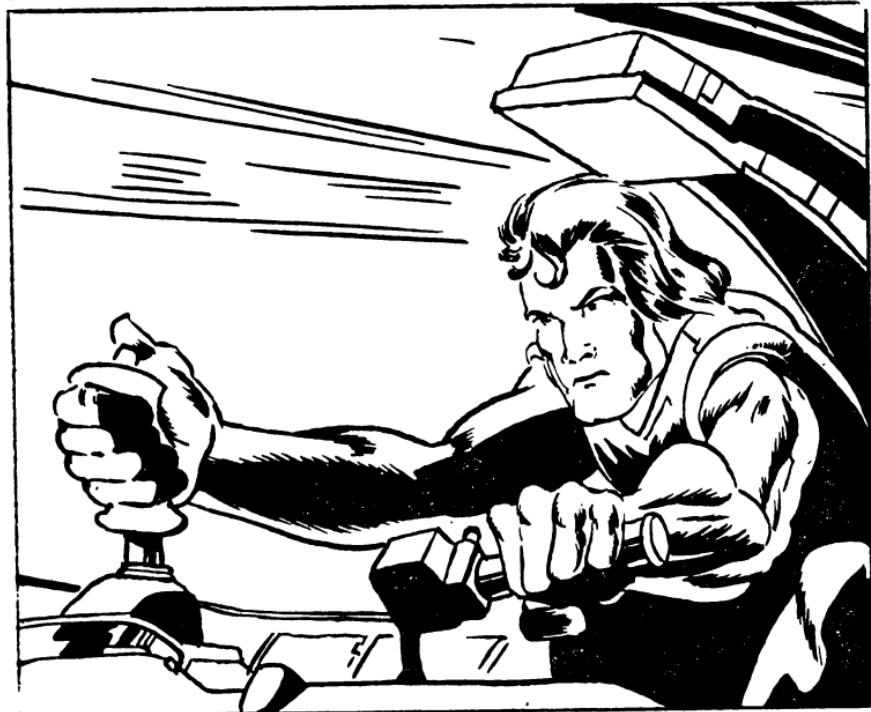

Книги, вышедшие в серии «ДЖОКЕР»

Ф.Саберхаген	Берсеркер
Ф.Пол, Д.Уильямсон	Дитя Звезд
М.Муркок	Хроника черных клинков
К.Куртц	Хроники Дерини
Фантастические романы	Бегущий по лезвию
Сборник фантастических	
произведений	
Ф.Дик	Инспектор-призрак
Фантастические романы	Король эльфов
Л.С.Де Камп	Забыть о Земле
Б.Чандлер	Конан
Дж.Кристофер	Наемники космоса
М.Муркок	Тетralогия
Ф.Фармер	Ледовая шхуна
Сборник фантастических	Плоть
романов	
А.Ван Вогт	Берега смерти
А.Нортон	Чудовище
Дж.Вэнс	Поиск во времени
	Вечная жизнь

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

СЛЕД ПАМЯТИ

РИПОЛ
Джокер
1993

ББК 84.7 США

С 47

Серия «ДЖОКЕР»
Фантастические романы
Серия основана в 1992 году

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Лебедева Я.Л.

Художники
Атрошенко С.П.
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Плющ В.Г.

Компьютерный набор
Баранова Е.В.

Технический редактор
Дырын Ш.Ш.

В эту книгу вошли два очень разных, но одинаково захватывающих фантастических романа. Произведение Кейта Ламмера «След памяти» — поразительное по размаху описание романтических приключений героя на Земле, в космосе и на другой планете, включающее даже взаимные переселения сознания инопланетян и человека.

Более умерен роман Джеймса Болларда «Затонувший мир», насыщенный рассуждениями о судьбах цивилизации и смысле жизни на фоне событий эпохи экологической катастрофы.

С 4703040100-029
070219-93 без объявл.

ISBN 5-87012-029-2

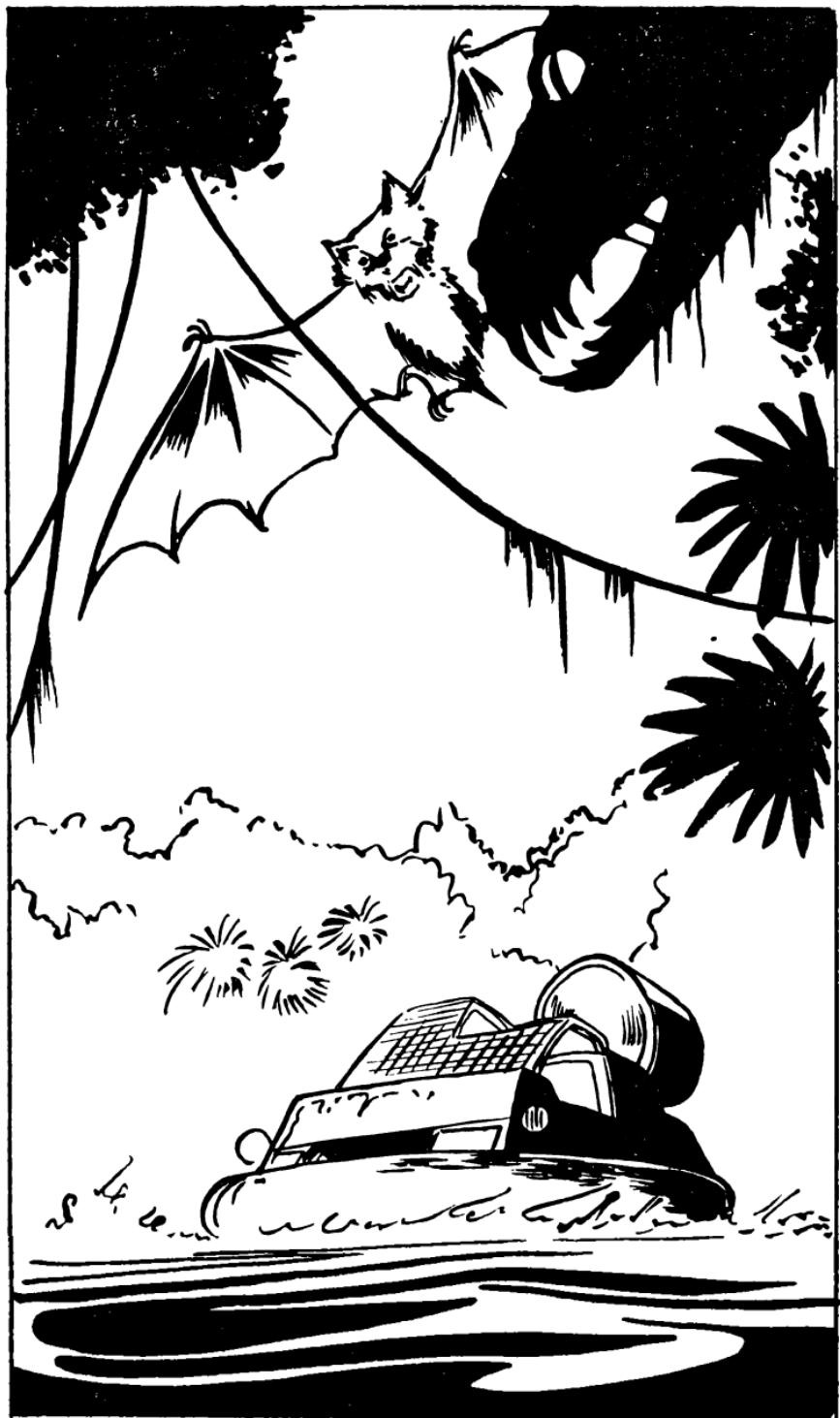
© РИПОЛ, Джокер, 1993
© Перевод Д.Арсеньева, Л.Ворошиловой,
1993

© Обложка С.Атрошенко, 1993
© Внутреннее оформление А.Хромова, 1993
© Составление серии К.Андронкина, 1993

Д. БОЛЛАРД

ЗАТОНУВШИЙ МИР

1.На берегу в отеле Риц

Скоро станет слишком жарко. Глядя с балкона отеля утром в начале девятого, Керанс следил за солнечным диском, поднимавшимся сквозь густую рощу хвошей над крышей заброшенного универмага к востоку от лагуны. Даже сквозь толщу оливково-зеленых листьев солнечные лучи били безжалостно: пришлось надеть тяжелые темные очки. Солнечный диск больше не выглядел очерченной сферой, он превратился в широкий растянутый эллипс, двигавшийся по восточной части горизонта, как огромный огненный мяч, и его отражение превратило мертвую свинцовую поверхность лагуны в сверкающее медное поле. К полудню, менее чем через четверть часа, вода будет казаться горячей.

Обычно Керанс вставал в пять и сразу же отправлялся на биологическую экспериментальную станцию, где работал четыре-пять часов, до тех пор пока жара не становилась непереносимой, однако сегодня ему очень не хотелось покидать прохладные помещения отеля. Он провел несколько часов до завтрака в одиночестве, написав шестистраничное вступление в свой дневник, умышленно откладывая уход, пока полковник Ригтс не проедет мимо отеля на своем патрульном катере: тогда будет уже слишком поздно идти на станцию. Полковник был всегда готов поддержать часовую беседу, особенно подогретый несколькими порциями аперитива, и когда он покинет отель, размышляя о предстоящем ленче на базе, будет уже не менее одиннадцати часов.

Однако сегодня почему-то Ригтс задерживался. По-видимому, он поехал по соседним лагунам, а может быть, ждал Керанса на экспериментальной станции. Вначале Керанс решил, что можно попробовать связаться с Ригтсом по ра-

диопередатчику, настроенному на волну их отряда, но потом вспомнил, что батареи давно сели, а сам передатчик погребен под грудой книг.

Наклонившись над перилами балкона — стоячая вода десятью этажами ниже отражала его худые угловатые плечи и вытянутый профиль, — Керанс следил за одним из бесчисленных тепловых вихрей, мчавшихся через рощу хвойной, окаймлявшую берег лагуны. Задержанные окружающими зданиями и огражденные от смешивания слоев, воздушные массы внезапно разогревались и устремлялись вверх, создавая участок пониженного давления. За несколько секунд облака пара, висящие над поверхностью воды, рассеивались, и разражался миниатюрный торнадо, ломавший шестидесятифутовые деревья, как спички. Затем, также внезапно, порыв ветра прекращался, и огромные колоннообразные стволы падали друг на друга в воду, как вялые аллигаторы.

Керанс говорил себе, что разумнее было бы остаться в отеле: вихри возникали все чаще, по мере того как росла температура; но он знал, что главной причиной его нежелания выходить было признание того, что снаружи делать особенно нечего. Биологическое картографирование превратилось в бесцельную игру; на линиях, нанесенных двадцать лет назад, неожиданно обнаруживалась совершенно новая флора; и его мучило подозрение, что никто в Кемп Берд, в Северной Гренландии, не побеспокоится даже зарегистрировать его донесение, не то что прочитать его.

Действительно, однажды старый доктор Бодкин, помощник Керанса по станции, включил в сообщение рассказ одного из сержантов полковника Ригтса. Тот был свидетелем появления большого ящера со спинным плавником, напоминавшим парус; эта рептилия, плававшая в одной из лагун,

в точности походила на пеликозавра — ископаемое пресмыкающееся из ранних пенсильванских отложений. Если бы его информацию по достоинству оценили — а она возвещала о возвращении эры гигантских рептилий, — то сюда немедленно устремилась бы армия экологов в сопровождении армейских отрядов с тактическим атомным оружием и приказом не допускать распространения ящеров дальше чем на двадцать миль. Но кроме обычного подтверждения, что сообщение получено, ничего не последовало. Возможно, специалисты в Кемп Берд слишком устали даже для того, чтобы рассмеяться.

В конце месяца Риггс и его небольшой отряд завершит обследование города (Керанс спрашивал себя, какого именно: Парижа или Лондона?) и отправится на север, буксируя за собой экспериментальную станцию. Керансу трудно было представить себе, что придется покинуть эти помещения под крышей отеля, где он провел последние шесть месяцев. Репутация Рица, как признался Керанс, была вполне заслуженной: ванная комната, например, с ее черным мраморным бассейном, позолоченными кранами и зеркалами напоминала алтарь большого собора. Керансу нравилось думать, что он стал последним постояльцем отеля; он понимал, что завершается определенный этап его жизни — одиссея по затопленным городам юга скоро закончится возвращением в Кемп Берд с его жестокой дисциплиной, и это будет прощанием с долгой и бестящей историей гостиницы.

Его прикомандировали к отряду Риггса в день отъезда, и он принял это назначение с удовольствием: хотелось сменить свой темный закуток среди лабораторных столов экспериментальной станции на простор высоких комнат отеля. Ему нравилась роскошная парчовая обивка стен, нравились бронзовые стилизованные статуи в нишах коридоров — он вос-

принял их, как естественное обрамление своего нового об-раза жизни; он смаковал утонченную атмосферу меланхолии, теперь уже фактически исчезнувшей. Слишком много других зданий вокруг лагуны затянуло илом, и теперь только Риц стоял в гордом одиночестве на западном берегу, и его великолепие не портили даже ростки синей плесени на ков-рах в коридорах, хранивших достоинство девятнадцатого столетия.

Богато украшенные и великолепно оборудованные поме-щения предназначались для известного миланского банкира. Воздушные барьеры, охранявшие от жары, все еще хорошо функционировали, несмотря на то, что нижние шесть этажей отеля скрылись под водой, а стены начали трескаться — двухсотпятидесятиамперная установка кондиционера рабо-тала безостановочно. Хотя помещение пустовало уже десять лет, на каминах и позолоченных столиках собралось срав-нительно немного пыли, а три фотографии на покрытом крокодиловой кожей письменном столе — сам банкир, его лоснящаяся упитанная семья и, наконец, еще более лосня-щееся сорокатажное здание конторы — вполне различа-лись. К счастью для Керанса, его предшественник покинул отель в спешке, оставив буфеты и гардеробы набитыми со-кровищами: одеждой, украшенными слоновой костью тен-нисными ракетками, а в коктейль-баре хранились достаточ-ные запасы виски и бренди.

Гигантский комар-анофелес, похожий на летающего дра-кона, басовито прожужжал рядом с его лицом и скрылся за выступом здания в том месте, где находился на причале катамаран Керанса. Солнце все еще не вышло из-за деревьев на восточном берегу водоема, но утренняя жара уже выго-нила огромных отвратительных насекомых из их убежищ на покрытых мхом стенах отеля.

Керанс вынужден был укрыться за проволочной сеткой. В свете раннего утра странная траурная красота местности поражала: мрачные зелено-черные листья хвоицей, пришельцев из триасовой эпохи, и полу затонувшие белые каркасы зданий, наследие двадцатого столетия, все еще отражались вместе в темном зеркале воды — два мира, по-видимому, встретившиеся в какой-то точке времени. Эта фантастическая зеркальная картина моментально пропадала, как только гигантский водяной паук разбивал маслянистую поверхность воды в ста футах внизу.

В отдалении, где-то за затонувшим остовом большого строения в готическом стиле в полу миля к югу, взревел мотор и поднял небольшую волну. Керанс ушел с балкона, закрыл за собой проволочную дверь и пошел в ванную побриться. Водопровод давно не действовал, но Керанс расчистил плавательный бассейн на крыше и провел оттуда трубу через балкон.

Хотя Керансу было уже около сорока, и борода его побелела от радиоактивного фтора, содержащегося в воде, черные волосы и сплошной загар желтовато-коричневого цвета делали его на десять лет моложе. Хроническое отсутствие аппетита и новые разновидности малярии, иссушившие кожу на скулах, придали его лицу аскетическое выражение. Бреясь, он критически осматривал свое лицо, ощупывая пальцами натянутую кожу, массируя мышцы, — черты его лица и мускулатура постепенно менялись, как бы проявляя скрывавшегося в нем другого человека. Несмотря на этот критический самоанализ, он чувствовал себя более спокойно и уравновешенно, чем раньше, а холодные голубые глаза смотрели на него из зеркала с ироническим отчуждением. Полуосознанное погружение в обычный мир с его ритуалами и обычаями прошло. Если он теперь и держался в стороне

от Ригтса и его людей, это обуславливалось скорее стремлением к комфорту, чем мизантропией.

Выйдя из ванны, он выбрал из груды одежды, оставленной банкиром, кремовую шелковую рубашку и брюки с ярлыком Цюриха. Все помещение представляло собой стеклянный ящик внутри другого ящика, кирпичного. Плотно затворив за собой двойные двери, он спустился по лестнице.

Керанс вышел к площадке, где напротив катамарана приводили катер полковника Ригтса — переоборудованная наземная машина. Ригтс, аккуратный, щегольски одетый человек, стоял на носу, поставив ногу в сапоге на борт катера, осматривал берега бухты и свисающие в воду джунгли, как африканский первопроходец древних времен.

— Доброе утро, Роберт, — приветствовал он Керанса, спрыгивая на качающуюся платформу — пятидесятигалловый буй, привязанный к деревянной раме. — Рад видеть вас здесь. Есть работа, в которой вы могли бы мне помочь. Сможете на день отлучиться со станции?

Керанс помог ему перебраться на бетонный балкон — выступавший над водой остаток седьмого этажа отеля.

— Конечно, полковник. Вы же знаете, я всегда готов вам помочь.

Фактически экспериментальная станция полностью подчинялась Ригтсу, и поэтому Керанс не имел права отказаться, но отношения между ними были лишены чиновной официальности. Они работали вместе уже в течение трех лет, все то время, пока станция и ее военный эскорт медленно двигались на север по европейским лагунам, и постепенно Ригтс предоставил Керансу и Бодкину возможность заниматься своим делом, не вмешиваясь, слишком занятый налесением на карту движущихся отмелей и гаваней и эвакуацией последних жителей. В последнем случае он часто

нуждался в помощи Керанса, так как большинство людей, еще оставшихся в затонувших городах, оказывались либо психопатами, либо больными, страдающими от длительного недоедания и радиации.

В дополнение к своей работе на передвижной экспериментальной станции Керанс исполнял обязанности врача отряда сдерживания. Большинство людей, которых они эвакуировали, требовали немедленной медицинской помощи, прежде чем их можно было на вертолетах доставить на один из гигантских танкеров, перевозящих беженцев в Кемп Берд. Остатки военных отрядов, слоняющиеся в покинутых болотах, умирающие отшельники, неспособные самостоятельно расстаться с городами, где проходили последние годы их жизни, потерявшие мужество грабители, первоначально стремившиеся поживиться добычей в покинутых домах, — всем этим людям Ригтс помогал спастись, а Керанс всегда готов был поддержать их обезболивающими или успокаивающими средствами. Керанс считал Ригтса, несмотря на его подчеркнуто военную внешность и манеры, разумным и приятным человеком, наделенным вдобавок сильным чувством своеобразного юмора. Порой ему хотелось проверить свое мнение, сообщив Ригтсу о боткинском пеликозавре, но всякий раз он почему-то отказывался от этого.

Сержант, строгий, добросовестный шотландец по фамилии Макреди, взобрался на проволочную сетку, покрывавшую палубу катера, чтобы очистить ее от тяжелых листьев и лиан. Никто из остальных троих людей, бывших на палубе, не пытался помочь ему; их покрытые коричневым загаром лица выглядели худыми и истощенными, они равнодушно сидели в ряд. Постоянная жара и ежедневные огромные дозы антибиотиков лишили их всех сил.

Солнце поднялось над лагуной еще выше, превратив об-

лака пара в сплошной золотой занавес, и Керанс почувствовал ужасное зловоние, шедшее от поверхности воды: это был смешанный запах мертвых растений и разлагавшихся тел животных. Огромные муки жужжали вокруг, задерживаемые проволочной сетью катера, а над мелкими волнами проносились большие летучие мыши, направляясь к своим жилищам в полу затонувших зданиях. Керанс понимал, что лагуна, казавшаяся ему с балкона несколько минут назад прекрасной и безмятежной, на самом деле была огромным болотом, полным гниющего мусора.

— Пойдем наверх, — предложил он Ригтсу, понижая голос, чтобы не услышали остальные, — у меня есть что выпить.

— Хороший вы парень. Рад, что сохранили прекрасные манеры.

Ригтс окликнул Макреди:

— Сержант, я отправлюсь наверх проверить работу дистилляционной установки доктора. — Он подмигнул Керансу, так как Макреди принял его слова со скептическим кивком, но предлог казался безупречным. Остальные люди на палубе сняли с поясов фляжки и, получив неохотное одобрение сержанта, собрались спокойно ждать возвращения полковника.

Керанс через подоконник проник в холл:

— В чем ваше затруднение, полковник?

— Это не мое затруднение. В действительности, оно ваше.

Они с трудом поднимались по лестнице, и Ригтс своей полицейской дубинкой время от времени сбивал лианы, оплетавшие перила.

— Вы не застали здесь работающий лифт? Я всегда говорил, что это место переоценивают.

Однако Ригтс одобрительно улыбнулся, когда они вступили в прохладные помещения под крышей, и с довольным видом уселся в позолоченное кресло в стиле Людовика XV. — Что ж, тут неплохо. Я всегда считал, что вы умеете извлекать пользу из этих обломков. Хорошо было бы тут пожить. У вас для меня найдется местечко?

Керанс покачал головой, нажимая кнопку и выжидая, пока из фальшивого книжного шкафа появится коктейль-бар.

— Попробуйте пожить в Хилтоне. Там лучше обслуживание.

Это, конечно, была шутка, но хотя Керансу и нравился Ригтс, он предпочитал видеться с ним как можно реже. Сейчас их разделяла лагуна, а от постоянного звона оружия и кухонных запахов базы их отделяли джунгли. Хотя Керанс знал всех членов отряда Ригтса — их было человек двадцать, — за исключением коротких разговоров в госпитале, он уже шесть месяцев ни с кем не разговаривал. Даже свои контакты с Бодкиным он свел к минимуму. По взаимному согласию, биологи отказались от анекдотов и коротких бесед на посторонние темы, которые случались у них в первые годы работы.

Растущая замкнутость и стремление к одиночеству, проявившиеся у членов отряда, за исключением жизнерадостного Ригтса, напомнили Керансу замедленный метаболизм и биологическую самоизоляцию, которые испытывали все типы животных перед большими видовыми изменениями. Иногда он размышлял над тем, что его отшельничество не проявление скрытой шизофрении, а тщательная подготовка к жизни в совершенно иной среде, со своей внутренней логикой где старые привычки и связи будут лишь препятствием.

Он протянул стакан шотландского виски Ригтсу, поставив свой стакан на стол и слегка сдвинув при этом груду книг с приемника.

— Слушаете иногда эту штуку? — спросил Ригтс с легким налетом неодобрения в голосе.

— Никогда, — ответил Керанс. — Зачем? Мы знаем новости на следующие три миллиона лет.

— Зря! Вам следует иногда включать приемник. Можно услышать интересные вещи. — Он поставил стакан и наклонился вперед. — Например, сегодня утром вы могли бы услышать, что мы в течение трех дней должны собраться и уйти. — Он кивнул, когда Керанс с удивлением взглянул на него. — Получили сообщение ночью из Берда. Уровень воды по-прежнему поднимается, так что вся наша работа проделана напрасно — как я, кстати, всегда и утверждал. Американские и русские отряды уже отозваны. Температура на экваторе достигла восьмидесяти градусов* и продолжает расти, а пояса дождей подошли к двадцатой параллели. Увеличивается и количество ила...

Он оборвал себя, задумчиво взглянув на Керанса.

— В чем дело? Разве вы не рады, что мы уходим?

— Конечно, рад, — автоматически ответил Керанс. Он взял стакан и пересек комнату, чтобы поставить его в бар, но неожиданно остановился и тронул каминные часы. Казалось, он что-то искал в комнате. — Через три дня, вы сказали?

— А вы бы хотели через три миллиона лет? — Ригтс широко улыбнулся. — Роберт, мне кажется, вы втайне хотите остаться.

Керанс подошел к бару и вновь наполнил свой стакан.

* Здесь и далее температура дается по шкале Фаренгейта.

Он привык к монотонности и скуке предыдущих месяцев, как бы исключив себя из обычного времени и пространства, и внезапное возвращение на землю привело его в замешательство. Вдобавок он знал, что есть другие мотивы и затруднения.

— Не говорите глупостей, — ответил он. — Просто я не ожидал, что придется так быстро собираться. Конечно, я буду рад уехать, хотя должен признаться, что и тут мне нравится. — Он жестом указал на комнату. — Возможно, это соответствует моему темпераменту, более подходящему для конца двадцатого века. А в Кемп Берда придется жить в банке сардин.

Ригтс встал, застегиваясь:

— Роберт, вы странный человек.

Керанс внезапно поставил стакан.

— Послушайте, полковник, я, к сожалению, не смогу помочь вам сегодня утром. Мне только что кое-что пришло в голову.

Он заметил, Ригтс медленно покачал головой и сказал:

— Да, я понимаю. Это моя забота.

— Верно. Я видел ее вчера вечером и сегодня утром, уже после получения новости. Вам нужно убедить ее, Роберт. Сейчас она решительно отказывается уходить. Она не понимает, что это конец, что больше тут не будет ни одного отряда сдерживания. Она, возможно, продержится еще месяцев шесть, но в марте, когда пояс ливней придет сюда, мы не сможем даже послать за ней вертолет. В любом случае после нашего ухода никто не будет о ней заботиться. Я говорил ей это, но она отвернулась и не стала слушать.

Керанс мрачно улыбнулся, представив себе этот ее резкий поворот и надменную походку.

— Иногда Беатрису трудно переносить, — заметил он, надеясь, что она не слишком обидела Риггса.

Вероятно, потребуется гораздо больше трех дней, чтобы убедить ее, и Керанс хотел быть уверенным, что полковник будет ждать.

— Она сложная натура и живет как бы на нескольких уровнях. И пока все эти уровни не синхронизированы, она может вести себя, как сумасшедшая.

Они вышли из комнаты; предварительно Керанс установил термостат кондиционера на нужную температуру и тщательно проверил воздушные барьеры. Они медленно спускались к катеру, Риггс заглядывал в пустые номера и свистом распугивал змей, медленно ползавших по покрытым плесенью диванам. Когда они вступили на палубу катера, Макреди закрыл за ними проволочную дверь.

Через пять минут, таща за собой на буксире катамаран, они поплыли по лагуне, удаляясь от отеля. Золотые волны сверкали в кипящем воздухе, огромные растения вокруг них плясали в поднимающихся воздушных струях — джунгли были полны колдовского очарования.

Риггс внимательно смотрел вперед через проволочную сетку.

— Слава Богу, этот сигнал из Берда наконец-то пришел. Мы должны были уйти еще год назад. Все это тщательное картографирование гаваней для возможного использования когда-нибудь в будущем — сплошной абсурд. Даже если эти вспышки на солнце утихнут, пройдет не менее десяти лет, прежде чем можно будет попытаться вновь занять города. К тому времени даже самые большие здания утонут под илом. Потребуется несколько дивизий только для того, чтобы расчистить, например, джунгли по берегам лагуны. Бодкин го-

ворил утром, что некоторые из растений уже поднимаются над водой на двести футов.

Он снял за козырек свою фуражку и потер лоб, затем, перекрывая рев дизелей, крикнул:

— Если Беатриса останется здесь, она действительно сумасшедшая. Кстати, это напомнило мне еще об одной причине, почему нам нужно уйти. — Он взглянул на одинокую высокую фигуру сержанта Макреди, стоявшего у румпеля и пристально всматривавшегося в воду, и на истощенные лица остальных. — Скажите, доктор, как вы спите в последнее время?

Удивленный, Керанс взглянул на полковника, размышляя, имеет ли этот вопрос отношение к его чувствам к Беатрисе Далл. Риггс глядел на него своими умными глазами, машинально помахивал трубкой.

— Очень крепко, — спокойно ответил Керанс. — Никогда не спал лучше. А почему вы спрашиваете?

Но полковник лишь покачал головой и начал выкрикивать распоряжения Макреди.

2. Приход игуан

Пронзительно крича, как встревоженный дух башни, большая летучая мышь с носом, похожим на молот, вылетела из боковой протоки и устремилась прямо к катеру. Ее сонар был обманут лабиринтом гигантских паутин, натянутых над водой колонией пауков-волков, и она чуть не наткнулась на проволочную сетку над головой Керанса, а затем полетела над линией затонувших зданий, огибая огромные листья папоротников, выросших на крышах. Внеш-

запно, когда она пролетала мимо одного из нависавших карнизов, неподвижный, похожий на камень выступ сдинулся с места и мгновенно поймал мышь в воздухе. Раздался короткий пронзительный визг, и Керанс успел заметить, как ломались крылья мыши в пасти ящера. Затем рептилия вновь неподвижно замерла среди листвы.

На всем пути вдоль залива, высовываясь из окон контор и правительственные зданий, за ними следили игуаны, медленно поворачивая свои твердые, покрытые роговыми наростами головы. Они бросались вслед за катером, хватали насекомых, изгнанных волной из гнезд гниющей растительности, вновь карабкались в окна и занимали прежние наблюдательные посты. Без этих пресмыкающихся лагуны и заливы с полу затонувшими коробками зданий в нестерпимой жаре были бы полны солнечным очарованием, но игуаны и другие рептилии разрушали эти чары. Как свидетельствовало их появление в окнах контор, рептилии овладели городом. Теперь они были господствующей формой жизни здесь.

Глядя вверх на их лишенные выражения морды, Керанс ощущал ужас, который они вызывали в кайнозое, будучи наследием ужасных джунглей мезозоя, когда рептилии уступили перед натиском млекопитающих, и чувствовал непримиримую ненависть, которую испытывает один зоологический класс к другому, более позднему, победившему его. В конце пролива они оказались в следующей лагуне — широком круге темной зеленой воды с полмили в диаметре. Линия красных пластмассовых бакенов отмечала проход к отверстию в противоположной стороне. Осадка катера составляла немногим более фута, и когда они двигались по ровной поверхности воды, наклонные лучи солнца сзади освещали ее темные глубины. Тогда ясно проступали остовы

пяти- и шестиэтажных зданий, колебавшиеся в толще воды, как привидения. Изредка над поверхностью пролива виднелась поросшая мхом крыша. В шестидесяти футах под ними между зданиями пролегал прямой широкий проспект — часть бывшей главной улицы города. Сверху они разглядели корпуса автомашин, стоявших у обочины. Большинство лагун в центре города окружало сплошное кольцо зданий, поэтому в них было сравнительно немного ила. Свободные от растительности, защищенные от дрейфующих масс саргасовых водорослей, улицы и магазины сохранились нетронутыми, словно отражение в воде, потерявшее свой оригинал.

Большую часть города покинули давно, сравнительно долго удерживали от натиска воды железобетонные здания в центре — в торговом и правительственном районах. Зато кирпичные дома и одноэтажные фабрики пригородов полностью скрылись под толщей ила. Вдоль новых берегов выросли гигантские тропические леса, вытеснив пшеничные поля умеренной зоны Европы и Северной Америки. Сплошная стена растительности, иногда достигавшая трехсот футов высоты, показывала, как в ночном кошмаре, возвращение конкурирующих видов мезозойской и даже палеозойской эры, и единственным доступным для отрядов Объединенных Наций проходом оказалась система лагун, образовавшаяся на месте прежних городов. Но даже и они постепенно затягивались илом, а их дно погружалось все глубже.

Керанс помнил бесконечные зеленые сумерки, смыкавшиеся за его отрядом по мере того, как тот медленно перемещался к северу Европы, оставляя один город за другим. Растительность очень быстро закрывала протоки, перебрасываясь с крыши на крышу.

Теперь они оставили еще один город. Несмотря на мас-

сивные конструкции зданий центра, в нем сохранились теперь только три главные лагуны, окруженные сетью небольших озер до пятидесяти ярдов в диаметре, и сложная паутина каналов и протоков, в общих чертах повторяющая план улиц города и переходившая по краям в сплошные джунгли. Кое-где эти каналы совсем исчезали, а иногда расширялись, образуя участки чистой воды. Джунгли захватили архипелаг островов и превращались в сплошной зеленый массив в южной части города.

Военная база, где размещались Ригтс и его отряд, к которой относилась и пришедшая на буксире и вставшая на якорь биологическая экспериментальная станция, находилась в самой южной из трех лагун и скрывалась под защитой нескольких самых высоких зданий города — тридцати-сорокаэтажных коробок бывших правлений фирм и банков.

Когда они пересекли последнюю лагуну, желтый плавучий барабан базы находился на солнечной стороне, и винты вертолета на ее крыше поднимали волну, на которой покачивался меньший белый корпус биологической станции — она располагалась в двухстах ярдах ниже по берегу и была пришвартована к большому горбатому зданию. Когда-то в нем находился концертный зал.

Керанс взглянул на выступающие над водой лишенные окон белые прямоугольники, напоминавшие ему залитые солнцем улицы Рио и Майами, о которых он в детстве читал в энциклопедии в Кемп Берде. Любопытно, однако, что несмотря на красоту и загадочность лагун затонувших городов, он не чувствовал к ним никогда ни малейшего интереса и не стремился узнавать, в каком именно городе сейчас находится станция.

Доктору Бодкину, бывшему на двадцать пять лет старше Керанса, когда-то довелось пожить в нескольких городах

Европы и Америки; теперь он проводил много времени на окраинных водных протоках, разыскивая прежние библиотеки и музеи. Но от них не осталось ничего, кроме его воспоминаний.

Вероятно, именно отсутствие последних делало Керанса равнодушным к виду затонувшей цивилизации. Он родился и вырос в месте, известном под названием Антарктического круга; ныне в этой субтропической по климату зоне максимальная температура достигала восьмидесяти пяти градусов. Южнее он бывал только в экологических экспедициях. Обширные болота и джунгли стали для него лабораторией, а затонувшие улицы и площади — всего лишь ее фундаментом.

Кроме нескольких пожилых людей, вроде Бодкина, никто не помнил нормальной городской жизни, да и во времена детства доктора города представляли собой осажденные крепости, окруженные огромными дамбами и наполненные паникой и отчаянием. Сейчас их странное очарование и красота заключались в безлюдье, в необычном сочетании крайностей архитектуры природы, как в короне, оплетенной дикими орхидеями.

Цепь гигантских геофизических сдвигов, преобразивших климат Земли, началась лет шестьдесят или семьдесят назад. Серия мощных продолжительных солнечных бурь, вызванных внезапной активностью Солнца, привела к необычайному расширению поясов Ван Аллена и тем самым, удалив верхние слои ионосферы, ослабила на них действие земного тяготения. Эти слои рассеялись в космосе, уменьшив земной защитный барьер против жесткой солнечной радиации; кроме того, температура начала постоянно расти, нагретые слои атмосферы поднимались очень высоко вверх, в ионосферу, и цикл повторился.

По всей земле среднегодовая температура росла ежегодно на несколько градусов. Большая часть тропиков вскоре стала необитаемой; население, спасаясь от небывалой жары в сто тридцать — сто сорок градусов, устремилось на север и на юг. Умеренные зоны стали тропическими, Европа и Северная Америка изнемогали от зноя. Под руководством Организации Объединенных Наций началось заселение Антарктиды и северных районов Канады и России.

В первое двадцатилетие жизнь постепенно приспособилась к изменившемуся климату, и тут оказалось, что у людей не хватило сил, чтобы остановить надвигавшиеся из экваториальных районов джунгли. Возросший уровень радиации привел к многочисленным мутациям растительных форм, заставлявших вспомнить тропические леса каменноугольного периода; стали развиваться низшие формы растительной и животной жизни.

Наступление этих мутантов, напоминавших далеких предков современных животных, было поддержано вторым большим геофизическим сдвигом. Постоянное повышение температуры вызвало таяние ледовых шапок. Огромные ледяные поля Антарктиды треснули и растаяли, десятки тысяч ледников, окружавших Антарктический круг в Гренландии, Северной Европе, России и Северной Америке, превратились в моря и гигантские реки.

Вначале уровень воды в мировом океане повысился лишь на несколько футов, но устремившиеся на сушу огромные потоки несли с собой миллионы тонн ила. У мест их впадения в моря формировались массивные дельты, изменившие очертания континентов и дававшие дорогу океану в глубь суши. Их интенсивное наступление привело к постепенному затоплению более чем двух третей земной поверхности.

Гоня перед собой валы ила и грязи, новые моря непре-

рывно меняли облик как суши, так и водоемов, намывая новые острова. Средиземное море превратилось в систему внутренних озер, Британские острова соединились с Северной Францией. Средний Запад Соединенных Штатов, затопленный Миссисипи, пробившей Скалистые горы, стал частью океана, соединившись с заливом Гудзона. Карибское море превратилось в болото, полное ила и соленой грязи. Европа покрылась системой огромных лагун, в центре которой лежал затопленный и затянутый илом город.

В продолжение следующих тридцати лет миграция населения на полюс приобрела огромный размах. Несколько укрепленных городов сопротивлялись поднимавшейся воде и наступавшим джунглям, сооружая по своему периметру огромные плотины. Но они одна за другой прорывались. Только внутри Антарктического и Арктического кругов оказалась возможной нормальная жизнь. Очень косое падение солнечных лучей создавало здесь дополнительный заслон от радиации. Даже высокогорные поселения вблизи экватора были оставлены, несмотря на сравнительно невысокую температуру воздуха, именно из-за солнечной радиации, особенно сильно проявляющейся в горах. Этот последний фактор, вероятно, помог решить задачу размещения населения Земли. Постоянное снижение жизненной активности млекопитающих и мощное размножение земноводных и рептилий, более приспособленных к водной жизни в лагунах и болотах, изменили экологический баланс, и ко времени рождения Керанса в Кемп Берде, городе с десятью тысячами жителей, в Северной Гренландии, в северных приполярных районах Земли, по приблизительным оценкам, жили около пяти миллионов человек.

Рождение ребенка стало редкостью — ведь только один брак из десяти давал потомство. Как иногда говорил себе Керанс, генеалогическое древо человечества постепенно

сбрасывает крону, двигаясь назад во времени. Когда-нибудь может наступить такой момент, когда вторые Адам и Ева обнаружат себя одинокими в новом Эдеме.

Ригтс заметил, что Керанс улыбается.

— Что вас развеселило, Роберт? Одна из ваших двусмысленных шуток? Не пытайтесь объяснить ее мне.

— Я представил себя в новой роли. — Керанс взглянул на прямоугольник какого-то здания в двадцати футах от них; волна, поднятая катером, перехлестнула через окна одного из верхних этажей. Резкий запах влажной извести контрастировал с тяжелыми испарениями растительности. Макреди ввел катер в тень здания, где повеяло некоторой прохладой.

Через лагуну Керанс видел дородную, с голой грудью, фигуру доктора Бодкина на правом борту станции; широкий пояс и зеленый целлULOидный козырек над глазами делали его похожим на морского пирата. Он срывал оранжевые ягоды с папоротника и бросал их в галдящих обезьянок, висевших на ветках над его головой; Бодкин дразнил их игристыми криками и свистом. В пятидесяти футах, на карнизе здания, три игуаны следили за этой сценой, сохраняя неподвижность; только их хвосты время от времени поворачивались из сторону в сторону.

Макреди повернул румпель, и они в облаке брызг приблизились к стене высокого здания с белым фасадом; над водой возвышалось не менее двадцати его этажей. Крыша прилегающего невысокого корпуса служила пристанью, у которой пришвартовался проржавевший, когда-то белый крейсер.

Обзорные иллюминаторы рулевой рубки с разбитыми стеклами были испачканы, выхлопные отверстия пропускали в воду струйки масла.

Пока катер под управлением опытного Макреди качался возле боевого корабля, они спрыгнули на пристань, прошли ее и по узкому металлическому мостику перебрались в высокое здание. Влажные стены коридора были покрыты большими пятнами плесени, но лифт все еще работал, снабжаемый энергией от запасной электростанции. Они медленно поднялись на крышу и оттуда спустились в двухэтажную квартиру.

Ниже был расположен небольшой плавательный бассейн с крытым двориком; яркие пляжные кресла скрывались в тени. В окна трех стен бассейна были вставлены желтые венецианские стекла, сквозь щели жалюзи проникала прохладная полутьма внутренних помещений, был виден блеск хрусталия и серебра на редких столиках. В тусклом свете под синим полосатым навесом в глубине крытого дворика едва различался длинный хромированный прилавок, столь же сияющий, как и прохладный бар, который можно разглядеть с пыльной и жаркой улицы; стаканы и графины отражались в украшенном дорогой рамой зеркале. Все в этих частных богатых покоях казалось таким безмятежным, словно тысячи миль отделяли их от полной насекомых растильности, от тепловатой воды джунглей, находившейся двадцатью этажами ниже.

За дальним краем бассейна с выступающим орнаментальным балконом открывался удивительный вид на город, поглощенный надвигающимися джунглями, широкие улицы с серебряной воды, расширяющиеся к зеленому пятну южной части горизонта. Массивные отмели ила поднимали свои спины над поверхностью воды, из них торчали светло-зеленые копья — побеги гигантского бамбука.

Вертолет поднялся с платформы на крыше базы и по широкой дуге пролетел в воздухе над их головами. Позже

пилот выпрямил машину и изменил направление полета, и Керанс заметил, что два человека через открытый люк в бинокли внимательно рассматривали крыши.

Беатриса Далл полулежала в одном из кресел, и ее длинноногое гладкое тело сверкало в тени. Розовыми пальцами одной руки она придерживала полный стакан, стоявший перед ней на столе, другой рукой она медленно перелистывала страницы журнала. Черно-синие очки скрывали ее глаза, но на ее гладком ровном лице Керанс уловил выражение легкого недовольства. Очевидно, Ригтс разозлил ее, убеждая оценить логику его доводов.

Полковник остановился у перил, глядя вниз на прекрасное гибкое тело с нескрываемым одобрением. Заметив его, Беатриса сняла очки и поправила лямки своего бикини. Глаза ее оставались спокойными.

— Эй, вы оба! Убирайтесь! Здесь вам не стриптиз.

Ригтс хихикнул и быстро спустился по белой металлической лесенке. Керанс последовал за ним, недоумевая, как убедить ее покинуть это прекрасное убежище.

— Моя дорогая мисс Далл, вам должно польстить, что я пришел взглянуть на вас, — сказал Ригтс, садясь рядом с ней в одно из кресел. — Поскольку, как военный губернатор этой территории, — тут он игриво подмигнул Керансу, — я несу определенную ответственность за вас. И, разумеется, наоборот.

Беатриса быстро и неодобрительно взглянула на него, тут же повернулась и включила автоматический проигрыватель.

— О боже... — добавила она про себя что-то похожее на проклятие и посмотрела на Керанса. — А вы, Роберт? Что привело вас сюда так рано?

Биолог дружелюбно улыбнулся:

— Мне не хватало вас.

— Хороший мальчик. А я подумала, что этот гауляйттер напугал вас своими страшными рассказами.

— Да, он напугал меня. — Керанс взял с колен Беатрисы журнал и принял лениво просматривать его. Это был сорокалетней давности выпуск парижского «Вог», страницы которого показались ледяными: по-видимому, он хранился где-то в холодильнике, и Керанс опустил его на крытый зеленым кафелем пол. — Bea, похоже, мы все покинем этот город через несколько дней. Во всяком случае, полковник и его люди уходят. А мы не сможем остаться здесь после их ухода.

— Мы? — сухо повторила она. — Я тоже полагаю, что у вас нет ни малейшей возможности остаться.

Керанс недовольно взглянул на Ригтса.

— Нет, конечно, — согласился полковник. — Вы понимаете, о чем я говорю. В следующие сорок восемь часов у нас будет очень много дел, постарайтесь не усложнять нашего положения.

Прежде чем девушка ответила, Ригтс спокойно добавил:

— Температура продолжает повышаться, мисс Далл. Вам будет тут нелегко, когда она достигнет ста тридцати градусов, а горючее для вашего генератора кончится. Большой экваториальный пояс дождей движется на север, и через несколько месяцев он будет здесь. Когда пройдут ливни и разойдутся облака, вода в этом бассейне, — он указал на резервуар с обеззараженной водой, — закипит. К тому же анофелес типа X, скорпионы и игуаны, ползающие всю ночь, не дадут вам уснуть. — Он закрыл глаза. — Вот что вас ждет, если вы останетесь.

При его словах рот девушки дернулся. Керанс понял, что вопрос Ригтса о том, как он спал последние ночи, не касается его взаимоотношений с Беатрисой.

Полковник продолжал:

— Вдобавок от средиземных лагун на север движется всякое отребье: воры, грабители, мародеры, и вам нелегко будет иметь с ними дело.

Беатриса перебросила свои длинные черные волосы через плечо:

— Я буду держать дверь на замке, полковник.

Керанс раздраженно выпалил:

— Ради Бога, Беатриса, что вы пытаетесь доказать? Пока вы можете развлекаться, пугая нас своими самоубийственными шутками, но, когда мы уйдем, вам будет не до веселья. Полковник старается вам помочь, но вообще-то ему наплевать, останетесь вы здесь или нет.

Ригтс коротко рассмеялся:

— Что ж, я ухожу. А если вас очень беспокоят мои заботы о вашей безопасности, мисс Далл, отнесите это к высоко-развитому у меня чувству долга.

— Это интересно, полковник, —sarcastически заметила Беатриса. — А я-то всегда считала, что ваш долг оставаться здесь до последней возможности. Во всяком случае, — тут в ее глазах промелькнуло знакомое выражение насмешливого юмора, — так говорил мой дед, когда правительство конфисковало большую часть его собственности. — Она заметила, что Ригтс через ее плечо смотрит на бар. — В чем дело, полковник? Ищете своего держателя опахала? Я не собираюсь предлагать вам выпить. Ваши люди и так приходят сюда лишь пьяниствовать.

Ригтс встал:

— Хорошо, мисс Далл. Я ухожу. Увидимся позже, доктор. — Он с улыбкой отдал честь Беатрисе. — Завтра я пришлю катер за вашими вещами, мисс Далл.

После ухода Ригтса Керанс откинулся в кресле и при-

нялся следить за вертолетом, кружившим над соседней лагуной. Иногда он опускался к самой воде, и тогда воздушная волна от лопастей срывала листья с папоротников и сбрасывала игуан с ветвей и крыш. Беатриса принесла бутылку и села на скамеечку у ног Керанса.

— Я не хочу, чтобы вы думали обо мне так, как этот человек, Роберт. — Она протянула ему напиток, опираясь локтями о его колени. Обычно девушка выглядела спокойной и самодовольной, но сегодня она была печальной и усталой.

— Простите, — отозвался Керанс. — Возможно, я еще сам себя не понимаю. Ультиматум Ригтса был для меня полной неожиданностью. Я не думал, что придется уходить так скоро.

— Вы останетесь, Роберт?

Керанс промолчал. Автоматический проигрыватель перешел от пасторали к седьмой симфонии Бетховена. Весь день, без перерыва, он проигрывал цикл из девяти его симфоний. Керанс задумался в поисках ответа, печальная мелодия соответствовала его нерешительности.

— Вероятно, да, хотя и не знаю, почему. Я не могу объяснить это лишь эмоциональным порывом, должны быть какие-то более основательные причины. Возможно, эти затонувшие лагуны напоминают мне затонувший мир моих предков. Все, что говорит Ригтс, правда. Будет очень мало шансов выжить при тропических штормах и малярии.

Он положил руку на ее лоб, определяя температуру, как у ребенка:

— Что Ригтс имел в виду, когда говорил, что вы не сможете хорошо спать? Он вторично упомянул об этом сегодня.

Беатриса на мгновение отвела взгляд.

— О, ничего. Две прошлые ночи меня мучили кошмары. И то же у большинства людей здесь. Забудьте это. Ответьте

мне, Роберт, серьезно, если я все же решусь остаться, останетесь ли вы? Вы сможете поселиться рядом?

Керанс улыбнулся:

— Хотите соблазнить меня, Беа? Что за вопрос. Вспомните, что вы не только самая прекрасная женщина здесь, но и вообще единственная женщина. Нет ничего более необходимого, чем пример для сравнения. У Адама не было эстетического чувства, иначе он понял бы, что Ева — прекрасная награда за труд. Но, к сожалению, незаслуженная.

— Вы довольно откровенны сегодня! — Беатриса встала и подошла к краю бассейна, обеими руками перебросив волосы на лоб. Ее длинное гибкое тело засверкало в солнечных лучах. — Но разве все действительно так мрачно, как утверждает Ригтс? У нас, по крайней мере, останется крейсер.

— Он неисправен. Первый серьезный шторм потопит его, как ржавый бидон.

Ближе к полудню жара на террасе стала невыносимой, они оставили дворик и перешли внутрь. Двойные венецианские стекла пропускали лишь часть солнечного света, так что воздух внутри пока еще был прохладен. Девушка растянулась на длинной бледно-голубой, укрытой какой-то шкурой софе, рука ее играла мехом. Это помещение принадлежало ее деду и было ее домом с тех пор, как ее родители умерли вскоре после ее появления на свет. Выросла она под присмотром отца матери, одинокого эксцентричного промышленного магната. (Керанс не знал источников его богатства; когда он спросил об этом Беатрису вскоре после того, как они с Ригтсом натолкнулись на ее двухэтажную квартиру на крыше небоскреба, она кратко ответила: «Скажем, у него водились деньжата».) В прежние времена он был известным меценатом, хотя вкусы его склонялись ко всему эксцентричному и причудливому, и Керанс часто думал,

насколько его личность отразилась в его внучке. Над камином висела большая картина сюрреалиста начала двадцатого века Дельво; на ней женщина с обезьяньим лицом, обнаженная до пояса, танцевала со скелетами в смокингах. На другой стене висел фантасмагорический пейзаж Макса Эрнста.

Некоторое время Керанс смотрел на тусклое желтое солнце, пробивавшееся сквозь экзотическую растительность на картине Эрнста; странное чувство воспоминания и узнавания охватило его. Вид этого древнего солнца что-то будил в глубинах его подсознания.

— Беатриса!

Она посмотрела на него, и он подошел к ней.

— В чем дело, Роберт?

Керанс заколебался, чувствуя, что наступает решительный момент, который ввергнет его в полосу потрясений и изменений.

— Вы должны понять, что если Ригтс уйдет без нас, мы позже сами уйти не сможем. Мы останемся здесь навсегда.

3. К новой психологии

Поставив свой катамаран на якорь у причала, Керанс спрыгнул с него и по трапу поднялся на базу. Подойдя к двери в защитной сетке, он обернулся и сквозь волны жары, заливавшие лагуну, увидел на противоположном берегу у балконных перил Беатрису. Он помахал девушке рукой, однако она, не отвечая, отвернулась.

— Сегодня у нее день плохого настроения, доктор? — Сержант Макреди вышел из каюты охраны, и его лицо с

клювообразным носом исказилось подобием усмешки. — Она необычное существо, не правда ли?

Керанс пожал плечами.

— Вы знаете этих девушек, слишком долго живущих в одиночестве, сержант? Если вы не поостережетесь, они постараются свести вас с ума. Я пытался убедить ее сбрать вещи и отправиться с нами. Однако вряд ли мне это удалось.

Макреди пристально взглянул на крышу далекого небоскреба на противоположном конце лагуны.

— Я рад, что вы так говорите, доктор, — заметил он уклончиво, и Керанс так и не смог решить, относится ли его скептицизм к Беатрисе или к нему самому.

Даже если они с Беатрисой останутся, Керанс решил сделать вид, что они уходят вместе со всеми: ведь каждую минуту из последующих трех дней следовало потратить на увеличение запасов; нужно было тайком унести со складов базы как можно больше необходимого оборудования. Керанс все еще не принял окончательного решения — вдали от Беатрисы вернулась его нерешительность. Он уныло размышлял, насколько искренне говорила с ним она — Пандора, с ее смертоносным ящиком, полным желаний и разочарований, с легко открывающейся и столь же легко захлопывающейся крышкой. Хотя эта нерешительность ясно отражалась у него на лице и доставляла ему большие мучения, а Риггс и Бодкин легко могли определить ее причины, он тем не менее решил оттягивать согласие на отъезд до последней возможности. Хотя он и не любил военный лагерь, он знал, что вид упывающей базы подействует на него как мощный катализатор страха и паники, и тогда любые отвлеченные причины его отказа уехать потеряют всякую силу. Год назад он случайно остался в одиночестве на небольшом

рифе. Ему пришлось проводить дополнительное геомагнитное исследование, и он не услышал сирену, так как снимал показания приборов в глубоком подвале. Когда десять минут спустя он выбрался из подвала и обнаружил, что база находится уже в пятидесяти ярдах от берега и это расстояние все увеличивается, он почувствовал себя как ребенок, внезапно лишившийся матери. С огромным трудом подавил он панику и выстрелил из своего сигнального пистолета.

— Доктор Бодкин просил меня направить вас в лазарет, как только вы появитесь, сэр. Лейтенанту Хардману сегодня утром стало хуже.

Керанс кивнул и осмотрел пустую палубу. Он пообедал с Беатрисой, зная, что база все равно в эти часы после полудня пустует. Половина экипажа находилась на катере Ригтса или в вертолетах, остальные спали в своих каютах, и он надеялся спокойно осмотреть склады и арсенал. К сожалению, Макреди, эта сторожевая собака полковника, шел за ним следом, готовый сопровождать его до лазарета.

Керанс старательно осмотрел пару комаров-анофелесов, пробравшихся через проволочную сетку перед ним.

— Все еще просачиваются, — указал на них Макреди. — А что слышно насчет второго заграждения, которое вы должны были установить?

Сбивая комаров фуражкой, тот неуверенно огляделся. Второй ряд экранов из проволочной сетки вокруг всей базы был любимым проектом полковника Ригтса. Время от времени он приказывал Макреди выделить для этой работы людей, но так как ее выполнение означало пребывание на неудобных деревянных козлах под прямыми солнечными лучами в облаке москитов, до сих пор было установлено только несколько секций вокруг каюты Ригтса. Теперь, когда они постепенно двигались на север, необходимость во втором

ряде ограждений вообще отпала, но пуританская совесть Макреди не могла успокоиться.

— Сегодня же вечером я вышлю людей, доктор, — заверил он Керанса, доставая из кармана ручку и блокнот.

— Не торопитесь, сержант, но если более важных дел не найдется, полковник будет доволен. — Керанс оставил сержанта, осматривавшего металлические жалюзи, и пошел вдоль палубы. Когда Макреди уже не мог его видеть, он свернулся в первую же дверь.

На палубе С, самой низкой из трех, составлявших базу, располагались каюты экипажа и камбуз. В них еще находились два или три человека, но кают-компания была пуста, а в углу, на столе для настольного тенниса, стоял радиоприемник и тихо звучала музыка. Керанс подождал, прислушиваясь к редким ритмам гитары, перекрываемым отдаленным гулом вертолета, кружившегося над соседней лагуной. Затем по центральному трапу он спустился в трюм, где находились мастерские и арсенал.

Три четверти помещения занимал двухтысячесильный дизель, вращавший два винта, и резервуары с маслом и авиационным бензином; мастерские частично переместили на палубу А, так как там пустовало несколько помещений, а механикам, обслуживающим вертолеты, удобнее было находиться наверху.

В трюме было полутемно. Его единственная слабая лампа горела в стеклянной будке техника; арсенал был закрыт. Керанс осмотрел ряды тяжелых деревянных стоек и шкафов с карабинами и автоматами. Стальной прут, проходивший через кольца всех карабинов, удерживал их на местах; Керанс потрогал тяжелые ложа, раздумывая, смог бы он вынести оружие, даже если бы его удалось извлечь из шкафа. В ящике его стола на станции лежал кольт сорок пятого

калибра с пятьюдесятью патронами, полученный три года назад. Раз в год он предъявлял свое табельное оружие и получал новые патроны, но ему ни разу так и не пришлось стрелять из пистолета.

Идя обратно, он внимательно разглядывал темно-зеленые ящики с патронами, сложенные грудой у шкафов; к сожалению, все они были заперты на висячие замки. Проходя мимо будки техника, в ее тусклом свете он смог разглядеть ярлыки на ряде металлических сосудов под одним из рабочих столов.

Керанс остановился, просунул пальцы через проволочную сетку и стер пыль с бумажки, читая написанное на ней название: «Циклотриэтилен триниторамин; скорость расширения газа — восемь тысяч метров в секунду».

Размысливая над возможным использованием взрывчатки — было бы прекрасно отметить уход Ригтса взрывом одного из затопленных зданий и тем самым отрезать путь к возвращению, — он оперся локтями о стол, бездумно играя медным трехдюймовым компасом, оставленным для починки. Шкала прибора сверкала белизной и поворачивалась на сто восемьдесят градусов, острье стрелки упиралось в меловую отметку.

Все еще думая о взрывчатке и необходимости раздобыть детонаторы и бикфордов шнур, Керанс стер меловую отметку, поднял компас и взвесил его в руке. Выйдя из арсенала, он поднялся по лестнице; стрелка компаса дрожала. Мимо, по палубе С, прошел моряк, и Керанс быстро спрятал компас в карман.

Представив себе, как одним нажатием рукоятки он перебрасывает взрывом Ригтса, экспериментальную станцию и всю базу в далекую лагуну, Керанс заставил себя остановиться у перил. Улыбаясь абсурдности своего вымысла, он удивился, как он это мог себе позволить.

Потом он заметил корпус компаса, вылезший из кармана. Некоторое время он задумчиво глядел на прибор.

— Погоди, Керанс, — пробормотал он. — Пока что ты живешь двумя жизнями.

Пять минут спустя, когда он вошел в лазарет, его ждали более срочные проблемы.

Три человека находились на лечении из-за тепловых ожогов, но большая часть палаты на двенадцать коек пустовала. Керанс кивнул санитару, накладывающему пенициллиновые повязки, и прошел к маленькой одиночной палате у правого борта.

Дверь была закрыта, но Керанс слышал безостановочное тяжелое скрипение койки, сопровождаемое раздраженным бормотанием пациента и ровным спокойным голосом доктора Бодкина. Некоторое время врач продолжал свой монолог, затем послышалось несколько протестующих возгласов, и наступила тишина.

Лейтенант Хардман, старший пилот вертолета (теперь вертолет управлялся помощником Хардмана сержантом Дейли), был вторым по старшинству офицером в отряде и до последних трех месяцев — заместителем Ригтса, исполняя его обязанности в отсутствие полковника. Дородный, умный, но, пожалуй, излишне флегматичный человек тридцати лет, он держался в стороне от остальных членов экипажа. Будучи натуралистом-любителем, он делал собственное описание изменяющейся фауны и флоры и разрабатывал собственную классификацию изменений. В один из редких моментов добродушного настроения он показал свои записи Керансу, но потом забрал их назад, когда Керанс тактично заметил, что классификация ошибочна.

Первые два года Хардман служил прекрасным буфером между Ригтсом и Керансом. Остальная часть экипажа охотно

подчинялась указаниям лейтенанта, и это, с точки зрения Керанса, являлось большим преимуществом, так как более нетерпимый второй по старшинству человек в отряде мог бы сделать жизнь невыносимой. С легкой руки Хардмана, в отряде установились свободные взаимоотношения, при которых новоприбывший через пять минут становился полноправным членом экипажа, и никого не волновало, где он был два дня или два года назад. Когда Хардман организовывал баскетбольный матч или регату по лагуне, никто не впадал в неистовость, поскольку желание каждого принять участие встречалось с пониманием и сочувствием и по возможности учитывалось.

Недавно, однако, в характере Хардмана начали преобладать иные элементы. Два месяца назад он пожаловался Керансу на постоянную бессонницу. Часто из окон Беатрисы Далл Керанс далеко за полночь видел в лунном свете лейтенанта, стоявшего у вертолета на крыше базы и глядевшего на безмолвную лагуну. Затем Хардман, сославшись на мальарию, отказался от ежедневных полетов. Запервшись на неделю в каюте, он погрузился в странную жизнь, перечитывая свои старые записи или пересчитывая пальцы, как слепой, читающий азбуку Брайля, или перебирая сосуды с чучелами бабочек и гигантских насекомых.

Заболевание распознавалось нетрудно, Керанс узнал симптомы, которые наблюдал у себя самого: «ускоренное вступление в зону перехода», — и оставил лейтенанта одного, попросив Бодкина периодически навещать его.

Любопытно, однако, что доктор отнесся к болезни Хардмана гораздо серьезнее.

Распахнув дверь, Керанс вошел в застекленную палату и остановился в углу у вентилятора, так как Бодкин сделал предостерегающий знак рукой. Жалюзи на окнах были спу-

щены, и, к удивлению Керанса, кондиционер выключен. Воздух, вырывающийся сквозь лопасти вентилятора, был несамого прохладнее, чем снаружи, — кондиционер никогда не позволял температуре подниматься выше семидесяти градусов. Но Бодкин не только выключил кондиционер, но и включил небольшой электрический камин. Керанс вспомнил, что Бодкин мастерил его на станции, устанавливая вокруг зеркала для бритья нить накаливания.

Доктор, сидевший в легком металлическом кресле спиной к огню, был одет в белый шерстяной жакет, на котором виднелись две широкие влажные полосы пота, и в тусклом красном свете Керанс заметил, как по его коже скатывались капли, похожие на раскаленный добела свинец.

Хардман лежал, приподнявшись на одном локте, обнажив широкую грудь и скав большие руки, с наушниками на голове. Его узкое лицо с большими тяжелыми челюстями повернулось к Керансу, но глаза не отрывались от электрического пламени. Отраженный параболической чашей, овальный диск красного света трех футов в диаметре освещал стену каюты.

Этот круг обрамлял голову лейтенанта, как огромный сверкающий ореол. Слабый скребущий звук доносился из портативного проигрывателя, стоявшего на полу у ног Бодкина, на диске которого вертелась пластинка трех дюймов в диаметре. Звуки, едва слышные, напоминали медленные удары далекого барабана. Но вот Бодкин выключил проигрыватель. Он быстро записал что-то в своем блокноте, затем выключил камин и зажег свет у кровати больного.

Медленно качая головой, Хардман снял наушники и протянул их Бодкину:

— Напрасная трата времени, доктор. Эта запись лишена смысла, вы можете истолковать ее как угодно. — Он вытя-

нул свои тяжелые руки на узкой койке. Несмотря на жару, на его лице и обнаженной груди образовалось мало пота, и он следил за гаснущей спиралью камина с очевидным сожалением.

Доктор встал и поставил проигрыватель на стул, вложив в него наушники.

— Вы не правы, лейтенант. Это что-то вроде звуковых пятен Роршаха. Вам не кажется, что последняя запись была более ясной?

Хардман неопределенно пожал плечами, очевидно, с неохотой соглашаясь с Бодкиным. Но, несмотря на это, Керанс чувствовал, что лейтенант рад принять участие в этом эксперименте, используя его для собственных целей.

— Возможно, — сказал лейтенант. — Но боюсь, она не имеет никакого смысла.

Доктор улыбнулся, ожидая встретить сопротивление Хардмана и готовый бороться с ним.

— Не оправдывайтесь, лейтенант, поверьте мне, это время потрачено не напрасно. — Он поманил Керанса. — Идите сюда, Роберт, правда, здесь очень жарко — мы с лейтенантом Хардманом проводили небольшой эксперимент. Я расскажу вам о нем, когда мы вернемся на станцию. Теперь, лейтенант, — он указал на стоявшие на столике у кровати два будильника, прикрепленных тыльными сторонами друг к другу, — пусть эта штука действует постоянно, для вас это не будет слишком трудно, нужно только заводить оба будильника каждые двенадцать часов. Они будут будить вас через каждые десять минут — что вполне достаточно для отдыха, но не даст вам соскользнуть в глубокий сон и подсознательные видения. Надеюсь, кошмаров больше не будет.

Хардман скептически улыбнулся, бросив быстрый взгляд на Керанса.

— Я думаю, вы слишком оптимистичны, доктор. На самом деле, вы, вероятно, считаете, что я должен научиться не бояться своих снов и отдавать себе в них полный отчет. — Он взял в руки толстую зеленую папку, свой ботанический дневник, и начал механически переворачивать страницы. — Иногда мне кажется, что я вижу сны постоянно, каждую минуту дня и ночи. Возможно, мы все их видим.

Говорил он мягко и неторопливо, несмотря на усталость, иссушившую кожу вокруг глаз и рта, отчего его массивные челюсти выдавались еще больше, лицо казалось худым, щеки запали. Керанс понял, что болезнь, какой бы она ни была, не затронула самой сущности Хардмана. Жесткая независимость лейтенанта обозначилась сильнее, как будто стальное лезвие прорезало какое-то ограждение и высвободило скрытые силы организма.

Проводивший процедуры Бодкин вытирал лицо желтым шелковым носовым платком, задумчиво глядя на пациента. Грязный шерстяной жакет и случайный подбор одежды, одутловатое лицо, желтоватая кожа делали его похожим на потрепанного захаря, маскируя резкий и острый интеллект.

— Возможно, вы правы, лейтенант. Действительно, некоторые утверждают, что сознание есть не что иное, как особая разновидность каталептического бреда, и что способности и возможности центральной нервной системы во время сна столь же обширны, как и в период, который мы называем бодрствованием. Тем не менее мы должны удовлетвориться первым приближением к истине и постараться извлечь то, что возможно. Согласны, Керанс?

Биолог кивнул. Температура в каюте начала падать, и он почувствовал, что дышит свободнее.

— Нам поможет изменение климата. — Снаружи послышался глухой звук, как будто одна из лодок, висевших на

шлюпбалках, ударились о борт базы. Он добавил: — Атмосфера лагуны вызывает слишком большое нервное напряжение. Я уверен, что через три дня, уйдя отсюда, мы все почувствуем себя лучше.

Он был уверен, что Хардмана предупредили о скором уходе, однако лейтенант удивленно взглянул на него и отложил свою папку. Бодкин громко откашлялся и начал вдруг говорить о вреде сквозняков от вентилятора. Несколько секунд Керанс и Хардман глядели друг другу в глаза, затем лейтенант кивнул сам себе и продолжил свое чтение, предварительно взглянув на будильники.

Сердясь на себя, биолог отошел к окну, повернувшись к остальным спиной. Он понял, что сообщил об отъезде Хардману, надеясь на его вполне определенный ответ и точно зная, почему Бодкин не сообщил больному эту новость. Без тени сомнения Керанс предупредил Хардмана, что если тот что-то задумал, все приготовления к этому должны быть закончены за три дня.

Затем он раздраженно взглянул на приспособление на столе, размышляя над собственным поведением. Вначале бессмысленная кража компаса, теперь этот беспричинный акт саботажа. Ему и раньше случалось совершать ошибки, но в прошлом он всегда верил, что они возмещаются несомненным достоинством — полным и точным пониманием причин и целей его действий. Если он теперь откладывает решение, то это явно результат нерешительности, нежелание действовать, пока он полностью не осознает, как относится к Беатрисе Далл.

В запоздалой попытке усыпить свою совесть он сказал Хардману:

— Не забудьте часы, лейтенант. На вашем месте я заставил бы их звонить постоянно.

Выйдя из госпиталя, они спустились на пристань и взобрались на катамаран Керанса. Слишком уставший, чтобы заводить мотор, Роберт медленно греб вдоль троса, натянутого между базой и экспериментальной станцией. Бодкин сидел на носу, держа в руках проигрыватель, похожий на почтовый ящик, и глядел на вялую зеленую воду, разрываемую носом лодки и испускающую яркие отблески. Его полное лицо, заросшее неопрятной серой щетиной, казалось усталым; он о чем-то задумался, посматривая на кольцо полузатопленных зданий, как усталый корабельный лоцман, в тысячный раз входящий в знакомую гавань. Когда они приблизились к испытательной станции, с ее крыши с ревом поднялся вертолет, корпус станции покачнулся, по воде прошла рябь, и каскад брызг обрушился на их плечи. Бодкин выругался, но через несколько секунд они уже высохли. Хотя было уже гораздо позже четырех часов дня, солнце заполняло небо, превращая его в пылающий костер и заставляя опускать глаза к поверхности воды. Вновь и вновь в стеклянных стенах окружающих зданий они видели бесчисленные отражения светила, двигавшиеся вслед за ними, как языки пламени, как сверкающие фасеточные глаза огромного насекомого.

Экспериментальная станция представляла собой двухэтажный барабан около пятидесяти футов в диаметре и грузоподъемностью в двадцать тонн. На нижней палубе находились лаборатории, на верхней — каюты двух биологов, штурманская рубка и кают-компания. Над ее крышей проходил небольшой мостик, на котором размещались приборы, измеряющие температуру и влажность воздуха, количество осадков и уровень радиации. Груды сухих воздушных семян и бурых водорослей, сморщенных и сожженных солнцем, покрывали корой асфальтовые плиты понтонов, масса водо-

рослей, медленно расступаясь, смягчила толчок лодки, при-
чилившей к корпусу.

Они вошли в прохладную полутьму лаборатории и сели за свои столы под полукругом выгоревших таблиц и графиков, которые занимали всю стену до потолка и, покрытые следами водорослей и паром кофе, напоминали древние фрески. Таблицы слева, выполненные в первые годы их работы, были покрыты подробными записями, различными названиями и вычерченными стрелами, но на таблицах справа записи быстро редели, а последние содержали лишь несколько карандашных набросков, означавших важнейшие экологически безопасные коридоры. Многие таблицы неопрятно свисали вперед и вниз, как плиты обшивки покинутого корабля, другие были собраны в беспорядочную груду у стены и удивляли краткими и бессмысленными надписями.

Бесцельно поглаживая циферблат большого компаса, Керанс ждал, пока Бодкин объяснит ему свой эксперимент с Хардманом. Но тот лишь удобно уселся у своего стола, посмотрел на груду папок и каталожных ящиков на нем, затем открыл проигрыватель и достал из него диск, осторожно поворачивая его в руках.

Керанс начал:

— Должен извиниться за свой промах. Не следовало го-
ворить об отъезде через три дня. Я не знал, что вы это
держите в тайне от Хардмана.

Бодкин пожал плечами, считая, видимо, это происшест-
вие не заслуживающим внимания.

— Дело не в этом, Роберт. Сделав несколько шагов к
разгадке, я не хочу иметь никаких промахов.

— Но почему бы и не сказать ему? — настаивал Керанс,
косвенно надеясь освободиться от чувства вины. — Возмож-

но, перспектива близкого отъезда как раз и выведет его из летаргии.

Бодкин опустил очки на самый кончик носа и насмешливо поглядел на Керанса.

— А разве на вас эта новость не произвела такого же впечатления, Роберт? Если я не ошибаюсь, вы выглядите далеко не радостным. Почему же реакция Хардмана должна быть другой?

Керанс улыбнулся:

— Сдаюсь, Алан. Я не хочу вмешиваться, полностью предоставив Хардмана вам, но что это вы задумали, для чего этот электрический камин и будильники?

Бодкин поставил пластинку на небольшой стеллаж, где находилось еще множество таких же дисков. Он повернулся к Керансу и некоторое время глядел на него своими кроткими, но проницательными глазами, как ранее смотрел на Хардмана, и биолог понял, что их отношения теперь не просто взаимоотношения коллег, но и отношения наблюдателя и объекта наблюдений. После паузы Бодкин отвернулся к таблицам, и Керанс невольно улыбнулся. Он сказал себе: «Проклятый старик, теперь он занес меня в свои схемы наряду с морскими водорослями и моллюсками, а в следующий раз он испытает свой проигрыватель на мне».

Бодкин встал и указал на три ряда лабораторных столов, уставленных банками с образцами; к крышке каждой банки был прикреплен ярлык.

— Скажите мне, Роберт, если бы вам предложили суммировать результаты ваших наблюдений за последние три года, как бы вы это сделали?

Некоторое время биолог колебался, затем небрежно взмахнул рукой.

— Это не слишком трудно. — Он видел, что его коллега

ожидает серьезного ответа, и собрался с мыслями. — Что ж, можно коротко сказать, что под влиянием повышенной температуры, влажности и уровня радиации флора и фауна планеты начали возвращаться к тем формам, которые были распространены на Земле при таких же условиях, иначе говоря — в триасовую эру мезозоя.

— Верно. — Бодкин начал прохаживаться между скамейками. — На протяжении последних трех лет мы с вами, Роберт, осмотрели не менее пяти тысяч образцов животных и буквально десятки тысяч новых разновидностей растений. Везде мы наблюдали одно и то же: бесчисленные мутации, направленные на то, чтобы организмы выжили в изменившихся условиях. Повсюду мы наблюдали лавинобразное возвращение к прошлым формам. Настолько массовое, что немногие сложные организмы, сохранившиеся на прежнем уровне развития, выглядят странным отклонением от нормы: это некоторые земноводные, птицы и человек. Любопытно, что подробно каталогизируя возвращение в прошлое у многочисленных растений и животных, мы игнорировали наиболее важный организм планеты.

Роберт засмеялся.

— Преклоняюсь перед вами, Алан. Но что ж, вы предполагаете, что Хардман превращается в кроманьонца, яванского человека или даже синантропа? Вряд ли, конечно. Не будет ли это простым продолжением ламаркизма?

— Согласен. Этого я не предполагаю. — Бодкин наклонился над одним из столов, набрал полную горсть арахиса и бросил маленькой обезьянке, сидевшей в клетке неподалеку. — Хотя очевидно, что через две или три сотни миллионов лет *Homo Sapiens* вымрет и наша маленькая кузина останется высшей формой жизни на планете. Однако биологический процесс развивается далеко не по прямой. — Он

извлек из кармана носовой платок и протянул его обезьянке, которая вздрогнула и отскочила. — Если мы вернемся в джунгли, мы превратимся в обед для кого-нибудь.

Он подошел к окну и выглянул сквозь густую проволочную сеть, которая пропускала лишь узкие лучи яркого солнечного света. Погруженная в жару, лагуна застыла в неподвижности, завесы пара вздымались над водой, как гигантские привидения.

— В действительности, я думаю совсем о другом. Разве у всех меняется только внешность? Как часто многим из нас казалось, что все это мы уже видели когда-то, что мы каким-то образом помним эти болота и лагуны? Однако наше сознание и подсознание хранят эти впечатления избирательно, большинство из них — это воспоминания об опасности и ужасе. Ничто не сохраняется так долго, как страх. Где-то в глубинах организма имеются древние, миллионолетнего возраста механизмы, которые спали на протяжении тысяч поколений, но сохранили свои возможности нетронутыми. Классический пример такого механизма — отношение полевой мыши к силуэту яструба. Даже если его вырезать из бумаги и поднести к клетке, он заставит мышь в панике искать спасения. А как иначе можно объяснить всеобщее, но совершенно беспричинное отвращение к паукам, лишь один, сравнительно редкий вид которых теперь опасен для человека? Или не менее удивительную из-за их сравнительной редкости ненависть к змеям и ящерицам?

Просто все мы в глубине носим память о тех временах, когда огромные пауки были смертельно опасны, а ящеры являлись господствующей формой жизни на планете.

Ощущая тяжесть медного компаса в кармане, Керанс сказал:

— Значит, вы опасаетесь, что увеличение температуры

и радиации разбудит эти спящие механизмы в нашем сознании?

— Не в сознании, Роберт. Существуют старейшие воспоминания на Земле, закрепленные в каждой хромосоме и в каждом гене. Каждый шаг, сделанный нами по пути эволюции, — веха, закрепленная в нашей органической памяти — в энзимах, контролирующих углеродно-кислородный цикл, в сплетении нервов спинного мозга и в миллиардах клетках головного мозга — везде записаны тысячи решений, принятых в периоды внезапных физико-химических кризисов. Как психоанализ врачует психические травмы, перенесенные человеком в детстве, так и мы теперь заглядываем в археопсихическое прошлое, открывая древнейшее табу, спавшее целые эпохи. Краткий период индивидуальной жизни не должен ввести нас в заблуждение. Каждый из нас также стар, как весь животный мир, наши кровеносные сосуды — притоки огромного моря всеобщей памяти. Одиссея зародыша в утробе матери воспроизводит всеобщее эволюционное прошлое, а его центральная нервная система — это заполненная временная шкала, где каждый ганглий представляет собой символическую остановку.

Чем ниже по уровням центральной нервной системы будем мы спускаться — от головного мозга через спинной к костному, — тем дальше будем отступать в прошлое. Например, узел между грудной клеткой и поясничным позвонком — между Т-12 и Л-1 — есть великая переходная зона между рыбами, дышащими жабрами, и земноводными, дышащими легкими, по времени примерно соответствующая тому, что мы наблюдаем теперь на берегах лагуны — между палеозойской и мезозойской эпохами.

Бодкин вернулся к своему столу и провел рукой по ряду записей. Слушая спокойный неторопливый голос коллеги,

Керанс подумал, что ряд черных дисков напоминает модель спинного мозга. Он вспомнил слабый звук барабана, воспроизведенный проигрывателем в каюте Хардмана, и странные ощущения, которые вызывал этот звук.

Бодкин продолжал:

— Если хотите, можете назвать это психологией всеобщего организма, а для краткости — невротикой, или отбросить, как метаболическую фантазию. Однако я убежден, что по мере того, как мы возвращаемся в геофизическое прошлое Земли, мы возвращаемся назад и в подсознании, переходя от одной геологической эпохи к другой, с ее особой флорой и фауной, как путешественник на машине времени Уэллса. Но это не внешнее изменение, а всеобщая переориентация личности. Если мы позволим этим призракам подсознания овладеть нами, они безжалостно потопят нас, как грузила. — Он выбрал один из дисков, затем с неуверенностью отложил в сторону. — Сегодня в эксперименте с Хардманом я пошел на риск, используя камин для того, чтобы поднять температуру его тела до ста двадцати градусов, но опыт не удался. В течение трех недель он как будто сопротивлялся своим кошмарам, но в последние несколько дней смирился с ними и позволил им увлекать себя в прошлое без всякого контроля со стороны сознания. Для его собственной пользы я хотел бы, чтоб он больше бодрствовал, — для этого и нужны будильники.

— Если он позаботится завести их, — спокойно заметил Керанс.

Снаружи в лагуне послышались звуки катера Ригтса. Подойдя к окну, Керанс увидел, как катер по уменьшающейся дуге приближается к базе. Когда он причалил, Ригтс некоторое время о чем-то совещался с Макреди, несколько раз указывая рукой на экспериментальную станцию, и Ке-

ранс был уверен, что они готовятся к ее буксировке. Однако он оставался неподвижным. Рассуждения Бодкина и его новая общая психология — невроника — дали очень ясное объяснение переменам, происходившим в его сознании. Молчаливое признание директоратом Объединенных Наций того факта, что в пределах нового периметра, описанного Арктическим и Антарктическим кругами, жизнь будет продолжаться, как раньше, с прежними социальными и семейными отношениями, было бы ошибочным, и эта ошибочность становилась все яснее по мере того, как повышение уровня воды и температуры заставляло сдаваться один за другим полярные редуты. Вместо того чтобы картографировать новые заливы и лагуны, следовало бы выполнять более важную задачу — исследовать новую психологию человечества.

— Алан, — бросил он через плечо, все еще глядя на жестикулирующего на пристани Ригтса, — почему вы не шлете очередной отчет в Берд, я думаю, их следует поставить в известность? Всегда существует шанс, что...

Но Бодкин уже вышел. Керанс уловил его шаги, слабо слишившие и затихающие, усталые шаги человека, слишком старого и слишком опытного, чтобы заботиться о чем-нибудь, что прямо его не касается.

Керанс подошел к своему столу и сел. Он извлек из кармана компас и положил его перед собой. Вокруг слышались приглушенные звуки лабораторной жизни — бормотание обезьянок, шелест шагов.

Теперь биолог неторопливо осмотрел компас, слегка поворачивая шкалу, затем выравнил стрелку. Он попытался понять, зачем взял прибор из арсенала. Обычно навигационное оборудование крепилось на одной из моторных лодок, так что его отсутствие скоро будет обнаружено, а затем Керансу придется испытать унижение, признаваясь в краже.

Продолжая задумчиво разглядывать медное изделие, он увидел, что колеблющаяся стрелка неизменно останавливается на точке «Юг», и эта надпись действовала на Керанса с волшебной силой, как опьяняющие пары из какой-то чудесной чаши.

4. Солнечные мостовые

На следующий день по причинам, которые Керанс полностью осознал много позже, исчез лейтенант Хардман.

После глубокого ночного сна Роберт встал рано и позавтракал около семи утра. Затем он провел около часа, откинувшись на балконе в удобном пляжном кресле и подставив свое стройное бронзовое тело лучам утреннего солнца, заливающего темную поверхность воды. Небо над головой опять было ярким, черная чаша лагуны по контрасту выглядела необычно глубокой и неподвижной, как огромный колодец, полный янтаря. Поросшие растениями здания, возвышавшиеся по краям лагуны, казались необыкновенно древними, вырвавшимися из темных глубин благодаря какой-то страшной катастрофе, законсервированные на огромные промежутки времени, пролетевшие с момента их появления.

Перестав поворачивать в пальцах медный компас, сверкающий в полутьме комнаты, Керанс прошел в спальню и надел тренировочный костюм цвета хаки. Он только вызвал бы подозрения Ригтса, если бы стал прогуливаться в пляжном ансамбле, украшенном эмблемой отеля Риц.

Хотя Керанс и думал о возможности остаться здесь после

ухода отряда, он чувствовал себя неспособным постоянно сохранять осторожность. Кроме запасов горючего и пищи, которые в последние шесть месяцев полностью зависели от щедрости полковника Риггса, он нуждался в бесчисленном количестве различных вещей и деталей оборудования, начиная от умывальника и кончая проводкой для электроосвещения в комнатах. Как только база с ее складами исчезнет, на него навалится масса мелких неприятностей, связанных с бесконечными неполадками в оборудовании, и поблизости не будет техников, готовых устраниить их.

Для удобства работников склада и для того, чтобы избавить себя от необходимости ходить на базу и обратно, Керанс держал в отеле месячный запас консервированных продуктов, которые, в основном, представляли собой сгущенное молоко и сушеное мясо, фактически несъедобное без добавки деликатесов, хранившихся в глубоком холоде у Беатрисы. У нее имелся вместительный ящик с паштетом, филе миньон и другими приправами, но их хватило бы только на три месяца. После этого им придется ограничить свое меню супом из водорослей и мясом игуан.

Топливо составляло более серьезную проблему. Резервуары дизельного горючего в отеле Риц содержали немногим более пятисот галлонов, и этого хватило бы для работы кондиционеров в течение нескольких месяцев. Отказавшись от нескольких комнат, перестав использовать моторную лодку и подняв среднюю температуру в помещениях до девяноста градусов, он мог бы вдвое увеличить этот срок, но когда запасы горючего окончательно иссякнут, шансы восстановить их будут ничтожными. Все резервуары и тайники в заброшенных зданиях вокруг лагун были давно уже опустошены волной беженцев, в течение тридцати лет перебравшихся к северу на моторных лодках и кораблях. Правда,

на катамаране находился резервуар еще с тремя галлонами, но этого было достаточно лишь для тридцатимильного путешествия или для того, чтобы ежедневно ездить к Беатрисе в течение месяца.

Однако по каким-то причинам этот перевернутый подвиг Робинзона Крузо — пребывание в необитаемом районе без корабля, полного запасов и инструментов и потерпевшего крушение на рифах, мало беспокоил Керанса. Покидая отель, он, как обычно, оставил термостат на уровне двадцати шести градусов, хотя и сознавал, что топливо будет тратиться впустую; он не хотел даже минимально принимать во внимание опасности, которые будут подстерегать его после ухода Ригтса. Вначале он решил, что это означает уверенность в том, что здравый смысл все равно победит, однако позже, гребя по спокойной маслянистой поверхности к выходу в следующую лагуну, он сообразил, что это его равнодушие является следствием решения остаться. Используя символический язык схемы Бодкина, можно было сказать, что он отказывается от тех необходимых условий жизни, которые выработало время цивилизации, погружаясь в прошлое, в необозримые дали времен, где каждый временной промежуток означает целую геологическую эпоху. Здесь минимальным промежутком времени становится миллион лет, и нормальное питание, равно как и одежда, столь же неуместны, как и для буддиста, погрузившегося в созерцание лотоса перед чашкой риса под покровом миллионоглавой кобры вечности.

Войдя в третью лагуну и отводя веслом десятифутовые стреловидные листья хвоющей, преграждавшие ему путь, Керанс без особого волнения наблюдал, как отряд под руководством сержанта Макреди поднял якорь экспериментальной станции и медленно буксирует ее к базе. Промежуток

между корпусами сокращался, а Керанс спокойно и равнодушно смотрел на это, стоя на корме своего катамарана.

Чтобы не привлечь внимания шумом мотора, он укрылся под навесом гигантских листьев папоротника и медленно греб вдоль периметра лагуны к отелю Беатрисы. Внезапно взревел двигатель вертолета, будто натолкнувшись на препятствие, волны, поднятые корпусом станции, достигли катамарана и принялись шлепать в его правый борт. Крейсер Беатрисы жалобно заскрипел. Его штурманская рубка была наполовину затоплена, а корма под тяжестью двух больших дизелей Крайслера опустилась до уровня воды. Раньше или позже прилив сорвет крейсер с якоря и отправит его на глубину в пятьдесят футов, на одну из затопленных улиц.

Когда он вышел из лифта, дворик возле бассейна был пуст, пустые стаканы, оставшиеся от предыдущего вечера, стояли на подносе между опрокинутых кресел. Солнце начало освещать помещение, стали видны желтые морские коньки и голубые трезубцы, выложенные на полу. Несколько летучих мышей висели в тени водосточного желоба над окном спальни Беатрисы, но когда Керанс подошел, они улетели, как вампиры, улетающие при свете дня.

Через стекло Керанс уловил движение девушки, через пять минут она вышла в дальний конец дворика, закутавшись в большое черное полотенце. Хотя частично ее скрывала тень, она казалась усталой и удрученной. Увидев Керанса, она приветствовала его взмахом руки. Вернувшись в комнату и опираясь локтями о бар, она приготовила себе напиток, посмотрела слепо на картины Дельво и ушла в спальню.

Поскольку она не торопилась выйти вновь, Керанс отправился на поиски. Толкнув стеклянную дверь, он почувствовал, как ему в лицо ударила волна горячего воздуха.

Очевидно, как это уже случалось несколько раз за последние месяцы, испортился термостат, температура немедленно начала повышаться, чем в какой-то мере объяснялась летаргия и апатия Беатрисы.

Когда Роберт вошел, она сидела на кровати, держа бокал с виски на коленях. Жаркий воздух комнаты напомнил Керансу каюту Хардмана во время эксперимента, проводившегося Бодкиным над пилотом. Поэтому он подошел к термостату и передвинул стрелку с семидесяти до шестидесяти градусов.

— Он вновь вышел из строя, — равнодушно сказала Беатриса. — Генератор не работает.

Керанс попытался отобрать у нее стакан с виски, но она отвела его руку.

— Оставьте меня, Роберт, — сказала она усталым голосом. — Да, я неряшливая пьяная женщина, но последнюю ночь я провела в марсианских джунглях, и у меня нет сил выслушивать лекцию.

Керанс внимательно посмотрел на нее, улыбнувшись болезненной и отчаянной улыбкой:

— Посмотрю, нельзя ли починить кондиционер. Спальня пахнет так, будто вы ночевали с целым батальоном солдат. Примите душ, Беа, и постарайтесь взять себя в руки. Ригтс уходит завтра, и мы должны кое о чем позаботиться. Что за кошмары вас преследуют?

Девушка пожала плечами:

— Джунгли, Роберт, — неопределенно пробормотала она. — Вновь изучаю азбуку. Этой ночью я была в джунглях на берегу реки. — Она слабо улыбнулась ему, затем добавила с оттенком зловещего юмора. — Не глядите так строго, скоро и у вас будут такие же сны.

— Надеюсь, нет. — Керанс с неприязнью смотрел, как

она подносит стакан к губам. — Уберите питье. Может, виски на завтрак и древний шотландский обычай, но это самоубийство.

Беатриса улыбнулась:

— Знаю. Алкоголь убивает медленно, но я ведь не тороплюсь. Идите, Роберт.

Керанс встал и отправился по лестнице в кухню этажом ниже, где он отыскал факел и ящик с инструментами и начал ремонтировать генератор.

Полчаса спустя, когда он вернулся во дворик, девушка уже наполовину очнулась от апатии и тщательно красила ногти синим лаком.

— Привет, Роберт, у вас теперь настроение лучше?

Керанс уселся на кафельный пол, стирая последние остатки смазки с рук. Он шутливо стукнул Беатрису по ноге и проворно увернулся от ее пятки.

— Я исправил генератор, к счастью, поломка оказалась незначительной, и теперь у вас не будет беспокойства.

Он хотел еще что-то сказать, но тут со стороны лагуны послышался громогласный оклик. С базы доносились звуки внезапного чрезвычайного оживления: тарахтели запускаемые двигатели, визжали шлюпбалки под тяжестью двух запасных моторных лодок, опускаемых в воду, слышались многочисленные возгласы и топот ног.

Керанс встал и подошел к перилам на краю бассейна.

— Неужели они решили уйти сегодня? Может, Ригтс решил застать нас врасплох?

Стоя рядом с Беатрисой, по-прежнему кутавшейся в полотенце, он посмотрел в сторону базы. Казалось, по тревоге вызвали всех членов отряда, катер и две моторные лодки готовились к отплытию у причала. Медленно вращались лопасти винта вертолета, в который садились Ригтс и

Макреди. Остальные выстроились на причале, ожидая своей очереди садиться в корабли. Даже Бодкина вытащили из его каюты, и он, с голой грудью, стоял у борта экспериментальной станции и что-то кричал Риггсу.

Вдруг Макреди заметил Керанса у балконных перил. Он сказал что-то Риггсу, тот схватил мощный мегафон и подошел к краю крыши.

— КЕ-РАНС! ДОК-ТОР КЕР-РАНС!!!

Обрывки фраз катились по крышам, отдаваясь эхом в разбитых окнах. Роберт приставил руки к ушам, стараясь понять, что кричит Риггс, но все поглотил рев мотора вертолета. Риггс и Макреди забрались в кабину, и пилот начал передавать Керансу сигналы через ветровое стекло кабины.

Биолог прочел сообщение, переданное азбукой Морзе, отошел от перил и быстро направился к своей лодке.

— Они подберут меня здесь, — сказал он Беатрисе. А вертолет в это время взлетел и по диагонали начал пересекать лагуну. — Лучше оденьтесь. Ветер от винта сорвет с вас это полотенце, как папиросную бумагу. Риггс будет очень торопиться.

Девушка помогла ему свернуть навес над двориком и ушла в комнаты, когда мелькающие тени от винта вертолета заплясали на его стенах. Уходя, она бросила через плечо:

— Но что случилось, Роберт? Почему Риггс так возбужден?

Керанс, прикрывая уши от рева и всматриваясь в зеленую лагуну, почувствовал, как его охватило внезапное беспокойство.

— Он не возбужден, он просто встревожен. Вокруг него все начинает рушиться. Исчез лейтенант Хардман.

Джунгли, как огромная разлагающаяся язва, простирались под открытым люком вертолета. Гигантские рощи

водорослей поднимались с крыш затонувших зданий, густо покрывая белые прямоугольники. Тут и там из болота выступали остатки старых крепостных стен, воздвигавшихся, чтобы остановить напор воды; временные причалы все еще плавали у полуразрушенных зданий контор и учреждений, покрытые акациями и цветущим тамариском. Узкие проливы, которые перебросившаяся с одного берега лагуны на другой растительность превратила в туннели шириной шесть сотен ярдов каждый, вели из больших центральных лагун к периферии. Эти каналы обозначали прежние границы пригородов. Везде вздымались горы ила, накапливавшегося у железнодорожных насыпей или у официальных зданий и просачивавшегося сквозь затонувшие арки, как из гигантской клоаки. Большинство маленьких озер им уже заполнилось, желтые диски плесени и грибов покрывали поверхность тины, а поверх плесени вздымалась обильная поросьль растений — обнесенный стенной сад безумного рая.

... Крепко привязанный к борту вертолета нейлоновым шнуром, охватывавшим его талию и плечи, Керанс смотрел вниз, следя по водным путям, шедшим из центральной лагуны. Пятью сотнями футов ниже тень вертолета скользила по пестрой зеленой поверхности воды, и он сосредоточил внимание на местности рядом с тенью. Потрясающее изобилие животной жизни заполняло протоки и каналы: водяные змеи скользили среди погруженных в воду бамбуковых стволов, колонии летучих мышей вылетали из зеленых туннелей, как переносимые ветром облака сажи, в темных углах неподвижно, как каменные сфинксы, сидели игуаны. Часто, как бы услышав шум вертолета, среди полузатопленных окон появлялась человеческая фигура, но затем оказывалось, что это крокодил, подживающий добычу,

или один конец затонувшего ствола, высывающийся из рощи папоротников.

На расстоянии двадцати миль горизонт все еще был закрыт утренним туманом, огромные завесы золотого пара свешивались с неба, как полупрозрачные покрывала, но воздух над городом был настолько чистым и ясным, что выхлопные газы вертолета на расстоянии казались странной волнистой надписью. По мере того как они удалялись от центральной лагуны по спирали, Керанс перестал смотреть вниз и загляделся на эту загадочную надпись, оставленную вертолетом.

Ему стало ясно, что шансы обнаружить Хардмана с воздуха — ничтожно малы. Если он не укрылся в одном из зданий рядом с базой, он мог избрать любой из водных путей, а там имелся максимум возможностей спрятаться от наблюдений с воздуха под огромным папоротником.

В кормовом люке продолжали свою вахту Ригтс и Макреди. Без своей фуражки, с развевающимися тонкими песчаного цвета волосами, Ригтс выглядел, как взъерошенный рассерженный воробей, ловящий раскрытым ртом воздух.

Он заметил, что Керанс стал смотреть в небо, и крикнул:

— Ищите его, доктор! Не теряйте зря времени, секрет успешных поисков — в концентрации внимания.

Получив замечание, Роберт вновь принялсяглядыватьсь в джунгли внизу. Исчезновение Хардмана обнаружили служители лазарета в восемь часов утра, но постель его была холодна и покинута, несомненно, вечером, вероятно, вскоре после вечернего осмотра в девять тридцать. Ни одна из маленьких лодок, причаленных у базы, не исчезла, но Хардман легко мог связать вместе несколько пустых бочек от горючего, нагроможденных кучей на палубе С, и тихо спустить их в воду. Такой плот, несмотря на свою неказистость, легко

плавал и мог до рассвета унести его за десять миль, таким образом, район поисков составлял около семидесяти пяти квадратных миль, каждый акр которых был покрыт полуза-тонувшими зданиями.

Так как Керанс не смог поговорить с Бодкиным перед тем, как того приняли на борт самолета, он мог лишь догадываться о причинах, заставивших Хардмана оставить базу. Он не знал, была ли это часть ранее готовившегося плана или поступок Хардмана был ответом на внезапное сообщение о том, что отряд через два дня уходит. Первоначальное возбуждение Керанса исчезло, он испытывал странное чувство облегчения, как будто одна из цепей, связывающих его с базой, порвалась с исчезновением Хардмана. Однако теперь оставаться в джунглях после ухода отряда будет еще труднее.

Освободившись от привязи, Риггс встал с жестом раздражения и протянул бинокль одному из солдат, скорчившихся на полу в кабине.

— Открытый поиск на территории такого типа — напрасная трата времени, — крикнул он Керансу. — Мы приземлимся где-нибудь и внимательно изучим карту, а вы поможете нам своими знаниями психологии Хардмана.

Теперь они находились в десяти милях к северо-западу от центральной лагуны, окружающие ее башни по-прежнему виднелись сквозь туман на горизонте. В пяти милях от них, непосредственно между ними и базой, они заметили одну из моторных лодок, курсировавших по открытому каналу, за которой вился белый след, рассекавший поверхность воды. В эту область проникло сравнительно мало ила, так как путь ему преграждали многочисленные здания юга города, рас-тительность тут была реже, и среди зданий виднелось много участков открытой воды. Тем не менее зона эта оставалась пустой и ненаселенной, и Керанс почувствовал, хотяника-

ких реальных доказательств у него не было, что Хардмана в этом северо-западном секторе они не найдут.

Риггс взобрался в кабину летчика, и через мгновение скорость и направление полета изменились. Они начали пологий спуск, пока не оказались в ста футах от воды, и понеслись над нею в поисках подходящей для посадки крыши. В конце концов они обнаружили полу затонувшее здание кинотеатра и медленно опустились на квадратную крышу над неоассирийским портиком.

Несколько минут они разминали ноги, вглядываясь в поверхность сине-зеленой воды. Ближайшим строением от них было изолированное правительственные здание в двухстах ярдах, и открывшаяся перспектива напомнила Керансу Геродотово описание Египта во время наводнения, с его окружеными валами городами, подобными островам Эгейского моря.

Риггс развернул свою карту и расстелил ее на полу у входа в кабину. Локтем упираясь в край люка, он указал пальцем их теперешнее местоположение.

— Что ж, сержант, — сказал он Дейли, — мы, кажется, на полпути к Берду. Но ничего не достигли, только порядком перегрели двигатель.

Дейли кивнул, его небольшое серьезное лицо под фибергласовым щитом шлема оставалось спокойным:

— Сэр, я думаю, единственный шанс для нас — тщательно осмотреть несколько избранных направлений. Тогда есть надежда, что мы что-то обнаружим — плот или масляное пятно.

— Согласен. Но проблема заключается в том, — Риггс стукнул по карте своей дубинкой, — где искать. Хардман, вероятно, не более чем в двух-трех милях от базы. Как вы считаете, доктор?

Керанс пожал плечами.

— Я не знаю, что двигало Хардманом, полковник. Он полностью находился на попечении доктора Бодкина. Возможно...

Он замолчал, и Дейли высказал другое предположение, привлекшее внимание Ригтса. Следующие пять минут полковник, Дейли и Макреди оживленно обсуждали возможное направление, избранное Хардманом, принимая во внимание только широкие открытые водные пути, как будто Хардман плыл на небольшом военном корабле. Керанс смотрел на воду, кружившуюся водоворотом у кинотеатра. Несколько ветвей и клубков водорослей проплыли, подгоняемые течением с севера, яркое солнце освещало раскаленную поверхность воды. Волны били в портик под ногами Керанса, создавая медленное биение в его мозгу, постепенно погружая его в равнодушное созерцание. Он следил, как небольшие волны безуспешно пытаются докатиться до крыши, и ему хотелось расстаться с полковником и направиться прямо вниз и раствориться в своих бредовых видениях, которые сопровождают его, подобно птицам, погружаться в светящуюся, темно-зеленую, извивающуюся воду.

Внезапно, без тени сомнения, он понял, где следует искастить Хардмана.

Он подождал, пока Дейли договорит:

— ...Я знаю лейтенанта Хардмана, сэр, налетал с ним около пяти тысяч часов, у него случались припадки душевного смятения. Он хотел вернуться в Берд и не смог ждать даже двух дней. Он направился на север и сейчас отдыхает где-нибудь в открытом канале недалеко от города.

Ригтс с сомнением кивнул, не убежденный, но готовый принять совет сержанта за неимением другого.

— Может, вы и правы. Можно попытаться. А как вы считаете, Керанс?

Роберт покачал головой.

— Полковник, искать к северу от города — напрасная трата времени. Хардмана тут нет, здесь слишком открытое и изолированное место. Я не знаю, пошел ли он пешком или поплыл на плоту, но он определенно направился не на север: Берд — последнее место на Земле, где бы он хотел оказаться. Есть лишь одно направление, в котором следует искать лейтенанта, — юг. — Керанс указал на соединение нескольких каналов, ведших из центральной лагуны. Там, в трех милях к югу, начинался за грудами ила большой канал. — Хардман где-то там. Вероятно, поиски главного канала заняли у него всю ночь, и я уверен, что сейчас он отдыхает в одном из небольших заливов, прежде чем двинуться дальше вечером.

Он замолчал, и Ригтс уставился на карту, с сосредоточенным видом надвинув на глаза свою фуражку.

Ригтс посмотрел на Керанса:

— Сержант Дейли прав, доктор. Зачем Хардману направляться на юг?

Вновь глядя на воду, Керанс ровным голосом ответил:

— Полковник, любое другое направление исключено.

Ригтс задумался, затем взглянул на Макреди, подошедшего к Керансу: высокая сутулая фигура сержанта, подобно ворону, возвышалась над водой. Макреди незаметно кивнул Ригтсу, отвечая на невысказанный вопрос. Даже Дейли сделал шаг к кабине вертолета, как бы признавая правоту Керанса, считая, что только биолог может понять причины поступков Хардмана.

Через три минуты вертолет на полной скорости полетел к южным лагунам.

Как и предсказал Керанс, они нашли Хардмана там среди илистых отмелей.

Опустившись до трехсот футов над водой, они принялись

тщательно осматривать участок большого канала в пять миль длиной. Огромные груды ила поднимались над поверхностью, как спины гигантских кашалотов. Там, где гидродинамические очертания канала выравнивали илистые берега в плавную кривую линию, джунгли спускались с крыш и укоренялись в грязи, превращая подвижный ил в неподвижную почву. Из люка Керанс стал осматривать прежде всего узкие берега под покровом папоротников, отыскивая признаки замаскированного плота или самодельной хижины.

Через двадцать минут Ригтс с унылым видом отвернулся от отверстия на полу вертолета.

— Возможно, вы правы, Роберт, но это безнадежное занятие. Хардман не дурак, и если он захочет спрятаться, мы никогда не найдем его. Даже если он высунется из окна любого дома и станет махать нам, десять к одному, что мы его не заметим.

Керанс что-то пробормотал в ответ, глядя вниз. Он смотрел на полукруглое здание, стоявшее на углу главного канала и небольшого протока, скрывавшегося в джунглях. Верхние восемь или девять этажей его возвышались над водой, окруженные низкой насыпью грязно-коричневого ила, на поверхности которого разлилось множество мелких луж. Два часа назад отмель представляла собой широкую полосу влажной грязи, но в десять часов, когда над ней пролетел вертолет, грязь начала высыхать и затвердевать. Керансу, прикрывавшему глаза от яркого света, показалось, что на поверхности отмели тянутся на расстоянии в шесть футов друг от друга две полосы, направляясь к балкону полукруглого здания. Когда они подлетели ближе, Керанс постарался заглянуть под бетонную плиту балкона, но она была закрыта мусором и гниющими стволами растений.

Он притронулся к руке Ригтса и указал ему на полосы,

тот был так занят их созерцанием, что не заметил между ними отчетливых следов, несомненно, принадлежавших сильному человеку, который тянул за собой тяжелый груз.

Когда гул вертолета стих, Ригтс и Макреди вышли из него, подошли к балкону, наклонились и начали осматривать грубый катамаран, спрятанный среди мусора. Он был изготовлен из двух пустых бочек, привязанных к углам рамы от кровати, и его корпус покрывал влажный ил. Следы ног Хардмана вели от этого плита к балкону и скрывались в коридоре.

— Это, несомненно, он. Согласны, сержант? — решил Ригтс, выступая вперед, на солнечный свет, и рассматривая полукруглое здание. На самом деле полукруглая вершина принадлежала целому комплексу зданий, связанных между собой переходами и лестницами. Большинство окон в них было разбито, облицовка кафельных плит кремового цвета покрыта плесенью, а весь комплекс выглядел, как кусок перезрелого сыра камамбера.

Макреди наклонился над одной из бочек, расчистил от грязи и прочел бирку с кодовым обозначением:

— «22-Н-549» — это наш номер, сэр. Бочки мы опустошили вчера, нагромоздили их на палубе С. А раму он прихватил в лазарете вечером.

— Отлично. — Потирая руки с довольным видом Ригтс подошел к Керансу и улыбнулся. Его самоуверенность и хорошее настроение полностью восстановились. — Отлично, Роберт. Верх диагностического мастерства, вы, конечно, были совершенно правы. — Он проницательно взглянул на Керанса, как бы размышляя над источниками осведомленности доктора. — Не унывайте, Хардман поблагодарит вас, когда мы отыщем его.

Роберт стоял на краю балкона, под ним тянулся склон

высыхающего ила. Он смотрел на окна, размышляя, в какой из тысяч комнат нашел себе убежище Хардман.

— Надеюсь, вы правы. Но надо еще отыскать его.

— Не волнуйтесь, отыщем. — Риггс крикнул двум солдатам, помогавшим Дейли укреплять на крыше вертолет:

— Уилсон, займитесь поисками в юго-западном корпусе, Колдуэлл, вы направитесь на север. Будьте внимательны, он может попробовать улизнуть.

Подчиненные отсалютовали и двинулись, держа наготове карабины. Макреди взял в руки ружье Томпсона, а Риггс расстегнул кобуру своего пистолета.

Керанс удивился:

— Полковник, мы ведь выслеживаем недискую собаку.

Риггс отмахнулся.

— Спокойно, Роберт, просто я не хочу, чтобы мне откусил ногу крокодил. К тому же, если хотите знать, — тут он послал Роберту ослепительную улыбку, — Хардман прихватил с собой кольт сорок пятого калибра.

Оставив биолога переваривать это сообщение, он поднес к губам мегафон.

— ХАРДМАН!! ЭТО ПОЛКОВНИК РИГГС!! — Он бросил имя своего сотрудника в молчаний зной и, взглянув на Керанса, добавил: — ДОКТОР КЕРАНС ХОЧЕТ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ, ЛЕЙТЕНАНТ!!

Сфокусированные полукругом зданий, его слова эхом полетели над болотами и протоками, отдаваясь вдали. Вокруг них все сверкало в невыносимом зное, и люди на крыше мучались от жары. Тяжелое зловоние поднималось от полей ила, корона из миллионов насекомых пульсировала и голодно жужжала над ними, и внезапно Керанс почувствовал приступ тошноты, вызвавший у него головокружение. Сжав голову, он прислонился к столу, слушая, как вокруг откли-

кается эхо. В четырехстах ярдах из растительности выступали две башни с белыми циферблатами часов, и звуки его имени — Керанс... Керанс... Керанс... отразившиеся от башен, показались Роберту криками ужаса и отчаяния. Сейчас бессмысленное расположение часовых стрелок интересовало его много больше, чем все окружающее.

Эхо еще слабо отдавалось в ушах Керанса, когда они начали осмотр здания. Он занимал позицию в центре каждого коридора и лестницы, в то время как Ригтс и Макреди осматривали прилегающие помещения, сохраняя бдительность и настороженность, пробираясь среди разбитых кафельных инкрустаций, от одной анкерной балки к другой. Большая часть штукатурки отстала от стен и лежала серыми кучами вдоль плинтусов. Там, где проникало солнце, стенная дранка была покрыта вьющимися растениями или мхом, так что теперь истинная структура здания, казалось, выявлялась только посредством обильной растительности, прорывающейся в каждый коридор и в каждую комнату.

Сквозь щели пола поднимался запах грязной воды, проникавший через разбитые нижние окна. Потревоженные впервые за много лет летучие мыши срывались с наклонившихся перил и в панике летели к окнам, с криками испуга и боли исчезая в бриллиантовом сиянии солнца. Ящерицы скользили сквозь щели в полу и ползали по сухим бассейнам и ваннам.

Обостренное жарой, нетерпение Ригтса все возрастало по мере того, как они взирались все выше и никого не обнаруживали. И вот они уже под крышей.

— Ну, где же он? — Ригтс, прислонившись к перилам, жестом разрешил всем отдохнуть и вслушался в молчание здания, тяжело дыша сквозь зубы. — Отдых в течение пяти минут, сержант. Будьте внимательны. Он где-то поблизости.

Макреди повесил ружье Томпсона через плечо и взобрался на следующую лестничную площадку, где дул слабый ветерок. Керанс прислонился к стене, пот стекал у него по спине и шее, в висках глухо стучало от напряжения. Было одиннадцать тридцать, температура снаружи достигала ста двадцати градусов. Керанс смотрел на сверкающее розовое лицо Ригтса, восхищаясь самообладанием и выдержанкой полковника.

— Не смотрите так снисходительно, Роберт. Я знаю, что потею, как свинья, но я гораздо меньше вас отдыхал сегодня ночью.

Они с вызовом глядели друг на друга, каждый опасаясь конфликта, и биолог, стараясь смягчить напряженность, примирительно произнес:

— Теперь мы его обязательно найдем, полковник.

Желая посидеть, он немного спустился по коридору и открыл первую попавшуюся дверь.

От его толчка дверь рухнула, превратившись в груду мусора; перешагнув через нее, Керанс подошел к широкому французскому окну, выходившему на балкон, и предоставил ветерку обдувать его лицо и грудь, пристально рассматривая в это время джунгли внизу. Мыс, на котором находился полукруг здания, представлял собой невысокий холм, и некоторое количество зданий, расположенных по ту сторону отмели, совсем не затапливались водой. Керанс вглядывался в две часовые башни, возвышавшиеся, как обелиски, над зарослями папоротника. Желтый воздух полудня, казалось, душил все, как полупрозрачное одеяло сковывал движение растительности — лишь изредка слегка поворачивался какой-нибудь сук, и тут же вспыхивали миллионы пятен света. Портик и фасад с колоннадой в классическом стиле, различные под часовыми башнями, свидетельствовали о том, что

ранее тут находился муниципальный центр. На одном из циферблотов отсутствовали стрелки, другой, волею случая, показывал точное время — одиннадцать тридцать пять. Керанс призадумался, были ли эти часы на самом деле неисправны; может, их обслуживал какой-то безумный отшельник, цеплявшийся за последние остатки здравого смысла; впрочем, если механизм действительно работает, в роли этого отшельника вполне мог бы выступить Ригтс. Несколько раз, когда они покидали затонувшие города, он заводил заряжавший двухтонный механизм башенных часов, и они отплывали под звуки последнего перезвона колоколов. В последующие ночи Керанс обычно видел во сне полковника, одетого в костюм Вильгельма Телля, который шагал по местности, напоминающей картины Даля, и сажал в расплавленный песок растекающиеся, гнувшиеся солнечные часы.

Керанс перегнулся через окно, глядя на часы и ожидая, когда сдвинется минутная стрелка. А может, стрелки были неподвижны (ведь и остановившиеся часы дважды в сутки показывают правильное время)?

Размышления Керанса приняли другое направление, когда он заметил за грудой развалин небольшое кладбище; верхушки надгробий торчали из воды, как группа купальщиков. Он вспомнил один страшный погост, над которым они как-то проплывали: богато украшенные надгробия треснули и раскололись, и между ними плавали трупы в своих распустившихся саванах, будто шла зловещая репетиция судного дня.

Отведя глаза, он отернулся от окна и внезапно заметил, что у противоположной двери неподвижно стоит высокий чернобородый человек. Керанс взглянул на него, сожалея, что он так внезапно прервал его размышления. Тот стоял, сутулясь, и его тяжелые руки свободно свисали по сторонам.

Кора засохшей грязи покрывала его грудь и лоб, башмаки и брюки тоже были измазаны; на мгновение Керанс вдруг вспомнил воскресшие трупы. Заросшее лицо мужчины было опущено. Впечатление скованности и усталости усиливалось тем, что его форменная голубая куртка медицинского служителя из грубой бумажной ткани была на несколько размеров меньше, чем требовалось, капральские нашивки на куртке морщились от его движений. Он глядел на Керанса с угрюмой отчужденностью.

Роберт подождал, пока глаза его свыкнутся с полутьмой комнаты, непроизвольно глядя на вход, через который бородатый человек проник в помещение. Он протянул приветствуя руку, опасаясь разрушить чары, державшие его в неподвижности, своему лицу он постарался придать выражение понимающего сочувствия.

— Хардман! — прошептал Керанс.

Как от электрического удара, лейтенант внезапно прыгнул к Керансу, сразу преодолев половину разделявшего их расстояния, затем сделал ложный выпад, и прежде, чем Керанс вновь обрел равновесие, беглец проскочил мимо него к окну, перебрался на балкон и перелез через перила.

— Хардман! — окликнул его один из людей на крыше, поднимая тревогу. Керанс подошел к окну. Хардман, как акробат, спускался по водосточной трубе на балкон этажом ниже. Ригтс и Макреди вбежали в комнату. Придерживая фуражку, полковник перегнулся через перила, глядя, как Хардман исчезает в помещениях нижнего этажа.

— Молодец, Керанс, мы почти схватили его! — Вдвоем преследователи выбежали в коридор, направились вниз по лестнице и увидели, что четырьмя этажами ниже спускается Хардман, одним прыжком перелетая с одной лестничной площадки на другую.

Когда они достигли нижнего этажа, Хардман опережал их на тридцать секунд, с крыши доносились возбужденные возгласы. Но Ригтс неподвижно застыл на последнем балконе.

— Боже, он пытается перетащить свой плот в воду!

В тридцати ярдах от них Хардман тащил свой катамаран по илистой отмели, перебросив через плечо буксирную веревку, которую тянул с демонической силой.

Ригтс застегнул свою кобуру и печально покачал головой. До воды оставалось всего около пятидесяти ярдов, когда Хардман бессильно упал на колени, погрузившись во влажный ил и забыв о людях, наблюдающих за ним с крыши. Он отбросил буксирную веревку и схватил обеими руками кроватную раму, пытаясь тащить ее дальше. От напряжения голубая куртка лопнула у него на спине.

Ригтс жестом приказал Уилсону и Колдуэллу спуститься с крыши. — Бедняга, он совсем спятил! Доктор, вы ближе всех к нему, попробуйте его утихомирить.

Они осторожно приблизились к беглецу. Их было пятеро: Ригтс, Макреди, двое солдат и Керанс. Они медленно пробирались по корке ила, прикрывая глаза от яркого солнечного света. Как раненый бизон, Хардман продолжал тащить плот в десяти ярдах от них. Роберт жестом приказал остальным остановиться и двинулся вперед вместе с Уилсоном, светловолосым юношей, который был ординарцем лейтенанта. Размышая, с чего бы начать разговор с Хардманом, Керанс откашлялся, прочищая горло.

Внезапно с крыши донесся звук запускаемого вертолета, нарушивший тишину. Шедший в нескольких шагах за Уилсоном Керанс остановился, глядя, как Ригтс в гневе смотрит на вертолет. Решив, что их миссия подходит к концу, Дейли включил мотор, и лопасти винта начали медленно раскручиваться в воздухе.

Прекратив свои попытки дотащить катамаран до воды, Хардман поднял голову, осмотрел окруживших его людей и припал к земле. Уилсон продолжал осторожно продвигаться вперед, идя по краю илистой отмели, он отрезал Хардмана от воды. Его карабин был поднят. Вдруг он провалился по пояс, и, прежде чем Керанс смог его поддержать, Хардман выхватил свой кольт и выстрелил. Пламя из ствола вонзилось в раскаленный воздух; с коротким криком Уилсон упал на свой карабин и повернулся, зажав окровавленный локоть, а его фуражка слетела с головы и покатилась по илу.

Преследователи начали отступать по склону, а лейтенант сунул револьвер за пояс, повернулся и побежал по краю отмели к зданиям, возвышающимся среди джунглей.

Сопровождаемые усиливающимся ревом вертолета, они последовали за беглецом, тогда как Риггс и Керанс помогли раненому Уилсону и вместе с ним бросились в погоню, спотыкаясь в рытвинах, оставленных шедшими впереди. На краю илистой отмели начинались джунгли. Как огромный зеленый утес, ярус за ярусом возвышались папоротники, под ними расстипался мох. Без малейшего колебания Хардман нырнул в узкий проход между древними булыжниковыми стенами и исчез в этом проходе, следовавшие за ним Макреди и Колдуэлл отставали на двадцать ярдов.

— Не упустите его, сержант! — закричал Риггс, когда Макреди заколебался, не решаясь углубляться в проход. — Мы сейчас его схватим, он начал уставать. — Обращаясь к Керансу, он добавил, — Боже, что творится! — Он указал на высокую фигуру Хардмана, с трудом продвигавшегося вперед среди густой растительности. — Что нам с ним делать? Он совсем ничего не воспринимает.

Уилсон вполне мог идти без посторонней помощи, Керанс оставил его и побежал вперед.

— Все будет в порядке, полковник. Я постараюсь поговорить с Хардманом, может, мне удастся убедить его.

Проход закончился, и они оказались на небольшой площади, где группа муниципальных зданий девятнадцатого века стояла напротив богато украшенного фонтана. Дикие орхидеи и магнолии обивали серые ионические колонны старого здания суда, миниатюрного лжепарфенона с тяжелым скульптурным портиком, хотя это место существовало много десятилетий, мостовая у фонтана осталась почти не тронутой. Рядом со зданием суда, обращенное к часовым башням, находилось другое сооружение с колоннадой — библиотека или музей. Его белые колонны сверкали на солнце, как ряд побелевших костей.

Наступил полдень, солнце залило площадь жестким светом. Хардман остановился и неопределенно посмотрел на следовавших за ним людей, затем по лестнице поднялся в здание суда. Сигнализируя Керансу и Колдуэллу, Макреди попытился среди статуй площади и занял позицию у фонтана.

— Доктор, идти туда слишком опасно! Он может не узнать вас. Подождем, пока усилившаяся жара не лишит его возможности двигаться. Доктор...

Керанс не обратил внимания на его слова. Он медленно продвигался вперед по треснувшим плитам, ладонями прикрывая глаза, и, наконец, неуверенно поставил ногу на первую ступень лестницы. Он слышал, как где-то впереди, в тени, хрипло дышит Хардман, давясь горячим воздухом.

Наполнив площадь ревом, над ними медленно пролетел вертолет, а Ригтс и Уилсон торопливо освободили центр площади, следя, как машина развернулась и начала спускаться по сужающейся спирали. Шум и жара точно били Керанса по голове: впечатление было такое, будто его ударили сразу

тысячей дубинок; вокруг поднялись облака пыли. Вертолет начал резко спускаться, машина взревела и развернулась. Увернувшись, Керанс успел укрыться вместе с Макреди у фонтана, а вертолет скользнул над их головами. Поворачиваясь, он задел хвостовым винтом портик здания суда, в тучах мраморных осколков и пыли тяжело опустился на булыжники площади, медленно вращая поломанным хвостовым винтом. Дейли в кресле пилота наклонился над контрольным щитом, полуоглушенный ударом машины о землю, и безуспешно пытался привести в порядок свой мундир.

Вторая попытка поймать Хардмана провалилась. Они сбрались в тени у портика музея, ожидая, пока спадет жара. Освещенные ярким светом, здания напомнили Керансу меловые колоннады египетских некрополей. По мере того как солнце понималось к зениту, камни мостовой начали сверкать, создавая нестерпимый блеск. Время от времени поднимаясь, чтобы дать Уилсону немного морфия, Керанс видел остальных, лежавших в ожидании появления Хардмана и медленно обмахивавшихся своими фуражками.

Минут через десять, вскоре после полудня, он снова взглянул на площадь. Здания на противоположной стороне, за фонтаном, казалось, колебались в нагретом воздухе, временами совсем пропадая из виду. В центре площади, на краю фонтана, стояла высокая фигура человека, потоки горячего воздуха искажали ее размеры, и он выглядел великаном. Обожженное солнцем лицо и черная борода Хардмана казались белыми, обрывки его одежды сверкали на солнце, как куски золота.

Керанс привстал, ожидая, что Макреди последует за ним, но сержант, а рядом с ним и Ригтс безвольно съежились у портика, глаза их были устремлены вниз, так что, казалось, они ослепли или впали в транс.

Отойдя от фонтана, Хардман медленно двинулся через площадь, временами исчезая в потоках света. Он прошел в двадцати футах от Керанса, который стоял на коленях, одной рукой придерживая стонущего Уилсона. Обойдя вертолет, Хардман дошел до конца здания суда и покинул площадь, направляясь к илистой отмели, находящейся в ста ярдах.

Вслед за его исчезновением резко уменьшилась яркость солнечного света.

— Полковник Ригтс!

Макреди спускался по ступенькам, прикрывая глаза рукой и указывая ружьем Томпсона на отмель. Полковник, без фуражки, с опущенными плечами, усталый и раздраженный, последовал за ним.

Он удержал Макреди за локоть.

— Пусть уходит, сержант. Мы не будем задерживать его. В этом нет никакого смысла.

В двухстах ярдах от них, в полной безопасности, Хардман продолжал продвигаться вперед, жара будто не мешала ему.

Вот лейтенант достиг первого перекрестка, временами исчезая в полосах пара, поднимавшихся от ила, как густой туман. Перед ним лежали берега бесконечного внутреннего моря, сливаясь на горизонте, так что Керансу показалось, будто Хардман бредет по раскаленному пеплу к солнцу.

Следующие два часа он спокойно сидел у музея, ожидая прибытия катера, слушая раздраженное ворчание Ригтса и неуверенные оправдания Дейли. Измученный жарой, он пытался уснуть, но неожиданый звук выстрела подействовал на него, как удар сапогом. Привлеченные шумом вертолета, к ним приблизились игуаны, теперь они скрывались по углам площади, время от времени лая на людей на ступенях музея, — пришлось их отпугнуть. Их резкие голоса наполнили Керанса смутным страхом, который не оставил его даже

после прибытия катера и во время их возвращения на базу. Сидя в сравнительной прохладе под широким навесом и следя за убегающими назад зелеными берегами, Керанс все еще слышал их хриплые голоса.

На базе он отвел Уилсона в лазарет, затем отправился к доктору Бодкину и описал ему утренние события, все еще вспоминая вопли рептилий. Бодкин, к его удивлению, только кивнул в ответ и заметил: — Будьте осторожны, Роберт, скоро вы их снова услышите.

Он никак не прокомментировал бегство Хардмана.

Катамаран Керанса все еще находился на другом берегу лагуны, поэтому он решил переночевать в своей каюте на экспериментальной станции. Здесь он спокойно провел остаток дня, пытаясь погасить нервное возбуждение, размышляя о странной южной одиссее Хардмана и об илистых отмелях, сверкающих под полуденным солнцем, как расплавленное золото, одновременно отталкивающих и манящих, как утраченные и недосягаемые берега древнего рая.

5. Спуск в глубины времени

Позже, вечером, когда Керанс лег спать в своей каюте на экспериментальной станции, и темные воды лагуны заструились через затонувший город, к нему быстро пришел сон. Ему снилось, будто он вышел из каюты и пошел по палубе, глядя на черный сверкающий диск лагуны. Плотные столбы непрозрачного пара стояли над его головой, опускаясь почти до двухсот футов над поверхностью воды. Через них едва просвечивали очертания огромного круга солнца. Жара была невыносимой. Ему слышался глухой, отдален-

ный, подобный барабанному, гул. Солнце испускало тусклое сияние, пульсировавшее по всей лагуне, и на мгновения освещая известняковые скалы, которые заняли место бело-фасадных зданий, кольцом обступивших лагуну.

Отражая этот свет, глубокая чаша воды превращалась в сверкающее пятно. Множество микроскопических животных в глубине этой чаши образовывали бесконечную последовательность светящихся ореолов. Среди них извивались тысячи змей и угрей, сплетаясь в фантастические узоры, которые прорывали ровную водную поверхность.

Барабанный бой, казалось, вызываемый пульсацией огромного солнца, послышался ближе, заполнил собой все небо, густая растительность у известняковых скал внезапно раздвинулась, обнаружив черные и серые головы огромных ящеров триасовой эпохи. Неуклюже переваливаясь, они выбрались на края скал и начали реветь, шум все разрастался, пока не слился с гулом вулканических солнечных вспышек. Ощущая этот гул внутри себя, как собственный пульс, Керанс вместе с тем чувствовал и месмерическую притягательную силу ревущих ящеров, которые теперь, казалось, сливались с его собственным организмом. Вой пресмыкающихся усиливался, и Керанс чувствовал, как преграды, отделяющие его от древнего ландшафта, рушатся, и он поплыл вперед, с глухим шумом погрузившись в темную воду...

Он проснулся в душном металлическом ящике своей каюты, и его голова раскалывалась от боли, так что он даже не смог открыть глаза. Да и после того, как он сел на кровать, сполоснув теплой водой лицо, он все еще видел огромный пламенеющий диск солнца, все еще слышал биение своего собственного сердца, стук которого настолько усилился, что напоминал удары придонных скал о стальные борта подводной лодки.

Эти звуки продолжали преследовать его, когда он открыл дверь каюты и прошел по коридору в камбуз. Было еще шесть часов утра, и экспериментальную станцию заполняла глухая тишина, первые лучи рассвета освещали пыльные лабораторные столы и упаковочные корзины, грудой сваленные под веерообразными окнами в коридоре. Несколько раз Керанс останавливался, пытаясь избавиться от эха, звучавшего в его ушах, и размышлял про себя, в чем истинная причина этого страшного состояния. Его подсознание быстро превращалось в пантеон, тесно заполненный охранительными фобиями и навязчивыми идеями, населявшими его перегруженную психику, как будто он воспринимал их телепатически. Рано или поздно эти ожившие страхи выйдут наружу и начнут бороться с ним — зверь против личности.

Вдруг он припомнил, что Beатриса Далл видела тот же сон, и взял себя в руки. Он вышел на палубу и посмотрел на противоположный берег лагуны, пытаясь решить, стоит ли брать одну из лодок, пришвартованных к базе, и отправиться к девушке. Испытав на собственном опыте ночной кошмар, он понял, какую храбрость и самообладание проявила Beатриса, отказываясь от малейшего сочувствия.

Однако Керанс знал, что по каким-то причинам ему вовсе не захочется сочувствовать Beатрисе, и он никогда не будет расспрашивать ее о кошмарах и никогда не предложит ей лекарств или успокоительных средств. Не будет он вдумываться и в многочисленные замечания Ригтса и Бодкина об этих снах и об опасности для психики. Он как бы заранее знал, что вскоре сам увидит их и воспримет как неизбежный элемент жизни, как представление о собственной неизбежной смерти, которое человек хранит где-то в глубинах своего сознания.

Бодкин сидел за столом в камбузе: когда Керанс вошел,

он безмятежно прихлебывал кофе, сваренный на плите в большой треснувшей кастрюле. Он ненавязчиво, но внимательно рассматривал коллегу, пока тот усаживался в кресло, потирая лоб слегка дрожащей рукой.

— Итак, отныне и вы принадлежите к тем, кто испытывает на себе эти видения, Роберт. Вас посетили миражи лагуны. У вас усталый вид. Это был глубокий сон?

— Вы хотите испугать меня, Алан? Не могу сказать точно, но, кажется, сон был довольно глубокий. Боже, как мне хотелось бы не проводить эту ночь здесь! В Рице у меня не было никаких кошмаров. — Он задумчиво отхлебнул горячий кофе. — Так вот о чем говорил тогда Ригтс. Многие из членов отряда видят эти ужасы?

— Сам Ригтс не видит, но больше половины остальных — да. И, конечно, Беатриса Далл. Я вижу их уже почти три месяца. По существу, это все одно и то же повторяющееся сновидение. — Бодкин говорил медленным неторопливым голосом, мягко, в отличие от своей обычной резкой и грубоватой манеры, как если бы Керанс стал членом избранной группы, к которой принадлежал и сам Бодкин. — Вы держались очень долго, Роберт, и это свидетельствует о прочности фильтров вашего сознания. Мы все даже удивлялись, ожидая, когда же вы сдадитесь. — Он улыбнулся Керансу. — В переносном смысле, конечно. Я никогда не обсуждал содержание этих кошмаров с остальными. Кроме Хардмана, конечно. Бедный парень, сны полностью овладели им! — В раздумье он добавил: — Вы обратили внимание на ваш пульс? Пластинка на проигрывателе в каюте Хардмана была с записью биения его собственного сердца. Я надеялся таким образом вызвать кризис. Но не думайте, что я сознательно отправил его в эти джунгли!

Керанс кивнул и взглянул через окно на полукруглый

корпус базы, слегка покачивавшейся неподалеку. На верхней палубе у перил неподвижно застыл Дейли, пилот вертолета, пристально глядя на прохладную утреннюю воду. Возможно, он тоже только что очнулся от того же коллективного сна, и его глаза все еще видели оливково-зеленую лагуну, залитую светом огромного древнего солнца. Стоило Керансу перевести взгляд в полутьму каюты, как он вновь увидел ту же картину. В ушах его продолжали отдаваться пульсирующие звуки солнечного барабана над водой. Но теперь, пережив первый страх, он уже находил в его ритмах что-то успокаивающее, что-то ободряющее, как собственное сердцебиение, хотя огромные ящеры были все же ужасны.

Он вспомнил игуан, лающих и лениво ползающих по ступеням музея. Различие между скрытым и явным содержанием сна перестало иметь значение, так же, как и разница между действительностью и сном. Фантомы из видений не заметно перешли в реальность, воображаемый и истинный ландшафты теперь стали неразличимы, как если бы это были Хиросима и Освенцим, Голгофа и Гоморра.

Скептически подумав о лекарствах, он сказал Бодкину:

— Лучше дайте мне будильник Хардмана, Алан. Или напомните, чтобы я принял на ночь фенобарбитон

— Не нужно, — кратко ответил Бодкин. — Если только не хотите, чтобы сила впечатления удвоилась. Единственное средство, которое может поставить преграду на пути видений, это сознательный контроль. — Он застегнул на голой, без рубашки, груди свою шерстяную куртку. — Ведь это не настоящий сон, Роберт, это древняя историческая память, и возврат ее — миллионы лет. Какие уж тут барбитураты!

Врожденный механизм, прославивший в вашей цитоплазме много миллионов лет, проснулся. Повышение уровня радиации солнца и температуры воздуха влечут нас назад, к

спинному мозгу, к поясничному нерву, в древние моря, в особую область психологии — в невронику. Это всеобщий биофизический возраст. Мы на самом деле помним эти древние болота и лагуны. После нескольких ночей эти кошмары перестанут пугать вас, ужас от них поверхности. Именно поэтому Риггс и получил приказ вернуться.

— Пеликозавр?.. — уточнил Керанс.

Бодкин кивнул.

— Впрочем, они не восприняли мои слова всерьез, так как это было не первое мое сообщение.

На лестнице, ведущей к камбузу, послышались шаги. Дверь энергично распахнул полковник Риггс, гладко выбритый и позавтракавший.

Он дружелюбно махнул им дубинкой, рассматривая груду, немытой посуды и своих подчиненных, раскинувшихся в креслах.

— Боже, что это за свинарник! Доброе утро. Нам предстоит занятный день, поэтому давайте посидим и поболтаем за столом. Я назначил отъезд на завтра на двенадцать часов, так что уже к десяти утра все должно быть погружено на борт. Я не собираюсь тратить ни капли лишнего горючего, поэтому будьте аккуратны. Как вы, Роберт?

— Превосходно, — коротко, не вставая, ответил Керанс.

— Рад слышать. Выглядите вы несколько вяловато. Хорошо. Если вы хотите взять катер, чтобы привезти свои вещи из Рица...

Керанс слушал его автоматически, глядя на величественно поднимающееся солнце. Теперь их разделял тот бесспорный факт, что Риггс никогда не видел снов, не ощущал их притягательную силу. Он все еще подчинялся прежним правилам и логике, все еще жил в прежнем, потерявшем всякое значение мире, вооруженный пачкой никому не нужных инструкций,

как рабочая пчела перед возвращением в улей. Через несколько минут Керанс уже совершенно игнорировал слова полковника, прислушиваясь только к непрерывному барабанному бою в ушах, полуприкрыв глаза, так, чтобы можно было видеть сверкающую пятнистую поверхность лагуны.

Сидевший напротив него Бодкин, казалось, делал то же самое, скрестив руки на животе. Сколько раз во время их прежних бесед он в действительности был в миллионах миль отсюда?

Когда полковник направился к выходу, биолог последовал за ним.

— Конечно, полковник, все будет готово вовремя. Спасибо за напоминание.

Катер с полковником двинулся к лагуне, а Керанс вернулся в свое кресло. В течение нескольких минут двое мужчин смотрели друг на друга через стол; по мере того, как поднималось солнце, все больше насекомых начинало жужжать по ту сторону проволочной сетки. Наконец Роберт заговорил:

— Алан, я не уверен, что захочу уйти вместе со всеми.

Не отвечая, Бодкин извлек сигарету. Он зажег ее и принял спокойно курить, откинувшись в кресле.

— Знаете ли вы, где мы находимся? — спросил он после паузы. — Каково название этого города?

Когда Керанс отрицательно покачал головой, Бодкин пояснил:

— Это Лондон. Любопытно, что я здесь родился. Вчера я поплыл к старому зданию университета и нашел лабораторию, в которой работал мой отец. Мне было шесть лет, когда мы уехали отсюда. Хорошо помню, что здесь существовал планетарий, и я был в нем на одном сеансе, еще до того как вышел из строя проектор.

Его большой купол до сих пор заметен, хотя и находится в двадцати футах под водой. Он похож на огромную раковину. Интересно: когда я смотрю на купол сквозь толщину воды, мое детство кажется мне совсем близким. По правде говоря, я почти совсем забыл его — в моем возрасте и у вас будет множество воспоминаний. Когда мы уйдем отсюда, наша жизнь станет совсем кочевой, а ведь тут остается тот единственный дом, который я когда-либо знал именно как родной дом... — Он внезапно замолчал. Выглядел он бесконечно уставшим.

— Продолжайте, — спокойно предложил Керанс.

6. Затопленное судно

Два человека быстро двигались по палубе, беззвучно ступая мягкими подошвами ботинок по стальным плитам. Белое полуночное небо нависло над темной поверхностью лагуны, в нем, как спящие корабли, неподвижно стояли группы облаков. Низкие звукиочных джунглей стелились над водой: изредка бормотала обезьяна или вскрикивали что-то в своих гнездах игуаны, моментально исчезая, когда волны ударяли о склоненные борта понтона, на котором была смонтирована экспериментальная станция.

Один за другим Керанс освобождал швартовые, пользуясь тем, что качка время от времени ослабляла натянутые тросы. Когда станция начала медленно дрейфовать, он с беспокойством посмотрел на темный корпус базы. Постепенно стали видны лопасти большого винта вертолета, привязанного на ее верхней палубе, затем меньший хвостовой винт.

Керанс выжидал, прежде чем сбросить последний трос с

ржавой причальной тумбы он дождался сигнала Бодкина с верхней палубы станции.

Натяжение троса усилилось, и Керансу потребовалось несколько минут, чтобы сбросить последнюю петлю с выступа причальной тумбы; к счастью, волна, поднявшая станцию, дала ему возможность выбрать несколько дюймов слабины троса. Над собой он слышал нетерпеливый шепот Бодкина — они медленно направлялись в сторону лагуны, в которой виднелся единственный огонек — это светилось окно Беатрисы Наконец Керансу удалось сбросить последний конец — он снял его с тумбы и опустил в темную воду в трех футах под собой. Некоторое время он следил, как металлическая проволока, рассекая воду, уходит к базе

Освободившись от дополнительной тяжести, под действием веса вертолета, укрепленного не на середине палубы, огромный корпус отклонился от вертикали почти на пять градусов, затем постепенно вновь обрел равновесие. В одной из кают загорелся свет, но через несколько мгновений погас. Керанс схватил багор, лежавший рядом с ним на палубе, и принял осторожно отталкиваться. Интервал между базой и станцией постепенно увеличивался, вначале он составлял двадцать ярдов, потом пятьдесят. Низкая завеса тумана стояла над лагуной, и вскоре они уже с трудом различали место своей прежней стоянки.

Удерживая станцию от столкновения со зданиями, они быстро прошли двести ярдов. Станция раздвигала своим корпусом растительность, ветви папоротников стучали в окна. Вскоре они остановились в небольшом заливе площадью около ста квадратных футов.

Роберт перегнулся через перила, глядя сквозь темную воду на маленький кинотеатр в двадцати футах над поверхностью воды, на плоской крыше которого не было ни вы

ходов лифта, ни пожарных кранов. Помахав Бодкину, по-прежнему стоявшему на верхней палубе, Керанс прошел в лабораторию, миновал сосуды с образцами, раковины для воды и спустился вниз, к понтону.

В основании понтона имелся лишь один запорный кран, и когда Роберт с трудом отвернул его, мощная струя холодной пенящейся воды хлынула к его ногам. К тому времени, когда он поднялся в лабораторию, чтобы в последний раз осмотреть ее, вода уже достигла уровня его лодыжек и разливалась среди лабораторных столов и раковин. Керанс открыл клетку и выпустил в окно обезьяну. Станция, как лифт, медленно опускалась, и Керанс, погружаясь в воду по пояс, добрался до трапа и поднялся на верхнюю палубу, где Бодкин взвужденно смотрел на окна ближайшего здания, медленно вырисовывавшегося в тумане.

Спуск прекратился, когда верхняя палуба станции находилась в трех футах над водой, ее плоское дно легло на крышу кинотеатра, так что с борта оказалось удобно перебираться в здание. Слышно было, как внизу, под водой, булькает воздух, вырываясь из реторт и других сосудов; пенная струя поднялась из затонувшего окна лаборатории, где стоял стол с какими-то реактивами.

Керанс следил, как пятна цвета индиго рассеиваются в воде, и думал о большом полукруге таблиц и схем, скрывавшихся под водой вместе с центральным отсеком. В них были записаны результаты многолетних наблюдений за изменениями животного и растительного мира, той среды, в которую они погружались с Бодкиным. Они вступали в новую фазу существования и могли руководствоваться только несколькими кустарным образом выработанными правилами.

Роберт достал из пишущей машинки в своей каюте лист

бумаги и крепко приколол его к двери камбуза. Бодкин добавил к этому посланию свою подпись, затем они вдвоем вышли на палубу и спустили на воду катамаран Керанса.

Медленно гребя, они обогнули корпус станции, скользя по темной воде, и вскоре исчезли, скрывшись в черных тенях, в которых утопали берега лагуны.

Порывы ветра от винта морщили воду в плавательном бассейне, и чуть не срывали навес, вертолет нырял и поднимался, как бы отыскивая место для посадки. Керанс с улыбкой следил за ним сквозь пластмассовые стекла гостиной, убежденный, что груда пустых бочек от горючего, нагроможденная им и Бодкиным на крыше, убедит пилота не приземляться. Одна или две бочки скатились с крыши во дворик и с плеском упали в воду, вертолет отлетел и стал приближаться более осторожно.

Пилот, сержант Дейли, развернул вертолет таким образом, что люк на его дне оказался против окна гостиной, и в нем показалась фигура Ригтса, который был без фуражки: двое солдат удерживали его за руки, не давая вывалиться. Ригтс что-то кричал в мегафон.

Беатриса Далл подбежала к Керансу со своего наблюдательного пункта в дальнем конце гостиной, затыкая уши, чтобы не слышать рева двигателя.

— Роберт, он старается что-то сказать нам.

Керанс кивнул, но голос полковника совершенно заглушился шумом винтов вертолета. Ригтс кончил, машина поднялась и полетела над лагуной, унеся с собой шум и вибрацию.

Керанс обнял Беатрису за плечи, ощущив под пальцами ее гладкую кожу.

— Что ж, я догадываюсь, что он хотел нам сказать.

Они прошли во дворик и помахали Бодкину, который,

выйдя из лифта, принял укреплять груду бочек. Под ними, на противоположном краю лагуны, из воды выступала верхняя палуба затопленной испытательной станции, вокруг которой кружились в водовороте сотни блокнотных листов. Стоя у перил, Керанс указал на желтый корпус базы, прившартованный к отелю Риц в дальнем углу третьей лагуны.

После напрасной попытки поднять затонувшую станцию, Ригтс, как и планировалось, дал приказ на отплытие в двенадцать, послав катер к дому Беатрисы, где, по его предположению, находились оба биолога. Обнаружив, что лифт не действует, его люди не рискнули подняться на двадцать этажей, где на каждой лестничной площадке их подстерегало множество игуан, устроивших тут свои гнезда. Тогда Ригтс попытался добраться до них на вертолете.

— Слава богу, он уходит, — сказала Беатриса. — Почему-то он всегда раздражал меня.

— Вы показывали это очень явно. Удивляюсь, как он вообще не приказал стрелять, увидев наше отсутствие.

— Но, дорогой мой, он на самом деле несносен. Этот всегда гладко выбритый подбородок, это ежедневное переодевание к ужину — абсолютная неспособность приспосабливаться к обстановке.

— Ригтс вполне нормален, — спокойно ответил Керанс. — Он жил так, как привык. — Теперь, когда Ригтс уходил, Керанс понял, как много держалось на жизнерадостности и выдержанке полковника. Без него моральное состояние отряда упало бы очень быстро. Это напоминало Керансу, что теперь ему самому придется заботиться о расположении духа своего маленького трио. Очевидно, лидером придется быть ему: Бодкин слишком стар, а Беатриса занята собой.

Керанс взглянул на часы с термометром, прикрепленные к запястью. Уже три тридцать, но температура все еще около

ста десяти градусов, солнце, как кулак, бьет по коже. Он с Беатрисой присоединился к Бодкину и вместе с ним прошел в гостиную.

Резюмируя итоги совещания, прерванного прилетом вертолета, Керанс сказал:

— В резервуаре на крыше у вас около тысячи галлонов топлива для кондиционера, Беа, этого достаточно на три месяца, или, скажем, на два, так как мы ожидаем, что температура повысится, и поэтому я рекомендую вам закрыть остальные помещения и жить здесь. Эта комната находится с северной стороны дворика, а надстройка на крыше защитит вас от ливней, которые начнутся вскоре. Десять к одному, что они сломают ставни и воздушные завесы в спальне. Как насчет еды, Алан? Насколько хватит запасов в ходильнике?

Бодкин повернулся к нему лицом, искаженное гримасой отвращения.

— Если не считать деликатесов, типа змеиных языков, там находится, главным образом, первоклассное пиво. Если вы действительно захотите напиться этими запасами, их хватит на шесть месяцев. Но я предпочитаю игуан.

— Несомненно, игуаны предпочтут вас. Ну что ж, дела не так плохи. Алан сможет пожить на станции, пока уровень воды не поднимется, а я по-прежнему буду находиться в отеле Риц, что еще?

Беатриса встала и направилась к бару.

— Да, дорогой, хватит. Кончайте. Вы начали говорить, как Ригтс. Военные манеры вам не идут.

Керанс шутливо отдал ей честь и отправился в противоположный конец комнаты, к пейзажу Эрнста, а Бодкин в это время глядел через окно на джунгли. Все более и более эти два пейзажа становились неотличимы друг от друга, а

в мозгу у каждого все ярче вырисовывался и третий — из ночного кошмара. Они никогда не обсуждали свои сны — этот призрачный общий мир, в котором они двигались, как привидения с картины Дельво.

Беатриса уселась на диван спиной к нему, и Керанс вдруг отчетливо осознал, что нынешнее единство их маленькой группы продержится недолго. Беатриса была права: военные манеры ему не шли, он был слишком пассивной и погруженной в себя личностью. Более важно, однако, что они вступали в новую жизнь, где прежние привязанности и обязательства не имели никакого смысла. Узы между ними с каждым днем будут слабеть, и первое свидетельство этого — решение жить порознь. Хотя Керанс нуждался в Беатрисе, тем не менее ее характер помешал бы ему ощущать свою полную свободу. Каждый отныне побрел по джунглям времени своим путем. Хотя они и будут видеться время от времени в лагунах или на испытательной станции, настоящие встречи возможны теперь лишь во сне.

7. Карнавал аллигаторов

Разорванная страшным шумом, разлетелась тишина раннего утра, и за окнами отеля послышался тяжелый рев двигателя. С усилием Керанс извлек свое вялое тело из постели, спотыкаясь о груду книг, разбросанных по полу. Он успел отбросить проволочную дверь балкона и увидел большой белый гидроплан, прежде чем тот сел, с большой скоростью заскользив посредине лагуны. Две его плоскости, рассекая воду, оставляли длинные полосы пены. Когда тяжелая волна ударила в стену отеля, сбрасывая колонии во-

дяных пауков и обеспокоив летучих мышей, гнездящихся в гниющих обломках, Керанс заметил в кабине гидроплана высокого широкоплечего человека, одетого в белый шлем и короткую куртку. Пилот наклонился над приборным щитом.

Он вел гидроплан с небрежным щегольством, включив две мощные турбины в тот момент, когда машина, казалось, ударит в берег — летательный аппарат отвернулся в сторону в брызгах, пены и радуге. Человек продолжал вести его с небрежным видом, он напоминал возницу, управляющего движением горячей тройки.

Прячась за зарослями тростника, которые покрывали весь балкон, — многочисленные попытки уничтожить эти заросли ни к чему не привели, — Керанс, незамеченный, наблюдал за пришельцем. Когда самолет делал очередной поворот, Керанс увидел тонкий профиль, яркие глаза и белые губы этого человека, торжествовавшего победу.

На миг на его поясе блеснули серебряные круги патронташа, и когда он достиг дальнего конца лагуны, послышалась серия выстрелов. Сигнальные ракеты, как маленькие парашюты, выстроились в ряд в воздухе.

Взревев турбинами, гидроплан вновь свернулся и скрылся в проходе, ведущем в следующую лагуну, срезая по пути зеленую листву. Керанс ухватился за балконные перила и смотрел, как постепенно успокаивается взволнованная вода, хотя деревья на берегу все еще продолжали гнуться и трепетать под ударами воздушной струи. Тонкая полоса красной дымки потянулась на север, постепенно исчезая по мере того, как затихал шум моторов гидроплана. Внезапный шум, появление незнакомца в белом костюме привели Керанса в замешательство, грубо выведя его из обычного состояния усталости и апатии.

В течение шести недель, что прошли после ухода Ригтса,

он жил один в своих комнатах под крышей отеля, все более и более погружаясь в безмолвную жизнь джунглей. Продолжающееся повышение температуры — термометр на балконе в полдень показывал сто тридцать градусов — и уменьшение влажности делали невозможным покинуть отель после десяти утра: от лагуны веяло жаром до четырех часов вечера, а к этому времени он обычно так уставал, что с трудом добирался до постели.

Весь день он сидел за окнами отеля, слушая из своей полутишины, как потрескивает расширяющаяся от жары проволочная сетка. Большинство окружающих зданий лагуны уже исчезло, скрывшись в разрастающейся растительности; огромные клубки мха и заросли тростника закрыли белые прямоугольники фасадов, затенив гнезда игуан в окнах.

За лагунами бесконечные скопления ила начали превращаться в темную полосу берега, чернея, как огромная груда породы у заброшенной шахты. Свет бил по мозгу Керанса, увлекая его в глубины подсознания, где реальность времени и пространства переставала существовать. Руководимый своими снами, он проникал все дальше и дальше в прошлое; каждый раз лагуна представляла во сне в ином изображении, и каждый ландшафт, как говорил доктор Бодкин, представлял другую геологическую эпоху. Иногда круг воды был стоячим и очень темным, а берег иногда становился глинистым и блестел, как спина гигантского ящера. Но потом берега вновь начинали маняще блестеть, небо казалось нежно голубым и прозрачным, а пустота длинных песчаных мелей абсолютной и полной, наполняя его утонченной и мягкой болью.

Он стремился к этим спускам в далекое прошлое, так как мир вокруг него становился все более чуждым и невыносимым.

Иногда он делал небрежные записи в своем дневнике о новых растительных формах; на протяжении первых недель он пару раз навещал доктора Бодкина и Беатрису Далл, но оба они были совершенно погружены в постоянную мечтательность и задумчивость. Блуждая без цели по узким протокам в поисках мира детства, Бодкин — Керанс видел, как он сидит на корме своей лодки и рассеянно смотрит на окружающие здания, — смотрел сквозь Керанса и никак не откликался на его зов.

Что же касается Беатрисы, то, несмотря на ее внешнюю отчужденность, Роберт знал, что между ними оставался не выраженный словами, подразумеваемый союз, основанный на предчувствиях об уготованной им символической роли в будущем.

Множество сигнальных разрывов появилось над лагуной, где находилась испытательная станция и дом Беатрисы, и Керанс прикрыл глаза, защищаясь от яркого света, залившего небо. Через несколько секунд за илистыми отмелями к югу показались ответные сигнальные разрывы, и послышались глухие раскаты, вскоре смолкнувшие.

Итак, незнакомец, прилетевший на гидроплане, явился не один. При мысли о неизбежном вторжении Керанс взял себя в руки. Расстояние между сериями ответных разрывов было слишком велико и свидетельствовало о наличии нескольких групп, а также о том, что гидроплан был всего лишь разведчиком.

Плотно прикрыв за собой проволочную дверь, Керанс прошел в комнату, сняв со спинки стула куртку. Вопреки своим привычкам, он прошел в ванную и остановился перед зеркалом, критически осматривая недельную щетину. Волосы его стали белыми и отливали перламутром, и это вместе с бронзовым загаром и холодными глазами придавало ему

внешность бродяги, живущего на тихоокеанских островах ловлей жемчуга и случайными заработками. Из разбитого дистиллятора, установленного на крыше, натекло полное ведро мутной воды, и он, зачерпнув немного этой жижи, сполоснул лицо, что также нарушало его установившиеся привычки.

При помощи багра разогнав несколько игуан, устроившихся на причале, он спустил на воду катамаран и медленно тронулся вперед. Мимо проплывали заросли, по поверхности воды скользили жуки и водяные пауки. Было несколько минут восьмого, температура держалась около восьмидесяти градусов, то есть было еще сравнительно прохладно и приятно, а воздух чист от москитов, которых позже выгонит из гнезд жара.

Когда он плыл по протоку длиной в сто ярдов, ведущему в южную лагуну, над его головой вспыхнуло еще множество сигнальных ракет: слышалось гудение гидроплана, носившегося туда и сюда по лагунам, и в нем иногда на мгновение мелькала фигура человека в белом, склонившегося над приборами. Керанс вошел в лагуну и поплыл спокойно среди свисающих листьев папоротника, следя за водяными змеями, сброшенными со своих мест набегающей волной.

В двадцати пяти ярдах от берега он поставил катамаран на якорь среди свешивавшихся с крыши полу затонувшего здания хвощей, взобрался по бетонному склону к пожарной лестнице и по ней поднялся на плоскую крышу, возвышающуюся над уровнем воды на пять этажей. Там он лег за низким фронтом и посмотрел в сторону стоявшего недалеку дома Беатрисы.

Гидроплан теперь кружил у маленького залива на противоположной стороне лагуны, летчик направлял его туда и сюда, как всадник горячую лошадь. Валетело еще не-

сколько сигнальных ракет, некоторые — в четверти мили от Керанса. Следя за самолетом, Керанс услышал низкий, но мощный рев — крик животных, но не игуан. Рев приближался, смешиваясь с шумом моторов, сопровождаемый треском ломаемых растений. От воздушной струи вдоль всего пути самолета в воду падали папоротники и хвощи, и их ветви свешивались вниз, как спущенные знамена. Казалось, все джунгли разрываются надвое. Полчища летучих мышей взмывали в воздух и в панике носились над лагуной. Их зловещие крики заглушались ревущими турбинами гидроплана и разрывами сигнальных ракет.

Внезапно вода в устье узкого залива поднялась на несколько футов: казалось, будто что-то прорвало затор из бревен и, затопив береговую растительность, хлынуло в лагуну. Из залива рванулась миниатюрная ниагара пенящейся воды, на гребне которой появилось несколько моторных лодок, подобных катеру Ригтса, устрашая зрителей нарисованными огромными глазами и зубами дракона на своих черных корпусах. На каждой лодке находилось около дюжины смуглых людей в белых шортах и фуфайках. Лодки понеслись к центру лагуны, в общей сумятице выстреливая в небо последние сигнальные ракеты.

Полуоглушенный шумом, Керанс с ужасом смотрел вниз на множество длинных коричневых тел, плывущих следом в кипящей воде. Массивные хвосты животных взбивали пену. Таких огромных аллигаторов он никогда не видел, некоторые из них достигали двадцати пяти футов в длину. Прокладывая себе путь в чистую воду, они яростно теснили друг друга, собираясь полчищами вокруг неподвижного теперь гидроплана. Человек в белом костюме стоял у его открытого люка, сложив руки на поясе и возбужденно глядя на стаю рептилий. Он лениво махнул экипажам трех кате-

ров, затем жестом указал на лагуну, как бы приказывая встать тут на якорь.

Когда по приказу лейтенанта-негра моторы катеров вновь заработали и катера поплыли к берегу, человек в самолете критически осмотрел здания вокруг, и на его строгом лице появилась самодовольная улыбка. Аллигаторы, как свора собак, собрались вокруг своего хозяина, а над ними в воздухе с криками реяла стая птиц — ржанок и кроншнепов, — сопровождающих крокодилов. Все больше и больше аллигаторов присоединялось к группе, плывя голова к голове в белой пенистой спирали, пока их не собралось не менее двух тысяч — огромная стая, настоящее воплощенное зло.

С криком, от которого из воды высунулись две тысячи крокодиловых морд, пилот вновь склонился к приборам. Пропеллеры ожили и подняли гидроплан над водой. Рассекая огромными плоскостями оказавшихся на пути рептилий, самолет направился в соседнюю лагуну, и огромная масса аллигаторов двинулась вслед за ним. Несколько хищников отделились от стаи и парами поплыли вдоль берегов, шаря в окнах затопленных зданий и прогоняя занявших свои посты игуан. Другие ухитрились вскарабкаться на едва выступающие из воды крыши. В центре лагуны вода продолжала кипеть, и в ней изредка мелькало белое брюхо крокодила, разрезанного гидропланом.

Когда армада рептилий углубилась в узкий пролив, Керранс спустился по пожарной лестнице и направился по бетонному пандусу к своему катамарану. Тяжелая волна, поднятая гидропланом, подхватила этот легкий аппарат, сорвала его с якоря и бросила вперед, в массу теснящихся аллигаторов. Через несколько секунд он был сжат боками и разорван на куски их мощными челюстями.

Огромный кайман, прятавшийся в зарослях хвоющей, за-

метил погруженного по пояс в воду Керанса и, не спуская с него немигающих глаз, направился к нему, извиваясь всем своим чешуйчатым телом. Роберт быстро отступил по пандусу, окунаясь по плечи, достиг пожарной лестницы, прежде чем кайман добрался до мелкого места и побежал на своих коротких лапах.

Отдуваясь, биолог облокотился на перила, глядя вниз в холодные глаза, которые бесстрастно смотрели на него.

— Ты хорошая сторожевая собака, — сказал он, вытащил шатающийся кирпич и обеими руками швырнул его крокодилу в морду. Он улыбнулся, когда аллигатор взмыл и отступил, раздраженно кусая хвоши и обломки катамарана.

Через полчаса, выиграв несколько дузлей с отступающими игуанами, Керанс преодолел двести ярдов по берегу и достиг дома Беатрисы. Когда он вышел из лифта, та встретила его с широко раскрытыми в тревоге глазами.

— Роберт, что случилось? — Она положила руки ему на плечи и прижалась головой к его влажной куртке. — Вы видели аллигаторов? Их здесь тысячи!

— Видел ли? Да меня чуть не съел один у ваших дверей. — Керанс высвободился и торопливо подошел к окну. Гидроплан теперь вошел в центральную лагуну и на большой скорости кружил в ее центре, а в его кильватере следовала догнавшая его стая крокодилов. Множество их собралось вокруг испытательной станции, взбивая своими хвостами пену. Тридцать или сорок рептилий остались в нижней лагуне и небольшими патрулями плавали по ней, огрызаясь на игуан.

— Эти чертовы звери, должно быть, их охрана, — решил Керанс. — Как стая сторожевых тарантулов. Ничего не может быть лучше.

Беатриса стояла рядом с ним, нервно теребя пальцами

высокий воротник желто-зеленой щелковой блузки, которую она надела поверх черного купальника. Хотя помещение постепенно приобретало заброшенный и запущенный вид, Беатриса продолжала заботиться о своей внешности. Несколько раз Керанс заставал ее сидящей перед зеркалом во дворике или в спальне на кровати: она автоматически разглаживала мелкие морщины на лице, будто слепой художник, который ощупывает свою картину, опасаясь забыть, что нарисовано на ней. Волосы Беатрисы всегда оставались безукоризненно причесаны, макияж на веках и губах постоянно возобновлялся, но отвлеченный, погруженный в себя взгляд делал ее похожей на прекрасный восковой манекен. Сейчас, однако, она явно чувствовала тревожное возбуждение.

— Кто они, Роберт? Этот человек в самолете пугает меня. Я хотела бы, чтобы полковник Ригтс был с нами.

— Теперь он в тысячах миль отсюда, если вообще не в Берде. Не волнуйтесь, Беа. Они выглядят, как пираты, но у нас нечем им поживиться.

Большой трехпалубный колесный пароход входил в лагуну и медленно приближался к трем катерам, причаленным в нескольких стах ярдах от того места, где находилась стоянка базы Ригтса. Он был набит грузом, палубы покрывали горы укутанных в парусину механизмов, так что на борту с трудом можно было найти свободное место.

Керанс решил, что это корабль-склад и что на нем собрана вся добыча пришельцев. Подобно большинству других пиратских групп, эта, должно быть, тоже охотилась, главным образом, за механизмами типа электрических генераторов, оставленных правительственными отрядами. Номинально за такое хищение полагалось сурвое наказание, но фактически власти были слишком слабы, чтобы пытаться навести порядок в оставленных отрядами заграждения местах.

— Смотрите!

Беатриса схватила Керанса за локоть. Она указывала вниз, на испытательную станцию, на крыше которой стоял небрежно одетый, заросший многодневной щетиной доктор Бодкин и махал руками, привлекая внимание людей на корабле. Один из них, негр с голой грудью, в белых брюках и белой форменной фуражке, что-то крикнул в ответ.

Керанс пожал плечами.

— Алан поступает правильно. Прячась, мы ничего не выиграем. Наоборот, если мы им поможем, они скорее оставят нас одних.

Беатриса колебалась, но Керанс взял ее за руку. Гидроплан, теперь освободившись от свиты, возвращался в облаке пены.

— Идем, если мы успеем спуститься к причалу, он захватит нас на борт.

8. Человек с невинной улыбкой

Красивое мрачное лицо капитана Стренджмена выражало смесь подозрительности и презрения. Он сидел, откинувшись, под навесом на палубе парохода. Теперь он был одет в жесткий белый костюм, гладкая шелковая ткань которого отражала позолоту кресла с высокой спинкой эпохи возрождения, заимствованного из какой-нибудь лагуны в Венеции или Флоренции. Кресло подчеркивало магический ореол, окружавший капитана.

— Ваши мотивы кажутся мне слишком сложными,

доктор, — заметил он, обращаясь к Керансу. — Впрочем, возможно, вы и сами не отдаете себе отчета в истинных мотивах. Назовем это тотальным синдромом безделья и покончим на этом.

Он щелкнул пальцами. Подошел стюард, стоявший невдалеке, капитан выбрал с подноса маслину.

Беатриса, Керанс и Бодкин сидели полукругом в маленьких креслах, попеременно ощущая то жар, то холод, так как портативный кондиционер все время менял радиус своего действия. Была уже половина первого. Лагуна за бортом превратилась в сплошной костер, яркий свет скрыл все здания, возвышавшиеся на ближайшем берегу. Джунгли неподвижно застыли, задыхаясь от невыносимой жары, аллигаторы попрятались в клочки тени, которые сумели отыскать.

Несмотря на солнцепек, люди Стренджмена на борту одного из катеров работали, хотя и с ленцой, разгружая какой-то тяжелый груз под руководством огромного горбатого негра в зеленых шерстяных шортах. Огромная гротескная пародия на человека, он время от времени поправлял повязку на глазу и непрерывно выкрикивал команды, смешивая слова благодарности и проклятия, летавшие в горячем воздухе.

— Скажите, доктор, — продолжал настаивать капитан, очевидно, неудовлетворенный ответом Керанса, — когда вы все же предполагаете покинуть лагуну?

Биолог заколебался, не решаясь назвать определенную дату. После того как они целый час прождали, пока Стренджмен переоденется, им разрешили поздороваться с ним и объяснить, почему они остались в лагуне после ухода отряда заграждения. Однако капитан, по-видимому, не принял их объяснений всерьез, перейдя от удивления их наивностью к подозрительности.

Керанс внимательно следил за ним, не желая пропустить даже малейшей фальшивой ноты. Кем бы Стренджмен ни был на самом деле, он не казался заурядным грабителем. Странное, до предела угрожающее впечатление производил и сам корабль, и его экипаж, и особенно его хозяин, Стренджмен с его белым улыбающимся лицом, черты которого становились более резкими и зловещими, когда он улыбался, — вот он-то представлялся Керансу наиболее опасным.

— Мы, в сущности, и не обсуждали эту возможность, — ответил биолог. — Я думаю, мы все надеялись оставаться здесь неопределенно долго. Правда, у нас не очень велики запасы продовольствия и горючего.

— Но, мой дорогой, — возразил капитан, — температура скоро достигнет двухсот градусов, и вся планета вернется в мезозойский период!

— Совершенно верно, — прервал его доктор Бодкин, внезапно очнувшись от погруженности в свой внутренний мир. — И поскольку мы — часть планеты, мы тоже возвращаемся в прошлое. Здесь наша зона перехода, тут мы вновь осваиваем свое биологическое прошлое. Поэтому мы и решили оставаться здесь. Никаких тайных причин этого поступка нет, Стренджмен.

— Конечно, нет, доктор, я вполне доверяю вашей искренности. — Выражение лица капитана непрерывно менялось, оно становилось то раздраженным, то дружелюбным, то скучающим, то погруженным в себя. Прислушавшись к шипению воздушного насоса на палубе, он спросил:

— Доктор Бодкин, ребенком вы жили в Лондоне? У вас должно быть много сентиментальных воспоминаний о дворцах и музеях. Или вас интересуют лишь воспоминания доутробного периода?

Керанс взглянул на него, пораженный легкостью, с ко-

торой тот перенял жаргон Бодкина. Он заметил, что Стренджмен не только ждет ответа Бодкина, но одновременно следит за Беатрисой и им самим.

Но Бодкин сделал неопределенный жест:

— Нет, боюсь, что я ничего не помню. Ближайшее прошлое не интересует меня.

— Жаль, — лукаво ответил Стренджмен. — Вся ваша беда, значит, заключается в том, что вы живете где-то за тридцать миллионов лет отсюда. Вы утратили всякий интерес к жизни. Я же очарован недавним прошлым. Сокровища триасовой эпохи для меня ничто по сравнению с драгоценностями, оставленными вторым тысячелетием нашей эры.

Он оперся на локоть и улыбнулся Беатрисе, сидевшей со сложенными на обнаженных коленях руками, на лице ее застыло выражение мыши, следящей за сытым котом.

— А как насчет вас, мисс Далл? Вы выглядите несколько меланхолично. Может быть, легкое временное недомогание? Или вас тревожат изгибы хроноклазма? — Он хихикнул, радуясь своему замечанию, а Беатриса спокойно ответила:

— Мы обычно очень устаем здесь, мистер Стренджмен. К тому же мне не понравились ваши аллигаторы.

— Они вас не тронут. — Капитан склонился вперед и осмотрел всех троих. — Это очень странно. — Через плечо он бросил короткую команду стюарду, затем вновь нахмурился. Керанс вдруг понял, что кожа на его лице и руках была ненормально бела, совершенно лишена пигментации. Густой загар Керанса, так же, как у Беатрисы и Бодкина, делал их почти неотличимыми от негритянского экипажа, да и вообще под ставшим жарким солнцем умеренных широт исчезло всякое различие между мулатами и европейцами. Стренджмен один сохранял поразительную бледность, и этот эффект еще более усиливался его белым костюмом.

Появился гологрудый негр в форменной фуражке. По мощным мускулам его груди струйкой стекал пот. Хотя его рост превышал шесть футов, необъятная ширина плеч делала его приземистым и коренастым. Обращение его со Стренджменом было почтительным, и Керанс удивился, каким образом капитану удается поддерживать дисциплину в экипаже, тем более что он говорил со своими людьми резким и сухим тоном.

Стренджмен кратко представил негра. — Это Адмирал, мой помощник. Если я понадоблюсь вам, обращайтесь к нему. — Он встал и спустился с помоста, на котором стояло его кресло. — Прежде чем вы уйдете, позвольте показать вам мои сокровища, собранные на этом корабле. — Он галантно протянул руку Беатрисе, та робко приняла ее, и глаза капитана жадно сверкнули.

«Некогда, — подумал Керанс, — этот пароход использовался как игорный притон, пришвартованный где-нибудь вблизи Мессины или Бейрута, или в устье какой-нибудь тропической реки, под более мягкими и ласковыми небесами». И теперь, когда они покидали палубу, взвод людей Стренджмена укреплял старинную лестницу с перилами, украшенными резьбой и позолотой. Над ступеньками был установлен навес из белых досок, с кистями и лентами, скрипевший на своих блоках, как древний фуникулер. Внутренние помещения корабля тоже были стилизованы в манере барокко. Бар, теперь темный и закрытый, расположенный в дальнем конце палубы, напоминал деревянные замки, которые устанавливались на корме древних кораблей, обнаженные позолоченные кариатиды поддерживали его портик. Колонны и арки из фальшивого мрамора вели начерх, к каютам, а центр широкого обеденного зала казался пародией на Версаль — множество пыльных купидо-

нов и канделябров, грязная медь с налетом патины была покрыта плесенью.

Однако столики для рулетки и шмен-де-фер были убраны, а выщербленный паркет покрывала груда ящиков, нагроможденных почти до потолка, так что лишь узкая полоска света проникала через верхнюю часть забранных проволокой окон. Все музейные ценности были хорошо упакованы и увязаны, но на одном столике красного дерева, стоявшем в углу, Керанс заметил коллекцию бронзовых и мраморных фигур, а также фрагменты статуй, ждавших упаковки.

На нижней ступеньке лестницы Стренджмен задержался, стирая грязный подтек с фрески.

— К сожалению, все здесь постепенно разрушается. У вас в Рице многое лучше, доктор. Я одобряю ваш вкус.

Керанс пожал плечами.

— Сейчас все разрушается. — Он подождал, пока капитан откроет дверь, и они вошли в помещение главного склада, большую душную комнату, тоже уставленную деревянными ящиками. Пол этой комнаты был посыпан опилками. Здесь кондиционер не работал, но сопровождавшие его Адмирал и другие матросы попеременно направляли на них струю ледяного воздуха из шланга, подключенного к вентиляторам в стене. Хозяин щелкнул пальцами, и Адмирал быстро убрал покрывало с части груза.

В тусклом свете Керанс с трудом разглядел очертания большого богато украшенного церковного образа в дальнем конце комнаты, в окладе, искусно отделанном орнаментом из завитков с канделябрами в виде дельфинов. Рядом стояло с десяток статуй, большей частью эпохи Возрождения, мечами покрытых толстой позолотой. За ними виднелось несколько меньших икон и триптихов, затем появилась целая кафедра проповедника, выложенная золотом, далее находи-

лись конные статуи (в гривах коней все еще виднелись запутавшиеся в них свежие водоросли), несколько больших соборных дверей, отделанных золотом и серебром, и большой фонтан. Металлические полки по стенам комнаты были установлены многочисленными меньшими по размеру предметами и безделушками: урнами для голосования, кубками, щитами, подносами, письменными приборами т.д.

Все еще держа Беатрису за руку, капитан жестикуировал, говоря ей что-то. Керанс услышал:

— «Сикстинская капелла» и «Гробница Медичи».

Бодкин пробормотал:

— С эстетической точки зрения, все это хлам, который он держит из-за золота. Но и золота здесь не так уж много. К чему все это?

Керанс кивнул, следя за Стренджменом и Беатрисой. Внезапно он вспомнил картину Дельво, с одетыми в смокинги скелетами. Белое как мел лицо капитана напоминало череп, а в его самодовольстве было что-то от скелета. Без особой внешней причины Роберт почувствовал к нему отвращение.

— Что вы думаете об этом, Керанс? — Стренджмен дошел до конца комнаты и сделал знак Адмиралу вновь закрыть выставку покрывалом. — Впечатляет, доктор?

Роберт взглянул на его жадно горящие при виде добычи глаза.

— Они похожи на кости, — спокойно сказал он.

Возмущенный, капитан покачал головой.

— Кости? О чём это вы говорите? Керанс, вы сошли с ума! Кости!

Но тут Адмирал подхватил последнее слово, вначале повторив его про себя, потом снова и снова все громче и быстрее, как бы в нервном припадке, и его широкое лицо исказилось

от хохота. Остальные моряки присоединились к нему и начали повторять, извиваясь от хохота, как в конвульсиях:

— Кости! Да, черт возьми, кости, черт возьми, кости, черт возьми, кости, черт...

Стрэнджен с гневом посмотрел на них, и мышцы у него на лице задергались. Испытывая отвращение к этому проявлению грубости и дурного характера, Керанс повернулся и направился к выходу. Раздраженный, капитан последовал за ним. Ладонью он сильно толкнул Роберта в спину.

Через пять минут, когда они отплыли на одном из катеров, Адмирал и с полдюжины остальных членов экипажа висели на перилах, все еще извиваясь от смеха. Стрэнджен взял себя в руки: теперь в своем белом костюме он стоял в стороне, иронически посмеиваясь.

9. Бассейн смерти

В течение двух недель южная часть горизонта все более затенялась дождовыми тучами. Керанс часто виделся со Стрэндженом. Тот обычно на большой скорости носился на своем гидроплане по лагунам, одетый в белый костюм комбинезон и шлем, и следил за работой своих отрядов. В каждой из трех лагун действовала группа из шести человек. Водолазы методично обследовали затонувшие корабли.

Временами привычные звуки насосов прерывались ружейными выстрелами: это стреляли в крокодилов, слишком близко подбиравшихся к водолазам.

Отсиживаясь в полуутесе своих комнат в отеле, Керанс находился далеко от лагун, предоставляя Стрэнджену искать свою добычу, сколько тому вздумается. Все чаще и чаще

сны вторгались в его жизнь, тогда как его бодрствующий мозг все более высыхал и уменьшался. Реальное время, в котором существовал капитан и его люди, казалось призрачным по сравнению с миром снов. Вновь и вновь, когда к нему обращался Стренджмен, он вынужден был обращать внимание на этот не имеющий для него значения реальный мир, но его мысли продолжали блуждать далеко.

Любопытно, что после первых приступов раздражения Стренджмен начал проявлять необъяснимую благожелательность к Керансу. Спокойный и нестандартный ум биолога представлял отличную мишень для юмора капитана. Иногда он передразнивал Роберта, серьезно беря его за руку во время одной из бесед и говоря благочестивым тоном:

— Знаете, Керанс, покинув море два миллиона лет назад, вы можете при обратном переходе получить серьезную травму, которой никто не заметит...

В другой раз он послал двух своих людей на лодке через лагуну: на самом высоком здании на ее противоположной стороне буквами размером в тридцать футов они написали:

ЗОНА ПЕРЕХОДА ВО ВРЕМЕНИ.

Керанс добродушно переносил эти подшучивания, а когда из-за отсутствия успеха в действиях ныряльщиков они становились злыми, попросту игнорировал их. Погружаясь в прошлое, он терпеливо ждал прихода дождей.

Несколько дней спустя Керанс впервые осознал причину своей боязни капитана. Произошло это на организованном им приеме.

Внешне, как объявил об этом Стренджмен, вечер был организован для того, чтобы собрать вместе троих отшельников. В своей бесцеремонной манере капитан начал осаждать Беатрису, умышленно используя Керанса, как своеобразный ключ, с помощью которого ему легче было проникать

в ее помещение. Когда он обнаружил, что три отшельника редко видятся друг с другом, он избрал другой подход, решив подкупить Керанса и Бодкина своей изысканной кухней и винным погребом. Беатриса, однако, постоянно отвергала эти приглашения на ленч и полуночные завтраки — Стренджмен и его свита из аллигаторов и одноглазых мулатов по-прежнему пугали ее, и приемы, как правило, откладывались.

Однако истинная причина организуемого празднества на сей раз оказалась более практической. Несколько раз Стренджмен замечал, как Бодкин медленно плавает по протокам в районе бывшего университета. Вскоре за стариком начал тайком следовать один из катеров, возглавляемый Адмиралом или другим помощником капитана — Великим Цезарем, разрисованный драконьими глазами и замаскированный листьями папоротника, как карнавальная лодка. Стренджмен считал, что Бодкин разыскивает спрятанные когда-то сокровища. Главные его подозрения сосредоточились, в конце концов, на затонувшем здании планетария, доступ к которому был сравнительно легким. Тогда капитан поставил постоянную охрану в этом небольшом озере, людей в ластах и аквалангах, он потерял терпение и решил опередить Бодкина.

— На охоту мы захватим вас завтра в семь утра, — сказал он Керансу. — Будут шампанское и холодные закуски. Мы определенно найдем завтра то, что запрятал этот плутишка.

— Могу сказать вам, Стренджмен, что он запрятал. Только свои воспоминания. Для него они дороже всех сокровищ на земле.

Но Стренджмен скептически рассмеялся и унесся с ревом на своем гидроплане, оставив Керанса торчать на бетонном причале отеля, похожем на американские горы.

Точно в семь на следующее утро за ним прибыл Адмирал. Они захватили Беатрису и доктора Бодкина и вернулись на пароход, где Стренджмен завершал приготовления для погружения в воду. Второй катер был полон водолазного оборудования: акваланги, водолазные костюмы, насосы, телефон. С его шлюпбалки свисала также и клетка для водолазов, но Стренджмен уверял их, что озеро очищено от игуан и аллигаторов и клетка под водой будет не нужна.

Керанс скептически отнесся к его словам, но на этот раз Стренджмен оказался прав. Озеро действительно было полностью очищено. Тяжелые стальные решетки закрывали подводные подходы, а сверху на плавучих бонах сидели вооруженные охранники с гарпунами и ружьями. Когда катер вошел в озеро и пришвартовался к балкону одного из зданий, последняя серия гранат была брошена в воду, и взрывная волна выбросила наружу множество оглушенных угрей, креветок и других морских животных. Их быстро сгребли в сторону.

Вода в котлообразном углублении, заполненном пеной и илом, постепенно прояснилась, и со своих сидений у перил они увидели под водой куполообразную крышу планетария, всю заросшую водорослями и похожую, как утверждал Бодкин, на покинутый дворец из волшебной сказки. Круглое вентиляционное окно на вершине купола было закрыто металлическим щитом. Была предпринята попытка разобрать одну из его секций, но, к огорчению Стренджмена, она проржавела и превратилась в один сплошной кусок. Главный вход в купол находился на уровне прежней улицы, то есть слишком глубоко, чтобы сверху можно было что-то различить, но предварительная разведка показала, что войти можно будет без особых трудностей.

Когда солнечные лучи коснулись воды, Керанс, глядя в

зеленую непрозрачную глубину, вспомнил теплый доисторический студень, в котором он плавал в своих снах. Он вспомнил также, что, несмотря на обилие воды вокруг, в реальной действительности он не погружался в море уже около десяти лет, и в уме он начал повторять движения медленного брасса, которым плавал во сне.

В трех футах под поверхностью воды проплыл маленький питон-альбинос, корчась от ударов гарпунов. Керанс почувствовал внезапное нежелание погружаться в воду. На противоположной стороне озера, у стальных решеток, огромный крокодил боролся с группой моряков, пытавшихся его отогнать. Великий Цезарь, упираясь огромными ступнями в нижний брус плавучего заграждения, бил крокодила, а тот огрызался, пытаясь ухватить багор. Крокодилу было не меньше девяноста лет, в длину он достигал тридцати футов, а объем его груди был не менее шести или семи футов. Его снежно-белый живот напомнил Керансу, что после прихода Стренджмена, как бы привлеченные его появлением, из джунглей вышло множество животных-альбиносов: змей, ящериц, даже несколько игуан, одна из которых сидела предыдущим утром на причале отеля, глядя на Керанса, как будто ящерица-альбатрос, и он подсознательно решил, что она — вестник Стренджмена.

Керанс взглянул вверх на капитана, который стоял на носу гидроплана и с любопытством наблюдал, как крокодил своими мощными ударами чуть не сбросил огромного негра в воду. Симпатии Стренджмена были полностью на стороне крокодила, но не только из спортивного интереса, а из садистского желания увидеть одного из своих помощников убитым и разорванным на части.

В конце концов, среди грома ругани и проклятий Великому Цезарю протянули ружье, он выпрямился и разрядил

оба ствала в атакующего крокодила у своих ног. С криком боли тот отплыл в сторону, взбивая хвостом воду.

Керанс и Беатриса отвернулись, ожидая, пока закончится схватка, а Стренджмен, напротив, выбирал более удобное место для наблюдения.

— Когда они попадают в ловушку или погибают, они бьют воду хвостом, давая тревожный сигнал остальным. — Он протянул ладонь вперед, как бы призывая Беатрису посмотреть спектакль. — Вы разочарованы? Керанс! Вам тоже следовало бы проявить побольше симпатии к бедному зверю. Они существовали уже много миллионов лет назад, это старайшие обитатели нашей планеты.

Хотя с животным было покончено, Стренджмен все еще продолжал стоять у перил, балансируя на кончиках пальцев, как бы надеясь, что крокодил оживет и вернется, чтобы продолжить схватку. Лишь когда отрубленная негром голова аллигатора повисла на багре, он с раздраженным видом вернулся к подготовке погружения.

Под наблюдением Адмирала два члена экипажа уже произвели разведку в аквалангах. Они спустили в воду узкую металлическую лестницу и проскользнули в окно, затем проверили прочность полукруглых ребер здания, пытаясь через щели купола проникнуть вниз. После возвращения их место занял третий моряк, в водолазном костюме с веревкой. Он медленно опустился на чуть различимую в облаке ила мостовую улицы, свет прожектора, установленного на шлеме, слабо освещал его плечи. Когда в воде оказалась большая часть веревки, он приблизился к главному входу, исчез из виду и стал связываться с Адмиралом по телефону. А негр вслух повторял для всех его сообщения неожиданно глубоким мелодичным баритоном:

— Проходит в кассу... теперь он в главном помещении...

капитан Стренджмен, Джомо говорит, что это церковь и что сидения на месте, но алтаря нет.

Все собрались у перил, с нетерпением ожидая, что скажет Джомо, лишь один капитан сидел, развались в кресле, положив голову на руку.

— Церковь! — презрительно фыркнул он. — Боже! Адмирал, пошли кого-нибудь другого вниз. Джомо — набитый дурак!

— Есть, капитан!

Еще несколько водолазов погрузились в воду, и стюард принес первые бокалы шампанского. Собираясь погружаться, Керанс лишь слегка пригубил пеняющуюся жидкость.

Беатриса с обеспокоенным лицом тронула его за локоть.

— Вы хотите опуститься, Роберт?

Керанс улыбнулся:

— К самому основанию, Беа. Не волнуйтесь, я надену большой водолазный костюм, так что это будет совершенно безопасно.

— Я имела в виду совсем не это. — Она посмотрела на элипс восходящего солнца, уже появившийся над крышей ближайшего здания. Оливково-зеленый свет, пробивающийся сквозь листья папоротников, заполнил озеро желтыми болотными испарениями, поднимающимися с поверхности, как пар из цистерн. Совсем недавно вода казалась холодной и манящей, теперь она превратилась в чуждый мир, а поверхность стала пленкой, разделяющей два измерения. Клетку для водолазов опустили в воду, ее красные ребра сверкали и постепенно, по мере погружения, искаjались. даже фигуры людей, плывших по поверхности воды, превратились в сверкающие химеры, похожие на чудовищ доисторического прошлого.

Далеко внизу под ними в желтом свете вздымался огром-

ный купол планетария. Он напомнил Керансу космический корабль, забытый на Земле пришельцами миллионы лет назад и только теперь появившийся из моря. Обратившись к Бодкину, он сказал:

— Алан, Стренджмен ищет спрятанные вами сокровища.

Тот слегка улыбнулся:

— Надеюсь, он найдет их. Подсознательно я чувствую, что награда ждет его, если он сумеет ее взять.

Капитан теперь стоял на носу своего гидроплана и спрашивал одного из водолазов, которому в это время помогали снять снаряжение. Вода, сбегавшая с медных боков костюма, образовала на палубе лужу. Задавая очередной вопрос, Стренджмен заметил, что Керанс и Бодкин о чем-то шепчутся. Сдвинув брови, он подозрительно посмотрел на них, потом соскользнул на палубу с видом офицера, обнаружившего опасный заговор трех пленников.

Приветствуя его поднятым бокалом шампанского, Керанс шутливо сказал:

— Я всего лишь спросил доктора Боткина, где он спрятал свои сокровища.

Капитан помолчал, холодно глядя вначале на него, затем на неуверенно засмеявшуюся Беатрису. Он положил руку на спинку кресла Керанса, лицо его напоминало белый кремень.

— Не беспокойтесь, Керанс, — фыркнул он, — я знаю, где они, и не нуждаюсь в вашей помощи. — Он повернулся к Бодкину. — Не правда ли, доктор?

— Вероятно, знаете, Стренджмен. — Он переставил кресло в отодвинувшуюся тень. — Когда начнем прием?

— Прием? — Капитан раздраженно оглянулся, очевидно, забыв, что сам же использовал это слово. — Увы, здесь не купальный бассейн, доктор, однако подождите минутку,

ибо мне надо отлучиться: я не хочу быть невежливым и приглашаю прекрасную Далл. — Он наклонился над ней с елейной улыбкой. — Пройдите со мной, моя дорогая, и я сделаю вас королевой моря со свитой из пятидесяти крокодилов.

Беатриса отвела взгляд.

— Спасибо, не надо, Стренджмен. Море меня пугает.

— Но вы обязаны. Керанс и доктор Бодкин давно ждут вашего погружения, и я тоже. Вы будете Венерой, спускающейся в море, и станете вдвое прекрасней после погружения! — Он схватил ее за руку, и девушка отшатнулась, испытывая отвращение при виде его елейной самодовольной улыбки. Керанс наклонился в своем кресле и взял ее за руку.

— Не думаю, чтобы это был день Беатрисы, Стренджмен. Мы плаваем только по вечерам, при свете полной луны. Это дело настроения, вы понимаете?

Он улыбнулся капитану, который только крепче схватил Беатрису за руку, лицо его при этом напоминало морду рассерженного вампира.

Керанс встал.

— Послушайте, капитан, я займу ее место. Хорошо? Мне хочется спуститься вниз и взглянуть на планетарий. — Он махнул рукой, заметив беспокойство Беатрисы. — Не волнуйтесь, Стренджмен и Адмирал позаботятся обо мне.

— Конечно, Керанс. — Хорошее настроение вернулось к Стренджмену, он буквально излучал благожелательную готовность нравиться, лишь слабый намек в его взгляде свидетельствовал о том, что удовольствие его происходит от мысли, что Керанс окажется в его лапах. — Мы используем большой водолазный костюм, в нем под водой опасности нет. Адмирал! Костюм для доктора Керанса! Быстрее! Быстрее!

Керанс обменялся коротким взглядом с Бодкиным и отвел

глаза, так как увидел явное удивление коллеги от его готовности погрузиться в глубину. Это его позабавило — он почувствовал легкомысленное веселье и вновь отхлебнул из бокала.

— Не оставайтесь внизу слишком долго, Роберт, — сказал ему Бодкин. — Температура воды высокая, не меньше девяноста градусов, она плохо на вас действует.

Керанс кивнул, затем последовал за Стрэндженом на нижнюю палубу. Несколько человек подготовили ему костюм и шлем, тогда как Адмирал, Великий Цезарь и остальные моряки следили за ним с затаенным интересом.

— Проверьте, можно ли войти в главную аудиторию, — сказал ему Стрэнджен. — Один из парней, кажется, нашел проход. — Он критическим взглядом окинул биолога, стоявшего в ожидании, пока ему наденут шлем. Этот вид снаряжения предназначался для использования на глубине не свыше пятнадцати футов и давал максимальную возвышность осмотреться. — В этом костюме, Керанс, вы похожи на космонавта. — Приступ смеха исказил его лицо. — Но не пытайтесь достичь подсознательного, Керанс, помните, что ваше снаряжение не позволяет оставаться на глубине слишком долго.

Тяжело и медленно подойдя к перилам — матросы в это время тащили за ним веревку и шланг, — Керанс остановился, чтобы помахать Беатрисе и Бодкину, затем ступил на узкую металлическую лестницу и стал медленно погружаться в вязкую зеленую воду. Было начало девятого, солнце горячими лучами освещало виниловую оболочку, окружавшую его, прилипавшую к груди и ногам, и он с удовольствием поглядел вниз, ожидая прикосновения своей горячей кожи к прохладной воде. Поверхность озера стала теперь совершенно непрозрачной. Клубок листьев и водор

слей проплыл неподалеку, движимый пузырями воздуха, поднимавшимися из затопленного купола.

Справа от себя он увидел Беатрису и Бодкина, они опирались подбородками на перила и выжидавше смотрели на него. Прямо впереди, на крыше катера, возвышалась долговязая фигура Стренджмена: полы его куртки разевались, руки он упер в бока, и легкий ветерок ласкал его белое как мел лицо. Он молча чему-то хмурился, затем, когда Керанс ступил в воду, что-то крикнул, но Керанс уже не рассыпал, что именно. Немедленно усилился свист воздуха в вентилях шлема, и ожило внутреннее переговорное устройство.

Вода оказалась теплее, чем он ожидал. Вместо прохладной освежающей ванны он вступил в цистерну с теплым клейким желе, которое липло к его икрам и бедрам, как зловонные объятия гигантского протерозойского чудовища. Он быстро опустился в воду по плечи, затем сошел со ступенек и позволил своему весу медленно утянуть себя в зеленоватую глубину, придерживаясь руками за перила. На глубине в пять футов он остановился.

Здесь вода была прохладней, и он с удовольствием расслабил руки и ноги и дал глазам привыкнуть к бледному свету. Несколько маленьких рыбок промелькнуло мимо, и их тела, как серебряные звезды, сверкнули на фоне распавшегося пятна — таким выглядела поверхность с глубины в пять футов. В сорока футах от него вырисовывалась полукруглая громада планетария, которая казалась гораздо больше и удивительнее, чем с поверхности, напоминая корпу древнего затонувшего лайнера. Когда-то полированная алюминиевая крыша стала тусклой, к ее краям прикрепилось множество моллюсков. Ниже, там, где купол опирался на прямоугольную крышу аудитории, медленно колебались

в воде гигантские водоросли, некоторые из листьев которых достигали десяти футов длины.

В двадцати футах от дна лестница кончилась, но Керанс уже научился парить на одной высоте. Теперь он медленно опускался, ухватившись за последнюю ступеньку, затем разжал руки и оказался на дне, увлекая за собой сигнальную веревку и воздушный шланг, которые уходили вверх, к серебряному днищу катера.

Он был отрезан водой от шума, доносящегося снаружи, поэтому свист нагнетаемого насосом воздуха и звук собственного дыхания громко звучали в его ушах, усиливаясь по мере того, как увеличивалось давление воздуха. Звуки, казалось, барабанили вокруг него в темной оливково-зеленоватой воде, как приливно-отливный ритм его снов.

Из наушника раздался голос:

— Говорит Стрэнджмен. Керанс, как вам нравится эта всеобщая серая масса?

— Чувствую себя как дома. Я уже почти на дне. Водолазная клетка висит у входа в планетарий.

Он спрыгнул на мягкую глину, покрывавшую дно, и приземлился у покрытого моллюсками фонарного столба. Свободной походкой, преодолевая сопротивление воды, он медленно побрел сквозь густую тину, которая поднималась от его башмаков, как облачка газа. Справа от него возвышалась смутная линия фасадов, ограниченная тротуаром, едва угадываемым под мягкими дюнами ила, возвышавшимися около них и доходившими до окон первого этажа. В промежутках между зданиями илистые склоны достигали двадцати футов высоты, и ограждающие решетки спускались в них, как стальные прутья в воротах древних крепостей. Большинство окон было разбито и завалено обломками досок и мебели, переплетенными водорослями.

Водолазная клетка медленно раскачивалась на тросе в пяти футах над улицей, позволяя разглядеть набор ножовок и гаечных ключей, прикрепленный к ее полу. Керанс приблизился ко входу в здание, таща за собой веревку и шланг и спотыкаясь, когда они сильно натягивались.

Прямо перед ним, как гигантский подводный замок, возвышалась бедая громада планетария, освещенная солнечными лучами, доходящими до поверхности воды. Стальные перегородки у входа были разобраны предыдущими водолазами, и он легко нашел полукруглую дверь. Войдя внутрь, он внимательно осмотрел вестибюль и пошел по лестнице, ведущей на антресоли. Металлические перила и хромированные стенные панели заржавели, но, в общем, интерьер планетария, защищенный баррикадами от растительной и животной жизни лагуны, выглядел совершенно нетронутым, таким же чистым и непотускневшим, как и в тот день, когда была прорвана последняя плотина.

Пройдя киоск, в котором когда-то продавали билеты, Керанс медленно поднялся на антресоли и остановился, чтобы прочесть надписи на дверях комнат, блестящие буквы которых отражали свет. Круглый коридор вел вокруг аудитории. Лампа в шлеме посыпала бледный конус света вниз, в темную воду. В надежде, что когда-нибудь дамбы будут восстановлены, администрация планетария соорудила второй ряд заграждений вокруг аудитории, снабдив их попечерными распорками, закрытыми на висячие замки, которые теперь совершенно проржавели.

Сверху, на крайней правой плите второй перегородки, находилось сделанное ломом отверстие, которое позволяло заглянуть в аудиторию. Слишком утомленный давлением воды на грудь и живот, Керанс ограничился коротким взглядом внутрь при свете, приникавшем через щели в куполе.

Возвращаясь, чтобы взять в водолазной клетке ножовку, он заметил небольшую боковую лесенку, заканчивавшуюся вверху дверью. Там могла быть либо проекционная, либо кабинет администратора. Ухватившись за перила, он начал медленно подниматься по скользким ступеням. Дверь оказалась закрытой, но он нажал плечом, и створки разошлись.

Остановившись, чтобы распутать шланг, Керанс прислушался к шуму в ушах. Ритм заметно изменился: очевидно, новая пара операторов принялась за работу на насосах. Теперь они работали медленно, и давление воздуха уменьшилось. Почему-то Керанс ощущал легкую тревогу. Хотя он отлично ощущал злобу и недоброжелательность Стрэнджа-мена, он почему-то был уверен, что тот не попытается покончить с ним таким грубым методом, как прекратить снабжать воздухом. Кроме того, на палубе рядом находились Беатриса и Бодкин, и хотя Риггс и его люди уже удалились на тысячи миль от здешних мест, всегда существовала возможность, что какой-нибудь специальный правительственный отряд вновь посетит лагуну. Если только он не убьет Беатрису и Бодкина, что казалось невероятным по целому ряду причин (Стрэнджен подозревал, что они слишком много знают о городе, который он обшаривал), смерть Керанса принесет больше беспокойства, чем выгоды.

Когда воздух вновь успокоительно засвистел в шлеме, Керанс двинулся вперед через пустую комнату. Он заметил несколько полок, свисавших со стены, стоявший в углу картотечный шкаф. И вдруг с испугом Керанс обнаружил впереди себя человека в огромном водолазном костюме, стоявшего на расстоянии десяти футов от него. Белые пузыри уходили вверх от его лягушкообразной головы, руки застыли в угрожающей позе, и луч света шел от лампы на шлеме, падая прямо на биолога.

— Стрэнджмен! — невольно воскликнул Керанс.

— Керанс! Что случилось? — голос капитана, раздавшийся громче, чем шепот сознания, пресек панику. — Керанс!

— Прошу прощения, Стрэнджмен. — Керанс взял себя в руки и медленно двинулся навстречу приближающейся фигуре. — Я увидел себя в зеркале. Я наверху, в административном помещении. Точно не могу сказать. Сюда с антресолей ведет особая лестница. Может быть, тут есть вход в аудиторию.

— Хорошо, посмотрите, нет ли там сейфа.

Не обращая внимания на эту просьбу, Керанс положил руки на гладкую поверхность стекла и осмотрелся. Он находился в контрольном помещении, из которого можно было наблюдать аудиторию, а его отражение возникло не в зеркале, а в стеклянной звуконепроницаемой панели. Рядом находился письменный стол, перед ним кресло. Утомленный давлением воды, Керанс сел в него и через панель посмотрел в аудиторию.

Слабо освещенный его маленькой лампой на шлеме, перед ним смутно возвышался темный свод, стены которого покрывал тонкий слой ила. Он напоминал огромное бархатное чрево из какого-нибудь сюрреалистического кошмара. Черная непрозрачная вода висела сплошным вертикальным занавесом, скрывая настил в центре помещения, как бы пряча какую-то священную тайну. По неясной причине сходство помещения с огромным чревом увеличивалось, а не уменьшалось круглыми рядами сидений, и Керанс, прислушиваясь к шуму в ушах, был уже не уверен, что не слышит смутный подсознательный реквием из своих снов. Он открыл маленькую дверь, которая вела вниз, в зрительный зал, и отключил телефонный кабель, чтобы не слышать голоса Стрэнджмена.

Лампа осветила ил, покрывавший ступени лестницы. На удивление, в центре купола вода была почти на двадцать градусов теплее, чем в контрольном помещении, и он почувствовал себя, как в горячей ванне. Прожектор, установленный на крыше планетария, продвинулся с навеса ближе к центру, и теперь в куполе засветились трещины: они напоминали очертания далеких галактик. Он смотрел вверх, на незнакомые созвездия, как какой-то подводный Кортес, вынырнувший из глубин и впервые взглянувший на безбрежный Тихий океан открытого неба.

Стоя на помосте, он смотрел на сплошные ряды сидений, окружавшие его, и размышлял, какой же невообразимо древний обряд совершается здесь. Давление воздуха в шлеме резко усилилось, как только на палубе утратили с ним телефонную связь. Клапаны по бокам шлема теперь глухо забарабанили, а серебряные пузыри воздуха срывались и улетали прочь, как привидения.

Постепенно, по мере того как проходили минуты, наблюдение за этими странными созвездиями, возможно, глядевшими на Землю триасовой эпохи, стало казаться Керансу самым важным делом. Чтобы продлить удовольствие, он спустился с навеса и отправился обратно в контрольное помещение, таща за собой воздушный шланг. Дойдя до двери, он взял его в руки и с внезапным приступом гнева связал петлей и закрепил на ручке. Немного подождав, сделал вторую петлю, обеспечив себе радиус перемещения в двенадцать футов, а затем он вновь направился вниз и остановился на полпути к помосту, откинув назад голову и решив прочнее запечатлеть очертания созвездий в своей памяти. Теперь они показались ему более привычными и знакомыми, чем те, что он видел на небе всегда.

Почувствовав резкую боль в барабанной перепонке, он

начал судорожно глотать воздух. Внезапно он понял, что внутренний клапан не действует. Хотя слабый свист раздавался регулярно через каждые десять секунд, давление в скафандре стремительно падало. Чувствуя головокружение, он взобрался наверх и попытался отвязать воздушный шланг от ручки двери. Он был уверен теперь, что Стрэндженен воспользовался случаем, чтобы организовать несчастный случай. Тяжело дыша, он споткнулся на ступеньке, поднялся и неуклюже упал на сиденье в контрольной комнате.

Его лампа в последний раз осветила потолок аудитории — этот огромный свод кошмарного чрева. Керанс почувствовал приступ тошноты. Он откинулся навзничь, распластался на ступенях, оцепенело вцепившись в петлю на дверной ручке. Внешнее давление воды смяло его водолазный костюм, кзалось, перегородки между его кровеносными сосудами и теплой морской водой больше не существует. Глубокая иловая колыбель мягко приняла его, как огромная плацента, мягче, чем любая самая мягкая постель, какую он когда-либо знал. Сознание угасало. Высоко над собой он видел древние туманности и галактики, светящиеся сквозь тьму ночи, но постепенно даже их свет слабел, и теперь он видел лишь слабый отблеск, доходивший из укромнейших уголков его мозга. Он спокойно приближался к этому свету, медленно плывя к центру купола, а этот слабый маяк все отступал и удалялся по мере его приближения. И вот он совсем погас, и Керанс поплыл в полной темноте, как слепая рыба в бесконечном море, побуждаемый двигаться вперед, причем он не мог понять истоков этого побуждения...

Проходили эпохи. Гигантские волны, необыкновенно медлительные, ударялись о бессолнечные берега моря времени и опадали. Он плыл из одного бассейна в другой, из одного лимба вечности в следующий, тысячи его собственных отра-

жений дергались в зеркале поверхности. В его легких, казалось, вспыхнуло гигантское внутреннее озеро, и его грудная клетка взорвалась, как у кита, проглотившего целый океан.

— Керанс...

Он увидел ярко освещенную палубу, где бриллиантовые доспехи света сомкнулись над ним и осветили полное ожидания лицо Адмирала, сидевшего перед ним на согнутых ногах и сжимавшего его грудь своими огромными руками.

— Стрэнджмен, он...

Подавившись водой, Керанс откинулся на горячую палубу. На него внимательно смотрели все — Беатриса со встревоженными глазами, серьезно нахмутившийся Бодкин, коричневые малознакомые лица под фуражками цвета хаки. Внезапно среди них появилось единственное белое лицо.

— Стрэнджмен, вы...

Хмурое выражение на лице Стрэнджмена сменилось улыбкой.

— Нет, не я, Керанс. Не вините в этом меня. Доктор Бодкин поручится вам в этом. — Он помахал пальцем перед очнувшимся биологом. — Я предупреждал, что вам не следует погружаться слишком глубоко.

Адмирал встал, удовлетворенный тем, что Керанс пришел в себя. Палуба, казалось, была сделана из раскаленного железа, и Керанс, опираясь на локоть, сел в луже воды. В нескольких футах от него лежал водолазный костюм, похожий на изуродованный труп.

Беатриса прорвалась сквозь кольцо зрителей и присела рядом с ним.

— Роберт, расслабьтесь, не думайте об этом сейчас.

Она обняла его за плечи и выжидательно взглянула на капитана. Тот стоял рядом, улыбаясь и уперев руки в бока.

— Не стало воздуха... — В голове у Керанса прояснилось,

но легкие напоминали два сожженных цветка. Он постарался охладить их глубоким вдохом. — Прекратилось накачивание. Разве вы не перестали качать?..

Подошел Бодкин с курткой Керанса и набросил ее ему на плечи.

— Спокойно, Роберт, теперь это не имеет значения. Я убежден, что вины Стренджмена тут нет. Он разговаривал со мной и Беатрисой, когда это произошло. Ваш шланг зацепился за какое-то препятствие, похоже, что это просто несчастный случай.

— Но это не так, доктор, — прервал его капитан. — Не увековечивайте миф, Керанс будет вам больше благодарен за правду. Он сам замотал этот шланг, совершенно добровольно. Почему? — Тут Стренджмен сделал величественный жест. — Потому, что хотел стать частью этого затонувшего мира. — Он опять засмеялся и продолжал весело, пока Керанс слабо ковылял к креслу. — Но потеха заключается в том, что он никогда так и не узнает, правду ли я говорю или нет. Понимаете, Бодкин? Посмотрите на него, он искренне не уверен ни в чем. Боже, какая насмешка!

— Стренджмен! — сердито выкрикнула Беатриса, победив свой страх. — Прекратите! Это был несчастный случай!

Но тот лишь пожал плечами.

— Пусть так. Это был несчастный случай! — повторил он. — Согласимся с этим. Тогда становится еще интереснее, особенно для Керанса. Пытался ли он убить себя? — вот вопрос, гораздо более значительный, чем «быть или не быть?». — И он покровительственно улыбнулся биологу, сидевшему в кресле и прихлебывавшему шампанское, которое принесла ему Беатриса. — Керанс, желаю вам решить эту задачу — если вы только сумеете.

Тот слабо улыбнулся. По тому, как медленно он приходил

в себя, он понял, что едва не утонул. Члены экипажа вернулись к своим обязанностям, больше не интересуясь им.

— Спасибо, Стренджмен. Я дам вам знать, когда получу ответ.

На обратном пути в Риц Керанс молчаливо сидел на корме катера, вспоминая огромную, похожую на чрево, аудиторию планетария, связанные с нею причудливые ассоциации и пытаясь стереть из памяти «пытался ли я убить себя?» — вопрос, навязанный ему капитаном. Действительно ли он сам перекрыл доступ воздуха в шланге или это был несчастный случай? А может, и Стренджмен приложил к этому руку? Он должен найти ответ. К тому же для него не совсем ясным оставалось желание положиться на милосердие капитана, своего возможного убийцы.

На протяжении следующих нескольких дней загадка оставалась неразрешенной. Был ли этот затонувший мир и удивительное бегство на юг Хардмана проявлением бессознательной логики вырождения, возвращения в прошлое? Стараясь решить эту проблему и выяснить роль, которую сыграл в его деле Стренджмен, Керанс напрягал память. А Беатриса и Бодкин отказывались говорить об этом случае, как будто их тоже занимали какие-то многочисленные загадки, решению которых он, Керанс, мешал.

10. Прием с сюрпризом

— **К**еранс!..

Разбуженный громом приближающегося гидроплана, Роберт испуганно вздрогнул, и его голова качнулась из стороны в сторону на изношенной подушке. Он остановил

взгляд на ярко-зеленых параллелограммах, покрывавших потолок, — отражениях венецианских стекол, — слушая, как снаружи усиливается и затихает рев турбин, затем с усилием встал с постели. Было уже семь тридцать, на час позже, чем он обычно вставал, и бриллиантовый свет, отражаясь от поверхности лагуны, уже просунул свои пальцы в затененную комнату, как хищное золотое чудовище.

С внезапным приступом раздражения он заметил, что забыл перед сном выключить стоявший у постели вентилятор. В последние дни он засыпал неожиданно в самые неподходящие моменты, например, сидя на кровати и снимая башмаки. Стремясь сэкономить горючее, он отказался от особой спальни и переместил тяжелую кровать в гостиную, но там ему так плохо спалось, что вскоре он вынужден был вернуть кровать обратно.

— Керанс!..

В коридоре раздался голос Стренджмена. Роберт лениво направился в ванную, намереваясь сполоснуть лицо, прежде чем гость успеет подняться наверх.

Бросив шлем на пол, вошедший извлек из сумки графин с горячим черным кофе и сущеные орешки, позеленевшие от возраста.

— Подарок для вас. — Он с дружелюбной улыбкой посмотрел в тусклые глаза биолога. — Как дела в далеком прошлом?

Керанс сел на край постели, ожидая, пока утихнет барабанный бой призрачных джунглей в его мозгу. Тени снов пронизывали реальность вокруг него.

— Что привело вас сюда? — равнодушно спросил он.

Лицо капитана приобрело выражение глубокой иронии.

— Керанс, вы мне нравитесь. Вы все забыли. — Он снял с кондиционера какую-то книгу, улыбаясь хозяину дома. —

Конечно, у меня есть причины — я хочу пригласить вас поужинать со мной сегодня вечером. Не тряслите головой. Я пришел к вам, и вы должны ответить мне визитом на визит. Беатриса и старый Бодкин тоже будут, мы отлично проведем время — фейерверк, угощение и — сюрприз.

— Какой сюрприз?

— Увидите. Нечто действительно захватывающее, поверьте мне, я никогда не делаю ничего наполовину. Если мне понадобится, я заставлю крокодилов танцевать на кончиках своих хвостов. — Он торжественно кивнул. — Керанс, вы выглядите подавленным. Для вас будет полезным отвлечься, это остановит вашу безумную машину времени. — Настроение его изменилось, он стал глубокомысленным и рассеянным. — Я не собираюсь подшучивать над вами, Роберт, я не выдержал бы и десятой доли ответственности, которую вы несете на своих плечах. Взять хотя бы это трагическое одиночество в триасовых болотах. — Он раскрыл книгу — это были стихи Денна — и наугад прочел строку: « Мир в этом мире, где каждый — остров, в самом себе плывущий сквозь океаны...»

Наполовину убежденный, что его дурачат, Керанс спросил:

— Как идут поиски сокровищ? Нашли что-нибудь новенькое?

— Не очень хорошо. Город находится слишком далеко на севере, чтобы в нем оставили что-нибудь ценное. Но несколько интересных вещей мы обнаружили. Увидите вечером.

Керанс колебался, сомневаясь, хватит ли у него энергии для разговора с Беатрисой и доктором Бодкиным — он не видел их с момента своего неудачного погружения, хотя знал, что каждый вечер Стренджмен на своем гидроплане

направляется к дому Беатрисы (какого успеха он добился, Керанс мог лишь гадать, но его замечания типа «женщины похожи на пауков, которые поджидают вас, и ткнут свою паутину» или «она предпочитала говорить о вас, Роберт» убеждали его, что Стренджмен ничего не достиг).

Однако теперь особое выражение его лица и необычные интонации свидетельствовали о том, что присутствие Керанса было обязательным и что отказаться ему не позволят. Капитан следил за ним, ожидая ответа.

— Слишком краткое объяснение, Стренджмен.

— Мне очень жаль, Керанс, но если бы мы знали друг друга лучше, я уверен, что вы бы не колебались. А сейчас положитесь на мою маниакально-депрессивную личность. Мне нравятся необычные поступки.

Хозяин дома разыскал две позолоченные фарфоровые чашки и наполнил их из графина. «Знали друг друга лучше, — повторил он про себя иронически. — Будь я проклят, если я вообще о вас знаю что-нибудь, Стренджмен». Блуждающий по лагунам, как преступный дух затонувшего города, апофеоз его бессмысленной жестокости и грубости, капитан одновременно был и полуграбителем, и полудьяволом. Однако он играл определенную положительную роль, держа перед Керансом предупреждающее зеркало и сообщая ему, какую жизнь он выбирает. Это и что-то еще привязывало их друг к другу, иначе Роберт давно оставил бы лагуну и отправился куда-нибудь на юг.

— Я полагаю, что это не прощальный праздник? — спросил он капитана. — Вы не собираетесь покинуть нас?

— Конечно, конечно, нет, — возразил гость. — Мы еще только прибыли. Ибо, — глубокомысленно добавил он, — куда же нам идти? Ведь больше ничего не осталось. Иногда, должен вам признаться, я чувствую себя, как финикийский

мореплаватель на краю света. Вероятно, это и есть наша настоящая роль, не правда ли?

«... И подводное теченье тихо смыло его кости. И вставая, забывал он возраст свой, но помнил юность, и опять на дно ложился, закружив в водовороте...»

Посетитель продолжал надоедать Керансу, пока тот не принял приглашения, а затем, торжествуя, удалился. Роберт прикончил кофе в графине и принялся закрывать венецианские стекла, в которые было яркое солнце.

Снаружи, в его кресле на веранде, уселся белый ворон и смотрел на него каменными глазами, ожидая, что произойдет.

Плыяя по лагуне вечером к пароходу, Керанс размышлял над тем, что за сюрприз приготовил ему Стренджмен. Он надеялся, что это не будет искусно подготовленный розыгрыш. Усилия, которые понадобились ему для бритья и надевания белого обеденного пиджака, очень утомили его.

По всей лагуне были заметны следы приготовлений. Пароход стоял на якоре в пятидесяти ярдах от берега и был украшен новыми навесами и цветными лампами, а два катера методично прочесывали лагуну, выгоняя из нее аллигаторов.

Керанс указал на большого каймана, боровшегося с людьми, вооруженными множеством багров, и спросил Великого Цезаря:

— Что в сегодняшнем меню — жареные аллигаторы?

Гигантский горбатый мулат, стоявший на носу катера, неопределенно пожал плечами.

— Капитан дает сегодня вечером большое представление, мистер Керанс, действительно большое. Увидите.

Роберт встал со своего сидения и подошел к борту.

— Великий Цезарь, давно ли вы его знаете?

— Очень давно, мистер Керанс. Лет десять, может, двенадцать.

— Он очень странный человек, — продолжал биолог, — его настроение меняется так быстро. Должно быть, вы и сами заметили это. Иногда он пугает меня.

Огромный мулат улыбнулся.

— Вы правы, мистер Керанс, — заметил он с хихиканьем. — Вы совершенно правы.

Но прежде чем Керанс смог задать следующий вопрос, их окликнули в мегафон с борта парохода.

Стренджмен встречал каждого из гостей по мере их прибытия на верхних ступеньках трапа. Он был в хорошем настроении и одобрительными восклицаниями встретил появление Беатрисы. Сейчас на ней было длинное парчевое синее бальное платье, а лазурная краска вокруг глаз делала ее похожей на необычную райскую птицу. Даже Бодкин сделал уступку этикету, подравнив свою косматую бороду, надев старый респектабельный жакет и повязав вокруг шеи платок вместо галстука. Но, как и Керанс, он казался погруженным в себя и участвовал в разговоре за ужином совершенно автоматически.

Стренджмен, казалось, не замечал этого, или, если и заметил, то никак не отреагировал, ибо был очень занят. Какими бы ни были его мотивы, он пошел на значительные хлопоты для устройства этого приема. Над палубой натянули белый навес, похожий на парус: он легко поднимался, давая возможность хорошо разглядеть лагуну и берег. Большой круглый обеденный стол поставили у перил, вокруг него разместив низкие диваны в египетском стиле, отделанные позолотой и слоновой костью. На яркую скатерть выставили множество непарных, но ярких золотых и серебряных тарелок, среди которых расставили бокалы из золоченой бронзы.

В припадке расточительности Стренджмен опустошил свой склад — несколько почерневших бронзовых статуй стояли у стола, держа подносы с фруктами и цветами, а к трубе была прислонена огромная картина школы Тинтаретто. Называлась она «Свадьба Эсфири и царя Ксеркса». Написанная на фоне венецианских каналов и дворцов, вместе с украшениями и костюмами шестнадцатого века она казалась более похожей на «Свадьбу Нептуна и Минервы», и было ясно, на что намекал капитан, поместив ее сюда. Царь Ксеркс, хитрый пожилой венецианский дож с клювообразным носом, казался полностью прирученным скромной черноволосой Эсфирию, которая имела отдаленное, но несомненное сходство с Беатрисой. Рассматривая картину, на которой были изображены сотни гостей, приглашенных на свадьбу, Керанс внезапно заметил знакомый профиль — резкое жесткое лицо Стренджмена в наряде члена совета Девяти, но, когда он подошел ближе, сходство исчезло.

Свадебная церемония проходила на борту корабля, приварованного к дворцу дожей. Кроме сходства обстановки, подчеркнутого двумя лагунами и выступающими из воды зданиями, похожи были и персонажи — команда Стренджмена, казалось, только что спустилась с картины, на которой хватало драгоценностей, рабов и гондольеро.

Прихлебывая коктейль, Керанс сказал Беатрисе:

— Видите себя на картине, Беа? Очевидно, Стренджмен надеется, что вы поступите с Нептуном так же, как Эсфирия с Ксерксом.

— Верно, Керанс! — К ним подошел капитан. — Вы угадали точно. — Он поклонился Беатрисе. — Я надеюсь, вы принимаете этот комплимент, дорогая?

— Я польщена, Стренджмен. — Беатриса подошла к картине, затем повернулась, сверкнув парчой платья, и встала

у перил, глядя в воду. — Но я не уверена, что хочу видеть себя в этой роли.

— Но вы будете в ней, мисс Далл, неизбежно. — Капитан жестом указал стюарду на Бодкина, сидевшего в задумчивости в углу, потом схватил Керанса за плечо. — Верьте мне, доктор, скоро вы увидите мой сюрприз...

— Хорошо. Но хватит ли мне терпения, Стренджмен?

— Неужели после тридцати миллионов лет ожидания вы не сможете подождать пяти минут? Я скоро верну вас в настоящее.

В продолжение ужина хозяин вечера наблюдал за последовательностью смены вин, время от времени совещаясь о чем-то с Адмиралом. Когда принесли последнюю порцию бренди, Стренджмен сел со всеми за стол и подмигнул Керансу. Два катера в это время отплыли в дальний конец лагуны и там скрылись в узком заливе, а третий занял позицию в центре, и с его палубы взлетели огни фейерверка.

Последние солнечные лучи еще лежали на поверхности воды, но их превосходили яркостью залпы салюта: огненные колеса и букеты были как бы выгравированы на слегка окрашенном сумеречном небе. Улыбка на лице Стренджмена становилась шире и шире, он откинулся на своем диване и чему-то улыбался. Яркие огни фейерверка подчеркивали его сходство с сатиром.

Керанс наклонился к нему, чтобы узнать, когда же они увидят сюрприз, но капитан опередил его.

— Вы ничего не заметили? — Он осмотрел всех за столом. — Беатриса? Доктор Бодкин? Вы трое слишком медлительны. Вынырните из своего древнего времени хоть на мгновение!

Необычное молчание повисло над кораблем, и Керанс

прислонился к перилам, чтобы обезопасить себя на случай какой-нибудь неосторожной затеи Стренджмена.

Случайно взглянув на нижнюю палубу, он вдруг заметил, что двадцать или тридцать членов экипажа неподвижно уставились на поверхность лагуны. Их эbonитовые лица и белые фуфайки странно мерцали при свете фейерверка, как у команды призрачного корабля.

Удивленный, Керанс осмотрел небо и лагуну. Сумерки наступили скорее, чем он ожидал, стены зданий, окружавших водоем, исчезли в тени. В то же время крыши и верхушки растений были ярко освещены.

Откуда-то послышались низкие звуки — это работали насосы. До сих пор их работа заглушалась звуками фейерверка. Теперь вода вокруг парохода стала странно вязкой и неподвижной, низкие волны, которые обычно волновали ее, исчезли. Раздумывая, не решил ли Стренджмен организовать выступление дрессированных крокодилов, Керанс посмотрел вниз, на воду.

— Алан! Во имя неба, взгляните! Беатриса, вы видите? — Керанс вскочил со своего кресла и подбежал к перилам, в изумлении указывая на воду. — Уровень понижается.

В темной поверхности воды внизу теперь неясно вырисовывались прямоугольники крыш затонувших зданий, их окна, похожие на глазницы огромного черепа. Они возникали из-под воды, как затонувшая Атлантида. Вначале стали видны десять, затем двадцать зданий, их карнизы и пожарные лестницы все яснее вырисовывались сквозь утончавшийся слой прозрачной воды. Большинство из них имело всего пять этажей — часть района небольших магазинов и учреждений, окруженных более высокими зданиями, составлявшими границы лагуны.

В пятидесяти ярдах от них появилась на поверхности

первая крыша — прямоугольник, густо поросший водорослями, в которых билось несколько доведенных до отчаяния рыб. Сразу вслед за этим появилось еще с полдюжины зданий, и стало понятно, что они образуют узкую улицу. Из окон потоками лилась вода, водоросли свисали с перепутанных проводов.

Внешность всей лагуны неузнаваемо изменилась. Они медленно опускались на что-то, похожее на небольшую площадь, а вокруг них из воды выступало все больше строений с полуразрушенными крышами и шпилями, и ровная поверхность воды превратилась в джунгли — кубы возникавших из-под воды зданий были густо покрыты водорослями. Остатки воды превратились в узких улочках в отдельные каналы, темные и мрачные.

— Роберт! Да прекратите же это! Это ужасно! — Керанс почувствовал, как Беатриса схватила его за руку, и ее длинные, покрытые синим лаком ногти впились в его кожу сквозь ткань пиджака. С напряженным лицом она смотрела на возникающий город, резкий острый запах водорослей вызывал у нее отвращение. Вуаль пенны окаймляла перекрестьившиеся телеграфные провода и поломанные детали неоновых реклам, тонкий слой тины покрывал фасады зданий, превращая сказочно прекрасный подводный город в высохший и гноящийся канализационный коллектор.

На мгновение Керанс испугался за свой рассудок, не в силах разумно объяснить ужасное превращение знакомого и привычного мира. Потом он подумал о внезапном климатическом катаклизме, который привел к быстрому осушению ранее расширяющихся морей и появлению из-под воды затонувших городов. Если это так, то ему придется приспособливаться к новой жизни, или он должен будет навсегда скрыться в какой-нибудь заброшенной лагуне. Но в глубине

его мозга огромное древнее солнце светило с неослабевающей силой, кроме того, он услышал шепот Бодкина:

— Исключительно мощные насосы. Вода убывает на два-три фута в минуту. Осталось совсем недалеко до дна. Фантастика!

Прозвучал смех, и Стренджмен весело откинулся на своем диване, вытирая глаза салфеткой. Освободившись от подготовки этого зрелища, он теперь наслаждался растерянностью своих гостей. Наверху, на месте рулевого, стоял Адмирал и с восторгом смотрел на воду. Его голая грудь сверкала в мерцающем свете, как медный таз. Два или три человека рядом с ним держали причальные концы, ориентируя корабль, чтобы он не задел никаких строений. Два катера, ранее исчезнувшие на краю лагуны, теперь появились вновь; мощные насосы, стоявшие на них, поглощали воду. Вскоре они скрылись из виду, заслоненные выступившими из воды зданиями. Оставалось вычерпать десять-двенадцать футов воды, а в ста ярдах показался третий катер, успевший уже сесть на мель.

Стренджмен подошел к перилам.

— Великолепно, не правда ли, доктор Бодкин? Какая шутка, какой истинно совершенный спектакль! Пойдемте, доктор, посмотрим все это поближе, а то вы выглядите таким надутым. Поблагодарите меня! Организовать это было несложно.

Бодкин кивнул и все еще с напряженным лицом двинулся вдоль перил.

— Но как вы замкнули периметр? Ведь стен у лагуны нет.

— Теперь они появились, доктор. Я думал, вы специалист по морской биологии. Водоросли, растущие в болотной грязи, превратили ее в водонепроницаемую преграду; оста-

вался лишь один небольшой проход, но мы закрыли его за пять минут

Вокруг них в тусклом свете вырисовывались улицы с проржавевшими корпусами автомобилей и автобусов. Огромные морские звезды шевелились в лужах, из окон свешивались водоросли.

Бодкин оцепенело произнес, вспомнив название этого места

— Лейстер-сквер.

Стрэнджен, перестав смеяться, повернулся к нему. Его глаза жадно осматривали портики кинозалов и театров.

— Итак, теперь вы знаете, где мы находимся и куда вы хотели попасть, доктор! Жаль, что вы не помогли нам раньше, когда мы только прибыли сюда. — Он с проклятием стукнул кулаком по перилам и схватил Бодкина за руку — Клянусь Господом, именно сейчас у нас и пойдут дела! — С усмешкой он отвернулся от них и бросился вниз по лестнице, отодвинув по дороге обеденный стол. Издали послышались его обращенные к Адмиралу слова.

Беатриса, прижав руку к горлу, с тревогой следила за Стрэндженом

— Роберт, он сумасшедший! Что нам делать? Он осушит все лагуны!

Керанс кивнул, думая о превращениях капитана, свидетелем которых он был. С появлением затонувших улиц и зданий мансры Стрэндженена резко изменились. Всё следы вежливой утонченности и элегантного юмора исчезли, он стал бессердечным и коварным, в него как бы вошел дух хулигана пригородных улиц.

Было похоже, что вода, затопившая города, изменила на время его истинный характер, придав ему внешний лоск и утонченность

На палубу упала тень соседнего здания, закрыв часть большой картины темным завесом. Различалось лишь несколько фигур. Эсфири, негр-гондольер и среди них единственная белая фигура — безбородого члена Совета Десяти. Как и предрекал Стренджмен, Беатриса выполнила свою символическую роль и Нептун сдался и отступил.

Керанс сразу узнал круглый корпус экспериментальной станции, лежавшей на крыше кинотеатра, как огромный валун на краю обрыва. Здания, составлявшие периметр лагуны, теперь закрывали полнеба, оставив людей на влажном дне каньона

— Не расстраивайтесь, — сказал Керанс. Он поддержал Беатрису, когда корабль достиг дна и слегка накренился. — Они уйдут после того, как обшарят все магазины и музеи. В любом случае, через одну-две недели начнутся дожди

Беатриса вздрогнула при виде летучих мышей, перелетавших от одного карниза к другому

— Но все стало так отвратительно! Не могу поверить, что здесь прежде кто-то жил. Похоже на воображаемый город ада. Роберт, мне необходима лагуна

— Ну что ж, мы можем уйти и двинуться на юг через илистые отмели. Что вы думаете об этом, Алан?

Бодкин медленно покачал головой, все еще слепо глядя на темные здания вокруг площади.

— Вы вдвоем уходите, а я должен остаться здесь.

Керанс заколебался.

— Алан, — мягко предупредил он, — Стренджмен теперь получит все, в чем нуждается. Мы для него бесполезны. А чуть позже мы станем нежеланными гостями.

Но Бодкин не слушал его. Он смотрел вниз, на улицы, вцепившись в перила, как человек перед прилавком огромного магазина, торгующего воспоминаниями детства.

Вода с улиц исчезла. Ближайший катер застрял на тротуаре. Его экипаж во главе с Великим Цезарем спрыгнул в воду, которая доходила людям до пояса, и побрел к пароходу.

Пароход, последний раз качнувшись, прочно встал на днище. Послышались крики капитана и его подчиненных отталкивавших баграми путаницу телеграфных проводов. С борта спустили маленькую шлюпку, и под торжествующие возгласы Адмирал через мелеющую воду перевез Стренджмена к фонтану в центре площади. Здесь Стренджмен вытащил из кармана пистолет и с криком начал очередь за очередью пускать в темнющее небо ракеты.

11. Баллада о Мисте Костлявом

Через полчаса Беатриса, Керанс и доктор Бодкин смогли выйти на улицы, хотя повсюду виднелись большие лужи, а вода вытекала из окон и дверей зданий, хотя она не поднималась выше двух-трех футов. Показались сухие полоски тротуара в сотни ярдов длиной, а большинство улиц совершенно просохли. Рыбы и водоросли гибли посреди мостовых, на тротуаре, в сточных канавах отложились горы тины, но, к счастью, уходя, вода проделала в них широкие проходы.

Экипаж во главе с капитаном в белом костюме, пускающим разноцветные сигнальные ракеты в полутьму улиц, шел нестройной орущей толпой. Некоторые тащили бочонки с ромом, другие размахивали бутылками, мачете и гитарами. Несколько насмешливых выкриков «Миста Костлявый» пос-

lyшалось, когда Керанс помогал Беатрисе спускаться с трапа, и вслед за тем трое, отделившись от остальных, углубились в молчаливые улицы.

Неуверенно взглянув на джунгли, возвышавшиеся со всех сторон и превращавшие обмелевшую лагуну в гигантский конус потухшего вулкана, Керанс направился по тротуару к ближайшему зданию. Он и его спутники попали в вестибюль одного из огромных кинотеатров, где морские ежи вяло ползали по влажному кафельному полу, а в помещении кассы валялись мокрые долларовые бумажки.

Беатриса одной рукой подобрала свою длинную юбку, и они медленно двинулись вниз вдоль выстроившихся в ряд кинотеатров, кафе и дансингов, населенных теперь лишь ракушками и моллюсками. На первом же углу они свернули в сторону, удаляясь от шума разгула, слышного с противоположной стороны, и пошли на запад по влажному каньону. Над головой у них продолжали взрываться разноцветные сигнальные ракеты, и тонкие, кажущиеся стеклянными губки отражали голубые и розовые вспышки.

— Ковентри-стрит, Хаймаркет...

Керанс читал заржавевшие таблички с названиями улиц. Они быстро свернули в одну из дверей, так как Стренджмен и его банда двинулись обратно через площадь во вспышках света и шума, срезая с помощью мачете проржавевшие витрины магазинов.

— Будем надеяться, что они найдут что-нибудь, что удовлетворит их, — пробормотал Бодкин. Он разглядывал потемневшую линию горизонта, как бы ища ушедшую воду, которая прежде скрывала город.

Несколько часов они, как одинокие привидения, бродили по узким улицам, изредка встречая кого-нибудь из членов загулявшего экипажа, пьяно бредущего с остатками награб-

лленного в одной руке и мачете в другой. На нескольких перекрестках разожгли маленькие костры, и группки по два-три человека грелись вокруг горящего гнилого дерева. Избегая их, троица двигалась к южному краю бывшей лагуны, где в темноте возвышался дом Беатрисы, чей навес виднелся на фоне звезд.

— Вот она, посмотрите! — сказал Керанс Беатрисе. Он указал на влажную гору ила, которая достигала окон пятого этажа и являлась частью огромного вала слежавшейся глины, о котором упоминал Стренджмен. Эта плотина окружала теперь лагуну, образуя на пути моря водонепроницаемую преграду. Вдали поперек улицы они видели ту же вязкую массу.

Тут и там дамба опиралась на поддержку большого здания — церкви или правительственной постройки, — включив его в свою огромную окружность, шедшую вдоль всей лагуны. Одно из таких зданий оказалось у них на пути, и Керанс ускорил шаги, когда они подходили к планетарию. Он с нетерпением ждал, пока подойдут остальные, которые задержались у пустых витрин большого универмага или смотрели на черный поток тины, медленно стекающей по лестнице в грязный бассейн посреди улицы.

Даже небольшие здания были закрыты, прежде чем их покинули, и поломанные и заржавевшие металлические щиты и решетки закрывали вход в них. Все покрывал тонкий слой тины, и Керансу показалось, что город вынырнул из канализации. Когда придет Судный день, подумал он, легионы мертвых вынуждены будут выйти из него в грязных саванах.

— Роберт. — Бодкин взял его за руку, указывая вперед. В пятидесяти ярдах от них стоял угрюмый затененный купол планетария, металлическое покрытие которого слабо блес-

тело в случайных вспышках ракет. Керанс осмотрелся, узная окружавшие здания, тротуар и фонарные столбы, затем неуверенно, но с любопытством пошел вперед, к этому пантеону, полному для него ужасов и загадок.

Губки и бурные водоросли усеивали тротуар, по которому они осторожно приближались к входу, выбирая путь среди груд ила, загромождавших улицу. Стебли растений, которыми порос купол, спускались над входом, как гниющий занавес. Керанс раздвинул листья и осторожно заглянул в темное фойе. Везде лежал толстый слой черной грязи, слегка шевелившийся, так как там погибали населявшие его морские животные, их плавучие мешки разрывались, выпуская пузыри воздуха. Эта грязь находилась везде: на билстной кассе, на лестнице, ведущей на антресоли, на стенах и дверных панелях. Не существовало больше магического чрева, которое манило его при погружении, теперь оно превратилось в свалку гниющих органических останков. Непрозрачное покрывало таинственности исчезло, его заменил вход в канализацию.

Керанс медленно прошел в фойе, вспоминая магический полумрак аудитории и странные очертания созвездий на куполе. Он почувствовал тяжелый запах, шедший отовсюду.

Быстро взял Беатрису за руку, он пошел к выходу на улицу.

— Бьюсь, что вся магия исчезла, — спокойно заметил он и принужденно рассмеялся. — Вероятно, Стренджмен сказал бы, что самоубийце никогда не следует приходить туда, где он пытался убить себя.

Пытаясь найти кратчайший маршрут, они забрели в тупик и вынуждены были вернуться, так как на них из небольшой мелкой лужи прыгнул крокодил. Отступая между заржавевшими корпусами автомобилей, они достигли ули-

цы, преследуемые аллигаторами, один из которых остановился у фонарного столба на краю тротуара, размахивая хвостом, сжамая и разжимая челюсти. Керанс закрыл собой Беатрису. Они побежали и преодолели уже ярдов десять, когда Бодкин споткнулся и тяжело упал в кучу ила.

— Алан! Быстрее! — Керанс побежал обратно к приятелю. Над Бодкиным уже нависла голова крокодила, который, оставшись в осушенней лагуне, был раздражен, испуган и готов напасть на кого угодно.

Вдруг послышались звуки выстрелов и крики. Из-за угла вышла группа людей. Бледный Стренджмен шел впереди, сопровождаемый Адмиралом и Великим Цезарем с винтовками через плечо.

Глаза капитана сверкали, отражая вспышки сигнальных ракет. Он слегка поклонился Беатрисе и приветствовал Керанса взмахом руки. Аллигатор с перерубленной спиной забился в сточной канаве, а Великий Цезарь выхватил мачете и принялся отрубать ему голову.

Стренджмен со злобным удовольствием следил за этой сценой.

— Отвратительный зверь, — заметил он, затем вытащил из кармана большое ожерелье из фальшивых бриллиантов, перевитых водорослями, и протянул его Беатрисе.

— Для вас, дорогая. Как и все остальные жемчуга этого мертвого моря. — Он ловко застегнул подарок у нее на шее. Водоросли среди сверкающих камней на белой груди сделали Беатрису похожей на глубоководную наяду.

Полюбовавшись девушкой, он отправился дальше, сопровождаемый криками. Троица осталась в тишине улицы рядом с безглавленным аллигатором.

На протяжении следующих нескольких дней события продолжали развиваться, а поступки людей становились все

более глупыми и бесцельными. Керанс ночами один бродил по темным улицам — днем в лабиринте было невыносимо жарко, — неспособный отвлечься от воспоминаний о старой лагуне и в то же время крепко привязанный к пустым улицам и полуразрушенным зданиям.

После первого удивления при виде осущенной лагуны он быстро впал в состояние инертности и апатии, от которого напрасно пытался избавиться. Эта тупая летаргия углублялась, и все больше и больше он чувствовал себя человеком, заброшенным в древнее море, окруженным массой предметов миллионолетней давности.

Огромное солнце, пульсировавшее в его мозгу, полностью заглушало для него звуки грабежа и разгула, взрывов и ружейных выстрелов. Как слепой, блуждал он по площадям и улицам, его белый обеденный пиджак загрязнился, изорвался и вызывал насмешки моряков, которые, встретив, игриво похлопывали его по плечам. В полночь он бродил среди пьяных певцов на площади или сидел рядом со Стренджменом среди его пиратов, скрываясь в тени парохода, глядя на танцующих и прислушиваясь к звукам барабанов и гитар, которые заглушали биение огромного черного солнца в его мозгу.

Он оставил всякие попытки вернуться к себе — канал перекрыли двумя катерами с насосами, а соседние лагуны кишили аллигаторами, — и днем либо спал в доме Беатрисы на диване, либо в полудреме сидел на верхней палубе парохода. Большинство членов экипажа спало среди пустых корзин или спорило о своей доле в добыче, с нетерпением ожидая сумерек. Они оставляли его в одиночестве. По нынешней искаженной логике жизни было безопаснее оставаться рядом с капитаном, чем пытаться продолжать свое прежнее одиночное существование. Бодкин попытался остаться в уедине-

нии, вернувшись на экспериментальную станцию, — теперь ему приходилось взбираться туда по крутой пожарной лестнице, — но во время одного из своих полуночных путешествий по университетскому кварталу за планетарием он был схвачен и сильно избит группой пьяных моряков. Включившись в свиту Стренджмена, Керанс окончательно признал его абсолютную власть над лагуной.

Однажды он заставил себя навестить Бодкина и нашел его лежащим на койке. Работал самодельный кондиционер. Как и Роберт, Алан казался изолированным на маленьком островке в безбрежном море времени.

— Роберт, — пробормотал он своими разбитыми губами, — уходите отсюда. Берите ее, эту девушку, — тут он остановился, вспоминая имя, — Беатрису, и ищите другую лагуну.

Керанс кивнул, стараясь поместиться в узкий конус прохладного воздуха, идущего из кондиционера.

— Я знаю, Алан, Стреджмен безумен и опасен, но по какой-то причине я еще не могу уйти. Не знаю, почему, но что-то есть здесь, в этих обнажившихся улицах. — Он помолчал задумчиво. — Кстати, что это? Я чувствую, что какой-то злой дух владеет моим мозгом, и вначале я должен разделаться с ним.

Бодкин попытался сесть.

— Керанс, послушайте. Берите ее и уходите. Сегодня же вечером. Время здесь больше не существует.

В лаборатории внизу бледно-коричневая пена покрыла полукруг таблиц и лабораторные столы. Керанс сделал было неуверенную попытку подобрать упавшие на пол бумаги, но потом отказался от нее и провел следующий час, стирая свой выходной пиджак в луже воды.

Возможно, чтобы передразнить его, несколько членов

экипажа нарядились в черные смокинги и повязали галстуки. В одном из складов они обнаружили большой запас вечерних нарядов в водонепроницаемой пленке. Подстрекаемые капитаном, с полдюжины моряков нарядились и понеслись по улицам в стремительном веселье. Полы смокингов разевались, делая толпу похожей на участников какого-то шутовского карнавала дервишей.

После первых попыток грабеж был организован более серьезно. Стрэндженмэн почему-то больше всего интересовался произведениями искусства. После тщательной разведки он обнаружил главный городской музей. Но, к его разочарованию, здание оказалось пустым, и единственной находкой стала большая мозаика, которую теперь его люди кусок за куском переносили из зала музея на верхнюю палубу парохода.

Это разочарование побудило Керанса предупредить Бодкина, что Стрэндженмэн может вымстить свою досаду на нем. Но когда на следующий день в начале вечера Керанс вновь посетил экспериментальную станцию, он обнаружил, что доктор Бодкин исчез. Кондиционер истратил все горючее, и прежде, чем покинуть станцию, Бодкин открыл окна. Теперь в помещении стоял тяжелый запах.

Любопытно, что исчезновение Бодкина мало обеспокоило Керанса. Погруженный в себя, он решил, что биолог двинулся на юг в поисках другой лагуны.

Беатриса, однако, все еще находилась здесь. Как и Керанс, она была постоянно погружена в мечты. Днем Роберт редко видел ее: она обычно оставалась в постели. Но по вечерам, когда становилось прохладнее, она всегда спускалась из-под своего навеса среди звезд и присоединялась к Стрэндженмену и его пиратам. Она равнодушно сидела рядом с ним на диване посредине улицы в своем

синем вечернем платье, и волосы ее украшали три или четыре диадемы, которые Стренджмен похитил в одном из ювелирных магазинов, а грудь ее скрывалась среди массы сверкающих цепей и ожерелий, как у безумной королевы в драме ужасов.

Капитан обращался с ней со странной почтительностью, но не без оттенка враждебной вежливости, как будто она была племенным тотемом, ответственным за удачу и хороший ход дел, власть которого и влечет, и тяготит. Керанс старался находиться рядом с ней. В тот вечер, когда исчез Бодкин, он наклонился к ней через груду диванных подушек и сказал:

— Беа, Алан ушел! Старый Бодкин. Он виделся с вами перед уходом?

Глядя на пылавшие на площади костры и пляшущих негров, девушка сказала:

— Прислушайтесь к барабанному бою, Роберт. Как вы думаете, сколько тут солнц?

Выглядящий более дико, чем когда-либо, после танца среди лагерных костров, Стренджмен растянулся на диване. Его лицо было белым как мел. Опираясь на локоть, он смотрел на биолога, сидевшего рядом с ним.

— Знаете, почему они боятся меня, Керанс? Адмирал, Великий Цезарь и остальные. Я раскрою вам свой секрет. — Он перешел на шепот: — Они считают меня мертвецом.

Захохотав, он опрокинулся на диван.

— О Боже, Керанс! Что мне делать с вами? Выйдите из своего транса, черт побери! — Он посмотрел на приближающегося Великого Цезаря, который отбросил мертвую голову крокодила. — Что? Песня для доктора Керанса? Великолепно! Вы ее слышали когда-нибудь, доктор? Тогда послушайте, это баллада о Мисте Костлявом.

Прочистив горло, размахивая руками и жестикулируя, огромный негр начал глубоким гортанным голосом:

— *Миста Костлявый любил сухопарых,
Худую девчонку нашел,
Не толще девчонка банана,
От чувства с ума он сошел.*

*Хитрей трех пророков, она приказала
Купаться в змеином вине,
Крещеньем хозяин болот аллигатор
Остался доволен вполне.*

*Миста Костлявый поехал рыбачить
В заливе с другим рыбаком
И вынул он свой черепаховый камень
И с ним поменялся тайком.*

*О, это была превосходная штука,
Такой не придумать святым.*

*В обмен он девчонку не толще банана
За камень навек получил*

*Ликует на радостях Миста Костлявый
Но молвят пророки ему:
«Не будет тебе с сухопарою счастья,
С худой жизни нет никому»*

*Но Миста Костлявый не принял наставлению,
Он сам мудрым стал, как змея
И он станцевал для возлюбленной верной
И дом в два банана собрал.*

Вдруг Стренджмен с внезапным криком вскочил с дивана и побежал мимо Великого Цезаря к центру площади, указывая на вершину стены, составлявшей часть периметра лагуны. На фоне темнеющего неба там была видна маленькая квадратная фигура доктора Бодкина, медленно пробирающегося среди нагромождений упавших стволов к устью

протока, соединяющего водоемы. Не зная, что его видят снизу, он открыто держал в руках маленький деревянный ящик с привязанным к нему горящим бикфордовым шнуром.

В испуге Стренджмен закричал:

— Адмирал, Великий Цезарь, хватайте его, у него бомба!

В панике все, кроме Беатрисы и Керанса, бросились бежать. Справа и слева загремели выстрелы. Бодкин неуверенно остановился, огонь запального шнура заискрился у его ног. Затем он повернулся и пошел по краю заграждения.

Керанс вскочил на ноги и побежал за остальными. Когда он достиг стены плотины, Стренджмен и Адмирал взбирались по пожарной лестнице, над их головами громыхнуло ружье Великого Цезаря. Бодкин оставил бомбу в центре и уходил по крышам.

Ухватившись за последнюю ступеньку, капитан взлетел на дамбу, в несколько прыжков добежал до бомбы и перебросил ее в наружный залив. Когда замер всплеск, снизу раздались крики одобрения. Переведя дыхание, Стренджмен расстегнул куртку и извлек из кобуры короткоствольный пистолет тридцать восьмого калибра. Зловещая улыбка застыла на его лице. Подстегиваемый криками моряков, он двинулся за Бодкиным, который в этот момент добрался до экспериментальной станции.

Керанс, оцепенев, слышал невнятные крики. Он вспомнил предупреждение Бодкина и подумал, что Стренджмен может насилино увлечь его, Роберта, своим отрядом. Он медленно побрел обратно на площадь, где на груде диванных подушек все еще сидела Беатриса, а рядом с нею на земле валялась голова аллигатора.

Подойдя к девушке, он услышал чьи-то приближающиеся шаги. Оглянувшись, он увидел Стренджмена, чьи губы по-прежнему искажала зловещая улыбка. Великий Цезарь и

Адмирал следовали за ним, уже сменив ружья на мачете, а остальные члены экипажа развернулись, окружая Керанса.

— Со стороны Бодкина это было очень глупо, не правда ли, доктор? И слишком опасно. Этот проклятый старик чуть не потопил нас. — Капитан остановился в нескольких шагах от биолога, угрюмо глядя на него. — Вы хорошо знали доктора, я удивлен, что вы не предвидели этого. Не знаю, следует ли мне предоставлять шансы на выживание сумасшедшем биологам?

Он жестом дал знак Великому Цезарю, но в этот момент Беатриса вскочила на ноги и побежала к нему.

— Стренджмен! Ради Бога, хватит! Остановитесь, мы ничем не повредим вам! Ведь здесь все ваше!

Она разорвала, сдернув с шеи, свои ожерелья и цепи, сорвала с волос диадемы и бросила их на землю перед капитаном. С искаженным от гнева лицом, Стренджмен швырнул их в канаву, а Великий Цезарь, став за Беатрисой, поднял над ее головой мачете.

— Стренджмен! — Девушка ухватила его за лацканы и чуть не повалила на землю. — Вы белый дьявол, да оставьте же нас одних!

Капитан вырвался и тяжело, со свистом задышал сквозь зубы. Он дико смотрел на растрепанную женщину, стоявшую на коленях среди разбросанных жемчужин, и уже хотел было махнуть Великому Цезарю, но тут внезапная судорога исказила его правую щеку.

Он замер, неспособный справиться со спазмом. На мгновение лицо его застыло в гротескной гримасе, как у человека, страдающего столбняком. Неуверенный в приказании своего хозяина, Великий Цезарь заколебался, и Керанс отступил в тень парохода.

— Отлично! Боже, что за!.. — Стренджмен что-то пробормотал про себя и поправил одежду. Тик прекратился, и

он медленно кивнул Беатрисс, как бы предупреждая ее, что всякое дальнейшее заступничество опасно для ее жизни, затем рявкнул что-то Великому Цезарю. Мачете полетели в сторону, но прежде чем девушка смогла сказать слово, вся банда бросилась на Керанса с кулаками, дико крича

Доктор биологии старался уклониться от драки, решив, что это грубое развлечение вызвано необходимостью снять напряжение после убийства Бодкина. Он перескочил через диван Стренджмена, когда матросы приблизились к нему но обнаружил, что путь к отступлению отрезан Адмиралом, который переступал с ноги на ногу в своих белых теннисных брюках, как танцор

Внезапно он прыгнул вперед и сбил Керанса с ног. Тот тяжело опустился на диван, и тут же дюжина коричневых рук схватила его за шею и плечи и опрокинула на покрытую булыжником мостовую. Он безуспешно пытался освободить ся. В просвете между телами нападавших он увидел Беатрису и Стренджмена. Крепко схватив девушку за руку, капитан тащил ее вверх по трапу

Большая шелковая подушка закрыла лицо Роберта, и тяжелые кулаки начали выбивать барабанную дробь на его спине и шее.

12. Праздник черепов

— Праздник черепов!

Подняв кубок в мерцающем свете и пролив его янтарное содержимое на одежду, Стренджмен испустил крик радости и спрыгнул с фонтана, когда телега свернула в сторону. Ее везли шесть потных обнаженных по пояс матросов,

впряженных в нее. Прогрохотов по булыжникам площади, по горячей золе и угольям костров, она, наконец, стукнулась о край помоста и вывалила свой груз к ногам Керанса. Немедленно рядом с ним образовался поющий круг: коричневые руки отбивали возбуждающий ритм, белые зубы сверкали, как дьявольские игральные кости, голые пятки отбивали чечетку. Адмирал прыгнул вперед, расчищая путь среди танцующих, а Великий Цезарь со стальным трезубцем, к которому была привязана груда водорослей, наклонился над помостом и с торжественным поклоном швырнул этот ворох в воздух над троном.

Роберт беспомощно качнулся вперед, когда остро пахнущие водорослисыпали его голову и плечи, огни костров отражались в позолоченных ручках его трона. Гул барабанов вокруг него совпал с внутренним барабанным ритмом древнего солнца, и биолог позволил себе повиснуть всем телом на окровавленных ремнях, связывавших его запястья, равнодушный к боли так, как все время терял сознание. У его ног у основания трона сверкала белизной груда человеческих костей: тонкие берцовы и бедренные кости, чопатки, похожие на мастерки, и мешанина ребер и грудных клеток — и даже два осколенных черепа. Свет отражался на их голых макушках и мерцал в пустых глазницах, испускаемый из керосиновых фонарей, которые держали статуи, расставленные на площади вокруг трона. Танцоры образовали длинную волнистую линию и во главе со Стренджменом начали извиваться вокруг мраморных нимф.

Получив короткую передышку, пока танцоры двигались по площади, Керанс откинулся на обитую бархатом спинку трона, судорожно попытавшись высвободить свои связанные запястья. Водоросли окутывали его шею и плечи, нависали на глаза с оловянной короны, которую капитан натянул ему на брови. Уже высохшие, водоросли издавали тяжелый за-

пах. На краю помоста, возле кучи костей и пустых бутылок из-под рома, виднелась груда раковин, разорванных на куски морских звезд и другого мусора, которым его забрасывали, до того как отыскать мавзолей с костями.

В двадцати футах за ним возвышался темный корпус парохода, на палубе которого все еще горело несколько огней. Две ночи продолжалась оргия, — очевидно, Стренджмен решил совершенно измучить свой экипаж. Керанс пребывал в состоянии беспомощной полубессознательной задумчивости, его боль смягчалась ромом, насилино влитым ему в горло, это символизировало окончательное унижение, которому подвергался Нептун — владыка враждебного и пугающего моря. Затуманенное сознание застилало все, что он видел, мягким покровом кровавого цвета. Смутно он чувствовал боль в своих связанных запястьях и измученном теле, но сидел терпеливо, исполняя роль Нептуна, на которую его обрекли. Он принимал мусор и оскорблений, выплескиваемые на него экипажем, выражавшим тем самым свой страх и ненависть к морю. Какими бы ни были причины этого, Стренджмен все еще не хотел убивать его, и экипаж, ощущая эту нерешительность своего главаря, облекал оскорблений и пытки в форму гротескной и шумной веселой шутки, делая вид, что, укутывая его водорослями и забрасывая мусором, они поклоняются ему

Цепь танцоров вновь приблизилась и образовала вокруг него поющий круг с капитаном в центре — он, очевидно, не хотел слишком близко подходить к Керансу, боясь, что окровавленные запястья и разбитое лицо заставят его осознать всю жестокость этого затянувшегося ужасного преступления.

Вперед вышел Великий Цезарь, его опухшее уродливое лицо теперь напоминало морду гиппопотама. Неуклюже подпрыгивая в ритме барабанного боя, он выбрал череп и берццовую кость из кучи у трона и начал выбивать дробь, барабаня

по височным и затылочным долям. Несколько моряков присоединились к нему, и под треск берцовых, лучевых и локтевых костей начался безумный танец. Ослабев, еле различая угрюмые искаженные лица извивавшихся в фуре или двух от него людей, Керанс ждал, пока танец прекратится, потом откинулся на спину и постарался защитить глаза от вспышек сигнальных ракет, на мгновение озарявших корабль и фасады окружающих его зданий. Это означало конец пиршества и начало новой работы. С криками капитан и Адмирал выбежали из беснующейся толпы. Телегу оттащили, гремя металлическими ободьями ее колес о булыжники, керосиновые светильники погасили. Через минуту площадь стала темной и пустой, лишь несколько костров шипя догорали среди раскиданных диванных подушек и брошенных барабанов. Их уга-сающий блеск время от времени отражался в позолоченных ручках трона и белых костях, валявшихся на земле.

Всю ночь, с небольшими промежутками, небольшие группы грабителей появлялись на площади, таща добычу: бронзовую статую, часть портика, затем грузили вещи на корабль и исчезали вновь, не обращая внимания на неподвижную фигуру, скрючившуюся в тени на троне. Почти все время биолог спал, невзирая на усталость и боль. Проснувшись от прохлады за несколько минут до рассвета, он позвал Беатрису. Он не видел ее с момента своего пленения после смерти Бодкина и был уверен, что Стренджмен закрыл ее на пароходе.

Наконец, после взрывающейся ночи с ее барабанным боем, огнями костров, вспышками сигнальных ракет, над затененной площадью поднялся рассвет. Через час центр бывшей лагуны и окружающие его улицы замерли в молчании, только отдаленный шум кондиционеров на пароходе напоминал Керансу, что он не один. Каким-то чудом он вынес предыдущий день, выжил, сидя на солнцепеке, в не-

выносимой жаре, защищенный только плащом из водорослей, спадающих с короны. Как выброшенный на берег Нептун, он смотрел из своего растительного шатра на ковер солнечного бриллиантового света, покрывший кости и гниющие отбросы. Однажды он услышал, что на палубе корабля открыли люк, и догадался, что капитан вышел из своей каюты, чтобы взглянуть на него. Через несколько минут на Керанса опрокинули ведро ледяной воды. Он лихорадочно хватал холодные капли, падавшие с водорослей в рот, как замерзшие жемчужины. Немедленно вслед за этим он впал в глубокое оцепенение, очнувшись только в сумерки, когда веселье началось вновь.

Капитан, подойдя к нему и критически осмотрев его, со странным выражением жалости пробормотал: — Керанс, вы еще живы, как это вам удалось?

Это замечание поддерживало Керанса весь следующий день, когда полог полудня лежал на площади полосами нестерпимо яркого солнца, как пластины параллельных вселенных, сплавившихся в единое целое под действием невыносимой жары. Воздух обжигал его кожу как огнем. Он равнодушно смотрел на мраморные статуи и думал о Хардмане, двигавшемся сквозь столбы света на своем пути к солнцу и исчезнувшем среди сверкающего пепла. Та же сила, которая спасла тогда лейтенанта, прявила себя теперь и в Керансе, каким-то непостижимым путем преобразовав его метаболизм так, что он смог выдержать эту жару. За ним по-прежнему наблюдали с палубы. Однажды большая, трех футов длины, саламандра выползла из костей перед ним, и ее огромные зубы, похожие на обломок обсидиана, щелкнули, когда она почуяла запах человека; с палубы прогремел выстрел, и ящерица превратилась в окровавленную массу у его ног.

Как рептилии, неподвижно сидящие в солнечном свете, он терпеливо ждал конца дня.

И вновь Стренджмен, обнаружив его истощенным и оцепеневшим, но, несомненно, живым, казался пораженным. Нервная гримаса исказила его рот, он раздраженно взглянул на Великого Цезаря и экипаж, окруживший трон при свете факелов. Люди были не менее поражены, чем сам капитан.

Когда Стренджмен закричал, приказывая принести барабаны, его приказ на этот раз был выполнен значительно менее быстро.

Решив окончательно покончить с неожиданно возникшим влиянием Керанса на экипаж, Стренджмен разрешил доставить с корабля еще две бочки рома. Он хотел усыпить бессознательный страх своих людей перед биологом-Нептуном и морем, которое он символизировал и которое ему покровительствовало. Вскоре площадь заполнилась шумными матросами, которые то и дело подносили к губам бутылки и фляжки с ромом и неуклюже плясали под звуки барабанов. В сопровождении Адмирала Стренджмен передвигался от одной группы к другой, побуждая их на еще большие беспутства. Великий Цезарь надел себе на голову аллигатора и кружился посреди площади в сопровождении пляшущих моряков.

Устало Керанс ждал развязки. По приказу Стренджмена трон был снят с помоста и установлен на телеге. Доктор биологии расслабившись лежал на его спинке, глядя на темные фасады зданий, пока Великий Цезарь нагромождал у его ног кости и сухие водоросли. Приблизилась пьяная процессия. Моряки ухватились за телегу и потащили ее вдоль площади, опрокидывая статуи, оказавшиеся у них на пути. Сопровождаемые криками и приказами капитана и Адмирала, которые бежали за телегой, безуспешно пытаясь вы-

ровнять ее ход, они, все ускоряя свой бег, свернули на улицу Телега накренилась и сбила ржавый фонарный столб. Колотя своими огромными кулаками по головам, Великий Цезарь пробился к оглоблям и замедлил ее движение.

Теперь Керанс сидел на качающемся троне высоко над их головами, и прохладный воздух медленно оживлял его. Он с бессознательной отчужденностью смотрел на церемонию под ним, чувствуя, что его везут по осущенным улицам бывшей лагуны, как если бы он действительно был похищенным Нептуном, которого против его воли заставляли освящать эти районы затонувшего города, оторванные у морской стихии Стренджменом.

Постепенно, по мере того как усталость отрезвляла головы моряков и заставляла перейти на шаг, люди между оглоблями начали петь что-то, звучавшее, как старый гаитянский религиозный гимн: проникновенная напевная мелодия, словно оплакивавшая кого-то, подчеркивала их истинное отношение к Керансу. Пытаясь достичь какой-то своей непонятной цели, Стренджмен начал что-то выкрикивать и стрелять из пистолета, заставляя процессию все время менять направление; когда же они проходили мимо планетария, Великий Цезарь взобрался на телегу и, одной рукой вцепившись в трон, как огромная обезьяна, другой сорвал с себя голову аллигатора и надвинул ее на Керанса по самые плечи.

Ослепленный и почти задохнувшийся от отвратительного запаха, Роберт беспомощно качался из стороны в сторону на вновь увеличивавшей скорость телеге. Люди у оглобель, не понимая, куда двигаться, метались из стороны в сторону под крики своих предводителей, а Великий Цезарь подгонял их ударами кулаков. Полностью лишившись управления, повозка дергалась и качалась, едва вписываясь в узкую ули-

шу; затем, оказавшись на более широкой дороге, вновь увеличила скорость. Когда они огибли угол, Стренджмен что-то приказал Великому Цезарю, и тот всей тяжестью навалился на правый борт, так что телега наклонилась и своим краем задела тротуар. В таком положении она прошла еще с пятьдесят ярдов, сбивая с ног моряков, а затем с грохотом врезалась в стенку и опрокинулась.

Вырванный из своих креплений, трон вылетел на середину улицы и упал. Керанса выбросило лицом вниз, удар о землю смягчил влажный ил, голова аллигатора свалилась, но он все еще был привязан к сиденью. Два или три моряка распластались рядом с ним, а над ними в душном воздухе медленно вращалось колесо телеги.

Задыхаясь от хохота, капитан бил в спины Адмирала и Великого Цезаря. Вскоре весь экипаж вновь собрался вокруг главаря. Они осмотрели разбитую повозку, потом подошли к опрокинутому трону. Стренджмен величественно поставил на него ногу. Постояв так достаточно долго, чтобы убедить своих последователей в полном бессилии пленника, он вытащил свой сигнальный пистолет и пошел прочь по улице, увлекая за собой остальных. Банда двинулась вперед с криками и шумом.

Крепко привязанный под перевернутым троном, Керанс пошевелился, испытывая тупую боль. Его голова и правое плечо наполовину погрузились в подсыхающий ил. Он попытался ослабить веревку, связывавшую руки, но не смог, ее завязали слишкомочно.

Упираясь плечами, он попытался перевернуть трон, и тут заметил, что левая ручка трона выскочила из своего гнезда. Тогда он прижал веревку к острому краю паза и начал медленно, волоконце за волоконцем, перетирать ее.

Освободив руку, он бессильно опустил ее и подождал,

пока восстановится кровообращение, а затем начал растирать избитые губы и щеки, разминать застывшие мышцы груди и живота. Потом с трудом развязал узел на второй руке, воспользовавшись краткими вспышками сигнальных ракет.

Пять минут он неподвижно лежал под троном, прислушиваясь к голосам, удалявшимся в направлении корабля. Постепенно они замолкли, и улица превратилась в молчаливое ущелье, слабо освещенное фосфоресцирующим светом тысяч умиравших микроорганизмов, которые набросили священный покров на здания, превратив улицу в уголок прозрачного города.

Выбравшись из-под трона, он уверенно встал на ноги, споткнулся о тротуар и прислонился к стене; в голове у него стучало. Он прижался лицом к холодному, все еще влажному камню, глядя вдоль улицы, по которой ушел со своими людьми Стрэнджмен.

Внезапно, прежде чем его глаза чуть не закрылись от усталости, он увидел две фигуры, одну — в знакомом белом костюме, вторую, огромную и горбатую: они приближались к нему.

— Стрэнджмен... — прошептал Керанс. Он застыл, украдывшись в тени стены. Два человека были еще далеко, в ста ярдах от него, но он различал уверенную решительную походку капитана, а когда на проходивших упал луч света и отразился от предмета, зажатого в руке Великого Цезаря, он узнал мачете, которым чуть было не лишили жизни Бетрису.

В поисках укрытия Керанс двинулся вдоль стены. Через несколько ярдов он обнаружил вход в большую сводчатую галерею, проходившую через здание и ведущую на параллельную улицу, в пятидесяти ярдах к западу. Черный ил в

фут глубиной покрывал ее пол. Керанс некоторое время согнувшись осторожно продвигался вперед, а потом пробежал по темному туннелю к дальнему концу галереи. Спасительный ил заглушал его шаги.

Он ждал у выхода галереи, укрывшись за столбом и следя за капитаном и Великим Цезарем, подходившими к трону. Мачете в огромной руке мулата казалось маленьким. Стренджмен предупреждающе поднял руку, когда они подошли ближе. Он осторожно осмотрел улицу и окна ближайших зданий, как бы опасаясь появления невольных свидетелей, и на его белое лицо упал лунный свет. Затем он кивнул Цезарю и толкнул трон ногой.

Когда в воздухе зазвучали их проклятия, Керанс на цыпочках пересек улицу и углубился в лабиринт университетского квартала.

Через полчаса он занял позицию на верхнем этаже пятидесятиэтажного здания, составлявшего часть периметра лагуны. Узкий балкон проходил вдоль всего корпуса и оканчивался у пожарной лестницы, которая спускалась по ту сторону осущеной лагуны к воде, последние ступени лестницы были покрыты илом. На пластиковом полу разлились небольшие лужи, сконденсировавшиеся из полуденных испарений, и, взобравшись по центральной лестнице, Керанс лег на пол и погрузил лицо и руки в прохладную жидкость, медленно успокаивающую боль.

Его не искали. Не желая признавать своего поражения — а это было единственное истолкование, которое экипаж мог дать исчезновению Керанса, — Стренджмен, очевидно, решил принять его исчезновение, как свершившийся факт, и забыть о нем, будучи уверенным, что Керанс блуждает где-то в южных лагунах, морякам же он объявил о смерти биолога. Ночью отряд грабителей продолжал

блуждать по улицам, каждый их успех отмечался вспышками ракет.

Роберт отдыхал до рассвета, лежа в луже, позволив воде пропитать клочья его изодранного пиджака и смыть запах водорослей и ила. За час до рассвета он встал на ноги, сорвал пиджак и шорты и сунул их в трещину стены. Отвинтив стеклянный плафон бра, каким-то чудом сохранившийся неразбитым, он заботливо собрал в него воду из одной чистой лужи. К восходу солнца он набрал около кварты воды. Спустившись на два этажа, он поймал в ванной маленькую ящерицу и убил ее кирпичом. Воспользовавшись осколками стекла как линзой, он разжег костер из сухого прогнившего дерева и жарил темное волокнистое мясо, пока оно не стало мягким. Поев и восстановив силы, он вновь взобрался на верхний этаж и нашел небольшое служебное помещение рядом с лифтом. Заклинив изнутри дверь обломком перил, он сел в углу и принялся ждать вечера.

Косые солнечные лучи падали на воду, когда Керанс на маленьком плоту греб под листьями папоротников, выраставших прямо из воды; кровавые лучи солнца превратились в огромную воронку из сапфира и жемчуга, фантастические завитки коралловых облаков обрамляли солнце. Медленные маслянистые волны катились по поверхности лагуны, вода прикасалась к листьям папоротника, как непрозрачный воск. В ста ярдах она лениво плескалась у разрушенного причала отеля Риц, качая несколько кусков дерева. Все еще удерживаемые сетью причальных тросов, пятидесятигаллоновые барабаны покачивались рядом на воде, как спины горбатых аллигаторов. К счастью, настоящие аллигаторы, которых Стренджмен разогнал по соседним лагунам, находились в своих гнездах в зданиях или рассеялись в поисках пищи по

окружающим заливам, так как игуаны разбежались при их появлении.

Керанс остановился, прежде чем пересечь открытое водное пространство, примыкающее к Рицу, и внимательно осмотрел береговую линию и ближайшие протоки в поисках часовых Стренджмена. Усилие, необходимое для постройки плота из двух пустых металлических баков для воды, утомило его, и он вынужден был долго отдыхать, прежде чем пуститься в путь. Приблизившись к причалу, он увидел, что необходимые ему тросы перепутаны, а деревянная рама пристани разбита каким-то тяжелым судном, скорее всего, гидропланом Стренджмена.

Поставив плот так, что его скрывали плавающие обломки, Керанс взобрался на балкон и через окно вошел в отель. Он быстро поднялся по лестнице. На плесени, покрывавшей ковер, были видны отпечатки чьих-то огромных ног.

Навес был сорван. Когда он открыл дверь, ведущую в помещения, к его ногам упали остатки воздушного насоса. Кто-то пронесся по комнатам в прыжке бешеною ярости, старательно разбивая все, что попадало в поле его зрения. Мебель в стиле Людовика XV была разломана на куски, оторванные ножки и ручки кресел кто-то швырял во внутреннюю стеклянную стену. Ковер, покрывавший пол, разрезали на множество узких полос и перепутали их друг с другом. Письменный стол с отломанными ножками разбили на две части, а крокодиловую кожу с его поверхности полностью срезали. Книги разбросали повсюду, а многие из них разорвали на части. Дождь ударов обрушился на камин, чем-то тяжелым разрушив его края, на зеркалах виднелись следы ударов, похожие на замерзшие взрывы.

Ступая по обломкам, Керанс прошел на террасу: прово-

лочная сетка от насекомых была разорвана, пляжные кресла, в которых он провел столько времени, разбиты и изломаны.

Как он и ожидал, фальшивый сейф возле письменного стола был вскрыт и пуст. Керанс прошел в спальню: слабая улыбка тронула его губы, когда он понял, что головорезы Стренджмена не нашли настоящий сейф, спрятанный за секретером у кровати. Мятый корпус медного компаса, бесцельно украденный им на базе, лежал на полу вместе с осколками небольшого зеркала. Осколки сложились в узор, напоминающий снежинку, а стрелка прибора по-прежнему неизменно указывала на юг. Керанс осторожно повернул резную раму в стиле барокко, освободил шарнир и повернул его, открыв нетронутый циферблат сейфа.

Потемнело, длинные тени лагуны легли на пол, когда Керанс дотронулся до циферблата. Затаив дыхание, он набрал шифр, открыл дверцу и быстро извлек тяжелый кольт сорок пятого калибра и коробку патронов. Он сел на поломанную кровать, наполнил магазин и взвесил тяжелое оружие в руке. Опустошив коробку и наполнив карманы патронами, он надел пояс и вышел в гостиную.

Осмотривая комнату, он понял, что не испытывает злобы к Стренджмену за это разрушение. В определенном смысле они вместе с осушением лагуны лишь подчеркнули то, что он молчаливо игнорировал последнее время. Но прибытие мародера Стренджмена и все, за этим последовавшее, лишь прояснило то, что подсознательно давно понимал Керанс, — необходимость оставить лагуну и двигаться на юг. Его пребывание здесь изжило себя, и оборудованные кондиционерами помещения с постоянной температурой и влажностью, с запасами горючего и продуктов стали теперь всего лишь застывшей формой его прежнего окружения, из которого он выбрался, как выбирается птенец из яйца. Разрушенная

скорлупа означала отброшенные сомнения, означала прояснение его подсознательного стремления к действию, к выходу наружу его яркого внутреннего археофизического солнца. Его прошлое, в котором были Риггс и этот разорванный навес, больше не имело никакой ценности. Сомнения и колебания, измучившие его, кончились, его стремление к неизвестному будущему стало абсолютным.

В темноте гладкий круглый корпус парохода казался бархатным животом выброшенного на берег кита. Керанс припал к земле так, что его сухощавое бронзовое тело слилось с ней. Он спрятался в узком промежутке между двумя лопастями колеса из клепаной стали, каждая из которых была пятнадцати футов длиной и четырех шириной. Только что наступила полночь, и последние партии грабителей подходили к трапу. Матросы, держа в одной руке бутылку, в другой мачете, брали через площадь, булыжники которой были усеяны раскиданными диванными подушками и барабанами, костями и различными отбросами, превратившимися в одно месиво.

Керанс выждал, пока последняя группа удалится от корабля, затем встал и высвободил кольт, закрепленный на поясе. Далеко на противоположной стороне лагуны возвышался дом Беатрисы, но его окна были темны. Вначале Керанс собирался взобраться на верхний этаж этого здания, но потом решил, что девушки там нет — скорее всего, она остается подневольным гостем Стренджмена на пароходе.

Вверху у перил появилась какая-то фигура, затем она исчезла. Прозвучал в отдалении чей-то голос, другой ответил. Люк камбуза открылся, и оттуда вниз на площадь выплеснулось полное ведро грязных помоев. Под кораблем уже накопилась целая лужа отбросов, и когда грабители вновь

заполнят лагуну, их корабль поплынет в море собственной грязи.

Наклонившись под якорной цепью, Роберт начал взбираться вверх по колесу. Оно слегка скрипнуло и повернулось на несколько дюймов под его весом. Наверху он подобрался к стальному колпаку, закрывавшему ось. Придерживаясь за винты, он выпрямился, медленно прополз по плоскости шириной в фут и перебрался на лестничную площадку. Узкая лесенка вела на наблюдательный мостик. Керанс беззвучно пошел по ней, замирая, двигаясь мимо двух нижних палуб: он боялся, что какой-нибудь матрос, мучаясь похмельем, выберется на палубу поглязеть на луну.

Прячась за выкрашенную белой краской лебедку, установленную на верхней палубе, Керанс неслышно пробирался вперед, перебегая от одного вентилятора к другому, и наконец увидел еще одну лебедку — ржавую. Она стояла рядом с обеденным столом, за которым Стренджмен когда-то принимал их. Стол был очищен от посуды, кресла и диваны поставлены в ряд у все еще стоявшей большой картины.

Внизу вновь зазвучали голоса, и трап заскрипел: еще один грабительский отряд выходил на площадь. Над крышами, далеко за дымовыми трубами, вспыхнул сигнальный огонь. Когда он погас, Керанс встал и пошел к люку, скрывавшемуся за картиной.

Внезапно он остановился, зажав в руке рукоять кольта. Меньше чем в пятнадцати футах от него в темноте вспыхнул кончик горящей сигары. Балансируя на кончиках пальцев, не в состоянии двинуться ни вперед, ни назад, Керанс всматривался в темноту рядом с огоньком и постепенно разглядел белые поля фуражки Адмирала. Мгновением позже, когда негр с наслаждением затянулся, огонек сигары отразился в его глазах.

Но вот отряд внизу покинул пощадь, Адмирал повернулся, осмотрел палубу, и Керанс услышал, как ударился о перила приклад его ружья. Адмирал сдвинул сигару в угол рта, белый конус дыма рассеивался в воздухе, как серебряная пыль. Две или три секунды он глядел прямо на Керанса, силуэт которого вырисовывался во тьме на фоне многочисленных персонажей картины, но ничем не проявил беспокойства: очевидно, он принял Роберта за часть живописной композиции. Затем медленно ушел.

Ступая осторожно и бесшумно, Керанс прошел к краю картины и нырнул в тень за нею. Полоса света из люка лежала поперек палубы. Согнувшись, держа пистолет наготове, он медленно спустился по ступенькам на вторую палубу, внимательно следя за дверьми. Помещения капитана находились прямо под мостиком. Он подождал, услышал, как в камбузе упал поднос, затем осторожно нажал на ручку, снял щеколду и молча ступил в темноту. Несколько секунд он стоял у двери, приучая глаза к слабому свету, который проникал в переднюю из-за вышитого бисером занавеса. Его босые ноги мягко ступали по толстому ковру, он подошел и заглянул внутрь.

Комната прямоугольной формы была гостиной Стренджмена. Кожаные кушетки располагались друг против друга у противоположных стен, отделанных дубом, под иллюминатором стоял большой старый глобус на бронзовой подставке. Три люстры свисали с потолка, но горела только одна. Она висела над византийским креслом с высокой спинкой, инкрустированной цветным стеклом, в дальнем конце комнаты.

Беатриса Далл лежала на кресле, откинувшись на спинку и держа одной рукой тонкую ножку позолоченного бокала, стоявшего на столике красного дерева. Шлейф ее синего

парчового платья ниспадал складками, драпируясь у ее ног, как хвост павлина, несколько жемчужин и сапфиров, выпавших из ее руки, сверкали в складках юбки, как электрические огоньки. Керанс заколебался, глядя на дверь в противоположной стене, ведущую в каюту Стренджмена, затем откинул занавес. Бисеринки легко зазвенели. Девушка не обратила на это внимания, очевидно, привыкнув к звукам звенящего бисера. В сундучках у ее ног лежала масса ювелирных изделий: ножные браслеты, позолоченные пряжки, диадемы и цепи из циркона, ожерелья из фальшивых бриллиантов, кулоны, серьги из искусственного жемчуга. Они переполняли сундуки, свешивались с одного на другой, частично лежали на полу. Керанс подумал вначале, что Беатриса находится под воздействием наркотиков: выражение ее лица было безучастным и бессмысленным, как маска воскового манекена, глаза устремлены куда-то вдаль. Потом рука ее зашевелилась, она поднесла к губам бокал с вином.

— Беатриса!

Вздрогнув, она пролила вино и в удивлении посмотрела на него. Распахнув занавес, Роберт быстро вступил в комнату и схватил девушку за локоть, когда она начала вставать с кресла.

— Беатриса, подождите! Не двигайтесь! — Он попробовал открыть дверь за креслом, она не поддавалась. — Стренджмен и его люди грабят город, я думаю, что на борту остался только Адмирал!

Беатриса прижалась лицом к его груди, ее холодные пальцы ощупывали черные кровоподтеки, пропустившие сквозь его темный загар.

— Роберт, будьте осторожны! Что там с вами случилось? Стренджмен не разрешил мне на это смотреть. — Облегчение и радость, которые она испытала при виде Керанса,

сменились тревогой. Она беспокойно оглядела комнату. — Дорогой, оставьте меня и уходите. Я думаю, капитан не причинит мне зла.

Роберт отрицательно покачал головой, потом помог ей встать на ноги. Он смотрел на изысканный профиль Беатрисы, на ее карминный лоснящийся рот и лакированные ногти, смущенный тяжелым запахом парфюмерии и шелестом ее парчового платья. После насилия и мерзостей последних дней он чувствовал себя, как археолог, наступивший в гробнице Нефертити на изящную маску.

— Стренджмен способен на все, Беатриса. Он безумен, они играли со мной в подлую игру и чуть не убили меня.

Девушка подобрала шлейф платья, отбросив драгоценности, приставшие к ткани. Несмотря на обилие украшений вокруг, на ней не осталось ни одного камня, ни одной нитки жемчуга.

— Но, Роберт, даже если мы сумеем выйти...

— Тихо! — Керанс остановился в нескольких футах от занавеса. Он следил за вздывающими и спадающими нитями бисера, стараясь вспомнить, есть ли в передней вентилятор. — Я построил маленький плот, он выдержит нас двоих. Позже мы отдохнем и построим лучший.

Он осторожно двинулся вперед, но в этот момент занавес частично распахнулся, что-то змеей мелькнуло в воздухе, и сверкающее серебряное лезвие длиной в три фута пронеслось перед ним, как огромная коса. Сморшившись от боли, он пригнулся: лезвие слегка коснулось его правого плеча, оставив рану длиной в три дюйма, и вонзилось в дубовую обшивку стены. Беатриса, замерев от ужаса, смотрела широко раскрытыми глазами.

Прежде чем Керанс смог пошевелиться, занавес открылся, и проем заполнила огромная горбатая фигура. Великий

Цезарь вошел, наклонив одноглазую голову, как бык перед препятствием. Пот струился по мускулистой груди негра, пятная его зеленые шорты. Теперь в его правой руке был зажат двенадцатидюймовый нож.

Отступив, Роберт выхватил пистолет. Единственный глаз циклопа-негра следил за ним. Тут, к несчастью, Керанс наступил на раскрытую пряжку, лежавшую на полу, и повалился на диван.

Когда он попытался встать, Великий Цезарь прыгнул на него, и нож в руке негра описал в воздухе дугу, как лопасть пропеллера. Девушка вскрикнула, но ее голос потонул в громе выстрела. Отброшенный отдачей, Роберт сел на диван. Его противник согнувшись с грохотом свалился на пол, и огромный нож выпал из его руки. Он застонал мучительно, со страшной силой, в которой выразилась вся его боль и ярость. Падая, он сорвал занавес. Мощные мускулы негра сократились в последний раз, его безжизненные конечности дернулись, и тысячи бисеринок рассыпались вокруг него по полу.

— Беатриса, пошли! — Керанс схватил ее за руку и, переступив через распростертое тело, выбежал в переднюю. Они пересекли ее и вышли к пустому бару. Наверху прозвучал чей-то крик, послышались чьи-то приближающиеся шаги.

Керанс остановился, взглянул на длинное платье Беатрисы и отказался от первоначального плана спуститься тем же путем, которым пришел.

— Мы попытаемся пройти через трап. — Он указал на неохраняемый выход с палубы. Манящие купидоны из ночного клуба с флейтами у губ танцевали с каждой стороны трапа. — Это для нас теперь единственная возможность.

На полпути вниз они почувствовали, что трап раскачи-

вается на шлюпбалках, и услышали, что Адмирал кричит что-то с борта. Грязнул выстрел, над их головами пролетела дробь. Керанс наклонился и, оглянувшись, увидел длинный ствол ружья Адмирала, торчавший над бортом.

Керанс спрыгнул на мостовую, подхватил Беатрису за талию и помог ей спуститься. Вдвоем они прижались к земле у корпуса парохода, а потом быстро побежали через площадь к ближайшей улице.

По пути, оглянувшись, Керанс заметил, что у дальних зданий появилась группа людей Стренджмена. Обменявшись криками с Адмиралом, они помчались за беглецами, отставая от них на сто ярдов.

Керанс продолжал бежать, по-прежнему сжимая револьвер, но Беатриса вдруг дернула его за руку

— Стойте, Роберт, смотрите!

Прямо перед ними, перегородив всю улицу, появилась еще одна группа, в центре которой шел человек в белом костюме.

Изменив направление, Керанс потащил Беатрису по диагонали через площадь, но первая группа отрезала им путь. С палубы взлетел сигнальный огонь и озарил все пространство розовым светом. Беатриса остановилась задыхаясь, в руке она держала сломанный каблук своей золотой туфли. Она со страхом смотрела на окружающих их людей. — Дорогой.. Роберт... скорее, обратно на корабль! Попытаемся добраться туда!

Керанс взял ее за руку, они побежали к пароходу и спрятались в тени переднего колеса, скрываясь от выстрелов за его стальными лопастями. Напряжение истощило силы Роберта, он едва удерживал револьвер.

— Керанс... — прозвучал над площадью холодный иронический голос Стренджмена. Он приближался свободной

легкой походкой, будучи уже в пределах досягаемости револьверного выстрела, но защищенный своими людьми. Все они держали наготове мачете.

— Это конец, Керанс... конец. — Стренджмен остановился в двадцати футах от него, и его губы искривились в сардонической усмешке. — Очень жаль, Керанс, но вы оказались слишком надоедливым человеком. Бросьте пистолет, иначе мы убьем и мисс Далл.

Но Роберт уже овладел своим голосом:

— Стренджмен...

— Керанс, сейчас не время для метафизических дискуссий. — Нота раздражения прозвучала в его голосе, как будто он имел дело с капризным ребенком. — Поверьте мне, на просьбы и мольбы нет времени, нет времени вообще ни для чего. Приказываю вам бросить оружие. Затем идите вперед. Мои люди считают, что вы силой завладели мисс Далл и заставили ее идти с собой, так что они ее не тронут. — Он добавил с угрозой: — Выходите, Керанс, вы ведь не хотите, чтобы что-нибудь случилось с Беатрисой? Подумайте, в какую прекрасную маску мы превратим ее лицо. — Он безумно хихикнул. — Получше, чем старая голова аллигатора, которую вы носили.

Проглотив комок в горле, Керанс сунул пистолет Беатрисе, сжав ее маленькую ладонь вокруг рукоятки. Прежде чем они смогли встретиться взглядами, он отвернулся, в последний раз вдохнув мускусный запах ее груди, потом медленно двинулся вперед, как приказал капитан. Последний ждал его с дьявольской усмешкой на губах, а потом вдруг побежал навстречу, маня за собой всех остальных.

Увидев перед собой лезвие мачете, пронизывающее воздух, Керанс повернулся и побежал вокруг корпуса судна,

стараясь добраться до противоположного борта. Но тут он поскользнулся в луже отбросов и тяжело упал на землю. Встав на колени, Керанс протянул вперед руку, точно пытаясь отвести от себя приближающуюся мачете, а потом внезапно почувствовал, как сзади кто-то подхватил его и помог обрести равновесие.

Встав на скользкие булыжники, он услышал удивленный крик Стренджмена. Группа людей в коричневых мундирах быстро вышла из-за противоположного борта корабля, в тени которого пряталась. Возглавлял группу, как всегда, аккуратный полковник Ригтс. Солдаты несли ручной пулемет с двумя ящиками патронов. Они быстро установили его на треноге перед Керансом и направили ствол на толпу, попятившуюся от них. Остальные солдаты рассыпались широким полукругом, подталкивая людей Стренджмена своими штыками.

Большинство членов экипажа в полном замешательстве отступили к центру площади, но несколько человек с ножами в руках пытались прорваться сквозь цепь. Последовала короткая предупреждающая очередь — в испуге они побросали ножи и присоединились к остальным.

— О'кей, Стренджмен, так будет лучше. — Ригтс дубинкой заставил Адмирала спуститься с палубы.

Приведенный в совершенное замешательство, капитан озадаченно посмотрел на столпившихся вокруг него солдат. Он беспомощно взирал на свой пароход, как бы ожидая, что там случится чудо и изменит положение. Однако, напротив, на полубе появились два одетых в шлемы солдата с переносным прожектором, луч которого они направили на площадь.

Керанс почувствовал, что кто-то взял его за локоть. Он оглянулся и увидел обеспокоенное лицо сержанта Макреди,

державшего в руках автомат. Вначале он не узнал сержанта и лишь с большим трудом заставил себя припомнить его орлиное лицо.

— Как вы, сэр? — мягко спросил Макреди. — Печально, что вижу вас в таком состоянии. Вы выглядите так, будто вами играли в мяч.

13. Слишком быстро, слишком поздно

К восьми часам утра Ригтс полностью овладел положением и смог поговорить с Керансом неофициально. Его штаб-квартира расположилась в экспериментальной станции, которая возвышалась над прилегающими улицами. Обезоруженные люди Стрэнджа и он сам были собраны в тени корпуса парохода под присмотром Макреди с ручным пулеметом и двух солдат.

Роберт и Беатриса провели ночь в лазарете на борту патрульного корабля Ригтса — хорошо вооруженного торпедного катера, который теперь стоял на якоре рядом с гидропланом в центральной лагуне. Отряд прибыл вскоре после полуночи, и разведывательный патруль достиг экспериментальной станции на границе осущененной лагуны в то время, когда Керанс пробрался в каюту Стрэнджа на пароходе. Услышав выстрелы, разведчики немедленно спустились на площадь.

— Я предполагал, что Стрэнджен здесь, — объяснил Ригтс. — Один из наших воздушных патрулей доложил, что видел его гидроплан в этом районе примерно месяц назад,

и я решил, что у вас будет немало беспокойства, если вы не ушли. А необходимость попытаться поднять экспериментальную станцию была лишь предлогом. — Он сел на край стола, следя за кружашим над улицами вертолетом. — Это заставит их сохранять спокойствие.

— Дейли, кажется, наконец-то обрел крылья, — заметил Керанс.

— У него была большая возможность практиковаться, — ответил Ригтс. Затем он посмотрел на Роберта своими умными глазами и осторожно спросил:

— Кстати, Хардман здесь?

— Хардман? — биолог медленно покачал головой. — Нет, я не видел его с момента его исчезновения. Вероятно, он далеко отсюда.

— Очевидно, вы правы. Я-то думал, что он живет где-нибудь поблизости. — Он приветливо улыбнулся Керансу, по-видимому, простиив ему затопление экспериментальной станции или не желая напоминать об этом так быстро. Он указал на улицы, сверкавшие внизу под лучами солнца: сухой ил на крышах и стенах напоминал высохший навоз. — Там внизу ужасно. Жаль старика Бодкина. Он должен был тогда уйти с нами на север.

Керанс кивнул, глядя на следы мачете на деревянных перилах станции, — ей были нанесены повреждения во время убийства Бодкина. Теперь кают-компания была прибрана, тело доктора, лежавшее на окровавленных таблицах в лаборатории внизу, перевезли на патрульный корабль. К своему удивлению, Керанс понял, что почти забыл своего подчиненного и не испытывал к нему почти никакой жалости. Упоминание Ригтса о Хардмане затронуло в нем гораздо более важное и значительное: пульсации огромного солнца по-прежнему магнитически бились в его мозгу, и видение

бесконечных песчаных отмелей и кроваво-красных болот юга вновь вставали перед глазами.

Он подошел к окну, снимая по пути щепку с рукава свежего форменного пиджака, и посмотрел на людей, собравшихся у парохода.

Стрэнджен и Адмирал подошли к пулемету и в чем-то убеждали Макреди, который спокойно покачал головой в знак отказа.

— Почему вы не арестовали Стрэндженя? — спросил Керанс.

Риггс коротко рассмеялся:

— Потому что я не могу предъявить ему никакого обвинения. По закону, и он это отлично знает, он был вправе защищаться и даже убить Бодкина в случае необходимости. — Когда Керанс удивленно оглянулся через плечо, Риггс добавил: — Вы помните Восстановительные земельные акты и Устав поддерживающих сил Дайка? Они все еще действуют. Я знаю все грязные дела Стрэндженя и его приятелей, но, строго говоря, он заслуживает медали за осушение этой лагуны. Если он пожалуется, мне придется давать объяснение по поводу пулемета внизу. Поверьте мне, Роберт, если бы я прибыл на пять минут позже и нашел вас разрезанным на куски, Стрэнджен заявил бы, что вы сообщник Бодкина, и я не смог бы ничего поделать. Он хитрый тип.

Усталый и невыспавшийся после трехчасового сна, Керанс наклонился над окном, болезненно улыбаясь, и попытался сравнить терпимое отношение Риггса к Стрэнджену со своим собственным восприятием этого человека. Он почувствовал, что пропасть, разделяющая их с Риггсом, увеличилась. Хотя полковник находился лишь в нескольких футах от него и подчеркивал свои аргументы энергичными

взмахами дубинки, Керанс не мог серьезно воспринимать реальность Ригтса, как будто его изображение проецировалось в экспериментальную станцию откуда-то издалека Керанс заметил, что и люди из отряда Ригтса кажутся ему не вполне реальными. Многие из прежних военнослужащих были заменены, и среди них все, кто видел сны о древней природе, в том числе Уилсон и Колдуэлл. По этой причине, а также из-за болезненно-бледных лиц и безжизненных глаз, что составляло резкий контраст с людьми Стренджмена, солдаты отряда казались неживыми и нереальными, они выполняли свои задания, как разумные автоматы.

— А как насчет грабежа? — спросил он.

Ригтс пожал плечами.

— За исключением нескольких мелочей, похищенных в старом Вудворте, он не взял ничего, что можно было бы использовать для его обвинения. Что же касается этих статуй и тому подобного, то он делает ценную работу, спасая произведения искусства, забытые здесь. Хотя в истинных мотивах этих его поступков я не уверен. — Он положил руку Керансу на плечо. — Забудьте о Стренджмене, Роберт. Он спокойно разгуливает здесь лишь потому, что знает, он имеет на это право. Иначе тут произошло бы побоище. — Он прервал себя. — Вы плохо выглядите, Роберт. Все еще видите сны?

— Постоянно. — Керанс пожал плечами. — Последние несколько дней для меня было сплошным безумием. Трудно описать, что проделывал надо мной Стренджмен — этот бледный дьявол древних язычников! Я не могу примириться с тем, что он на свободе. Когда вы собираетесь затоплять лагуну?

— Затоплять лагуну? — повторил Ригтс, в изумлении качая головой. — Роберт, вы действительно потеряли связь

с реальностью, и чем быстрее вы уберетесь отсюда, тем лучше Я совершенно не собираюсь затоплять лагуну. Больше того. Если кто-нибудь попробует сделать это, я лично прострелю ему голову. Осушенная земля, особенно в местности этого типа, то есть в центре большого города, является ценностью класса А-1. Если Стренджмен на самом деле собирается осушить соседние лагуны, он не только будет с извинениями освобожден, но и может быть назначен генерал-губернатором города. — Он посмотрел через окно на сверкающие в лучах солнца металлические перила пожарной лестницы. — Хотя я не знаю, что он на самом деле предпримет.

Роберт подошел к Ригтсу, оторвавшись от зрелица бесконечного лабиринта городских крыш.

— Полковник, вы должны затопить ее вновь, законно это или незаконно. Вы же были на этих улицах, они грязные и отвратительные. Это мирочных кошмаров. Он мертв. С ним покончено, Стренджмен оживляет труп! Через два-три дня вы сможете...

Ригтс спрыгнул со стола, прервав Керанса. Нотка раздражения прозвучала в его голосе.

— Я не собираюсь оставаться здесь на целых три дня, — резко сказал он. Не волнуйтесь, у меня нет одержимости этими лагунами, затопленными или осушеными. Мы все уходим завтра, рано утром!

Удивленный, Керанс сказал:

— Но вы не можете уйти просто так, полковник. Ведь Стренджмен все еще будет здесь.

— Конечно, будет! Вы думаете, у этого парохода есть крылья? У него нет причин уходить, если он считает, что может выдержать жару и надвигающиеся дожди. Если у него есть несколько больших новых рефрижераторов, он вполне

может остаться. Если кому-то удастся закрепиться в этом городе, может, правительством будет даже сделана попытка вновь заселить его. Во всяком случае, когда мы вернемся в Берд, я представлю соответствующие рекомендации. Меня же здесь ничего не удерживает — сдвинуть станцию сейчас я не могу. В любом случае, вы и мисс Далл нуждаетесь в отъезде. Понимаете ли вы, каким чудом уцелели? Боже! — он резко кивнул Керансу и встал при стуке в дверь. — Вы должны быть благодарны, что я пришел вовремя.

Керанс направился к выходу. Помолчав, он сказал:

— Не знаю, полковник. Боюсь, что вы пришли слишком поздно.

14. Большой гром

Припав к грязному полу в маленьком здании, два этажа которого выступали над дамбой, Керанс прислушался к музыке, раздававшейся на палубе парохода. Прием Стренджмена шел полным ходом. Подталкиваемые двумя матросами, колеса парохода медленно вращались, их лопасти отражали свет и отбрасывали его в небо, имитируя иллюминацию. Издалека бросались в глаза навесы, похожие на ярмарочные шатры, — центры праздничного гуляния на темной площади.

В качестве уступки капитану полковник Ригтс явился на его прощальный прием. Между двумя руководителями было заключено соглашение: охрану и пулемет убрали, а Стренджмена попросили не выходить за периметр лагуны, пока отряд Ригтса не уйдет. Однако по-прежнему белый как мел, капитан бродил по улицам, грабеж продолжался повсемес-

тно. Часто раздавалась стрельба. Даже теперь, когда последние гости — полковник Риггс и Беатриса Далл — покинули прием и по пожарной лестнице взобрались на экспериментальную станцию, на палубе парохода началась стрельба, а на городскую площадь полетели пустые бутылки.

Керанс вынужден был тоже явиться на прием, но он держался подальше от Стренджмена, который не делал попыток поговорить с ним. Лишь однажды, проходя мимо Роберта, он взял его за локоть и поднял свой бокал.

— Надеюсь, вы не очень скучаете, доктор. Вы выглядите усталым. — Он улыбнулся Риггсу, который с настороженным лицом сидел выпрямившись на украшенной кистями диванной подушке, как швейцар при дворе пэра. — Мы не раз устраивали приемы вместе с доктором, полковник. И они проходили с успехом.

— Я верю, Стренджмен, — ответил Риггс, но Керанс отвернулся, не способный, как и Беатриса, скрыть свое отвращение к Стренджмену. Девушка в это время молча смотрела на безмолвную площадь. Оцепенение и апатия вновь овладели ею.

Глядя на Стренджмена издали — он в этот момент аплодировал какому-то очередному танцору, — Керанс подумал, что главарь грабителей уже прошел точку своего высшего взлета и теперь начал опускаться. Он выглядел отвратительно, как гниющий вампир, пресыщенный злом и ужасом.

Внешняя привлекательность исчезла, его хищный оскол вызывал отвращение. Как только представился случай, Роберт сослался на приступ малярии и ушел с приема в темноту, забравшись по пожарной лестнице на экспериментальную станцию.

Теперь, приняв единственно возможное решение, Керанс

почувствовал, что мозг его работает четко. На сей раз мысли устремились далеко за пределы лагуны.

В пятидесяти милях к югу дождевые тучи собирались в плотные пласти, стирая ранее видимые очертания болот и архипелагов. Затемненное событиями последних недель, гигантское солнце вновь ожило и неумолчно билось в сознании Роберта. Образ этого солнца слился с обликом настоящего, видимого сквозь тучи. Неумолимое и магнитическое, оно звало на юг, к жаре и лагунам экватора.

С помощью Ригтса Беатриса взобралась на палубу экспериметальной станции, которая служила также посадочной площадкой для вертолетов. Когда сержант Дейли включил мотор и двигатели вертолета взревели, Керанс быстро спустился на балкон, проходивший двумя этажами ниже. Отделенный от вертолета сотней ярдов, он находился на уровне дамбы.

За зданием простиралась огромная отмель, поднимавшаяся из окружающих ее болот, на ней роскошно разрослись папоротники. Склоняя голову под широкими листьями, Керанс двинулся по дамбе, придерживаясь промежутка между зданием и соседним строением. Кроме бывшего залива на дальней стороне осушенного пространства, где прежде работали насосные катера, это было единственное место в дамбе, через которое можно было впустить воду в лагуну. Не очень широкий залив в двадцать ярдов шириной и глубиной сужался в совсем узкий канал, забитый грязью и водорослями; его шестифутовой ширины устье было перегорожено валом из тяжелых бревен. Если убрать эту запруду, то вначале проход для воды будет узким, но по мере того как вода будет размывать ил и грязь, приток ее увеличится.

Из маленького углубления в стене, прикрытом каменной плитой, Керанс извлек два квадратных черных ящика, в

каждом из которых находилось по шесть пачек динамита, связанных вместе. Керанс провел время после полудня, обыскивая близлежащие здания: он был уверен, что Бодкин похитил с базы взрывчатку в то самое время, когда он приходил туда за компасом, и спрятал ее где-то. К тому же в спальне Роберт обнаружил пустой ящик из-под динамита.

Под рев двигателей вертолета Керанс поджег короткий, рассчитанный на тридцать секунд горения, запальный шнур, перепрыгнул через перила и побежал к центру дамбы.

Здесь он наклонился и подвесил яички к маленькому деревянному колышку, заранее вбитому им между бревнами плотины. Динамит повис, недоступный постороннему взгляду, в двух футах над поверхностью воды.

— Доктор Керанс! Уходите отсюда, сэр!

Керанс взглянул вверх и увидел сержанта Макреди, стоявшего на дальнем конце соседней крыши. Теперь сержант наклонился вперед, разглядел огонь бикфордова шнура и сорвал с плеча ружье Томпсона.

Наклонив голову, Керанс побежал с дамбы и достиг террасы в тот момент, когда Макреди, снова крикнув, выстрелил. Пуля ударила в стену, разбрызгав осколки цемента, и Керанс почувствовал, как один из них впился ему в правую ногу под лодыжкой. Перегнувшись через перила, он увидел, как Макреди, перебросив ружье через плечо, побежал по дамбе.

— Макреди! Назад! — крикнул он сержанту. — Сейчас взорвется!

Но его голос утонул в реве вертолета, и он лишь беспомощно смотрел, как Макреди достиг центра дамбы и начал спускаться к заряду.

— Двадцать восемь, двадцать девять... продолжал автоматически отсчитывать время Керанс. Отвернувшись от дамбы, он бросился на пол ничком.

Страшный грохот взрыва расколол темнос небо, на мгновение осветив огромный фонтан пены и ила. Шум перерос в непрерывный вой, звуковая волна отразилась от окружающих зданий. Комки ила и клочья растений засыпали пол вокруг Керанса, он поднялся и подошел к перилам.

Все более расширяющимся потоком вода рванулась на улицы внизу, неся за собой большие куски слежавшегося ила. Сильный удар обрушился на палубу парохода, и пол-дюжина рук указала на брешь в дамбе. Вода полилась на площадь, заливая костры, и заплескалась о борт парохода, все еще раскачивавшегося после взрыва.

Вдруг обрушилась нижняя часть плотины, собранная из множества двадцатифутовых бревен. В свою очередь рухнула иловая отмель, на которой она стояла, залив полностью расчистился, и гигантская стена воды высотой в пятьдесят футов нависла над улицами. С глухим рокотом море прорвалось в лагуну

— Керанс!

Над его головой просвистела пуля, обернувшись, он увидел Ригтса, бежавшего к нему с пистолетом в руке от вертолетной стоянки. Моторы вертолета смолкли, а сержант Дейли помогал Беатрисс выбраться из кабины.

Здание дрожало под напором стремительного потока. Придерживая правую ногу рукой, Керанс захромал под защиту небольшой башни, в которой ранее находился его наблюдательный пункт. Из-за пояса он вытащил кольт и, держа его обеими руками, дважды выстрелил в направлении Ригтса, а затем сел на пол. Хотя оба раза он промахнулся, полковник остановился и попятился, укрываясь за баллюстрадой.

Услышав сзади шаги, Керанс обернулся и увидел Беатриссу, бежавшую по дамбе. Ригтс и Дейли что-то кричали

ей, но она подбежала и опустилась перед Керансом на колени

— Роберт, вы должны уйти немедленно, прежде чем подойдут остальные люди Риггса. Он хочет убить вас, я знаю

Керанс кивнул и со стоном попытался встать на ноги

— Это меня сержант.. я не знал, что он патрулирует тут. Скажите Риггсу, что я сожалею... — Он беспомощно махнул рукой и бросил последний взгляд на лагуну.

Черная вода поднималась между зданиями, затопляя их окна. Пароход, разбитый, с оторванными колесами, кружка, медленно плыл по течению к дальнему берегу, и его корпус поднимался из воды, как живот умирающего кита. Струи пара и пены вырывались из щелей, появившихся в обшивке борта от ударов об оказавшиеся под водой карнизы. Керанс следил за ним с выражением спокойного удовлетворения, наслаждаясь резким запахом, который вода принесла с собой в лагуну. Ни Стренджмена, ни членов его экипажа вокруг не было видно, только несколько обломков корабля и пароходная труба, еще державшиеся на плаву, проплыли мимо и исчезли, увлеченные течением.

— Роберт, торопитесь! — Девушка схватила его за руку глядя через плечо на приближающиеся темные фигуры Риггса и пилота — Дорогой, куда вы пойдете? Мне жаль, но я не могу уйти с вами

— На юг, — мягко ответил Керанс, слушая рев прибывающей воды. — К солнцу. И вы будете со мной, Беа

Он обнял ее, потом нежно отстранил и побежал прочь, отводя тяжелые листья папоротников. Когда он ступил на отмель, в густую растительность, из-за угла выбежали Риггс и Дейли и принялись стрелять в листву, но беглец наклонился и побежал дальше, прячась за стволами и погружаясь по колено в мягкий ил.

Вода прибывала Керанс с трудом тащил огромный катамаран, изготовленный им из пятидесятигаллоновых бочек, связанных попарно, через месиво ила, грязи и водорослей

Ригтс и Дейли появились, когда он отталкивался от берега.

Роберт лег на дно, так что выстрелы Ригтса прозвучали над его головой. Промежуток воды между Керансом и его преследователями медленно расширялся. Вот он достиг ста, потом двухсот ярдов. Катамаран приблизился к первому островку, который вырастал из болота на крыше какого-то здания. Укрывшись за ним, Керанс сел, поставил парус, потом в последний раз оглянулся на лагуну

Преследователей он не заметил, но высоко на крыше увидел одинокую фигуру Беатрисы, которая, прощаясь с ним, непрерывно махала рукой. Хотя различить его среди островов она, конечно, не могла. Справа от нее, возвышаясь над окружающими отмелями, виднелись остальные здания, которые он так хорошо знал. Он увидел даже зеленую крышу отеля Риц, исчезавшую в дымке. Постепенно все это таяло, и наконец он мог различить только отдельные буквы гигантской надписи, сделанной людьми Стренджмена. Теперь она возвышалась над спокойной водой, как эпитафия уходящему миру. **ЗОНА ПЕРЕХОДА ВО ВРЕМЕНИ.**

Встречное течение воды замедлило продвижение плота, и через пятьдесят минут, когда над головой прошумел вертолет, он все еще не достиг края болот. Лежа на верхнем этаже одного из зданий, он поглядывал вокруг и спокойно ждал, пока эта машина налетастся всласть, поливая остров пулеметным огнем.

Когда вертолет улетел, Керанс продолжил путь и через час, пройдя зону болот, оказался во внутреннем море, которое должно было привести его на юг Большис острова, в

несколько сот ярдов длиной, покрывали его поверхность, а их буйная растительность сползла в воду, до неузнаваемости изменив очертания островов, с тех пор как он последний раз был тут в поисках Хардмана. Роберт поставил маленький парус и, подгоняя легким бризом, делал постоянно двести мили в час.

Нога ниже колена начала неметь; он открыл небольшую медицинскую сумку, промыл рану пенициллиновым раствором и крепко перевязал. Перед рассветом, когда боль стала нестерпимой, он принял таблетку морфия и впал в тяжелый сон, в котором огромное солнце, расширяясь, поглотило всю вселенную, и звезды дрожали от каждой его пульсации.

Проснувшись на следующее утро в семь часов, он обнаружил, что лежит на плоту навзничь с раскрытой медицинской сумкой на коленях. Нос катамарана прочно засел в ветвях большого дерева, растущего на краю маленького острова. В миле от него, в десяти футах над водой, лежал вертолет, и пулемет из его кабины расстреливал острова внизу. Керанс опустил парус и затаился под деревом, выжидая, пока вертолет улетит. Массируя ногу и опасаясь принять морфий, он съел плитку шоколада — первую из десяти, припрятанных им. К счастью, младший офицер, ведавший складами на борту торпедного катера Ригтса, получил распоряжение беспрепятственно выдавать доктору Керансу любые медицинские принадлежности и лекарства.

Воздушная атака продолжалась с получасовыми интервалами, и один раз вертолет пролетел точно над его головой. Из своего укрытия на острове он ясно видел Ригтса, выглядывавшего из открытого люка и что-то кричавшего пилоту. Однако пулеметная стрельба становилась все менее и менее интенсивной, и вскоре после полудня вертолет улетел.

Тем не менее к пяти часам Роберт был совершенно из-

мучен. Полуденная температура в сто пять градусов вымогала его, он лежал, укрывшись смоченным парусом, и горячая вода капала ему на грудь и лицо. Он с нетерпением ждал всчерней прохлады. Поверхность воды стала огненной, и катамаран казался погруженным в облако движущегося пламени. Преследуемый странными видениями, Керанс слабо греб одной рукой.

15. Солнечный рай

К счастью, на следующий день дождевые тучи заслонили от него солнце, воздух стал значительно прохладней, температура в полдень упала до девяноста пяти градусов. Массивные горы темных облаков, висевшие низко, создавали полумрак, как при солнечном затмении. Керанс ожил и сумел довести скорость своего продвижения до десяти миль в час. Огибая остров, он двигался на юг, следуя за солнцем. Позже, к вечеру, когда начал хлестать дождь, он почувствовал себя настолько хорошо, что встал на одну ногу у мачты и позволил ливню течь по груди, сорвав обрывки одежды. Когда первый дождевой вал прошел и видимость улучшилась, он увидел южный берег моря — линию громадных илистых банок в сотню ярдов высотой. В перемежающемся солнечном свете они сверкали на горизонте, как золотые поля, и над ними возвышались пышные джунгли.

В полумиле от берега кончилось горючее. Керанс отвинтил мотор и бросил его в воду, следя, как он исчезает под коричневой поверхностью в облаке пузырей. Он спустил парус и медленно начал грести против ветра. Когда он достиг берега, наступили сумерки и большие тени протянулись по

серым склонам. Пробравшись через полосу мелкой воды, он вытащил на берег катамаран и сел спиной к одной из бочек. Глядя на одинокий мертвый берег, он вскоре впал в лихорадочный сон.

На следующее утро он разобрал катамаран и одну за другой потащил его секции по огромным, покрытым грязью склонам, надеясь, что южнее он сможет продолжить путь по воде. Вокруг него на мили тянулись волнистые банки, дугообразные дюны были усеяны каракатицами и моллюсками. Море исчезло из виду, и он был один со своими ненужными металлоконструкциями; одна дюна сменялась другой, а он все тащил тяжелые пятидесятигаллоновые бочки. Небо над его головой стало тусклым, хотя и безоблачным, больше похожим на потолок какого-то фантасмагорического помещения, чем на звездную сферу, которую он видел в предыдущие дни.

В конце концов он отказался от своего груза и пошел вперед с небольшим узелком припасов, оглядываясь назад, на бочки, пока они не исчезли на горизонте. Избегая зыбучих песков между дюнами, он двигался к видневшимся на расстоянии джунглям, где верхушки хвоющей и папоротников на сотни футов вздымались в воздух.

Он отдохнул под деревом на краю леса и тщательно вычистил свой пистолет. Над головой он слышал крики летучих мышей, летавших среди темных стволов в этом бесконечном сумеречном мире леса. Кричали игуаны. Лодыжка опухла и болела. Срубив ветку с одного из деревьев и опираясь на нее, он побрел вперед в тени леса.

Вечером дождь застучал по огромным зонтикам в ста футах над его головой, темнота разрывалась фосфоресцирующей рекой, лившейся на него с небес. В поисках ночлега он пошел быстрее, отгоняя игуан и поглядывая на массивные

стволы. Вскоре он обнаружил пробел в сплошной пелене растительности и увидел небольшое свободное пространство: сквозь листву неясно вырисовывался верхний этаж разрушенного и ушедшего в ил здания. Но призраки построенных людьми сооружений встречались все реже: города юга были полностью поглощены илом и растительностью.

Три дня он шел через лес, питаясь огромными плодами, похожими на яблоки, и используя крепкую ветку, как костыль. Периодически слева от себя он видел серебристую поверхность реки, но густые растения, покрывавшие ее берега, не давали возможности приблизиться к ней.

Его спуск в фантасмагорический лес продолжался, как и дождь, который безостановочно струился по его лицу и плечам. Если же ливень внезапно прерывался, клубы тумана заполняли промежутки между деревьями, вися над затопленным лесом, как прозрачные облака. Как только дождь возобновлялся, они исчезали.

В один из таких моментов он взобрался на крутой пригорок в центре широкой поляны, надеясь избавиться от душного тумана, и оказался в узком проходе между лесистыми склонами. Закрытые растительностью холмы окружали долину, как дюны, которые он недавно преодолел. Случайно, когда плотная пелена рассеялась, он увидел среди холмов в полумиле от себя реку. Небо освещалось садящимся солнцем, подсвечивая отдаленные вершины холмов. Пробираясь по влажной вязкой глине, Керанс наткнулся на развалины, показавшиеся ему остатками церкви. Выложенные кафелем ворота вели к полукруглым ступеням. Там пять полуразрушенных колонн образовали вход. Крыша обвалилась, и стены возвышались лишь на несколько футов. В глубине нефа разрушенный алтарь как бы смотрел на истронутую долину, где медленно исчезало

солнце, гигантский оранжевый диск которого был задернут вуалью тумана.

Надеясь укрыться на ночь, Керанс прошел в неф и остановился; вновь полил дождь. Керанс оперся руками на высокий мраморный столик и стал смотреть на солнечный диск, который подергивался, как расплавленный металл, темным шлаком.

— Ааа — ах! — Слабый, почти нечеловеческий крик прозвучал во влажном воздухе. Он был похож на стон раненого животного. Керанс быстро огляделся, думая, что за ним в руины пробралась игуана. Но и джунгли, и долина были безмолвны и неподвижны, а сквозь щели в разрушенных стенах струился дождь.

— Ааа-ах! — На этот раз звук донесся спереди, оттуда, где угасало солнце. Как бы в ответ солнечный диск вновь начал пульсировать.

Утирая влагу с лица, Керанс осторожно прошел за алтарь и отступил назад, когда чуть не натолкнулся на оборванного человека, сидящего спиной к нему и устремившего глаза к солнцу. Голова человека упиралась в камень. Звуки, несомненно, издавал он, такой истощенный, неподвижный и черный, что Керанс решил, что несчастный умер или очень близок к этому.

Длинные ноги оборванца, как два обугленных бревна, неподвижно лежали перед ним, укутанные в груду тряпок и кусков коры. Руки и впалая грудь были прикрыты короткими кусками выющих растений. Когда-то пышная, но теперь поредевшая черная борода покрывала часть лица, и дождь стекал по его обтянутым кожей скулам. Время от времени солнце освещало его потемневшее лицо. Одна костлявая рука вдруг поднялась, как поднимается рука из могилы, и указала на солнце, а потом вновь безжизненно упала

на землю. Когда диск солнца начал пульсировать, лицо несчастного несколько оживилось и дрожь пробежала по его изможденному телу.

Не решаясь подойти ближе, Керанс смотрел на страшную истощенную фигуру, лежавшую на земле перед ним. Человек был похож на оживший труп, выползший из могилы в ожидании Судного дня.

И вдруг Керанс понял, почему этот полумертвый не заметил его. Грязная кожа вокруг глубоких глазниц превратилась в черные воронки, в гноящейся глубине которых тускло отражался солнечный свет. Оба глаза почти полностью закрывали роговые наросты, образовавшиеся на месте бесчисленных волдырей, и Роберт подумал, что это существо вряд ли может видеть что-нибудь, кроме умирающего солнца. Когда диск опустился за джунгли и на серый дождь, как занавес, опустились сумерки, голова несчастного приподнялась, как будто он хотел еще хоть на секунду увидеть исчезающее солнце, потом вновь упала на каменную подушку. Множество мух загудело над его лицом.

Керанс наклонился, собираясь заговорить. Человек, казалось, уловил его дыхание. Однако напрасно его запавшие глаза напрягались, чтобы разглядеть смутную фигуру рядом.

— Эй, парень. — Голос незнакомца напоминал слабое дребезжание. — Ты, здесь, солдат, иди сюда! Откуда ты пришел? — Его левая рука скользнула по влажной глине, и он вновь повернулся к уходящему солнцу, не обращая внимания на мух, облепивших его лицо и бороду. — Оно опять заходит. Ааа — аах! Оно уходит от меня! Помоги мне, солдат, мы пойдем за ним. Пойдем сейчас же, пока оно не ушло.

Он протянул руку к Керансу, как умирающий нищий.

Затем голова его вновь упала, и дождь заструился по почерневшему черепу.

Роберт нагнулся. Остатки одежды человека позволяли догадаться, что это был офицер. Его правая рука, до сих пор сжатая в кулак, внезапно разжалась. На ладони лежал маленький цилиндр с круглым циферблатом — карманный компас, входящий в спасательную сумку летчика.

— Эй, солдат! — Человек вновь заговорил, повернувшись к Керансу. — Я приказываю тебе: не оставляй меня! Ты можешь пока отдохнуть, я посторожу. Завтра утром мы двинемся.

Керанс вдруг понял, кто перед ним, развязал свой маленький узелок и начал стирать дождь и мертвых мух с лица человека. Поглаживая его по щекам, как ребенка, он осторожно сказал:

— Хардман, я Керанс, доктор Керанс. Я буду с вами, но сейчас отдохните. — Хардман никак не отозвался.

Пока лейтенант лежал у алтаря, Керанс начал с помощью своего карманного ножа вынимать плиты и строить грубое каменное укрытие вокруг лежащей навзничь фигуры, закрывая щели пучками выющих растений, сорванных со стен. Защищенный от дождя, Хардман забеспокоился в убежище, но вскоре уснул, и дыхание его было тяжелым и затрудненным. Керанс отправился в джунгли и набрал охапку съедобных ягод, потом вернулся и долго сидел рядом с Хардманом, — до тех пор пока вершины холмов не озарил рассвет.

В течение следующих трех дней он оставался с Хардманом, кормя его ягодами и промывая глаза остатками пенициллина. Он расширил укрытие и соорудил грубый тюфяк из листьев. После полудня и по вечерам лейтенант сидел у открытой двери, глядя сквозь туман на отдаленное солнце.

В промежутках между ливнями дневное светило озаряло кожу офицера странным сиянием. Он все еще не узнавал Керанса и называл его по-прежнему «солдат». Но иногда он пробуждался от апатии и разражался серией несвязных приказаний на завтра. Роберт все сильнее чувствовал, что истинная личность Хардмана глубоко погребена в его мозгу, так что его поведение и реплики являются лишь ее бледным отражением. Керанс решил, что лейтенант потерял зрение с месяц назад и, инстинктивно взбираясь на возвышенные места, добрел до этих руин. Отсюда он лучше видел солнце — единственное, что воспринимали его глаза.

На второй день Хардман начал прожорливо есть, как бы готовясь к длительному путешествию через джунгли, а к концу третьего дня он уничтожил несколько огромных гроздьев ягод. Силы, казалось, стремительно возвращались к нему, и к концу третьего дня он уже мог встать на ноги. Керанс не был уверен, что Хардман узнал его, но монологи, с приказами и инструкциями прекратились.

Керанс не удивился, когда, проснувшись на следующее утро, обнаружил, что Хардман исчез. Тогда он прошел по долине до края леса, где в реку впадал небольшой ручей, заглядывая под темные ветви папоротников, но, разумеется, никого не обнаружил. Несколько раз он звал Хардмана, слушая, как эхо отзывается ему. Он спокойно воспринял неожиданное решение Хардмана уйти, думая, что еще может случайно встретить его в их общей одиссее на юг. И пока глаза лейтенанта смогут различать лучи солнца, пока ему удастся избежать нападений игуан, Хардман будет идти на юг, подняв голову к свету, пробивающемуся сквозь ветви.

Следующие два дня Керанс провел в убежище на случай, если Хардман захочет вернуться, потом отправился в путь сам. Медицинские запасы его почти иссякли, и теперь он

нес с собой лишь узелок ягод и кольт с оставшимися двумя патронами. Часы его все еще шли, и он использовал их как компас, продолжая считать дни и делая каждое утро зарубки на своем поясе.

Пройдя долину, он пересек мелкий ручей, собираясь достичь берегов реки, по-прежнему проливные дожди обрушились на землю, но теперь они лили лишь в течение нескольких часов после полудня и вечером.

Когда река сменила направление на западное, он оставил ее и двинулся на юг, уйдя из густых джунглей и углубившись в более редкий лес, который, в свою очередь, уступил место большими пространствами болот.

Идя по их краю, он неожиданно оказался на берегу большой лагуны, с милю в диаметре, окруженной песчаными пляжами, сквозь которые проступали верхушки нескольких разрушенных зданий, как береговые скалы, видимые на расстоянии. В одном из них он отдыхал целый день, стараясь подлечить ноющую лодыжку, которая почернела и распухла. Глядя в окно на воду, он ждал, когда вечерний дождь с яростью обрушится на него. Но ливень прекращался, вода успокаивалась, и в ней, казалось, отражалось все, что он видел в своих бесчисленных снах.

Судя по изменению температуры, он прошел на юг около ста пятидесяти миль. Вновь все поглотила невыносимая жара, поднявшаяся до ста сорока градусов, и он почувствовал нежелание покидать лагуну с ее пустыми пляжами и спокойным кольцом джунглей. Почему-то он знал, что Хардман скоро умрет и что его собственная жизнь тоже может вскоре оборваться в этих диких джунглях юга.

Полудремля, он лежал на спине и размышлял о событиях последних лет, завершившихся их прибытием в центральную лагуну и отправивших его в эту безумную одиссею,

вспоминал о Стренджмене и его сумасшедших аллигаторах, с глубоким чувством сожаления и печали удерживал в своей памяти лицо и спокойную улыбку Беатрисы.

Наконец он вновь привязал к своей ноге костыль и рукоятью пустого кольта нацарапал на стене под окном надпись, которую, он был уверен, никто никогда не прочтет.

«Двадцать седьмой день. Отдохнул и двинулся на юг. Все в порядке.

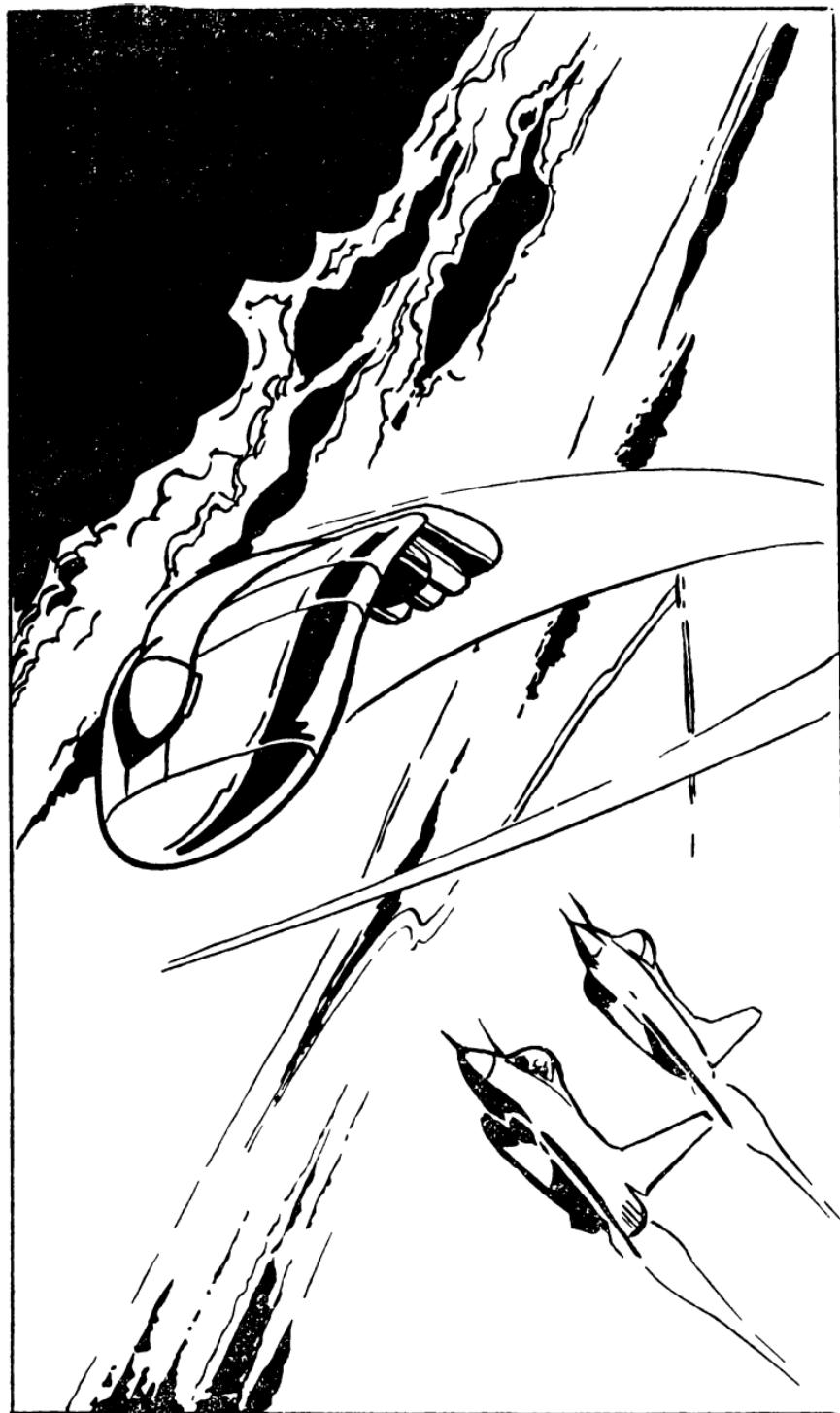
Керанс».

Затем он оставил лагуну и вновь углубился в джунгли. Через несколько дней он растворился в них, продолжая упорно двигаться на юг среди множества лагун.

Дожди все усиливались, жара становилась нестерпимой, а он все шел, атакуемый аллигаторами и гигантскими летучими мышами, — второй Адам, ищащий забытый рай возрожденного солнца.

КЕЙТ ЛАУМЕР
СЛЕД ПАМЯТИ

Пролог

Он проснулся и какое-то время лежал, уставившись в низкий потолок, едва различимый в багровом полуумраке. Спиной он ощущал твердую поверхность трансформ-ложа. Повернув голову, он заметил стену с вмонтированной панелью, на которой красной точкой светился индикатор.

Он свесил ноги с узкого ложа и сел. Комната была маленькая, выкрашенная в серый цвет, без обычного пышного убранства. Предплечье ныло. Он задрал свободный рукав странного пурпурного одеяния и увидел пунктир уколов — следы питающегося Охотника... Как они осмелились?.. Кто?..

Темный силуэт на полу невольно привлек его внимание. Он соскользнул с ложа и опустился на колени возле неподвижного тела в пурпурной тунике, покрытой пятнами почерневшей крови. Он бережно перевернул тело на спину.

Аммерлин!

Он пощупал пульс, но уловил лишь едва различимое биение. Он поднялся и увидел рядом второе тело, а возле двери еще два...

Все трое были мертвы, исполосованы кинжалами. Лишь Аммерлин еще боролся со смертью.

Он прошел к двери и крикнул в темноту. Отозвалось только короткое эхо. В серой комнате он заметил записывающий монитор у стены и надел нетроды на виски умирающего. Кроме этой записи памяти Аммерлина, никакой другой помочи онказать другу не мог. Того надо было немедленно показать врачу.

Он пересек библиотеку. За ней оказался огромный гулкий зал. Это был не Сапфировый Дворец у Мелкоморья. Судя по всему, это — корабль-дальнорейсник. Но почему? Каким образом он попал сюда? Он постоял в нерешительности. Вокруг царила абсолютная тишина.

Он пересек Великий Зал и вошел в обсерваторию. Здесь ему попался еще один труп, судя по одежде, члена экипажа. Он нажал клавишу на пульте управления, и огромные экраны замерцали голубым. Изображение сфокусировалось на большом полумесяце, слабо голубевшем на черном фоне. Несколько поодаль в пространстве завис бледный, безвоздушный планетоид. Что за миры?..

Через час он обошел весь корабль от носа до кормы и насчитал семь трупов. В рубке горели огни коммуникатора, но на его запрос с голубой планеты никто не отзывался.

Тогда он вернулся в трансфер-отсек. Аммерлин все еще дышал. Запись окончилась, и все, что умирающий помнил о своей долгой жизни, запечатлевшись теперь в серебряном цилиндре. Оставалось лишь нанести цветовой код.

Его внимание привлек серебристый цилиндр, выступавший из отверстия в трансформ-ложе, на котором он пробудился. Так он, оказывается, и сам прошел трансформацию. Он вынул цилиндр, спрятал его в карман и резко обернулся на звук. Рой Охотников — бледные глобулы — толкались в дверях. В следующий миг они окружили его со всех сторон. Ближе, ближе, нетерпеливо жужжа, они теснили его. Без оружия он был беззащитен.

Он подхватил обмякшее тело Аммерлина и бросился бежать к доку со спасательной шлюпкой. Охотники плыли за ним сияющим ручьем.

Три шлюпки находились в полной готовности. Борясь с головокружением от свойственного Охотникам запаха серы, он нашупал рукой переключатель. В доке вспыхнул ослепительно-яркий свет, заставивший рой Охотников шарахнуться прочь. Он вошел в шлюпку и уложил Аммерлина в противовесперегрузочный ложемент.

Ему уже давно не приходилось управлять кораблем, но он помнил, как это делается.

Аммерлин был мертв, когда шлюпка достигла поверхности планеты. Она мягко приземлилась, и шлюз открылся. Перед ним раскинулось зеленое море леса.

Этот мир явно находился на низком уровне развития. Только посадочная площадка и расчищенный кругом лес свидетельствовали о присутствии человека.

В земле возле квадратного монолита у восточного края расчищенной площадки было небольшое углубление. Он взвалил тело Аммерлина на спину и с этим грузом спустился по лестнице. Голыми руками он расширил углубление, положил в него тело и забросал землей. Потом он выпрямился и повернулся к шлюпке.

На расстоянии сорока футов, между ним и лестницей, стояла дюжина низкорослых волосатых мужчин, закутанных в мохнатые звериные шкуры. Самый высокий что-то прокричал и угрожающе поднял бронзовый меч. Остальные толпились за спиной высокого, возле лестницы. Застыв, он наблюдал, как один из них неуклюже вскарабкался по ступенькам и исчез внутри шлюпки. Через мгновение дикарь появился в шлюзе и швырнул пригоршню маленьких блестящих предметов. Остальные с криками сгрудились вокруг добычи. Первый дикарь снова исчез в шлюпке. И прежде чем кто-либо еще успел добраться до входа, лестница взмыла

вверх и шлюз закрылся, отсекая вопль ужаса, раздавшийся изнутри.

Шлюпка медленно взмыла в воздух, развернулась к западу и растворилась в синеве. Дикари потрясенно отпрянули.

А он еще долго смотрел в опустевшее небо.

Глава первая

Объявление гласило: «Джентльмен удачи ищет товарища по оружию для участия в необычном приключении. Фостер, а/я 19, Мейпорт».

Я смял газету, швырнул ее в направлении урны возле парковой скамейки и, отогнув потрепанный рукав, взглянул на пустое запястье. Привычка. Часы давно уже были в ломбарде, в городишке Тепело, штат Миссисипи. Впрочем, это не имело никакого значения, мне и не требовалось знать точное время.

Большинство витрин на длинной улице напротив сквера уже погасло, прохожих почти не было видно. Все уже дома и ужинают. Пока я оглядывал улицу, погас свет в аптеке с бутылками подкрашенной воды в витрине. Теперь оставался только табачный дворец в конце улицы. Я поерзал на твердой скамейке и похлопал по карманам в поисках сигареты, которой у меня не было. Да когда же этот старикан за прилавком решит убраться? Я собирался ограбить его заведение, как только стемнеет.

Скажем прямо, грабить мне приходилось не часто. Может быть, поэтому я чересчур нервничал, хотя в действительности все было проще пареной репы. Обыкновенный навес-

ной замок на деревянной двери отмыкался с одинаковой легкостью как ключом, так и без него. Ну, а сейф с жестяными стенками и сейфом-то нельзя было назвать. Уже через десять минут после взлома я буду на пути к автовокзалу с деньгами на билет до Майами в кармане. В прошлом, когда передо мной маячила блестящая карьера в армейской разведке, мне доводилось проделывать и кое-что похлеще простой кражи со взломом. Но все это давно осталось позади. С тех пор, если у меня и появлялись шансы чего-нибудь добиться, ничего хорошего из этого не получалось.

Я поднялся и в очередной раз обошел сквер. Вечер был теплый, и москиты еще дрыхли где-то под кустами. Из кафе неподалеку донесся запах жареных гамбургеров, напомнив, что я давно ничего не ел. Отель «Коммершн» и билетные кассы на автостанции еще светились огнями. Местный полицейский все так же восседал на стуле в баре, болтая с продавщицей. Отсюда мне была видна рукоять револьвера, торчавшая из поношенной кобуры на поясе. Внезапно меня охватило неодолимое желание поскорее покончить со всем этим.

Я снова оглядел улицу. Все витрины были темны. Ждать больше ничего. Я пересек улицу и промаршировал мимо табачной лавки. На витрине были выставлены макеты сигар, табачных кисетов и трубок. За ними внутренность лавки выглядела угрюмо и мертвенно. Я воровато зыркнул по сторонам и свернулся на боковую улицу, куда выходила задняя дверь.

Из-за угла внезапно вывернулся черный «седан» и подрулил к тротуару. Водитель перегнулся к окошку и, словно рыба в аквариуме, уставился на меня сквозь толстые линзы очков, похожие на донца пивных бутылок. Лениво пахнула теплый вечерний ветерок, и я спиной ощутил влажный холод рубашки.

— Что-нибудь ищете, мистер? — поинтересовался коп
Я немо уставился на него.

— Проездом? — полюбопытствовал тот.

Я почему-то отрицательно покачал головой.

— У меня тут работа, — выдавил я. — Вот... собираюсь
поработать у мистера Фостера.

— Какого мистера Фостера? — голос копа ныл, как зуб-
ная боль.

Голос, привыкший задавать вопросы. Я припомнил объ-
явление: какие-то приключения. Фостер, а/я 19. Коп ждал.

— Абонементный ящик 19, — сказал я.

Он еще раз оглядел меня, потом потянулся и распахнул
дверцу:

— Давайте-ка лучше проедемся до участка, мистер, —
сказал он.

В участке коп указал мне на стул, а сам уселся за стол
и придинул к себе телефон. Он медленно набрал номер,
потом, повернувшись ко мне спиной, с кем-то перегово-
рил.

Вокруг голой лампы танцевали мошки. В помещении
стоял запах немытой кожи и грязного белья. Я сидел и
слушал тосклившую песенку, передававшуюся по радио.

Через полчаса к участку подкатила машина.

Появившийся в дверях мужчина был одет в легкий кос-
тюм, уже поношенный и неглаженый, но отличающийся
великолепной портновской работой. Двигался мужчина не-
принужденно, и в нем чувствовалась скрытая сила. На пер-
вый взгляд я решил, что ему где-то за тридцать, но когда
он посмотрел в мою сторону, я подметил морщинки вокруг
голубых глаз. Я поднялся.

— Фостер, — сказал он и подал руку.

Я пожал.

— Легион, — коротко представился я.

Полицейский за столом подал голос:

— Этот парень говорит, что он в Мейпорте, чтобы повидаться с вами, мистер Фостер.

— Да, верно, сержант, — бросил Фостер, не отводя от меня глаз. — Этот джентльмен приехал по моему объявлению.

— Ну, я же не знал, мистер Фостер, — сказал коп.

— Вполне понятно, сержант, — ответил Фостер. — Мы все чувствуем себя спокойней, зная, что вы начеку.

— Да, знаете, всякое бывает, — отозвался коп.

— Мы, пожалуй, пойдем, — сказал Фостер. — Если вы готовы, мистер Легион.

— Конечно, готов, — сказал я.

Мистер Фостер пожелал копу спокойной ночи, и мы вышли. Перед зданием я остановился.

— Премного благодарен, мистер Фостер, — сказал я. — Пожалуй, не стану вам докучать.

Фостер положил руку на дверцу обманчиво скромного кабриолета. Даже с того места, где я стоял, мне удалось различить явственный запах кожаных сидений.

— А почему бы не отправиться ко мне домой, Легион? — спросил он. — По крайней мере, мы могли бы обсудить мое предложение.

Я отрицательно покачал головой.

— Я не тот человек, что вам нужен, мистер Фостер. Вот если бы вы одолжили мне пару долларов, я мог бы перекусить и убраться из вашей жизни навсегда.

— А почему вы так уверены, что мое предложение не заинтересует вас?

— В объявлении упоминается о каких-то приключениях.

А я и своими сът по горло. Мне теперь нужно только найти дыру, куда бы заползти.

— Позвольте вам не поверить, — уверенно улыбнулся Фостер. — Мне кажется, ваши приключения только начинаются.

Я задумался. Если пойти с ним, то, по крайней мере, я смогу что-нибудь перекусить, а то даже и переночевать. Не ютиться же в самом деле под деревом.

— Ну, что ж, — сказал я. — Вы меня заинтриговали.

Я забрался в машину и потонул в сидениях, которые были такого же превосходного качества, как и фостеровский костюм.

— Надеюсь, вы не станете возражать, если я поеду быстро, — предупредил меня Фостер. — Хочу попасть домой засветло.

Он завел двигатель и, словно торпеда, стартовал прямо от кромки тротуара.

Я выбрался из машины во дворе дома Фостера и окинул взглядом широкую подстриженную лужайку, цветочные клумбы, сиявшие в лунном свете, шеренгу пирамидальных тополей и белую виллу.

— Зря я согласился, — с сожалением произнес я. — Мне это все напоминает о том, чего мне не удалось получить от жизни.

— Ну, ваша жизнь еще впереди, — отозвался Фостер.

Он отворил плиту черного дерева, которая служила входной дверью, и я последовал за ним внутрь. В конце вестибюля он щелкнул выключателем, и комната озарилась приглушенным светом. Я воззрился на бледно-серое пространство пушистого ковра размером с небольшой теннисный корт, на котором стояла мебель тикового дерева, затянутая чехлами

ярких расцветок. Стены тоже были серыми, кое-где на них висели картины абстракционистов в богатых рамках. Воздух был свеж.

Фостер наискосок пересек вестибюль, направляясь к бару, который выглядел относительно скромно, хотя по размерам превосходил все, что мне довелось видеть в последнее время.

— Как насчет выпить? — спросил хозяин дома.

Я оглядел свой помятый, запачканный костюм и рукава, залоснившиеся от грязи.

— Послушайте, мистер Фостер, — сказал я. — Я только сейчас сообразил. Если у вас тут поблизости есть конюшня, то я, пожалуй, переночую там...

Фостер рассмеялся.

— Да ладно. Пойдемте, покажу вам ванную.

Чисто вымытый и выбритый, я спустился вниз, щеголяя в халате Фостера. Он сидел, развалившись в кресле, потягивал коктейль из высокого бокала и слушал музыку.

— Liebestadt, — прокомментировал я. — Несколько мрачновато, вы не находите?

— Я смотрю на это несколько иначе, — откликнулся Фостер. — Присаживайтесь.

Я уселся в одно из больших мягких кресел и попытался унять дрожь в руке, пока брал сэндвич с закусочного столика.

— Скажите мне, мистер Легион, — обратился ко мне Фостер. — Почему вы оказались здесь? И почему упомянули мою фамилию, если не собирались со мной встречаться?

Я пожал плечами:

— Да как-то так вышло.

— Расскажите-ка о себе, — попросил Фостер.

— Рассказывать особенно нечего.

— И все же...

— Ну, родился, вырос, поступил в колледж...

— Какой колледж?

— Университета штата Иллинойс.

— Диплом?

— Музыка.

Фостер взглянул на меня и слегка приподнял бровь.

— Чистая правда, — сказал я. — Я хотел стать дирижером. Правда, у армии насчет меня были другие соображения. Я учился на последнем курсе, когда меня забрали. Они решили, что у меня способности к разведке. Я не возражал. Признаться, времечко было неплохое.

— Продолжайте, — сказал Фостер.

Что ж, я искупался, поел. Я был у него в долгниках. Если уж ему так хочется послушать о моих несчастьях, то почему бы не рассказать?

— Я проводил практические занятия. Однажды дефектный таймер в одноминутном капсюле сработал на пятьдесят секунд раньше. Один студент погиб, я же отделался только лопнувшей барабанной перепонкой и парой фунтов гравия, который застрял у меня в спине. Когда я наконец выбрался из госпиталя, армия не хотела отпускать меня, но против медицинского свидетельства не попрешь. Подъемных хватило на хорошую пирамидку в Сан-Франциско и открытие частного детективного агентства.

Через несколько месяцев после банкротства у меня еще хватило денег добраться до Лас-Вегаса. Там я оставил последнее и устроился работать в казино Ганино. Я вкалывал там почти год. А потом, однажды, один свихнувшийся банковский служащий с помощью спортивного пистолета про-

делал восемь дырок в хозяине казино. В ту же ночь я и рассчитался.

Потом я пару месяцев продавал автомобили в Мемфисе, а еще позже служил спасателем на пляже в Дейтоне, насыпал наживку на рыболовецкой шхуне в Ки-Уэсте. Ну, и выполнял всякие мелкие работенки с мизерной оплатой и без всякой перспективы. Пару лет я даже провел на Кубе, но вывез оттуда только два шрама от пуль на левой ноге да постоянную прописку в черных списках ЦРУ. После этого дела пошли совсем туго. Человек с моей специальностью не может надеяться на карьеру без маленького удостоверения в голубой пластиковой обложке. На зиму я подался на юг и выбрал Мейпорт в качестве местечка, где у меня кончились деньги.

Я поднялся.

— Душ был превосходен, мистер Фостер, еда тоже. Я бы очень хотел сейчас добраться до постели и соснуть, чтоб уж блаженство было полным. Но я хочу еще раз повторить, что меня ни капельки не интересует работа у вас.

Я повернулся и двинулся через комнату.

— Легион, — окликнул Фостер.

Я обернулся. Банка с пивом летела прямо мне в лицо. Я инстинктивно подставил руку, и она плюхнулась мне в ладонь.

— Не такие уж плохие рефлексы для человека, чьи приключения давно позади, — лениво прокомментировал Фостер.

Я отшвырнул банку.

— Не среагирай я вовремя, она бы шарахнула мне прямо по зубам, — сердито заметил я.

— Но ты же поймал ее, хотя и осоловел от пива. Мужчина, который контролирует себя после пинты пива, не алкоголик, так что в этом смысле ты чист.

— А я и не говорил, что являюсь кандидатом в вытрезвитель, — отрезал я. — Меня просто не интересует твое предложение, каким бы оно ни было.

— Легион, — сказал Фостер. — Может, тебе кажется, что я поместил объявление из каприза и только на прошлой неделе? Ошибаешься. В той или иной форме оно появляется уже восемь лет подряд.

Я смотрел на него и ждал продолжения.

— И не только в местной газете. Я давал его по большим городам, в национальных еженедельниках и журналах. В общей сложности я получил пятьдесят откликов, — здесь Фостер кисло улыбнулся. — И три четверти из них были от женщин, которые думали, что мне нужна партнерша. Несколько мужчин отозвались с той же самой идеей. А прочие просто безнадежно не подходили.

— Странно, — сказал я. — За это время добрая половина чокнутых повылезала бы из своих нор.

Ответной улыбки не последовало. Шестым чувством я уловил, что за сдержанностью хозяина скрывается тревога.

— Я бы очень хотел заинтересовать тебя, Легион. Мне кажется, тебе недостает лишь одного — уверенности.

Я издал отрывистый смешок.

— Ну, и какими же необходимыми качествами, по-твоему, я обладаю? Учти, я отнюдь не мастер на все руки...

— Легион, ты человек достаточно умный и культурный. Ты много путешествовал и знаешь, как вести себя в трудных ситуациях, иначе ты бы не выжил. Я уверен, разведкурсы включают технику проникновения в помещения и сбор информации, неизвестные среднему человеку, и — что более важно — несмотря на врожденную порядочность, в случае необходимости ты способен преступить закон.

— Так-то оно так, — сказал я. — Но только в такие игры я не играю.

— Нет, я не формирую банду, Легион. Как и сказано в объявлении, это необычное приключение, оно может задеть — и, вероятно, заденет — различные инструкции и установления того или иного рода. Когда ты узнаешь всю историю, я предоставлю тебе самому судить: оправдано это или нет.

Если Фостер пытался пробудить мое любопытство, то он в этом преуспел. Он был совершенно серьезен насчет своих будущих планов. Похоже, ни один нормальный человек не захотел бы затевать ничего подобного, но, с другой стороны, Фостер ничем не походил на глупца...

— А почему бы не объяснить мне, в чем суть дела? — спросил я. — Зачем человеку, обладающему всем этим, — я обвел рукой богато обставленную комнату, — подбирать бродягу вроде меня из канавы, да еще и уговаривать взяться за работу?

— Твое это перенесло серьезную встряску, Легион, это очевидно. Мне кажется, ты боишься, что я захочу от тебя слишком много или меня чем-нибудь шокирует твое поведение. Хоть на мгновение попробуй забыть о себе и своих проблемах, и мы наверняка придем к взаимопониманию...

— Ага, — буркнул я. — Вот так прямо взять и забыть...

— О денежных проблемах, конечно. Большинство проблем этого общества проистекают от абстрагирования ценностей, выражавшегося в использовании денег.

— О'кей, — сказал я. — Пусть у меня будут мои проблемы, у тебя — твои. Давай на этом и покончим.

— Тебе кажется, что раз я материально обеспечен, то мои проблемы — тривиального порядка, — полуутверди

тельно произнес Фостер. — Ответь мне, Легион, ты хоть раз видел человека, который страдает от амнезии?

Фостер пересек комнату и что-то достал из ящика маленького письменного стола, потом посмотрел на меня.

— Взгляни-ка повнимательней на это, — сказал он.

Я подошел и взял из его рук небольшую книжицу в блеклой пластиковой обложке. На ней не было никакого изображения, кроме двух тисненных колец. Я раскрыл ее: страницы, словно из тончайшей ткани, были непрозрачны и сплошь исписаны чрезвычайно мелким почерком на каком-то странном языке. Последняя дюжина страниц была на английском. Мне пришлось поднести книжицу к глазам, чтобы разобрать мельчайшие буковки: «19 января 1710 года едва не разразилась катастрофа, когда я чуть не утратил ключ. С этого момента буду вести дневник на английском языке...»

— Ну, если это и есть ваше объяснение, то оно для меня слишком прозрачно, — сказал я.

— Легион, как ты полагаешь, сколько мне лет?

— Вопрос, конечно, интересный, — отозвался я. — Когда я впервые увидел вас, то сказал бы, что за тридцать. Но сейчас, честно говоря, вы выглядите почти под пятьдесят

— Я могу представить доказательства, — сказал Фостер, — что большую часть года провел во французском военном госпитале. Я пробудился в палате, весь забинтованный до самых глаз и без малейших воспоминаний о своей прежней жизни. Согласно медицинскому заключению мне тогда было тридцать лет.

— Ну, что ж, — сказал я. — Амнезия не такая уж и редкость среди раненых на поле боя. И похоже, вы неплохо наладили свою жизнь с тех пор.

Фостер нетерпеливо затряс головой.

— В этом обществе несложно разбогатеть, хотя мне и пришлось потрудиться несколько лет. Но настало время, когда у меня наконец появилась возможность вернуться к поискам своего прошлого. Правда, имеющихся свидетельств недостаточно: вот этот дневник, который был найден возле меня, и кольцо на пальце, — Фостер вытянул руку.

На среднем пальце красовался массивный перстень с той же самой гравировкой концентрических кругов, которые я видел на обложке дневника.

— Я был весь в ожогах, моя одежда сгорела. Довольно удивительно, что дневник был цел, хоть его и нашли среди обгоревших обломков. Он сделан из очень прочного материала.

— Что же удалось обнаружить?

— Ничего. Ни в одном воинском подразделении я не числился, а из того, что я говорил по-английски, заключили, что я либо англичанин, либо американец.

— А что, по акценту нельзя было определить точно?

— Вероятно, нет. Похоже, я говорил на каком-то неизвестном диалекте.

— Может быть, вам и повезло. Я, например, был бы рад забыть мои тридцать лет.

— Я потратил значительную сумму и несколько лет, чтобы раскопать свое прошлое, — продолжал Фостер. — В конце концов мне пришлось сдаться. А потом я нашел первый туманный след.

— А, так вы все же обнаружили что-то? — сказал я.

— Ничего нового, в этом помог дневник.

— Вот уж не подумал бы, — прокомментировал я. — Только не надо мне говорить, что вы положили его в ящик стола и забыли о нём.

— Конечно, я прочитал все, что мог. Это составило относительно малую часть на английском языке. Все остальное зашифровано. А то, что я прочитал, оказалось бессмыслицей, со мной никак не связанной. Ты видел: это не более чем дневник, и даты заносились нерегулярно. Да и сами записи настолько обрывочны, что едва ли лучше шифра. И взгляни на даты, они охватывают период с начала восемнадцатого по начало двадцатого века.

— Что-нибудь типа семейной летописи, — предположил я. — Записи велись представителями нескольких поколений. Там упоминаются имена или местности?

— Взгляни-ка еще раз, Легион, — сказал Фостер, — посмотри, может, ты найдешь что-нибудь необычное, кроме того, что мы уже обсудили.

Я снова пролистал книжицу. Она была не толще дюйма, но тяжелая, на удивление тяжелая. Огромное количество страниц: я насчитал сотни исписанных листков, а ведь книга была использована менее, чем наполовину. Я выхватывал отрывки то тут, то там: «4 мая 1746 года. Вояж не успешен. Я должен оставить этот путь Поиска... 23 октября 1790 года. Надстроил барьер кубитом выше, теперь огни полыхают каждую ночь. Да разве нет предела их адской настойчивости? 19 января 1831 года. У меня большие надежды на Филадельфию, мой величайший недруг — нетерпение, вся подготовка к трансформации закончена, однако, признаться, чувствуя себя неладно...»

— Тут множество странностей, не считая самих дат. Ну, во-первых, дневник должен быть старым... но качество бумаги и переплет превосходит все, что я когда-либо видел. Да и почерк чересчур мизерный для гусиного пера..

— К переплету присоединено стило, дневник написан им.

Я пригляделся, вытянул тоненькую ручку и взглянул на Фостера.

— Кстати, о странностях, — заметил я. — Подлинная антикварная шариковая ручка попадается не каждый день...

— Погоди судить, — возразил Фостер. — Ты еще не видел всего.

— Один стержень на две сотни лет — неплохой рекорд, — я пролистал страницы, потом бросил дневник на стол. — Кто кого дурит, Фостер?

— Дневник детально описан в официальном протоколе, копия которого у меня сохранилась. В нем описаны бумага, обложка, стило, и даже цитируются кое-какие места. Полиция очень внимательно отнеслась к этому делу, пытаясь установить мою личность. Они, как и ты, пришли к выводу, что это — записи какого-то сумасшедшего. Но они видели именно этот дневник.

— Ну и что? Если это и было подделано во время войны, что это доказывает? Я готов признать, что подделке лет сорок...

— Ты не понял, Легион. Я же сказал тебе: я очнулся во французском военном госпитале. Так вот — это был парижский госпиталь, и все происходило в 1918 году.

Глава вторая

Я покосился на Фостера. Он ничем не походил на умалишеннного...

— В таком случае, — заявил я. — Вы просто чертовски хорошо выглядите для своих девяноста.

— Ты находишь мою внешность до странности моложа-

вой. А как ты отреагируешь, если я сообщу, что достаточно ощутимо постарел только за последние несколько месяцев? Что еще год назад я бы запросто сошел за тридцатилетнего...

— Пожалуй, не поверю, — признался я. — Сожалею, мистер Фостер, но мне не верится и в 1918 год. Ну, как я могу? Это же...

— Знаю. Слишком фантастично. Но давай вернемся к дневнику. Взгляни на бумагу, ее исследовали эксперты. Она буквально поразила их. Попытки проанализировать химический состав провалились, они попросту не смогли взять образец. Бумага не поддается растворителям...

— Не смогли добыть образец? — переспросил я. — А почему бы просто не оторвать уголок?

— Попробуй, — предложил Фостер.

Я подобрал дневник и подергал краешек чистого листа, потом ухватился покрепче и потянул, бумага не поддавалась. Я зажал ее и дернул изо всех сил, на ощупь она походила на тонкую прочную кожу, но даже не растягивалась.

— Да, прочная, — согласился я.

Я вынул перочинный ножик валявшийся в кармане, открыл и попытался отрезать краешек. Никакого результата. Я перешел к брюю, положил бумагу на стол и, навалившись всем телом на нож, попытался прорезать ее. Потом я поднял нож и изо всех сил воткнул лезвие в бумагу, на ней не осталось и следа. Я бросил нож.

— Да, это еще та бумага, мистер Фостер, — сказал я.

— Попытайся порвать переплет, — продолжал Фостер. — Поднеси спичку, попробуй выстрелить из пистолета, если хочешь, на материале не останется никаких следов. Давай рассуждать, Легион. Встречается такой материал в нашем мире или нет?

Я сел и поискал сигарету, их у меня по-прежнему не было.

— Ну, и что это доказывает? — спросил я наконец.

— Только то, что дневник — это не мошенничество. Ты видишь перед собой нечто, от чего нельзя легко отмахнуться. Дневник существует, и это наша отправная точка.

— И куда же отсюда двигаться?

— Есть второй фактор, — продолжал Фостер. — Похоже, что в прошлом у меня появился враг. С недавней поры кто-то или что-то упорно преследует меня.

Я попытался рассмеяться, но прозвучало это неестественно.

— Почему бы тогда не посидеть на месте и не подождать, когда он явится. Может, хоть враг объяснит, в чем тут дело.

Фостер покачал головой.

— Это началось почти тридцать лет назад, — сказал он. — Я ехал ночью на юг из Олбени, штат Нью-Йорк. шоссе было прямым и по сторонам его не было никаких домов. Я заметил следовавшие за мной огни. Но не огни фар. Нечто иное, что, колыхаясь, двигалось сбоку по полю вдоль дороги. Они не отставали и постепенно приближались ко мне, потом внезапно сомкнулись впереди машины, держась за пределами света фар. Я остановился, не потому, что был встревожен, а просто из любопытства. Мне хотелось их получше рассмотреть, я включил свой автомобильный фонарь и осветил их. Но они исчезали, как только луч касался их. После того, как исчезло полдюжины, остальные пошли на сближение. Я продолжал снимать их один за другим. Звуков никаких не было, только слышалось негромкое гудение, а потом я уловил запах серы и внезапно испугался, испугался смертельно. Самый последний я уничтожил уже в десяти футах от ав-

томобиля. Я просто не в состоянии передать ужас, охвативший меня в тот момент.

— Это звучит довольно странно, — сказал я. — Чего там было бояться? Это, наверное, малоизвестный вид шаровой молнии.

— Всегда найдется какое-нибудь объяснение, — заметил Фостер. — Но никакое объяснение не может оправдать тот ужас, который я тогда испытал. Я завел двигатель, рванул с места и гнал машину всю ночь и следующий день. Меня подстегивало ощущение, что мне надо как можно дальше убраться от тех, с кем я встретился. Я купил себе дом в Калифорнии и попытался выбросить случившееся из головы, но безуспешно. А потом все повторилось.

— То же самое? Огни?

— На этот раз иначе. Все началось с интерференции — помех в моем приемнике. Потом это распространилось на проводку в доме. Все лампы начали слабо светиться, даже в отключенном состоянии. Я ощущал каждой клеткой моего тела, как они надвигаются все ближе и ближе, обступая меня со всех сторон. Я попробовал завести автомобиль, двигатель не работал. К счастью, я тогда держал несколько скакунов. Оседлав одного из них, я помчался в город. Я видел огни, но они сильно отстали от меня. Потом я сел на поезд и уехал как можно дальше.

— Не понимаю...

— Это повторялось раза четыре. В конце концов, мне показалось, что я сумел оторваться от них. Но я ошибся. Все говорит о том, что мне остались считанные часы. Я бы уже убрался отсюда, но мне надо было кое-что привести в порядок.

— Послушайте, — сказал я. — Все это не то. Вам нужен психиатр, а не бывший солдат. Мания преследования...

— Кажется очевидным, что объяснение надо искать где-то в моем прошлом, — не обращая внимания на мои слова, продолжал Фостер. — Тогда я всерьез взялся за дневник, мое единственное свидетельство. Я скопировал буквально все, включая и зашифрованную часть. Я увеличил фотокопии шифра, но никто из экспертов так и не опознал языка, на котором он написан.

Пришлось сосредоточиться на английском тексте, и тут я обнаружил интересную особенность, которую прежде не замечал. Писавший постоянно упоминает врага, загадочных «их», против которых надо принять защитные меры.

— Так, может быть, отсюда вы и почерпнули эту мысль, — сказал я, — когда в первый раз прочитали дневник.

— Да, — согласился Фостер. — Его преследовала та же самая Немезида, что и меня.

— Что за ерунда, — сказал я.

— Попробуем-ка, — предложил Фостер, — на время отбросить скептицизм. Давай подумаем, нет ли здесь какой-нибудь системы?

— Система-то есть, это точно, — согласился я.

— Вот тогда я и обратил внимание на упоминание о потере памяти, — продолжал Фостер. — Ведь это тоже мне знакомо. Автор дневника жалуется на свою неспособность припомнить определенные факты, которые могли бы пригодиться ему в его поисках.

— Каких поисках?

— Какого-то научного проекта, насколько я могу судить. Дневник буквально полон упоминаний об этом.

— И вы полагаете, что у писавшего была амнезия?

— Ну, возможно, не в полной форме, — ответил Фостер, — но он определенно не мог вспомнить какие-то факты.

— Ну, если это амнезия, тогда мы все ею страдаем, — вставил я, — совершенной памяти не существует.

— Но они все были очень важны, это не те вещи, которые легко забываются.

— Я вижу, вам бы очень хотелось поверить, что дневник каким-то образом связан с вашим прошлым; — сказал я. — Конечно, тяжело не знать истории собственной жизни. Но, по-моему, вы выбрали неверный путь. Ведь может же оказаться, что дневник — это просто роман, который вы начали писать зашифрованно, чтобы никакой случайный читатель не принялся над вами подшучивать.

— Легион, чем ты планировал заняться, оказавшись в Майами?

Вопрос застал меня врасплох.

— Ну, я даже не знаю, — заколебался я. — Просто хотел податься на юг, где тепло. У меня там парочка знакомых...

— Другими словами, ничем, — подытожил Фостер. — Легион, я хорошо заплачу, если ты останешься со мной до конца.

Я покачал головой:

— Только не я. Все это напоминает мне... мягко говоря... небольшое сумасшествие.

— Ты что, в самом деле считаешь меня сумасшедшим? — спросил Фостер.

— Давай скажем, что все это кажется мне немного того... мистер Фостер.

— Я прошу не просто поработать на меня, — сказал Фостер. — Я прошу помощи.

— С таким же успехом можно было погадать и на кофейной гуще, — раздраженно отрезал я. — Вы же мне фактически ничего не говорите.

— Но это еще не все, Легион. Недавно я совершил важное открытие. Когда я добьюсь твоего согласия, то все расскажу. А ты уже знаешь вполне достаточно, и согласись, все это не просто игра моего воображения.

— Да ничего я не знаю, — отмахнулся я. — До сих пор одна болтовня.

— Если тебя волнует оплата...

— Да нет же, черт побери! — рявкнул я. — Где все эти документы, о которых столько разговоров? Уже за одно то, что я сижу здесь и слушаю эту чушь, меня стоило показать психиатру. У меня и без тебя полон рот..., — я оборвал себя и с силой потер лоб. — Извините, мистер Фостер, наверное, меня просто бесит, что вот у вас есть все, чего мне хотелось, а вы еще недовольны. Честно скажу, меня даже тревожат ваши галлюцинации. Если уж здоровый и богатый мужчина не способен радоваться жизни, то какого же черта остается делать нам, остальным?

Фостер задумчиво посмотрел на меня.

— Легион, если б ты мог иметь все, что хочешь, чего бы ты попросил?

— Все? Ну, я бы уж нашел, чего попросить. Я много чего в своей жизни хотел, например, стать героем или великим умником, или найти такую работу, которую бы мог выполнить только я один. Но работу я так и не нашел, умником не стал, да и такого героя, как я, от труса черта с два отличишь.

— Другими словами, — сказал Фостер, — ты искал какую-то абстракцию, в данном случае — справедливость. Но в природе справедливости не существует. Это лишь человеческая выдумка, фикция.

— Однако в жизни полно приятных вещиц, и мне хотелось бы урвать хоть немного.

— Тогда не растеряй по пути свою способность к мечте.

— Мечта?! — воскликнул я. — А, есть у меня мечта. Хочу иметь остров где-нибудь под солнышком, на котором я мог бы проводить свои дни за рыбалкой и любоваться морем.

— Не старайся казаться циничным, и, кроме того, ты опять-таки пытаешься конкретизировать абстракцию, — подытожил Фостер. — Материализм — это всего лишь иная форма идеализма.

Я взглянул на Фостера.

— Но я знаю, что мне никогда не иметь таких вещей. Или той справедливости, о которой вы говорите. Однажды, когда наконец осознаешь, что тебе никогда не удастся...

— Вероятно, недостижимость является существенным элементом любой мечты, — подчеркнул Фостер. — И все же держись за нее, какой бы она ни была, и не сдавайся.

— Хватит философии, — сказал я. — К чему мы пришли?

— Ты хотел взглянуть на документы, — сказал Фостер. Он выудил из внутреннего кармана ключ. — Если не боишься выйти к машине и запачкать руки, то там есть бронированный сейф, приваренный к корпусу. В нем я держу фотокопии всех документов вместе с паспортом, деньгами и тому подобным. Я уже усвоил урок и готов сняться с места в любую минуту. Откинь водительское сиденье и увидишь сейф.

— К чему спешить, утром и посмотрю, — сказал я. — Вот только высплюсь. Но не обольщайся, во мне просто говорит дурацкое любопытство.

— Вот и хорошо, — отозвался Фостер. Он откинулся на

спинку кресла и зевнул. — Устал я, Легион, — сказал он. — Все время в напряжении.

— Да, — согласился я. — И я про то же.

— Ступай, выспись, поговорим утром, — сказал Фостер.

Я откинул легкое покрывало и выскользнул из постели. Ковер под ногами был толст и пушист, как норковая шубка какой-нибудь смазливенькой секретарши. Я подошел к встроенному шкафу и ткнул кнопку. Дверца распахнулась. Моя старая одежда лежала на дне, но на мне был наряд, одолженный Фостером. Не станет же он возражать, если я немного поношу его. В конечном итоге это обойдется ему дешевле. Может, Фостер и был слегка завернут, как все бегуны за здоровьем по утрам, но я не собирался долго задерживаться, чтобы сообщить ему об этом.

В комплекте Фостера явно не хватало пиджака. Я решил надеть свою старую куртку, но снаружи было тепло, да и полосатая куртка с сальными пятнами, ну, просто-таки портила всю картину. Я переложил все свои вещи в карманы фостеровской одежды и осторожно приоткрыл дверь на лестницу.

Внизу, в жилой комнате, занавеси были задернуты. Я едва различал очертания бара. Вообще-то, не мешало бы что-нибудь перекусить на дорожку. Я на ощупь двинулся туда, обыскал полки и пирамидку жестянок, внутри которых что-то шуршало. Орехи, наверное. Я хотел поставить одну из них на стойку, но она упала и стукнулась обо что-то невидимое. Я вполголоса выругался, попытался найти ее и нашупал некий предмет. Он был объемистый, с прохладной

металлической поверхностью, с выступающими острыми углами, это напоминало...

Прищурившись, я едва не ткнулся в него носом, пытаясь разглядеть в темноте. В скучных лучиках лунного света, пробивавшегося сквозь шторы, я сумел различить длинный продырявленный кожух пулемета. Я проследил за направлением ствола к темному прямоугольнику вестибюля и крошечному отблеску света на полированной латуни дверной ручки.

Я невольно подался назад, ощущая внутреннюю пустоту, и наткнулся спиной на стену. Если бы я только попытался пройти через ту дверь...

Да, сумасшествия Фостера точно хватило бы на парочку свихнувшихся. Я лихорадочно осмотрел комнату. Надо убиться отсюда как можно скорее. Пока он не додумался выпрыгнуть на меня откуда-нибудь с воплем. Вот тогда я уж точно скончаюсь от разрыва сердца. Попробовать, что ли, через окна... Я обошел стойку с другой стороны, опустился на четвереньки и прополз под стволовом пулемета до тяжелых занавесей, потом поднялся и открыл их. За окном я увидел бледное свечение. Но это был отнюдь не лунный свет, а нечто молочно-белое, завихряющееся, напомнившее мне свечение океана...

Я задернул занавес, нырнул под ствол пулемета и пребежал в кухню. В темноте отсвечивала ручка холодильника, я распахнул дверку и в тусклом свете лампы огляделся. В кухне было много разных приспособлений, но никаких дверей. Только окно, сплошь увитое растениями. Я рывком приоткрыл его, и чуть не раздробил руку о железную решетку.

Вернувшись обратно в вестибюль, я попытался открыть пару дверей, но безуспешно. Третья дверь все-таки откры-

лась, за ней показались ступеньки, ведущие в подвал. Лестница оказалась крутой и темной, как и все обычные подвальные лестницы, но там мог быть и выход. Я нашупал выключатель. При слабом освещении я разглядел земляной пол, дохнуло сыростью, и, не особенно надеясь на успех, я принялся спускаться.

В центре подвала высились металлическая печь, куда-то уходили запыленные вентиляционные шахты, а в дальнем конце стоял контейнер для лесопиломатериалов. И никакого выхода. Я уже повернулся назад к лестнице, но в этот момент послышался какой-то звук. Я замер. Где-то рядом протопал таракан, потом звук снова повторился — слабое трение камня о камень. Я напряженно всматривался в завешенные паутиной темные углы, во рту пересохло, но никакого движения я не замечал.

По всем правилам, мне сейчас следовало как можно быстрее выбраться наверх, выбить решетку кухонного окна и рвать отсюда во все лопатки. Беда только в том, что для этого надо было начать действовать, и действовать быстро, а волю мою буквально парализовал грохот собственных шагов. По сравнению со всем этим шок, который я испытал, наткнувшись на пулемет, был просто детской забавой. Обычно я не верю во всякую ночную чертовщину, но на сей раз я сам слышал нечто жуткое, и единственное, что лезло мне в голову, так это Эдгар По со своими веселыми рассказнями о людях, замурованных заживо.

Донесся еще один звук, на этот раз резкий щелчок, и в темном углу появился луч света. Все, с меня хватит! Словно заяц, я сиганул на лестницу и через три ступеньки рванул наверх, вихрем пронесясь на кухню, на ходу подхватил табуретку и с силой шарахнул ею по решетке. Табурет отскочил и заехал мне по челюсти. Я выронил его, чувствуя, как

рот наполняется кровью. Это привело меня в чувство, и паника сменилась гневом. Я уже бросился назад, в жилую комнату, когда внезапно вспыхнул свет. Я повернулся и увидел в дверном проеме одетого Фостера.

— О'кей, Фостер! — крикнул я. — Давай, показывай, где тут у тебя выход?

Фостер пристально посмотрел на меня:

— Успокойся, Легион, что происходит?

— А ну-ка иди сюда! — рявкнул я, кивая на пулемет. — Разряди его и открой парадную дверь. Все, я отчаливаю.

Взгляд Фостера прошелся по моей одежде.

— Понятно, — сказал он. И снова посмотрел мне в глаза: — Так что же тебя испугало, Легион?

— Не прикидывайся наивным, — бросил я. — Или ты всерьез думаешь, что я поверю, будто, пока ты мирно спал, домовой установил эту ловушку с пулеметом?

Он перевел взгляд на оружие, желваки на его лице заходили.

— Нет, это сделал я, — произнес он. — Что-то заставило сработать автоматическое устройство. Полагаю, что снаружи ты не был.

— Это каким бы образом..?

— Это важно, Легион, — оборвал меня Фостер. — Ты бы вряд ли запаниковал от одного вида пулемета. Что ты видел?

— Я искал черный ход, — сказал я угрюмо. — Был в подвале. Мне там не понравилось, и я опять поднялся наверх.

— И что же ты заметил в подвале? — лица Фостера побелело от напряжения.

— Ну, это было похоже.., — замялся я. — Какая-то трещина в полу, звуки, огни...

— Подвал, ну, конечно, — сказал Фостер. — Самое слабое место, — казалось, он разговаривал сам с собой.

Я через плечо ткнул большим пальцем в сторону окна:

— Да ты посмотри, что там творится.

Фостер бросил взгляд на занавеси:

— Слушай внимательно, Легион, — сказал он. — Мы в опасности. Оба. Нам повезло, что ты вовремя проснулся. Этот дом, как ты, наверное, уже успел догадаться, похож на крепость. И сейчас мы в осаде. Стены защищены, но вот подвал... Там всего лишь три фута бетона. Нам предстоит убраться отсюда очень быстро и совершенно незаметно.

— О'кей. Как? — спросил я.

Фостер повернулся, подошел к одной из закрытых дверей и на что-то нажал. Дверь распахнулась, и я покорно прошелся за хозяином в небольшую комнатушку. Фостер ладонью нажал на пустую стену, панель сдвинулась. Он отшатнулся назад.

— Господи! — выдохнул он и лихорадочно задвинул панель обратно.

Я стоял, как вкопанный. Откуда-то просачивался запах серы.

— Да что, черт побери, происходит?! — мой голос звучал надломленно, как и всегда, когда я был перепуган.

— Запах, — бросил Фостер. — Быстрее, другим путем!

Я отступил в сторону, и Фостер пробежал мимо меня. Я помчался за ним, едва не наступая на пятки и стараясь не оглядываться. Фостер взлетел вверх по лестнице, остановился на площадке, упал на колени, отшвырнул афганский ковер и ухватился за стальное кольцо, вмонтированное в пол. Он поднял ко мне смертельно побледневшее лицо:

— Молись своим богам, — хрипло бросил он и потянул за кольцо.

Часть площадки вздыбилась вверх и стала ребром, открыв первую ступеньку лестницы, ведущую в черную дыру. Фостер не колебался. Он нырнул в проем, и я последовал за ним. Ступени оборвались почти сразу. Во тьме щелкнул замок, и мы оказались в большом помещении. Сквозь ряды высоких окон струился лунный свет и доносился аромат свежего ночного воздуха.

— Мы в гараже, — прошептал Фостер. — Садись с той стороны. Только тихс

Я нашупал корпус машины, обогнул его и сел, осторожно притворив дверцу. Фостер уже был рядом, он коснулся какой-то клавиши, и приборная доска осветилась.

— Готов?

— Да, — ответил я.

Мотор завелся с пол-оборота. Не теряя ни секунды, Фостер включил сцепление и нажал на педаль акселератора. Машина с места рванула прямо в закрытые двери. Я инстинктивно пригнулся, но успел заметить, как в последний момент двери распахнулись, и мы вылетели наружу. Первый поворот мы прошли на скорости сорок миль в час и вывернули на шоссе при шестидесяти милях в час. Покрышки визжали. Я оглянулся и только успел заметить дом, сиявший в лунном свете, а потом мы нырнули в ложбину.

— Так что же все-таки происходит? — выкрикнул я, пытаясь перекрыть гул мотора.

Стрелка спидометра коснулась отметки «девяносто» и продолжала медленно ползти дальше.

— Потом! — крикнул Фостер.

У меня не было сил спорить. Я несколько раз оглядывался, удивляясь, куда это подевались все копы? Потом уселся поудобней и принял следить за дорогой.

Глава третья

Было около половины пятого утра, и небо на востоке начинало сереть сквозь пальмовые ветви, когда я наконец нарушил молчание:

— Между прочим, — сказал я. — Что значат все эти решетки, пуленепробиваемые стекла, армейские пулеметы? Мышей слишком много развелось?

— Это все более, чем необходимо.

— Честно говоря, теперь, когда у меня волосы перестали топорщиться от ужаса, — продолжил я, — мне все это кажется чертовски глупым. По-моему, мы отъехали уже довольно далеко, чтобы остановиться и показать им всем язык.

— Не спеши.

— Слушай, а почему бы просто не вернуться? — поинтересовался я. — И...

— Нет! — выпалил Фостер. — Обещай мне, Легион, что бы ни случилось, ноги твоей там не будет.

— Уже день наступает, — заметил я. — А когда взойдет солнце, ну и идиотами же мы будем себе казаться. Но можешь не беспокоиться, уж я-то никому не расскажу.

— Мы не можем оставаться на месте, — сказал Фостер. — В следующем городке я по телефону закажу билеты на Майами.

— Постой, постой, — вставил я. — Ты что, бредишь? А как же твой дворец? Мы даже не удосужились убедиться: выключил ты телевизор или нет. И потом, как насчет паспортов, денег, багажа? И вообще, с чего ты взял-то, что я собираюсь тебя сопровождать?

— Я был готов к подобной неожиданности, — спокойно возразил Фостер. — В юридической фирме в Джексонвилле

я оставил необходимые распоряжения по поводу дома. Меня больше ничего не связывает с прошлой жизнью, надо лишь изменить имя и исчезнуть. Ну, а что касается остального, то мы можем купить багаж и утром. Мой паспорт здесь, в машине. Хотя, наверное, пока не удастся раздобыть тебе новый паспорт, нам лучше податься в Пуэрто-Рико.

— Послушай, — сказал я. — Ну, перепугался я там, в темноте, но зачем же из этого трагедию-то раздувать?

Фостер покачал головой:

— Врожденная инерция человеческого мышления, — заключил он, — сопротивляется любой новой идеи.

— Все эти идеи, о которых ты говоришь, обеспечат нам пожизненное место в дурдоме.

— Легион, — окликнул меня Фостер. — Тебе надо накрепко запомнить все, что я тебе скажу. Это важно, жизненно важно. Я не хочу тратить время на предисловия. Дневник, который я показал тебе, у меня в куртке, обязательно прочти английские записи. Позже ты сам все поймешь.

— Надеюсь, ты не собираешься прямо сейчас писать завещание? — поинтересовался я. — Ты мне хоть объясни для начала: от кого это мы так прытко улепетывали?

— Откровенно говоря, — отозвался Фостер. — Я и сам не знаю.

Фостер выехал на темную площадку автозаправочной станции. Он поставил машину на ручной тормоз и в изнеможении откинулся на спинку сиденья.

— Ты не мог бы немного повести машину? — попросил он. — Я что-то себя неважно чувствую.

— О чём разговор! — с готовностью отозвался я.

Я выбрался из машины и обошел ее. Фостер на сидении

весь как-то обмяк, лицо его осунулось. Он казался еще более старым, чем вчера. Все этиочные переживания и мне-то лет не прибавили.

Он открыл глаза и невидяще взглянул на меня, потом с усилием взял себя в руки.

— Извини, — выдавил он. — Что-то мне не по себе.

Он с трудом перебрался на мое место, а я сел за руль.

— Слушай, если тебе так плохо, давай лучше поищем врача.

— Нет, все нормально, — заплетающимся языком произнес он. — Поехали дальше.

— Мы уже и так в ста пятидесяти милях от Мейпорта.

Фостер повернулся ко мне, открыл было рот, собираясь ответить, и потерял сознание. Я быстро проверил пульс и зрачки. С Фостером было все в порядке, и тем не менее, первым делом следовало уложить его в постель и вызвать врача.

Мы находились на окраине небольшого городка. Я медленно проехал по улицам, вывернулся на главную магистраль и остановился перед обшарпанной гостиницей. Когда я выключил мотор, Фостер шевельнулся. Я повернулся к нему:

— Фостер, я отведу тебе в постель. Ты можешь идти?

Он тихонько застонал и приоткрыл остекленевшие глаза. Я вышел и помог ему выбраться. Он по-прежнему находился в каком-то странном полубессознательном состоянии. Я дотащил его до замызганной конторки, над которой горела тусклая лампа. Я нажал кнопку звонка, и через минуту из коридора выполз какой-то старикиш. Он зевнул, подозрительно оглядывал меня и Фостера.

— Нам тут пьянчуги не нужны, — буркнул он.

— Мой друг болен, — отрезал я. — Двойной номер с ванной. И вызовите врача.

— А что у него? — поинтересовался старикашка. — Это не заразно?

— Вот это я и хочу узнать.

— По утрам врача не бывает. И у нас нет отдельных ванных комнат.

Я расписался в гостиничной карточке, и, поднявшись на решетчатом лифте до четвертого этажа, мы прошли по плохо освещенному коридору к коричневой, облупившейся двери. Сам номер выглядел не лучше. Обои в цветочек, умывальник древней конструкции да две широкие кровати. Я уложил Фостера на одну из них. Он так и лежал, неподвижно, с каким-то странным просветленным выражением лица, которое так старательно пытаются придать мертвцам умельцы из похоронных бюро. Я присел на другую кровать и снял ботинки. Теперь наступила и моя очередь расслабиться. Я лег и погрузился в сон, словно камень в тихую воду.

* * *

Я проснулся с уверенностью, что сумел разгадать тайну жизни. Я попытался сохранить ее в памяти, но сон, как всегда, ускользнул, не оставив следа.

Серый рассвет просачивался сквозь грязные окна. Фостер лежал в прежнем положении, раскинув руки и тяжело дыша. Наверняка он просто чертовски устал, и ему вообще не нужен врач. Вероятно, он скоро проснется, снова готовый нестись сломя голову неизвестно куда.

Что же касается меня, то я опять проголодался. Надо бы раздобыть парочку долларов, хоть на бутерброд, что ли. Я окликнул Фостера, но он даже не шелохнулся. Ну, уж если он так дрыхнет, нечего его беспокоить... Я вынул из кармана

костюма толстый кошелек и, выудив из него десятку, положил на стол. Мне вспомнилось, что Фостер говорил о деньгах в машине, и я взял ключи, обулся и прокрался к двери. Фостер дрых, как колода.

У входной двери я подождал, когда парочка местных зевак отойдет от машины Фостера. Затем я сел на переднее сиденье, откинул водительское кресло и увидел сейф. Я стер грязь с замка и открыл его ключом из связки. Внутри лежала целая пачка каких-то документов, паспорт, карты с пометками и куча зелененьких, при виде которых я слегка ошелел. Я пролистал пачку, тысяч пятьдесят, не меньше. Запихнув бумаги, паспорт и деньги обратно, я запер сейф и выбрался на тротуар.

Через несколько домов по улице наискосок на грязной витрине белела надпись: «Закусочная». Дверь была открыта. Я вошел, заказал гамбургеры и кофе и, усевшись за столик, положил перед собой ключи. Я смотрел на них и размышлял. Стоит только чуть-чуть поработать над фотографией, и паспорт обеспечит мне проезд куда угодно, а денег хватит на осуществление мечты о солнечном острове. Ну, а Фостер хорошенько выспится и потом поездом доберется домой. С его-то деньгами он вообще вряд ли заметит, что я у него там сколько-то прихватил.

Получив от продавца бумажный пакет, я расплатился и вышел. Я остановился возле автомобиля, подкидывая на ладони ключи, и все думал, думал... Уже через час я мог быть в Майами, а уж к кому податься, чтобы подделать паспорт, я бы нашел. Конечно, Фостер был неплохим парнем, он мне нравился, но такого шанса мне больше не видать никогда. Я уже потянулся к автомобильной дверце, когда голос откуда-то из-под мышки спросил:

— Газету, мистер?

Я вздрогнул и оглянулся. На меня смотрела чумазая физиономия мальчугана.

— Ага, давай, — бросил я.

Я сунул ему доллар и открыл газету. Словно «Мейпорт» бросилось мне в глаза. Заголовок гласил: «Полицейский налет».

«В результате назапланированного налета местная полиция обнаружила тайное убежище гангстеров. Шеф полиции Мейпорта Честерс заявил, что причиной налета послужило появление вчера в городе неизвестного гангстера с севера. В результате налета было конфисковано множество оружия, включая и армейские пулеметы. Убежище находилось в девяти милях от Мейпорта, по дороге на Фернандину. Как заявил Честерс, налет оказался итогом продолжительного расследования.

К.Р.Фостер, пятидесяти лет, владелец дома, исчез, предположительно мертв. Полиция ищет рецидивиста, который посетил его дом прошлой ночью. Существует предположение, что Фостер пал жертвой гангстерской войны.»

Я ворвался в номер и остановился, заметив в полутьме сидевшего на постели Фостера.

— Ты только посмотри, — замахал я газетой перед его носом. — Теперь же по всем дорогам полиция начнет гоняться за мной, да еще и по обвинению в убийстве! А ну, живо садись на телефон и наведи порядок! Чтоб тебя черт побрал со всеми твоими галлюцинациями! Копы, видать, думают, что накрыли чуть ли не арсенал самого Аль Капоне. Интересно, как мы теперь из этого вывернемся...

Фостер заинтригованно следил за мной, потом улыбнулся.

— Слушай, а чего ты веселишься, Фостер? — крикнул я. — У тебя-то есть деньги откупиться, а вот мне что делать?

— Простите, — вежливо произнес Фостер, — а кто вы?

Бывают моменты, когда я туговато соображаю. Но только не на этот раз. Для меня вопрос Фостера грянул, словно гром с ясного неба, я почувствовал, как у меня подгибаются колени.

— Нет, только не это, — простонал я. — Как ты можешь сейчас терять память, когда полиция принялась охотиться за мной? Ты же — единственное мое алиби! Ведь только ты можешь объяснить, откуда взялось все это оружие и объявление в газете! Я же пришел к тебе по объявлению, ты помнишь или нет?!

Я до того разнервничался, что принялся орать. Внезапно я осекся. Фостер сидел неподвижно, полухмурясь, полуулыбаясь, словно банкир, отказывающий в кредите. Он только слегка покачал головой.

— Меня зовут не Фостер.

— Слушай, но вчера-то ты был Фостером, и это все, что мне надо от тебя. Ты был тем самым владельцем дома, о котором так печется полиция. Вдобавок ты еще и труп, а убийство, между прочим, списали на меня. Вот прямо сейчас, немедленно, ты пойдешь со мной в полицию и объявишь им, что я посторонний, прохожий, и вообще тут ни при чем.

Я подошел к окну, поднял жалюзи и повернулся к Фостеру:

— А в полиции я все расскажу: и что у тебя мания преследования, и... — я замолк, тупо уставившись на Фостера.

В какое-то мгновение мне показалось, что я ошибся и забрел в чужой номер. Я хорошо помнил лицо Фостера, да и света теперь вполне хватало, но человеку, с которым я разговаривал, никак нельзя было дать больше двадцати лет.

Я подошел к нему вплотную. Те же самые холодные голубые глаза, но никаких морщин. Волосы гуще и длиннее, чем я помнил. Кожа гладкая, как у младенца. Я тяжело опустился на постель.

— *Mama mia*, — потрясенно произнес я.

— *Que es la dificultad?** — спросил Фостер.

— Заткнись, — простонал я. — Тут и на одном-то языке не знаешь, что думать.

Я все никак не мог собраться с мыслями. Несколько минут назад я ухватил синюю птицу счастья за хвост, но именно в этот самый момент милая птичка развернулась и цапнула меня. Меня прошиб холодный пот при одном лишь воспоминании о том, как я чуть было не укатил на фостеровской машине. А ведь каждый полицейский штата наверняка уже охотится за ней. И стоило им только меня задержать... Да присяжным и десяти минут не потребуется, чтобы вынести приговор!

А потом меня осенила еще одна мысль из тех, от которых подскакиваешь посреди ночи, стиснув кулаки и с колотящимся сердцем. Долго ждать не придется. Местная полиция наткнется на машину перед гостиницей, потом они заявятся сюда, и я доложу им, что машина принадлежит Фостеру. Им только стоит взглянуть на этого олуха, и дальнейшее будет ясно, как день:

* *Que es la dificultad?* (исп.) — Что вас затрудняет?

«— Чепуха, птичке, которую мы ищем, лет пятьдесят. А ну, колись, куда подевал труп?»

Я вскочил и принялся рассказывать по номеру. Фостер уже говорил мне, что с Мейпортом его ничего не связывает. Соседи подтверждают, что он, по крайней мере, средних лет. И я мог хоть лоб об стену расшибить, утверждая, будто этот двадцатилетний сопляк — Фостер. Мне все равно никто не поверит. И никаких доказательств! Они решат, что Фостер мертв, и пришил его именно я. А если кто-нибудь воображает, будто для обвинения нужно *corpus delicti**¹, то ему лучше еще разок повнимательней перечитать Гарднера.

Я выглянул в окно и тут же нырнул обратно. Возле фостеровской машины топтались двое полицейских. Один из них нагнулся над бампером, вынул записную книжку и записал номер, потом бросил что-то через плечо напарнику и стал пересекать улицу. Другой подпер толстым задом капот и принялся сверлить взглядом вход в отель. Я обернулся:

— Быстро обувайся! — рявкнул я. — Надо убираться!

Мы тихонько спустились по лестнице, отыскали заднюю дверь и вышли в переулок. Нас никто не заметил.

* * *

Через час, утопая в грязном сидении автобуса, я устался на Фостера. Пожилой сумасшедший с лицом пацана и мозгами, словно чистый лист бумаги. Я тащил его за собой, потому что у меня просто не было другого выхода. Моим

* *Corpus delicti* (лат.) — вещественное доказательство.

единственным шансом оставалась надежда, что постепенно к нему все-таки вернется память, и он снимет меня с этого проклятого полицейского креста. А сейчас самое подходящее время поразмыслить над следующим шагом. Я вспомнил про пятьдесят тысяч долларов, оставленных мной в машине, и застонал. Фостер озабоченно взглянул на меня:

— Тебе больно? — спросил он.

— Еще бы! — выпалил я. — До нашей встречи я был всего лишь бездомным бомжем, нищим и голодным. А теперь за мной гонится полиция, да еще ухаживай тут за эдаким клиническим идиотом!

— А какие законы ты нарушил?

— Никаких, — огрызнулся я. — Я даже в качестве жулика оказался полным профаном. За последние двенадцать часов я спланировал три ограбления и ни одного так и не совершил. А теперь меня еще подозревают и в убийстве.

— И кого же ты убил? — вежливо поинтересовался Фостер.

Я перегнулся через ручку кресла:

— Тебя, кретин, — прошипел я ему в лицо и добавил: — заруби себе на носу, Фостер, единственное преступление, в котором меня можно обвинить, так это в глупости. Я слишком долго выслушивал твои небылицы и теперь из-за тебя угодил в переплет, из которого вряд ли когда-нибудь выберусь.

Я откинулся назад:

— А кроме того, еще и всякие странности со старичками, которые укладываются подремать, а просыпаются неоперившимися сосунками. Мы еще потолкуем об этом на досуге, когда мои нервы немного успокоятся.

— Глубоко сожалею, что оказался причиной твоих за-

труднений, — сказал Фостер. — Мне бы хотелось припомнить все, о чем ты говоришь. Что я могу сделать для тебя?

— Между прочим, это тебе в первую очередь нужна была помошь, — сказал я. — Да, вот еще, дай мне свой кошелек, нам могут понадобиться деньги.

С моей подсказки Фостер отыскал его в своем кармане и передал мне. Я быстро просмотрел содержимое. В нем не было никаких вещичек с фотографиями или отпечатками пальцев. Когда Фостер заявлял, что собирается исчезнуть без следа, он, по всей видимости, не шутил.

— Мы отправляемся в Майами, — сказал я. — Там есть местечко в кубинском квартале, где можно на время притаиться. Возможно, нам только стоит немного подождать, и ты начнешь вспоминать.

— Да, — отозвался Фостер. — Это было бы неплохо.

— Ты еще хоть не забыл, как разговаривать, — заметил я. — Интересно, а что ты еще умеешь делать? Ты хоть помнишь, как нажил свое богатство?

— Я ничего не помню о вашей экономической системе, — ответил Фостер. Он огляделся. — Во многих отношениях это очень примитивный мир, — сказал он. — Думаю, мне будет не трудно накопить здесь богатство.

— Ну, положим, мне в этом не слишком-то повезло, — сознался я. — Мне даже не удалось накопить на обед.

— У вас еду меняют на деньги? — удивленно спросил Фостер.

— Все меняется на деньги, — ответил я. — Включая и большинство добродетелей.

— Что за странный мир, — заключил Фостер. — Мне придется долго привыкать к нему.

— Мне тоже, — буркнул я. — Может, даже на Марсе было бы лучше.

Фостер кивнул.

— Возможно, — согласился он. — Тогда, может быть, нам лучше отправиться туда?

Я снова застонал.

— Да нет, нет, со мной все в порядке, не беспокойся. Но не воспринимай все так буквально.

Какое-то время мы ехали молча.

— Слушай, Фостер, — наконец сказал я. — Этот дневник еще при тебе?

Фостер покопался в карманах, вытащил дневник на свет и озадаченно повертел в руках.

— Что-нибудь вспоминаешь? — настороженно спросил я.

Он слегка покачал головой, потом провел пальцем по выдавленным на обложке кругам.

— Этот знак, — медленно проговорил он, — похож...

— Ну-ну, Фостер. Похож на что?

— Извини, — выдавил он. — Не помню.

Я взял книжицу и принялся рассеянно разглядывать ее. Но думал я не о ней, а о своем будущем. Когда Фостер нигде не объявится, полиция, естественно, решит, что он мертв. А поскольку нас вместе видели накануне его исчезновения, то нетрудно догадаться, почему полиция так мечтает найти меня. Исчезни я, это ни на грош не исправит ситуацию. Моя физиономия быстро пополнит зверушник разыскиваемых преступников во всех полицейских участках всех штатов. И если они даже не отловят меня сразу, то обвинение в убийстве будет висеть надо мной всю жизнь.

А уж из попытки явиться с повинной, тем более, ничего хорошего не выйдет. Они просто не поверят мне, и в этом их трудно винить. Я сам-то с трудом верил в происходящее, хотя и оказался главным участником событий. Может, я

просто вообразил себе, будто Фостер помолодел? В конце концов, он мог всего лишь как следует выспаться...

Я глянул на Фостера и опять чуть не застонал. Двадцать — слишком сильно сказано. Восемнадцать — вот это точно. Я готов был поклясться, что он и бритвы-то ни разу не нюхал.

— Фостер, — сказал я, — все должно быть в этом дневнике: и кто ты, и откуда... Это единственная моя надежда.

— Тогда вношу предложение: давай его прочтем, — отозвался Фостер.

— Отличная идея, и как я сразу до этого не додумался?

Я пролистал дневник до того места, где начинались записи на английском языке, и погрузился в чтение. Начиная с 19 января 1710 года автор дневника вносил записи каждые несколько месяцев. Судя по всему, он был одним из первых колонистов в Вирджинии. Он жаловался на цены, на индейцев, на невежество других поселенцев и время от времени вспоминал о Враге. Ему часто приходилось путешествовать, и когда он возвращался домой, то ругал и свои командировки.

— Забавно, — заметил я. — Насколько мне известно, дневник писался в течение двух столетий, однако почерк везде один и тот же. Разве это не странно?

— А почему почерк должен меняться? — удивился Фостер.

— Но он под конец должен стать хотя бы дрожащим, неуверенным, верно?

— Почему это?

— Ладно, Фостер, разжую тебе прописную истину, — вздохнул я. — Просто большинство людей не живет так долго. Сто лет — это уж самый край, не говоря о двух сотнях.

— Должно быть, вы живете в неспокойном мире, — про-комментировал Фостер.

— Ха, — хмыкнул я. — Ну, ты рассуждаешь прямо, как младенец. Кстати, ты писать не разучился?

Фостер задумался.

— Нет, — ответил он наконец. — Писать я могу.

Я подал ему дневник и стило:

— А ну-ка попробуй, — предложил я.

Фостер открыл чистую страницу, что-то написал и подал мне.

— Всегда, всегда и всегда, — прочитал я и поднял глаза на Фостера: — А что это значит?

Затем я снова посмотрел на слова, перевернул страницу.. Я никогда не считал себя спецом по почеркам, но вывод напрашивался сам собой.

Дневник был написан Фостером.

— Это просто какая-то нелепость, — уже, наверное, раз в сороковой повторил я.

Фостер сочувственно кивнул.

— Ну, зачем ты все это написал, а потом потратил столько времени и денег, чтобы расшифровать? Ты же сам сказал, что даже экспертам ничего не удалось понять. Хотя, — продолжал я. — Ты наверняка догадывался, что это твоих рук дело. Уж свой почерк ты должен знать. Но, с другой стороны, у тебя ведь была амнезия, и ты надеялся, что дневник тебе поможет.., — я вздохнул, откинулся на спинку и швырнул дневник ему на колени. — Почитай-ка сам, — предложил я. — А то я тут взялся спорить сам с собой, и мне трудно понять, кто над кем берет верх.

Фостер внимательно оглядел дневник.

— Странно, — сказал он.

— Что странно?

— Дневник сделан из каффа, это вечный материал. А я замечаю следы повреждений.

Затаившись, я ждал продолжения.

— Вот, на обложке, — показал Фостер, — потертый край. Раз это кафф, то повреждений на нем быть не может. Значит, это специально.

Я схватил дневник и посмотрел. На обложке действительно была слабо различимая отметина, словно кто-то резанул чем-то острым. Я припомнил, как пытался порвать книгу, да, отметина здесь никак не могла появиться случайно.

— Откуда ты знаешь, из чего он сделан? — спросил я. На лице Фостера отразилось удивление.

— Это естественно, я же знаю, что окно сделано из стекла, — сообщил он. — Просто знаю, и все.

— Кстати, о стекле, — заметил я. — Вот подожди, раздобуду микроскоп! Тогда, может, что-нибудь и разузнаем.

Глава четвертая

Стокилограммовая сеньорита с бородавкой на верхней губе небрежно грохнула на стол кофейник с черным кубинским кофе, а заодно и молочник рядом с двумя щербатыми кружками, ослабилась в улыбке, которую лет тридцать назад, вероятно, можно было назвать обольстительной, и заковыляла обратно на кухню. Я наполнил кружку и вздрогнул от неожиданного звука гитары на улице, затреньковавшей «Эсторглиту».

— О'кей, Фостер, — сказал я. — Мне удалось кое-что разузнать. Первая половина дневника вся в жутких зако-

рючках, мне ее так и не удалось прочитать. А вот средняя часть в печатных буквах — это, по сути, закодированный английский, своего рода резюме того, что произошло.

Я подобрал несколько черновиков со своей дешифровкой. Мне удалось сделать ее благодаря ключу, скрытому в отметине на обложке. Я начал читать вслух:

— «Впервые меня охватывает страх. Моя попытка построить Коммуникатор призвала Охотников. Тогда из имеющихся материалов я сконструировал защиту и отыскал их гнездовище.

Я нашел его в месте, знакомом мне издавна. Это был не улей, а штолня — дело рук обитателей Двумирья. Я уже готов был спуститься вниз, но они сами поднялись навстречу. Многих мне удалось уничтожить, но в конце концов пришлось бежать. Я пришел к западному берегу, нанял гребцов и на каком-то протекающем судне отплыл в океан

Через сорок девять дней мы достигли побережья в глухи. Здесь тоже были люди, и мне пришлось сражаться с ними. А когда они познали страх, я стал жить среди них в мире. И Охотники до сих пор так и не нашли меня. Вероятно, на этом моя сага и закончится, но я сделаю все, что в моих силах.

Скоро наступит время трансформации, и я должен кое-что приготовить для Чужака, который придет после меня. Все, что ему надо знать, находится на этих страницах, я только хочу сказать: наберись терпения, ибо время этой расы наступает. Не посещай восточного континента, а только жди, ибо северные мореходы должны явиться в эту глушь. Отыщи среди них самых искусных работников по металлу, сделай себе щит и только тогда вернись к гнездовищу Охотников. По моим подсчетам, оно расположено на равнине в пять тысячных ширины ... к западу от Великого Мелового Лица

и тысяча четыреста семьдесят частей на север от срединной линии. Камни обозначают это место знаком Двумирья.»

Я взглянул на Фостера:

— Ну, а потом начинаются отдельные расчеты по сделкам с аборигенами. Он пытался цивилизовать их в сжатые сроки. Они вообразили его божеством, и он отрядил их строить дороги, резать камень, обучал их математике и так далее. Он стремился сделать все, чтобы чужаку, пришедшему за ним, было легче.

Фостер не сводил с меня глаз:

— А что это за трансформация, о которой он говорит?

— Да тут ни о чем таком не упоминается. Может, он говорил о смерти? — предположил я. — Хотя даже не представляю, откуда вдруг должен взяться этот чужак.

— Слушай, Легион, — неожиданно произнес Фостер, его глаза лихорадочно заблестели, — мне кажется, я знаю, что такое трансформация. Похоже, он догадывался, что забудет все...

— Ты, старина, сам страдаешь амнезией, — вставил я.

— ... и этот чужак — он сам. Человек без памяти.

Я нахмурился:

— Ну, допустим, а дальше-то что?

— А дальше он говорит, что все необходимое сказано в дневнике.

— Ну, уж только не в расшифрованной части, — возразил я. — В ней он описывает, насколько успешно идет строительство дорог и где будет новая шахта. Но ни слова об Охотниках или о том, что происходило до встречи с ними.

— Это должно быть здесь, Легион, в первой части.

— Вполне вероятно, — согласился я. — Но тогда какого черта он не дал нам ключ к ней?

— Мне кажется, он надеялся, что чужак — он сам — будет помнить свой язык, — задумчиво произнес Фостер. — Ну как он мог предполагать, что забудет его вместе со всем остальным?

— Ну, что ж, твоя теория ничуть не хуже моей, — согласился я. — А может, и лучше. Уж тебе-то известно, что значит потерять память.

— К тому же мы узнали еще кое-что, — сказал Фостер. — Гнездовище Охотников и его координаты.

— Ну, если пять тысячных частей чего-то там к западу от Мелового Лица считать координатами, тогда да.

— Но нам известно еще кое-что, — напомнил Фостер. — Он упоминает равнину. И она должна находиться на континенте где-то к востоку...

— Ну, если считать, что он плыл из Европы в Америку, то континентом будет Европа. Но он мог отплыть и из Африки или...

— Не забывай упоминание о северных мореходах, это наверняка викинги...

— Похоже, ты неплохо разбираешься в истории, Фостер, — заметил я. — Странные факты сохранились в твоей памяти.

— Нам нужны карты, — сказал он. — Надо попробовать отыскать равнину близ моря...

— Не обязательно.

— ... и естественное образование, напоминающее меловое лицо, к востоку от нее.

— А как насчет срединной линии? — поинтересовался я. — Как это понимать? А сколько-то частей чего-то?

— Не знаю. Но в любом случае нам нужны карты.

— Я уже их купил, — сказал я, — и даже приволок школьный глобус. Мне тоже показалось, что они нам при-

годятся. Ну, что ж, тогда сейчас двинем в номер и разложим их по кроватям. Конечно, надежды мало, но.., — я поднялся, бросил несколько монет на клеенку, и мы вышли из кафе.

До клоповника, который считался нашим пристанищем, было с полквартала. Мы старались показываться там как можно реже, проводя все наши конференции в кафе. Тараканы стаями разлетались из-под ног, пока мы поднимались по темной лестнице в наш ничуть не более светлый номер. Я прошел к замызганному секретеру и открыл ящик.

— Глобус, — задумчиво произнес Фостер, крутя его в руках. — Может, он говорил о части окружности Земли?

— Да что он мог знать?

— Ну, это не так уж удивительно, — возразил Фостер. — Автор дневника знал очень много. Давай отталкиваться от простой логики. Мы ищем равнину на западном побережье Европы.., — он подтянул стул к изрезанному столу и заглянул в мои черновики, — ... лежащую в пяти тысячных окружности Земли — что-то около ста двадцати пяти миль к западу от мелового образования и в три тысячи шестьсот семьдесят пять миль к северу от срединной линии...

— Может, — вставил я, — он говорит об экваторе?

— Ну, конечно, тогда это значит, что наша равнина лежит на линии, — он прищурился, разглядывая маленький глобус, — проходящей где-то через Варшаву, к югу от Амстердама.

— Ну, а как насчет мелового образования? — спросил я. — Откуда же нам знать, есть оно там или нет?

— Возьмем какой-нибудь учебник по геологии. Здесь поблизости должна быть библиотека.

— Единственные меловые отложения, о которых мне довелось слышать, — вспомнил я, — это белые скалы Дувра.

— Белые скалы?!

Мы оба схватились за глобус.

— Сто двадцать пять миль к западу от меловых скал, — сказал Фостер, ведя пальцем, — к северу от Лондона и южнее Бирмингема. Отсюда довольно близко до моря.

— Где атлас? — спросил я возбужденно.

Я переворошил целую кучу карт на кровати и наконец, вытащив дешевое туристическое издание, перелистал его страницы.

— А, вот и Англия, — сказал я. — Ну-ка, где здесь равнина?

Фостер увидел первым:

— Вот, — ткнул он пальцем. — Большая равнина — Солсбери.

— Большая, это точно. Чтобы найти на ней груду камней, понадобятся годы. Мы только зря радуемся. Нам придется искать яму, которой уже несколько сотен лет. И если даже верить этому дневнику, то вообще не известно, отмечена она пирамидой или нет. И все это на многомильном пространстве. К тому же это могут быть только наши догадки, — я перелистнул страницу атласа. — И чего я, собственно, ожидал, расшифровывая этот дневник? — удивился я. — Надеялся, что там еще что-нибудь найдется.

— Давай все же попытаемся, Легион, — предложил Фостер. — Мы отправимся туда и поищем. Конечно, это будет стоить денег, но ничего невозможного в этом нет. Начнем с того, что сколотим капитал и...

— Погоди минутку, Фостер, — я уставился на фрагмент крупномасштабной карты Южной Англии. С внезапно за-

бившимся сердцем я ткнул пальцем в крошечную точку в центре Солсбери.

— Шесть, два и поровну, — сказал я. — Вот оно — твое гнездовище Охотников.

Фостер нагнулся и вслух прочитал название:

— Стоунхендж.

Я читал энциклопедию, в ней было написано:

«... культовое сооружение из каменных глыб, находящееся на равнине Солсбери (Уилтшир, Англия), наиболее выдающееся среди мегалитических монументов прошлого. Каменные блоки до двадцати двух футов высотой, располагающиеся концентрическими кругами, окружены канавой диаметром в триста футов. К центральному алтарному камню — более шестнадцати футов длины — с севера ведет широкая дорога, именуемая авеню...»

— Это не алтарь, — вставил Фостер.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что..., — Фостер нахмурился. — Знаю, вот и все.

— Дневник утверждает, что глыбы выложены знаком Двумирья, — сказал я. — Это, наверное, и означает концентрические круги, те самые, что и на обложке дневника

— И на перстне, — добавил Фостер.

— Дай-ка мне дочитать. «Огромный блок поставлен на авеню. Оси, проведенные через два боковых камня, при вертикальной проекции точно указывают на точку подъема солнца над горизонтом в день летнего солнцестояния. Из расчетов явствует, что дата установки камней относится приблизительно к 1600 году до нашей эры.»

Фостер отобрал у меня энциклопедию, а я присел на подоконник и уставился на луну, повисшую над неровной линией крыши. Это ничуть не походило на продающиеся везде

открытки с видами Майами. Я закурил и задумался о человеке, который давным-давно в хрупкой скорлупке пересек Атлантический океан, чтобы стать божеством для индейцев. Откуда он пришел, что искал и где брал мужество продолжать жить, несмотря на все эти собачьи условия, описанные в дневнике? Если только — напомнил я себе тут же — он вообще существовал...

Фостер не отрывался от энциклопедии.

— Слушай, — окликнул я его. — Давай спустимся обратно на землю. Надо же разработать какой-то план. Все эти сказки могут подождать.

— Что ты предлагаешь? — Фостер поднял глаза. — Забыть обо всем, что ты мне тут рассказывал, читал в дневнике и даже не попытаться отыскать ответ?

— Да нет, — сказал я. — У меня же не больная башка. Понятное дело, когда-нибудь мы к этому еще вернемся и все проверим. Но лично я сейчас хочу в первую очередь избавиться от полиции, и вот что я надумал. Я продиктую письмо, а ты его напишешь. Уж твоя-то фирма должна знать твой почерк. Объяснишь, что был на грани нервного срыва, отсюда и весь этот арсенал в твоем доме, а потом, чисто импульсивно, решил просто убраться подальше от всего. Напишешь, что, не желая расспросов, пустился путешествовать инкогнито. И что этот гангстер с севера всего лишь бомж, а не убийца. Этого, пожалуй, должно хватить, чтобы полицейские отстали от меня...

Фостер с секунду поразмышлял.

— Превосходное предложение, — заключил он. — Тогда нам понадобится просто купить билеты до Англии и сразу приступить к расследованию.

— Да нет, ты не понял, — перебил я. — По почте можно уладить дела и наложить руки на твои денежки.

— Любая такая попытка неминуемо выведет на нас полицию, — ответил Фостер. — А ты уже доказал, что это чистое безумие — выдавать меня... за меня самого.

— Но должен же быть способ...

— У нас только один выход, — сказал Фостер. — Нам надо отправиться в Англию...

— А деньги, документы? Это же все влетит нам в копеечку.

— Дорогой мой, — сказал Фостер. — Твой приятель, который готовит паспорта, он что, не может подготовить и другие бумаги?

— Верно, — согласился я. — Он-то может, но где же взять столько денег?

— Уверен, что мы найдем способ заплатить, — заверил Фостер. — Поговори с ним, ну, скажем, утром.

Я оглядел замызганный номер. Горячий ночной ветер шевелил листья увядшей герани в старой консервной банке на подоконнике. Запахи прогорклого масла и неисправной канализации наполняли улицу.

— По крайней мере, — сдался я, — это означает, что мы уберемся отсюда.

Глава пятая

Уже почти на закате мы с Фостером вошли в салон кабачка «Древний Грешник» и отыскали свободный столик в углу. Я наблюдал, как Фостер раскладывает карты и черновики. Вокруг стоял приглушенный гул голосов, время от времени прорезаемый резкими ударами — шла игра в дротики.

— Ну, когда же ты наконец сдашься и признаешь, что мы понапрасну тратим время? — спросил я. — Мы уже две недели тут болтаемся и все время приходим к одному и тому же mestу.

— Мы же только-только начали наши поиски, — мягко возразил Фостер.

— Ты все время это повторяешь, — сказал я. — Но если в этих камнях что-то было, то его там давно уже нет. Археологи копаются здесь уже несколько десятилетий и до сих пор ничего не нашли.

— Они же не знают, что искать, — возразил Фостер. — Их интересуют следы, имеющие религиозное значение, следы человеческих жертвоприношений и тому подобное.

— Да мы-то тоже не знаем, что искать, — сказал я. — Если только ты не надеешься, что отвалишь камень, а из-под него вылетят Охотники...

— Не надо иронии, — заметил Фостер, — я нахожу это вполне вероятным.

— Знаю, — заметил я. — Ты еще в Мейпорте убедил себя, что за тобой гонятся Охотники.

— Из того, что ты мне рассказывал о той ситуации..., — начал Фостер.

— Знаю, знаю, — прервал я его. — Ты считаешь это возможным. В том-то и беда, что ты все считаешь возможным. Было бы легче, если бы кое в чем ты со мной согласился. Например, что никаких привидений в Стоунхендже мы не найдем.

Фостер посмотрел на меня с полуулыбкой. Прошло всего несколько недель с момента его пробуждения и полной потери памяти, но он уже утратил лицо розовой юности и быстро схватывал буквально все. День за днем я наблюдал, как постепенно пропадает его старый характер, и несмотря на

все мои попытки сохранить лидерство, он неизменно брал верх.

— В том-то и недостаток вашей цивилизации, — заметил Фостер, — что гипотеза сразу превращается в догму. Вы недалеко ушли от неолита, когда для выживания требовалось слепое следование племенным законам. Научившись вызывать бога огня из дерева, вы норовите распространять этот принцип на все «установленные факты».

— А вот еще один установленный факт для тебя, — сказал я. — У нас осталось пятнадцать фунтов стерлингов. Около сорока долларов. Самое время куда-нибудь податься, пока кто-нибудь не заинтересовался фальшивыми документами.

Фостер покачал головой:

— Я не уверен, что мы использовали все возможности. Я изучаю геометрические связи между структурами. Я кое-что надумал и хотел бы проверить. По-моему, неплохая идея — сходить туда ночью и немного поработать без обычной толпы туристов, которая так и наблюдает за каждым твоим движением.

— Этого еще только не хватало! — простонал я. — Будем надеяться, тебе в голову придет что-нибудь лучше.

— Перекусим здесь и дождемся темноты, — сказал Фостер.

Владелец кабачка принес нам холодное мясо и картошку. Я рассеянно жевал все это и размышлял о людях, которые где-то сейчас усаживались за ужин в сиянии хрусталия и серебра. Я уже устал от жесткого мяса в разных забегаловках за последние несколько лет. Я прямо-таки физически ощущал его в своем желудке и понимал, что все дальше и дальше отдаляюсь от своего солнечного острова. Причем винить в этом было некого, кроме самого себя.

— Древний грешник, — произнес я. — Это про меня. Фостер оторвался от тарелки.

— Да, странные названия бывают у этих старых заведений, — заметил он. — Зачастую их происхождение теряется в глубине веков.

— И почему бы не придумать чего-нибудь повеселей, — предположил я. — Например «Райский Бар» или кафе «Счастливый Час». Ты обратил внимание на вывеску?

— Нет.

— Там изображен скелет, задравший руку, словно проповедник, возвещающий апокалипсис. Да вон, погляди в окно.

Фостер повернулся и посмотрел на видневшийся край облезшей от дождей вывески. Он долго и пристально смотрел на нее, потом повернулся со странным выражением лица.

— В чем дело? — удивился я.

Но Фостер даже не обратил на меня внимания и жестом подозвал хозяина. Толстяк подошел к нашему столику, вытирая руки о фартук.

— Очень интересное старое название, — закинул удочку Фостер, начиная разговор. — Нам понравилось. Когда построили ваше заведение?

— Э, сэр, — отозвался хозяин. — Этому дому уже много веков, говорят, его строили монахи из соседнего монастыря, который разрушили еще при Генрихе, когда он изгонял папистов.

— Должно быть, Генрих VIII?

— Да, наверное. Этот дом — все, что осталось от монастыря. В нем раньше была пивоварня, а король чтил это дело. Он-то и ввел налог — два бочонка эля с каждой партии.

— Очень интересно, — отозвался Фостер. — И что, традиция еще жива?

Владелец кабачка покачал головой.

— Да нет, все кончилось еще во времена моего деда. Королева не была сторонницей питья.

— А откуда пошло это странное название — «Древний Грешник»?

— Говорят, — охотно начал рассказывать хозяин, — однажды монах, несмотря на запрет аббатства, рылся на равнине, возле тех камней, в поисках сокровищ друидов и нашел человеческий скелет. Ну, а поскольку был он очень благочестивым, то решил предать несчастного земле по христианскому обычью. Конечно, аббат бы ни за что не разрешил такое, вот монах и принялся ночью рыть могилу прямо под стенами монастыря. Ну, да аббат тоже не дремал, застукал его за этим занятием и спрашивает: что это ты, мол, делаешь тут? Ну, а монах, боясь епитимии, говорит: вот, мол, копаю погреб для хранения эля. Аббат, не будь дураком, в распросы вдаваться не стал, похлопал его по плечу и ушел. Вот так и построили пивоварню. А потом аббат ее освятил вместе с костями, погребенными на дне подвала.

— Так, значит, древний грешник до сих пор там и лежит?

— Так говорят. Я-то сам не поверил. Но дом вот уже четыреста лет только так и называют.

— А где этот монах нашел скелет?

— Да там, на равнине, у камней друидов. Те, что зовутся Стоунхенджем, — ответил хозяин. Он собрал пустые кружки: — Ну как, еще повторить, джентльмены?

— Конечно, — отозвался Фостер, его лицо было совершенно спокойным, но я-то видел, как он весь напрягся.

— Что происходит? — спросил я его тихо, когда хозяин отошел. — С чего это ты вдруг заинтересовался местными побасенками?

— Погоди, — прошептал Фостер. — Продолжай сидеть с кислой рожей.

— Ну, это легко устроить, — заверил я.

Хозяин вернулся с полными стеклянными жбанами.

— Так вы нам рассказывали, как монах нашел этот скелет, — напомнил Фостер. — Он что, был похоронен в Стоунхендже?

Владелец кабачка прокашлялся, искоса взглянув на Фостера.

— Джентльмен, должно быть, из университета? — спросил он вместо ответа.

— Скажем так, — улыбнулся Фостер, — мы испытываем огромный интерес к такого рода древним преданиям, ну и, само собой, этот интерес поддерживается финансово.

Хозяин устроил нам целое представление, вытирая на столе следы от пивных кружек.

— Готов поспорить, дорогостоящий бизнес, — заметил он, — рыться во всех этих закоулках. Но если знать, где рыть, то это — стоящее дело. Разрази меня гром!

— Очень стоящее, — заверил Фостер. — Запросто стоит пяти фунтов.

— Мне дедуля, вообще-то, рассказывал и даже как-то раз сводил меня туда показать место. Сказал, что это большой-большой секрет.

— И еще пять фунтов, как знак моего личного уважения к памяти дедушки, — между прочим вставил Фостер.

Хозяин кабачка покосился на меня.

— Э-э-э, секрет передавался в нашей семье от отца к сыну...

— Безусловно, мой спутник тоже присоединится к упомянутым знакам почтения, — заверил Фостер. — Еще пяток фунтов его не затруднят.

— Ну, это уже предел почтения, которое может выдержать наш бюджет, мистер Фостер, — заявил я, выкладывая на стол пятнадцать фунтов. — Надеюсь, вы не забыли о тех друзьях дома, которые хотели с вами побеседовать, — заметил я ядовито. — Не сегодня-завтра они...

Фостер свернул банкноты в трубочку:

— Вероятно, вы правы, мистер Легион, — согласился он. — Возможно, нам и не стоит задерживаться.

— Но ради прогресса науки, — поспешил вставить владелец кабачка. — Я готов пойти на жертвы.

— Мы отправимся сегодня ночью, — деловито сказал Фостер. — Наши дни расписаны по часам.

Еще минут пять хозяин торговался с Фостером, пока, наконец, не согласился показать место.

— А теперь рассказывай, — потребовал я, когда тот отшел.

— Взгляни еще раз на вывеску, — предложил Фостер.

Я посмотрел. Скелет, по-прежнему улыбаясь, помахивал мне рукой.

— Ну, вижу, — сказал я, — но это никак не объясняет, почему ты расстался с нашими последними деньгами.

— Обрати внимание на руку, присмотрись к кольцу на пальце.

Я прищурился. На указательном пальце скелета был изображен большой перстень с узором из концентрических колец.

Точь-в-точь, как перстень на пальце у Фостера.

Владелец кабачка подрулил к обочине шоссе и поставил машину на ручной тормоз.

— Дальше дороги нет, — сообщил он.

Мы выбрались наружу и теперь стояли, оглядывая про-

стиравшуюся перед нами равнину. Довольно далеко на фоне заката маячили мегалиты Стоунхенджа.

Наш проводник порылся в багажнике и вытащил обтрепанное одеяло и два фонаря, которые передал Фостеру и мне.

— Не включайте, пока я не скажу, — предупредил он. — а то вся округа увидит, что здесь кто-то шатается.

Мы молча наблюдали, как он накинул одеяло на ограду из колючей проволоки, и перебрался на другую сторону. Мы последовали за ним.

Равнина была пустынна, на далеком склоне горело несколько одиноких огней. Темная, безлунная ночь. Я едва мог нащупать землю под ногами. На дороге промелькнули огни фар проносящейся машины.

Мы миновали внешний круг камней, обходя упавшие монолиты по двадцать футов длиной.

— Да тут черт ногу сломит, — ругнулся я. — Давай включим фонарики?

— Подожди, — прошептал Фостер.

Наш проводник остановился и дождался нас:

— В последний раз я был здесь очень давно, — сказал он. — Сейчас сориентируюсь у Пяты Священника.

— А это что такое?

— Да вон тот одиночный камень на авеню.

Мы присмотрелись: на фоне неба едва были видны какие-то смутные очертания.

— Грешник был похоронен там? — спросил Фостер.

— Не-а. Он сам по себе. Так, теперь двадцать шагов, как учил дедуля, а в нем было пятнадцать стоунов веса и рослый он был... — бормотал про себя владелец кабачка, отмеряя расстояние.

— А что ему, собственно, мешает ткнуть в первое попавшееся место? — спросил я у Фостера.

— Подождем — увидим, — отозвался тот вполголоса.

— Где-то тут была впадина, — объяснил наш проводник. — А поблизости — валун. Сдается мне, она должна быть в пятнадцати шагах отсюда, — он показал, — вон там.

— Ни черта не вижу, — сказал я.

— Пойдем посмотрим.

И Фостер двинулся в указанном направлении, я последовал за ним, а наш проводник сзади. Во тьме простирали какие-то смутные очертания, с глубокой ямой рядом.

— Это, должно быть, и есть то самое место, — сказал Фостер. — Старые могилы всегда проваливаются... — внезапно он нервно стиснул мою руку. — Смотри!

Казалось, земля задрожала, потом неожиданно вспучилась. Фостер быстро зажег фонарь. По дну впадины стали разбегаться трещины, отваливаться целые куски породы, и вдруг в воздух вздыбилась бурлящая фосфоресцирующая масса. От нее отделился световой шар и поднялся, постукивая по отвесным краям валуна.

— Господи спаси! — раздался за моей спиной сдавленный голос владельца кабачка.

Фостер и я застыли, как вкопанные. Шар поднялся выше и неожиданно ринулся прямо на Фостера. Тот вскинул руку и пригнулся. Шар повернулся, задел плечо Фостера, отлетел в сторону и завис над ним. Через мгновенье все пространство вокруг нас было полно шарами, струившимися из провала. Стояло легкое жужжение. Луч фонаря Фостера метнулся в их сторону.

— Включай фонарь, Легион, — хрипло выпалил он мне.

От неожиданности я просто оцепенел. Шары налетали на Фостера, не обращая внимания на меня. Я услышал, как за моей спиной раздался топот убегающего проводника. С

трудом собравшись с мыслями, я вытащил фонарь, включил его и осветил фигуру Фостера. Шар над его головой исчез, но целый вихрь продолжал свою атаку. В луче света они лопались, словно мыльные пузыри, но их место занимали все новые и новые. Фостер пошатнулся. Рука с фонарем судорожно взмахнула, и раздался хруст разбившегося стекла, свет погас. И тут же в наступившей тьме шары густо облепили его голову.

— Фостер, — завопил я. — Беги!

Но ему не удалось преодолеть и пятнадцати футов. Он споткнулся и упал на колени.

— Прикрой! — прохрипел он и повалился ничком.

Я бросился к нему и встал над ним. Сернистая вонь наполнила воздух. Я закашлялся, полосуя светом пространство над головой Фостера. Из расселины на дне впадины шары больше не появлялись. Удушливое облако газа окутывало нас обоих, но их целью был только Фостер. Я подумал об отвесной стенке валуна. Если бы я мог встать к ней спиной, то у нас был бы шанс отбиться. Я нагнулся, ухватил Фостера за воротник и потащил за собой. Вокруг меня кипел фейерверк огней. Я отбивался от них лучом фонаря и продолжал тащить Фостера, пока наконец спиной не уперся в камень. Теперь они могли атаковать только спереди. Я взглянул на расселину, откуда появились шары. Она была достаточно велика, чтобы Фостер прошел в нее. Я перевалил его через край, прижался спиной к камню и приготовился к серьезному сражению.

Я принял размахивать фонарем более организованно: справа-налево, вверх-вниз. Но шары по-прежнему игнорировали меня, ныряя к расселине и стремясь во что бы то ни стало добраться до Фостера. В конце концов, рой вокруг меня сильно поубавился, и атака стала менее яростной. Рой

распадался на отдельные шары, а я продолжал гасить их один за другим. Жужжание стало прерывистым, и время от времени затихало совсем. Вскоре осталось лишь несколько шаров, беспорядочно метавшихся в воздухе. Они как-то разом повернули и умчались во тьму, словно перекати-поле подпрыгивая на неровностях равнины.

Ноги меня уже не держали, я обмяк, глаза заливал пот, в горле пекло от серы.

— Фостер, — окликнул я, — с тобой все в порядке?

Но он не отзывался. Я осветил фонарем впадину и увидел только влажную глину. Фостер исчез.

Глава шестая

Не разгибаясь, на четвереньках, я подобрался к краю впадины и осветил ее всю целиком. Прямо передо мной зиял провал, уходящий в глубь земли. Именно оттуда и появились светящиеся шары.

Фостер же застрял в расселине. Я сполз к нему и вытянул на поверхность. Он дышал, во всяком случае, был жив.

Я подумал, что теперь, когда светящиеся шары исчезли, владелец кабачка мог бы вернуться с подмогой, хотя я сильно сомневался в этом. Он был явно не из тех, кто отважится встретиться с духами древних грешников.

Фостер застонал и открыл глаза:

— Где... они? — пробормотал он.

— Успокойся, — сказал я. — Все в порядке.

— Легион, — окликнул Фостер и попытался сесть. — Охотники...

— О'кей, называй их Охотниками, если хочешь. Сам я

все равно ничего лучшего для них придумать не могу. Я обработал их фонарем. Их больше нет.

— Значит...

— Слушай, не ломай голову над тем, что это значит. Давай убираться отсюда поскорей.

— Охотники. Они появились из-под земли. Из расселины.

— Верно. И ты на полпути в эту дыру. Вероятно, здесь их гнездовище.

— Гнездовище Охотников, — повторил Фостер.

— Как тебе будет угодно, — согласился я. — Тебе еще повезло, что ты не провалился туда.

— Легион, дай мне фонарь.

— Я вижу, ты опять за свои глупости, — бросил я, отдавая фонарь.

Фостер осветил расселину. Я увидел, как луч выхватил из тьмы полированный слой черного стекла. Свод дугой поднимался над заваленным комьями земли дном расселины.

— Хей, похоже, это дело рук человека, — изумленно произнес я, вглядываясь в темноту. — И уж точно не первобытного.

— Легион, необходимо осмотреть, что там внизу, — сказал Фостер.

— Вернемся позже, с веревками и страховочными поясами, — ответил я.

— Незачем, — отрезал Фостер. — Мы нашли, что искали.

— Ну, да, — отозвался я. — Этого и следовало ожидать. Ты уверен, что в состоянии изображать Алису с белым кроликом?

— Уверен, уверен.

Фостер спустил ноги в расселину, соскользнул с края и

исчез. Вслед за ним я стал спускаться в слабо освещенный провал, а потом прыгнул в темноту. Подошвы с такой силой впечатались в землю, что у меня захвтило дух, я не удержался и упал на четвереньки.

— Что это за подземелье? — спросил я, забирая фонарь у Фостера.

Мы находились в крошечном помещении с низким сводчатым потолком. Луч фонаря упирался в глянцево поблескивающие стены, напомнившие мне известные по фильмам гробницы египтян.

— Для парочки, которая бегает от полиции, как от огня, у нас просто идеальный талант влипать в неподходящие ситуации, — заметил я и провел лучом по панелям, усыпанным циферблатами, кнопками и датчиками. — Не иначе, как мы угодили на сверхсекретный военный объект.

— Чушь! — отозвался Фостер. — Какие военные!

— Слушай, давай убираться отсюда. Наверняка уже сработала сигнализация.

Словно в ответ на мои слова раздался слабый звон. Квадратный экран осветился жемчужным светом. Пригибаясь, я поднялся и вместе с Фостером придинулся поближе.

— Как ты думаешь, что это? — спросил он.

— Я не спец по археологии каменного века, — ответил я. — Но если это не радар, я готов съесть свой собственный ботинок.

Усевшись в единственное кресло перед пультом, я принялся следить за красной отметкой, ползущей через пыльный экран.

— Мы в долгу перед этим древним грешником, — произнес Фостер за моей спиной. — Ну, кто бы мог подумать, что он приведет нас сюда?

— Древний грешник? — переспросил я. — Да здесь столько же древности, сколько в модели «форда» будущего года.

— Взгляни на символы, — заметил Фостер. — Они идентичны символам первой половины дневника.

— Для меня все эти закорючки одинаковы, — ответил я. — Меня волнует другое: если я хоть что-нибудь соображаю, то эта отметка — самолет или что-то еще — летит либо жутко медленно, либо на колоссальной высоте.

— Но ведь современные летательные аппараты летают на больших высотах, — возразил Фостер.

— Но не на таких, — уверенно отозвался я, разглядывая пульт. — Дай-ка разобраться.

— Тут множество всяких выключателей, — сказал Фостер, — очевидно, предназначенных для запуска каких-то механизмов...

— Не трогай, — предупредил я, — если не хочешь затеять третью мировую войну.

— Не думаю, — отозвался Фостер. — Нет никакого сомнения, что у этой установки простейшее назначение. К современным войнам она не имеет никакого отношения, а, скорее всего, связана с загадкой дневника и моего собственного прошлого.

— Чем меньше мы знаем об этом, тем лучше, — заявил я. — По крайней мере, если ничего здесь не трогать, то всегда можно оправдаться, будто мы попали сюда случайно, спасаясь от дождя.

— Ты забыл Охотников, — предупредил Фостер.

— Ну, какой-нибудь новый вид оружия индивидуального поражения.

— Они же появились из этой расселины, Легион.

— А почему они выбрали именно этот момент?

— Мне кажется, — ответил Фостер, — они просто ощутили присутствие их древнего Врага.

— Хм, похоже я понимаю, куда ты клонишь, — сказал я, поворачиваясь к Фостеру. — Так ты теперь, значит, древний Враг? Да? Погоди, давай-ка разберемся. Так, что же выходит, ты сам лично, несчетное количество веков назад, столкнулся с этими чертовыми Охотниками здесь, в Стоунхендже. Перебил большую их часть и драпанул, наняв каких-то викингов. Ты переплыл Атлантический океан, а потом снова умудрился посечь свою память и стал парнем по имени Фостер. А несколько недель назад ты опять все поперезабывал, я верно рассуждаю?

— Более-менее.

— И вот теперь мы сидим в паре десятков футов под Стоунхенджем после стычки со светящимися вонючими бомбами, и ты мне заявляешь, будто в следующий день рождения тебе исполнится девяносто лет?!

— Ты помнишь дневник, Легион? «Я нашел его в месте, знакомом мне издавна. Это был не улей, а штолня — дело рук обитателей Двумирья...»

— О'кей, — согласился я, — значит, тебе за тысячу.

Я еще раз взглянул на экран, нашел клочок бумаги в кармане и быстренько набросал кое-какие расчеты.

— Вот тебе еще одно большое число, Фостер. Этот объект на экране находится на высоте тридцати тысяч миль, плюс-минус небольшая погрешность.

Я отложил карандаш и повернулся к Фостеру:

— Слушай, куда мы влезли? Впрочем, ладно, не надо. Не слишком-то у меня большое желание знать. Я бы с удовольствием отправился в чудную чистенькую тюрьжку расплатиться по своим долгам перед обществом.

— Успокойся, Легион, — бросил Фостер, — ты несешь чушь.

— О'кей, — огрызнулся я, — ты — шеф, поступай, как знаешь. По крайней мере, рядом с тобой у меня еще остается идиотская надежда на то, что я еще не совсем свихнулся и что, в конце концов, мне удастся каким-то образом избежать...

Я подался вперед: на экране пропал какий-то символ и тут же погас, снова появился и опять погас.

— Глянь-ка, Фостер, похоже, сигнал. Только вот, как нам реагировать?

Фостер молчал.

— Не нравится мне это мигание, — скептически заметил я. — У меня уже и так сдаются нервы.

Я перевел взгляд на большую красную кнопку подле экрана, может, если я нажму... Не оставляя себе времени на раздумья, я ткнул в нее пальцем. На панели вспыхнул желтый огонек. Сигнал пропал. Красная отметка разделилась, и от большой перпендикулярно вниз стала двигаться маленькая точка.

— Не уверен, что тебе стоило это делать, — заявил Фостер.

— Ну что ж, сомневаться никому не запрещено, — возразил я напряженно. — Похоже, я сбросил бомбу с этого корабля нам на головы.

* * *

Подъем на поверхность занял часа два, и каждую минуту я прислушивался к рефрену в голове: вот и конец, вот и конец, а вот и...

Я выбрался из расселины и, тяжело дыша, повалился на спину. Фостер притулился рядом.

— Надо добраться до шоссе, — произнес я в пространст-

во. — Где-нибудь в пивной найдется телефон, необходимо уведомить официальные лица...

Я глянул на звезды над головой и схватил Фостера за руку:

— Постой! Что там?

Он посмотрел вверх. Прямо над нами быстро разрасталось яркое пятно голубого сияния.

— Может, нам и не придется никого уведомлять, — размыслил я вслух. — Боюсь, это бомбочка возвращается домой.

— Нелогично, — возразил Фостер. — Вряд ли стоило уничтожать себя таким сложным образом.

— Бежим! — завопил я.

— Она очень быстро спускается, — сказал Фостер, удерживая меня за руку. — Расстояние, которое мы преодолеем за несколько минут, просто ничтожно по сравнению с радиусом действия современной бомбы. Меньше всего нам грозит опасность в этой штольне.

— Обратно в тоннель? Чтобы нас там похоронило?

— Да, верно.

Мы сидели на корточках и следили, как пламя разрастается, становясь все больше и ярче. Я уже мог разглядеть лицо Фостера, настолько стало светло.

— Это не бомба, — наконец неуверенно произнес он. — Она не падает, а медленно опускается, как...

— Как медленно падающая бомба, — вставил я. — И главное, прямо на нас. Прощай, Фостер. Не могу сказать, что мне с тобой было весело, но, по крайней мере, не скучно. В любое мгновение бомба может взорваться. Надеюсь только, что все быстро кончится.

Полыхающий диск был уже размером с луну и невероятно ярок. Он осветил всю равнину, словно бледно-голубое поляр-

шое солнце. Постепенно опускаясь в абсолютной тишине, диск превращался в эллипс, и я наконец сумел различить тускло освещенный темный силуэт над ним.

— Эта штука恩ция чуток великовата для бомбочки, — заметил я вслух.

— Она опускается не на нас, — добавил Фостер. — Сядет в нескольких сотнях футов к востоку.

Темная тень опускалась все медленнее и медленнее, пока не зависла над гигантскими камнями.

— Она приземляется прямо на Стоунхендж! — крикнул я.

Нечто опустилось прямо в центр древнего кольца. Мгновение его можно было разглядеть в ярких потоках голубого свечения, потом на нас обрушилась тьма.

— Фостер, как ты думаешь...

Бок темного силуэта прорезала желтая световая линия, тут же превратившаяся в квадрат. Откуда-то вывалилась лестница и уткнулась в землю.

— Ну, если сейчас оттуда полезут осьминоги, — предупредил я неестественно громко, — то я убираюсь отсюда к чертовой матери.

— Никто не полезет, — тихо произнес Фостер. — Полагаю, Легион, что этот корабль полностью в нашем распоряжении.

* * *

— Да не собираюсь я подниматься на борт этой штуковины, — раздраженно повторил я уже, наверное, раз в пятый. — Может, я и не все знаю о своем мире, но, по крайней мере, чувствую себя здесь уверенно.

— Легион, — сказал Фостер, — ты вглядись. Это же не

военная ракета двадцатого столетия. Она наверняка прибыла в ответ на сигнал передатчика подземной установки, которой несколько тысяч лет.

— И я должен верить, будто корабль все эти несколько тысяч лет находился на орбите, поджиная, пока кто-нибудь не нажмет на красную кнопку? Где же тут логика?

— С учетом использования вечных материалов, например, таких, как кафф, вовсе не так уж невероятно.

— Слушай, мы еще пока живы. Может, не стоит искушать судьбу?

— Но мы же на грани разгадки тайны, которой несколько тысячелетий, — возразил Фостер. — Я искал это, если верить дневнику, многие жизни...

— От твоей амнезии только одна польза — никакие догмы не сдерживают твое воображение.

Фостер кисло улыбнулся

— След привел нас сюда, и мы должны идти дальше куда бы он ни вел.

Я лег на живот, вглядываясь в немыслимый силуэт, высившийся среди монолитов Стоунхенджа, и в зовущий проем света

— Этот корабль или что там такое сваливается невесть откуда и распахивает двери А ты хочешь тут же забраться туда

— Послушай-ка, — прервал меня Фостер

Издалека доносился звук, похожий на раскаты грома

— Новые корабли.., — вздрогнул я

— Сверхзвуковые истребители, — уточнил Фостер
Скорее всего, с баз Восточной Англии. Наверняка они заменили спуск корабля.

— Да мне все одно! — вскочил я.

— Ложись, Легион, — оборвал меня Фостер.

Грохот превратился в сплошной рев.

— Зачем? Они...

Две светящиеся огненные дуги расчертят небо.

Я плюхнулся за валун одновременно со взрывом ракеты. Ударная волна потрясла землю, и я увидел, как расселина обвалилась. Вывернув шею, я успел заметить, как багровый выхлоп истребителя начал резко уходить вверх.

— Они там что, все чокнулись? — завопил я. — Стрелять по.

Второй ракетный залп заставил меня заткнуться. Я прилип к земле и пережидал, пока раз за разом девять взрывов потрясали почву. Потом воцарилась тишина. В воздухе за-пахло взрывчаткой.

— Сунься мы в подземелье, — бросил я, отплевываясь — Мы бы уже точно отдали концы. Его завалило еще при первом залпе. От твоего корабля наверняка остались только рожки да.., — я не договорил

Пыль, наконец, осела, и сквозь нее пропустил отчетливый силуэт корабля. Через мгновение его борт снова прорезал светящийся квадрат

— В следующий раз они шарахнут ядерными боеголовами — с убежденностью сказал я — Корабль уж точно не выдержит. Про нас вообще молчу

— Слышишь, — Фостер положил мне руку на плечо. Вдали снова нарастил грохот — Бежим на корабль, — скомандовал он

Вскочив, Фостер бросился к лестнице. Я с секунду по колебался, успев подумать о шоссе, об опасности оказаться на открытом месте и бросился за ним. Фостер впереди споткнулся едва не упал и пулей взлетел вверх по лестнице. Рев приближающихся истребителей нарастил. Я перепрыгнул через дымящийся осколок и не помню уж как

влетел в люк, который тут же захлопнулся прямо у меня за спиной.

Мы оказались в роскошно обставленном кругом помещении, в центре которого стояло возвышение с выступавшим из него отполированным штырем. Рядом лежал скелет человека. Пока я озирался, Фостер ухватился за штырь и потянул. Свет мигнул, и я ощутил мимолетное головокружение. Больше ничего не произошло.

— Дергай в другую сторону! — заорал я. — Сейчас саданут ракеты! — и потянулся сделать это сам.

Фостер заступил мне дорогу:

— Гляди, Легион.

Я уставился на сияющую панель, на которую он указывал, точный дубликат установки в подземелье. На экране горела белая черта, от которой стремительно удалялась красная точка.

— Мы уже стартовали, — сказал Фостер. — Видишь?

— Но ведь я не чувствую ускорения. Мы не слышим истребителей из-за звукоизоляции.

— Находясь мы внизу, нам не помогла бы никакая звукоизоляция, — нетерпеливо прервал Фостер. — Ты же видишь, корабль — результат высокого развития техники. Твои истребители уже далеко позади.

— Да кто же тогда управляет этой штуковиной?

— Насколько я могу судить, какой-нибудь автомат, — ответил Фостер. — Не знаю, куда мы летим, но мы летим.

Я с изумлением воззрился на него.

— И тебе, похоже, все это нравится, Фостер. Тебя прямо распирает от удовольствия.

— Не стану отрицать, такой поворот событий мне нра-

вится, — задумчиво ответил Фостер. — Разве ты не понимаешь, что это шлюпка на автопилоте, возвращающаяся к своему базовому кораблю.

— О'кей, Фостер, — сказал я, глядя на скелет, лежащий на полу. — Надеюсь, нам повезет больше, чем этому пассажиру.

Глава седьмая

Через два часа Фостер и я молча стояли перед десятифутовым экраном, который ожил, стоило мне только прикоснуться к серебряной клавише под ним. Он демонстрировал нам бездонную тьму, усеянную ослепительными мерцающими точками, и на этом фоне огромный звездолет, заслонивший своим корпусом добрую половину открывшегося простора космоса.

Он был мертв. Даже на расстоянии я ощущал его заброшенность. Черный корпус с бликами света от Луны величественно плыл среди звезд. Сколько столетий ждал здесь, на орбите, этот корабль и чего?

— У меня такое чувство, — сказал Фостер, — словно я возвращаюсь домой.

Я попытался кое-что добавить, но голос у меня сел. Я прокашлялся.

— Ну, если это твоя маршрутка, — сострил я, — надеюсь, счетчик не включен. У нас с тобой — ни гроша.

— Мы быстро сближаемся, — прокомментировал Фостер. — Еще десять минут и...

— А как мы причалим? Ты что, нашел руководство по пилотированию?

— Можно с полной уверенностью предположить, что со-стыковка произойдет автоматически.

— Это твой звездный час, да? — заметил я. — Готов признать, приятель, твоя взяла.

Звездолет уже маячил над нами. В борту появилось кро-шечное пятно света и быстро выросло в гигантскую дверь ангара, поглотившего нашу шлюпку.

Экран погас, последовал легкий толчок, и спустя несколь-ко мгновений открылся люк.

— Вот и прибыли, — сказал Фостер. — Ну как, выйдем, осмотримся?

— А я и не собираюсь улетать отсюда, не глянув хотя бы одним глазком, — решительно заявил я, по-следовав за Фостером в проем, и тут же застыл, рази-нув рот.

Подсознательно я ожидал увидеть пустой ангар с голыми металлическими стенами, а вместо этого передо мной пред-стала огромная пещера, затененная, загадочная, красочная. В воздухе витал слабый аромат и слышалась едва уловимая музыка. Повсюду были разбросаны фонтаны, мини-водопа-ды; пейзаж, освещенный косыми лучами заходящего солнца, уходил в перспективу.

— Что это? — наконец выдавил я из себя. — Прямо, как Диснейленд.

— Совершенно не похоже на Землю, но мне здесь нра-вится.

— Хей, гляди-ка сюда, — неожиданно подскочил я.

Из-за затененного основания колонны на нас смотрели пустые глазницы черепа.

Фостер подошел поближе.

— Очевидно, здесь случилась какая-то катастрофа, — предположил он.

— Что-то мне не по себе, — заметил я. — Давай-ка вернемся.

— Мертвцевов нечего бояться, — заверил Фостер. Он присел, разглядывая кости, потом что-то подобрал: — Взгляни.

Я подошел. Фостер протянул мне перстень.

— В этом что-то есть, приятель, — рассудил я. — Как две капли воды похож на твой.

— Хотел бы я знать, кому он принадлежал, — задумчиво протянул Фостер.

Я качнул головой:

— Чего гадать-то?

— Да, идем, где-то здесь должен найтись ответ.

Фостер направился в сторону коридора, напомнившего мне столичные улицы, обсаженные каштанами. Вот только не было там ни деревьев, ни солнца. Мы долго бродили, разглядывая и щупая вещи, и почти не разговаривали, будучи в совершенном изумлении, словно детишки на фабрике игрушек. По пути мы наткнулись еще на один скелет, лежавший среди каких-то машин. И вот наконец мы оказались на пороге гигантского склада.

— Слушай, Фостер, — начал я, ощупывая какую-то тончайшую фиолетовую ткань, — твоя космическая маршрутка — самая настоящая сокровищница. Что там богатства Индии...

— Меня интересует только одно, дружище, — заметил Фостер. — Мое прошлое.

— Ну, да, — откликнулся я. — Узнаешь ты что-нибудь или нет, но неплохо бы подумать и о бизнесе. Мы бы с тобой учредили компанию по регулярной перевозке товаров на Землю.

— Ох, уж эти земляне, — вздохнул Фостер. — Каждое

новое открытие тут же норовят оценить с коммерческой точки зрения. Ну, что ж, я оставляю это на твое усмотрение.

— Ага, — сказал я. — Тогда ты, если хочешь, отправляйся дальше на разведку, а я пока здесь покопаюсь.

— Ладно, дело твое.

— Встретимся у входа в коридор, куда мы зашли в первый раз. О'кей?

Фостер кивнул и вышел. Я повернулся к контейнеру, наполненному камнями, похожими на необработанные изумруды, загреб пригоршню и любовно стал пересыпать с ладони на ладонь.

— Это что, для игры в бабки? — пробормотал я себе под нос.

Несколько часов спустя, я прошел по коридору, напоминавшему тропу через сад, пересек танцевальный зал, похожий на лужайку, окаймленную медноствольными деревьями и затененную гигантскими папоротниками, и прошел под аркой в зал, где за длинным столом уже сидел Фостер. Сквозь псевдоокна струился свет заходящего солнца.

Я грохнул стопку книг на стол.

— Взгляни-ка, — сказал я. — Из того же материала, что и дневник, а иллюстрации...

Я раскрыл одну из них. Тяжелый здоровенный том. На цветной вклейке была изображена таращившаяся в объектив кучка столпившихся бородатых арабов в грязных белых джолабах, на заднем плане паслось стадо тощих коз. Эта фотография очень напоминала то, что обычно печатают в «Нэшнл Джиногрэфик», разве только качеством получше.

— Читать подписи я не берусь, — сказал я. — Но уж что касается разглядывания картинок, тут я гений. Большинство

книг демонстрируют сцены, которые, похоже, мне никогда не доведется увидеть воочию. Некоторые из снимков явно сделаны на Земле, и бог весть когда.

— Наверное, путеводитель, — предположил Фостер.

— Путеводитель, который можно продать любому университету на Земле за весь их годовой бюджет, — прокомментировал я, листая страницы. — Нет, ты только взгляни.

Фостер посмотрел на понорамный снимок процессии бритоголовых мужчин в белоснежных саронгах, несущих на своих плечах миниатюрную золотую лодку. Они шли по длинной белокаменной лестнице, спускающейся от ряда гигантских фигур со сложенными руками и раскрашенными лицами. На заднем плане виднелись кирпично-красные скалы, опаленные пустынным солнцем.

— Храм Хатшепсут в эпоху своего расцвета, — сказал я. — А это значит, что фотографии не менее четырех тысяч лет. И еще вот это мне знакомо, — я перелистнул фотографию, снятую с высоты птичьего полета, изображавшую гигантскую пирамиду с выщербленными кое-где полированными плитами. У основания нескольких блоков не хватало, и были видны внутренние грубые массивные глыбы.

— Это одна из пирамид, может, даже самого Хуфу, — заметил я. — Ей уже пара тысяч лет, и она начала разрушаться. А вот, — я открыл другой том и продемонстрировал Фостеру четкую фотографию огромного мохнатого слона с поднятым розоватым хоботом между широко расставленными бивнями.

— Мастодонт, — пояснил я. — А вот — шерстистый носорог, а эта отвратительная зверюга, должно быть, саблезубый тигр. Этой книжульке чертова уйма веков.

— Жизни не хватит обследовать все сокровища корабля, — заметил Фостер.

— А как насчет скелетов? Нашел еще что-нибудь?

Фостер кивнул.

— Видимо, катастрофа, а может, и болезнь. На костях никаких следов.

— Я все никак не могу сообразить насчет того скелета в шлюпке, — сказал я. — Зачем ему ожерелье из медвежьих зубов? — я уселся напротив Фостера. — Тут навалом загадок. Но нам лучше потолковать о другом. Например, здесь есть кухня? А то я что-то проголодался.

Фостер подал мне черный штырь:

— Мне кажется, это важная находка, — сказал он.

— Это что, палочка для мороженого?

— Коснись виска.

— Массажирует, что ли?

Я прикоснулся штырем к голове.

Я находился в комнате с серыми стенами, лицом к возвышающейся громаде рифленого металла.

Я вытянул руки и приложил ладони к необходимым углублениям. Кожух открылся. Ввиду явной неисправности усилителей кванинарного поля я знал, что было необходимо задействовать автоконтроль цепей прежде...

Я мигнул и оглядел мраморный стол, сваленные в кучу книги, а потом тупо уставился на штырь в руке.

— Я вроде как был на какой-то подстанции, — сказал я — Какая-то неисправность с... с... с...

— С усилителями кванинарного поля, — подсказал Фостер

— Я словно бы находился там, — проговорил я ошеломленно. — Я все прекрасно понимал.

— Это техническое руководство, — пояснил Фостер. — Они могут подсказать нам все, что необходимо знать о корабле.

— Я думал о том, что мне предстоит сделать, — все никак не мог успокоиться я, — как всегда, перед началом работы. Я собирался устранить неисправность этой фиговины. И я знал как!

Фостер вылез из-за стола и двинулся к коридору.

— Мы начнем с одного конца библиотеки и просмотрим ее всю, — сказал он. — На это уйдет время, но так мы добудем необходимую информацию, а тогда уж обсудим дальнейшие планы.

Фостер подобрал несколько штырей с полки. Первое, что нам было необходимо, так это найти пищу и постели, на худой конец — руководство по управлению самим кораблем. Я надеялся, что нам удастся обнаружить эквивалент библиотечного каталога, это значительно облегчило бы задачу.

Я прошел в глубь стеллажей и заметил короткий ряд красных штырей. Взяв один из них, я повертел его в руках, но потом решил, что опасности здесь нет совершенно никакой и прислонил к виску...

По звуку гонга я использовал нейрососудистое напряжение, сократил корковые ареалы ипселон-зета и йота и приготовился к...

Я отдернул штырь. В ушах все еще раздавался пронзительный звон гонга. Штыри влияли на сознание, на реальность. Очень интенсивно, за счет жесткой фокусировки внимания на необходимом. У меня захватило дух от мысли о скрытых в этом возможностях. Можно поохотиться на тигра, влететь на самолете в бушующее пламя, сразиться с боксером-чемпионом... Я взял другой штырь.

По звуку прерывистой трели я разложил инструменты и пошел к ближайшему трансфокатору...

Еще один.

Заступив на вахту, я доложился в рубку по сети оповещения и подтвердил двусторонность связи...

Я выбрал средний штырь.

Нуждаясь в ксиометре, я набрал команду номер один, добрал свой код...

Еще через три штыря.

Ситуация оказалась сложной. Я явился на инструктаж (уровень девятый, секция четыре, подсекция двенадцать, предварительный курс); тут я припомнил, что необходимо внести данные кода активности... моего кода активности... моего кода активности... Мной овладело чувство обескураженности. Промелькнула смесь каких-то изображений, потом мешанину впечатлений прорезал отчетливый голос:

— Ты испытал частичную потерю личности, не тревожься, прибегни к помощи общеориентационной матрицы ближайшего информационного каталога. Его местонахождение..

Я продвигаюсь вдоль стеллажей, останавливаюсь перед нишой, где на стене прикреплена подковообразная пластиковая скоба. Я снимаю ее и прикладываю к голове

Я продвигаюсь вдоль стеллажей, останавливаюсь перед нишой

Я стоял, прислонившись к стене, голова гудела. Красный штырь валялся под ногами. Поток информации оказался слишком интенсивен. Что-то в каталоге..

— Эй, Фостер! — позвал я — Похоже, я на что-то на толкнулся..

Голова Фостера возникла из-за соседнего стеллажа

Насколько я понимаю, — сказал я, — этот каталог даст нам исчерпывающую информацию о корабле, и тогда

уже мы сможем планировать наши действия более обдуманно. По крайней мере, будем знать, что делать.

Я снял пластиковую подкову со стены:

— От этой штуковины у меня кружится башка, — посетовал я, передавая ее Фостеру. — И вообще, кому, как не тебе, этим заняться.

Фостер взял матрицу и направился к креслу в конце зала:

— Мне кажется, это надо делать сидя.

Он пристроил зажимы на голове. Глаза его закатились, и он обмяк, оседая в кресле

— Фостер! — я бросился к нему и стал было стаскивать подкову с головы, но потом засомневался. Может эта неожиданная реакция Фостера — вполне стандартна? Хотя мне все это и не нравилось, я принялся успокаивать себя. В конце концов, эта штуковина была необходима для возвращения утраченных знаний, и у Фостера всего-навсего шло восстановление забытого «Я». К тому же только полная, трехмерная личность Фостера могла дать ответы на мучавшие нас вопросы. Пусть корабль, вместе со своим содержимым, уже заброшен в течение тысячелетий, но библиотека по-прежнему должна функционировать. И пусть библиотекарь давным-давно превратился в прах, Фостер лежит без сознания, а я в тридцати тысячах миль от дома. Пусть. Как говорится, дело житейское.

Я начал бродить по библиотеке. Смотреть было нечего — бесконечные стеллажи, стеллажи... Объем информации, накопленный здесь, буквально потрясал. Если б только добраться до дома с грузом этих штырей. Я прошел в соседнее помещение, вернее, слабо освещенную комнатушку, всю средину которой занимал огромный замысловатый диван с округлым углублением в конце. Вдоль стен громоздились непонятные приборы и панели. Сразу возле двери лежали

два скелета, возле дивана покоился еще один. Рядышком валялся кинжал с длинным лезвием.

Я нагнулся над скелетом около двери. Насколько я мог судить, погибшие ничем не отличались от людей. Откуда они пришли, на какой планете жили? Если уж сумели построить такой корабль да еще и оборудовать его таким образом...

Кинжал был необычен. Клинок его был из прозрачного металла, а рукоять украшена символикой Двумирья. Это служило первым смутным намеком на случившееся в тот момент, когда погибшие были еще живы.

Я тщательно осмотрел приставленное к стене устройство, похожее на зубоврачебное кресло. Из спинки выступали тонкие металлические захваты, а на прутьях были укреплены разноцветные линзы. На полке, протянувшейся вдоль стены, стоял целый ряд тускло-серебристых цилиндров. Один такой же выступал из гнезда в боку устройства. Я вынул и оглядел его. Материал чем-то напоминал пластик: тяжелый и гладкий. У меня возникла уверенность, что это — братец тем штырям в библиотеке. «Интересно, какая в нем заложена информация?» — подумал я, пряча его в карман.

Я зажег сигарету и вернулся к Фостеру. Он по-прежнему лежал в той же позе. Я сел на пол, прислонившись спиной к креслу, и принялся ждать.

Прошел целый час, прежде чем Фостер наконец зашевелился, вздохнул и, открыв глаза, устало стянул с себя пластиковую подкову.

— Ну как, все в порядке? — поинтересовался я. — Ты меня здорово напугал.

Фостер озадаченно оглядел меня, начиная со взлохмаченной шевелюры и заканчивая потрепанными ботинками.

Его брови слегка сдвинулись в недоумении, и он произнес что-то непонятное. Вся фраза, похоже, состояла только из З и К.

— Слушай, хватит сюрпризов, Фостер, — произнес я, неожиданно окрипшим голосом, — говори по-английски.

На его лице отразилось недоумение. Он взглянул мне в глаза, потом огляделся по сторонам:

— Это корабельная библиотека, — сообщил он.

Я с облегчением вздохнул.

— Ну, ты меня и напугал! Я уж думал, у тебя опять память отшибло.

Фостер внимательно следил за движением моих губ.

— Ну, и что там? — спросил я. — Что тебе удалось узнать?

— Тебя я знаю, — медленно ответил Фостер. — Ты — Легион.

Я судорожно кивнул. Внутри у меня что-то судорожно сжалось.

— Ну, еще бы, конечно, ты меня знаешь. Только спокойно, не нервничай... — я положил руку ему на плечо. — Ты помнишь, мы собирались...

Фостер резко сбросил мою руку с плеча:

— На Валлоне так не принято, — холодно произнес он.

— На Валлоне? — переспросил я. — Слушай, в чем дело, Фостер?

Только час назад мы, два приятеля, вошли в эту библиотеку. Нам нужна была информация. И мне жуть любопытно: узнал ты что-нибудь или нет?

— А где остальные?

— Парочка остальных в соседней комнате, — обозлился я. — Только поусохли малость. Если хочешь, я тебе еще

найду таких же дистрофиков. А кроме них, здесь только я.

Фостер посмотрел на меня, как на пустое место.

— Я помню Валлон, — сказал он, потирая лоб. — Но я также помню и варварский мир, жестокий и примитивный. Помню тебя. Мы куда-то ехали в убогом фургоне, потом на барже по каким-то морям. Уродливые комнаты, отвратительные запахи, омерзительный шум...

— Не очень-то похвальные воспоминания о богобоязненной стране, — прокомментировал я. — Но я, пожалуй, понимаю, о чем ты.

— Люди были хуже всего, — продолжал он. — Деформированные, больные, со вздувшимися животами, отвратительной кожей, искалеченными конечностями. Охотники. Мы спасались от них бегством, Легион, я и ты. И еще помню посадочную площадку.., — Фостер на секунду замолчал, — странно, она превратилась в какие-то руины.

— Мы, аборигены, зовем ее Стоунхенджем.

— Охотники вырвались из-под земли. Было сражение. Да, но почему Охотники преследовали меня?

— Я вот как-то надеялся, что ты сам мне и объяснишь, — ответил я. — Ты знаешь, откуда и зачем прибыл этот звездолет?

— Это корабль Двумирья, — ответил Фостер. — Но не понимаю, как он здесь очутился.

— А что скажешь насчет дневника, может быть, теперь...

— Дневник! — встрепенулся Фостер. — Где он?

— Во внутреннем кармане твоего пиджака, должно быть.

Фостер неуклюже принялся шарить по карманам, наконец нашел его и открыл.

Я заглянул через его плечо. Фостер открыл дневник в

самом начале, в той части, которую никто не мог расшифровать.

И он преспокойно читал ее.

* * *

Мы сидели в библиотеке за полированным столом из зеленого дерева. Уже прошло несколько часов, а Фостер все читал. Наконец он откинулся на спинку кресла, взъерошил рукой волосы и вздохнул.

— Меня звали Кулклан, — сообщил он. — А это, — он положил руку на дневник, — описание моей жизни. Но это только часть прошлого, которое я ищу. И я ничего не помню из него.

— Так объясни все-таки, что там в дневнике, — попросил я. — Прочти хоть что-нибудь.

Фостер подобрал его со стола и полистал страницы:

— Похоже, я пробудился здесь, на борту звездолета. Я лежал на трансформ-ложе и, значит, уже прошел стадию трансформации.

— Это когда ты потерял память?

— И вновь приобрел на трансформ-ложе. Была задействована моя матрица памяти. Я пробудился, зная, кто я, но не зная, каким образом оказался на борту корабля. Дневник утверждает, что самое последнее мое воспоминание относится к зданию подле Мелкоморья.

— Где это?

— На планете Валлон.

— Да?! Ага, и что же дальше?

— Я огляделся, на полу лежали четыре окровавленных тела. Один человек еще дышал. Я оказал ему посильную помощь и принялся обыскивать корабль. Но единственное,

что я обнаружил, так это еще троих мертвцев. А потом на меня напали Охотники...

— Это наши приятели шары?

— Да, они питаются биологической энергией. А у меня не оказалось светового щита. Я бросился к шлюпке, таща на себе раненого. Затем спустился на ближайшую планету — твою Землю, но раненый умер у меня на руках. Он был моим другом, его звали Аммерлин. Я похоронил его и отмечил место валуном.

— Древний грешник, — догадался я.

— Да... его кости, наверное, и нашел тот монах.

— Но ты хоть знаешь, откуда появилась подземная установка? Дневник что-нибудь упоминает об этом?

— Ничего, — разочарованно покачал головой Фостер. — Странно читать о жизни автора дневника и в то же время осознавать, что это ты сам.

— А как насчет Охотников? Как им удалось попасть на Землю?

— Они бесплотны, — ответил Фостер, — и способны выдержать космический вакуум. Я только могу предположить, что они последовали за моей шлюпкой.

— Они преследовали тебя?

— Да. Но у меня нет ни малейшего представления, почему. Обычно это безобидные существа, и их используют в поисках беглецов от закона. Их очень легко настроить на конкретного человека, они начинают преследовать его и отмечают для последующего пленения.

— Ага, что-то вроде овчарок, — прокомментировал я. — Слушай, а кем ты сам-то был? Крупной мафиозной шишкой на Валлоне?

— К большому сожалению, дневник не касается этой темы, — ответил Фостер. — Но это странное галактическое

путешествие и свидетельства борьбы на корабле заставляют меня предположить, что меня и моих спутников могли изгнать за преступление, совершенное в Двумирье.

— Ба! Так они напустили на тебя Охотников! — воскликнул я. — А какого же черта они тогда столько времени торчали у Стоунхенджа?

— В радарной установке была утечка электроэнергии, — ответил Фостер, — а они подпитывают себя электромагнитным излучением. Не забывай, до прошлого столетия это был практически единственный источник подзарядки для них.

— А как же они пробрались в тоннель?

— При наличии времени они с легкостью просачиваются сквозь пористые субстанции. Ну, конечно, когда я оказался поблизости, они в спешке просто прорвали землю.

— Ну, хорошо, а чего дальше, после того, как ты похоронил своего приятеля?

— Дневник сообщает, что на меня напали туземцы в звериных шкурах. Один из них вошел в шлюпку и, должно быть, сдвинул рычаг старта. Во всяком случае, шлюпка поднялась, оставив меня на Земле.

— Так вот это чьи кости с ожерельем из медвежьих зубов. Интересно, а почему он не вошел в корабль?

— Да нет, войти-то он вошел, но ты же помнишь скелет возле шлюпки? В то время, когда туземец попал сюда, это был свежий, окровавленный труп. Вероятно, бедняга и не сомневался, что его ждет здесь такая же участь, потому он в панике и отступил обратно в шлюпку, а двери закрылись и...

— Понятно, он застрял здесь, а ты — там, на Земле.

— Да, — согласился Фостер. — А потом, похоже, я жил среди этих дикарей и даже стал их вождем. Я много лет ждал, что кто-нибудь заберет меня, а поскольку мой орга-

низм не старел, то меня стали чествовать, как бога. Я бы выстроил сигнализатор, но нигде не было чистых металлов. Ничего, что могло бы мне пригодиться. Я попытался обучить их, но это — работа на столетия.

— Так организовал бы какие-нибудь курсы повышения квалификации, неужели все были безнадежными идиотами? — предложил я.

— Да нет, талантов хватало, но дело не в этом, — сказал Фостер.

— И как же ты вытерпел сотни лет? Ты что, из породы вечных суперменов?

— Естественная длительность человеческой жизни огромна. Я на вас смотрю, как на безнадежно больных, которые погибают молодыми.

— Да какая ж тут болезнь, — возразил я, — обыкновенная старость, потом копыта на сторону. Естественный ход вещей.

— Человеческий разум — превосходнейший инструмент, — возразил Фостер, — и он отнюдь не должен так быстро гибнуть.

— Над этим стоит поразмыслить, — согласился я. — А ты почему не заразился?

— Все валлонцы проходят вакцинацию против этого.

— Ха, вот бы и мне, — вставил я, — но давай вернемся к нашим баранам.

— Фостер перелистнул страницу:

— Я правил многими народами, побывал во многих землях в поисках умелых кузнецов, стеклодувов, экспериментаторов. Но я всегда возвращался к посадочной площадке.

— Должно быть, это казалось невыносимым, — посочувствовал я. — Изгнаник на чужой планете проводит сотни лет в глухи, среди дикарей...

— Ну, зачем же утirовать. Мне довелось видеть, как эти дикари сбрасывали шкуры и познавали пути цивилизации. Я учил их, как надо строить, как собирать стада, обрабатывать землю. Я сам выстроил великий город и попытался — по неопытности — преподать аристократии кодекс Двумирья. Но хотя они все и собирались за круглым столом, подобном Кольцевому Столу в Окк-Хамилете, им так и не удалось до конца усвоить мои уроки. А потом они стали задаваться вопросом, почему, собственно говоря, их король не стареет. И тогда я вынужден был оставить их и попытался закончить постройку сигнализатора. Охотники ощутили это и напали. Сначала я отогнал их огнем, но потом меня разобрало любопытство, и я последовал за ними к гнездовищу.

— Я помню, — сказал я, — «... это было место, знакомое мне издавна. Это был не улей, а штолня — дело рук обитателей Двумирья...»

— Их было слишком много, и мне едва удалось уцелеть. Хроническое голодание сделало Охотников агрессивными. Они бы высосали всю мою энергию до последней капли.

— Если б ты только знал, что передатчик здесь. Но ты не знал. Потому и подался за океан.

— Вспомни, они нашли меня даже там. И каждый раз мне удавалось бежать. Но всегда они отыскивали меня снова.

— А твой сигнализатор, что, с ним так ничего и не вышло?

— И не могло. Это была попытка, заранее обреченная на неудачу. Только высокоразвитая цивилизация могла снабдить меня необходимыми материалами. Я мог только ждать и учить тому, что знал сам. А потом я начал забывать.

— Почему?

— Мозг устает, — пояснил Фостер. — Такова цена до-

лгой жизни. Он должен возобновлять свои ресурсы. Интенсивная работа и шок ускоряют трансформацию. Я и так умудрился продержаться несколько столетий. А дома, на Валлоне, человек записывает память на матрицу, а после трансформации восстанавливает память в новом теле. Но, оставшись один, я не мог этим воспользоваться. Конечно, я делал все: готовил укромные убежища, писал самому себе письма...

— Вот когда ты проснулся в гостинице, ты здорово помолодел прямо за ночь, как это возможно?

— Когда мозг восстанавливается, то происходит регенерация всего организма. Кожа забывает все свои морщины, мускулы — накопившуюся усталость, клетки становятся такими же, какими они были когда-то в молодости.

— При первой нашей встрече, — заметил я, — ты упоминал о госпитале в Перовую Мировую войну. Ты тоже там проснулся, ничего не помня?

— Твой мир очень жесток, Легион. Наверное, я терял память много раз. Где-то там, в прошлом, я постепенно забыл о своей цели и, когда Охотники вновь появились, бежал в слепой панике.

— У тебя в Мейпорте был целый оружейный склад. Какая польза от него против Охотников?

— Да никакой, — бросил Фостер. — Но я же не знал. Я только ощущал, что меня преследует нечто.

— Ну, уж в наше-то время ты мог бы построить сигнализатор, — вставил я, — хотя нет, ты уже и забыл, зачем он тебе и как это делается.

— Но, в конце концов, я все же нашел передатчик с твоей помощью, Легион. Правда, по-прежнему остается загадкой, что произошло на борту этого корабля? Почему я здесь?

— Слушай, — окликнул я. — А как насчет такой версии:

пока ты лежал на том уютном диванчике, записывая память, на борту разразился мятеж, и к тому времени, как ты очнулся, кругом остались одни трупы.

— В этом есть зерно истины, — задумчиво согласился Фостер. — Но будем надеяться, что когда-нибудь мы узнаем всю правду.

— Вот чего я до сих пор не могу понять, так это почему никто с Валлона не отыскал твой звездолет, он же все это время болтался здесь, на орбите.

— Ты только представь бескрайность космоса, Легион. Твоя планета — всего лишь один крошечный мирок среди сонма звезд.

— Но ведь здесь же была оборудована посадочная площадка для ваших кораблей. Не иначе, как существовало регулярное сообщение. Да и книги с фотографиями — прямое доказательство, что вы бывали на Земле много тысяч лет назад. Так с чего это вдруг все визиты прекратились?

— Таких площадок множество по всему космосу, — заявил Фостер, — это своего рода маяки, отмечающие каждый риф. Могут пройти века, прежде чем кто-нибудь вздумает заглянуть сюда. Тот факт, что штолня в Стоунхендре давно забилась землей, еще в то время, когда я впервые сошел на поверхность, показывает, насколько редко посещают твой мир.

Я задумался. Мало-помалу складывалась стройная картина. Правда, в ней еще было довольно много белых пятен, да и рамы не хватало. Наконец меня осенило:

— Слушай, ты сказал, что когда очнулся, то как раз записывал память. Ты проснулся и все помнил, так почему бы не повторить процедуру? Если, конечно, твой мозг в состоянии выдержать еще одну нагрузку.

— Правильно, — откликнулся Фостер, вскакивая: — Это шанс. Идем!

Я последовал за ним в комнатушку со скелетами. Он с любопытством оглядел кости.

— Хорошенькая была потасовочка, — заметил я.

— Да, похоже, я пробудился здесь, — сказал Фостер. — А это те, кого я увидел мертвыми.

— Как видишь, они еще не воскресли, — сострил я. — Ну, что скажешь насчет этой машинки?

Фостер прошел по роскошному диванчику, нагнулся над ним, а потом покачал головой:

— Нет, — сказал он, — конечно, ее здесь не будет.

— Чего?

— Матрицы памяти. То есть инструмента, который я использовал для восстановления памяти.

Тут я припомнил о цилиндре в кармане. С внезапно забившимся сердцем я вынул его и поднял, словно школьник, знающий правильный ответ.

— Этот?

Фостер глянул:

— Нет, это пустой, как те, вдоль стены. Они предназначены для использования в аварийных ситуациях. Заполненные матрицы должны быть цветокодированы.

— Да, пожалуй, — согласился я, — иначе бы все было слишком просто, — я огляделся. — Конечно, этот шкафчик слегка великоват, чтобы искать в нем потерянную пуговицу, но ничего другого нам не остается.

— Не расстраивайся, Легион. По возвращении на Валлон я, без сомнения, смогу восстановить свое прошлое. Существует специальное хранилище, где содержатся матрицы каждого гражданина.

— Но ведь твоя-то находилась у тебя.

— Это наверняка была только копия. Оригинал никогда не покидает хранилища в Окк-Хамилете.

— Тогда понятно. Тебе не терпится попасть обратно, — заметил я. — Это будет нечто — заявиться домой после такого долгого отсутствия. Да, кстати о времени, ты сумел уточнить, сколько же ты в действительности находился на Земле?

— Да нет, — отозвался Фостер, — я могу сделать только грубую прикидку.

— Ну, так сколько же?

— С той поры, как я высадился из шлюпки, — ответил он, — прошло три тысячи лет.

* * *

— Жаль, что команда распадается, — сказал я. — Ты знаешь, я уже как-то привык к своему положению школяра-недоучки. Мне будет не хватать тебя, Фостер.

— Летим со мной на Валлон, — отозвался тот.

Мы находились в обсерватории, глядя на ярко освещенный шар моей планеты с расстояния в тридцать тысяч миль. А рядом с Землей застыл ослепительно белый диск Луны.

— Спасибо, приятель, — откликнулся я. — Я бы и не прочно поглязеть на все эти космические диковинки, но боюсь, что в конце концов пожалею об этом. Знаешь ли, эскимосу мало пользы от компьютера. Я просто помру от тоски.

— Но ты же можешь вернуться.

— Ну, насколько я знаю, — сказал я, — после прогулочки на таком звездолете на Земле пройдет пара сотен лет,

а я бы хотел прожить свою жизнь здесь, с людьми, которых понимаю, и в том мире, в котором вырос. Конечно, у него есть свои недостатки, но, по крайней мере, это мой родной дом.

— Ну, тогда я ничего не могу поделать, Легион, — сказал Фостер. — И даже на знаю, как выразить свою благодарность и вознаградить тебя за преданность.

— Э..э...ну, что касается этого, то было бы неплохо загрузить шлюпку кое-какими вещичками из библиотеки, шариками со склада, ну и так, по мелочи. Я, кажется, знаю, как все это приложить к делу, чтобы не затронуть экономику и не поставить ее на уши. Ну, и попутно самому устроиться. Как ты уже успел заметить, я — материалист.

— Твое дело, — отозвался Фостер, — бери, что хочешь.

— По возвращении, — сообщил я, — я сделаю еще кое-что. Вскрою тоннель с подземной установкой и взорву ее к чертовой матери. Если, конечно, никто до нее еще не добрался.

— Судя по темпераменту местных жителей, — с улыбкой заметил Фостер, — секрет останется в неприкасаемости, по крайней мере, еще поколения три.

— Не волнуйся, я посажу шлюпку где-нибудь в укромном местечке, где ее не засечет радар, — успокоил его я. — Нам повезло, через пару лет было бы поздно.

— Да, вы бы уже смогли обнаружить и звездолет, — согласился Фостер, — даже несмотря на антирадарную защиту.

Я глядел на огромный голубой шар, зависший над головой. В Тихом океане сверкала яркая точка отражавшегося солнца.

— Кажется, я различаю там островок, который мне очень даже подойдет, — игриво заметил я. — Ну, а не подойдет, не велика беда, найдутся еще десятки таких же.

— Ты сильно изменился, Легион, — отметил Фостер, — ты похож на человека с *joie de vivre**.

— Вообще-то, я привык думать, будто моя жизнь полна невезенъя, — сказал я. — И все-таки есть какой-то смысл в том, что мы стоим здесь, смотрим на эту планету, и все мысли о несостоительности кажутся просто нелепыми. Там, на поверхности, можно найти все для счастья человека, и для этого даже не требуется иметь товар.

— У каждого мира свои правила жизни, — заметил Фостер. — Иногда более сложные, иногда попроще. Противостоять реальности — вот в чем смысл.

— Лицом к лицу со всей Вселенной, — продекламировал я. — На фоне этого даже проигрыш будет выглядеть победой, — я повернулся к Фостеру. — Мы находимся на десятичасовой орбите, давай пошевеливаться. Я бы хотел приземлиться в Южной Америке. Мне там знакомо одно местечко, где можно разгрузиться без лишних вопросов.

— У нас еще есть несколько часов, — сказал Фостер, — незачем торопиться.

— Может, и так, — согласился я. — Но мне надо многое успеть, — я бросил последний взгляд на величественное зрелище за бортом, — и хотелось бы начать, как можно скорее.

* *Joie de vivre* (фр.) — радость жизни.

Глава восьмая

Я мирно сидел на террасе, любуясь закатом, и размышлял о Фостере, который сейчас летел к себе домой где-то там, за пурпурными облаками. И самое порадокальное заключалось в том, что для него, путешествующего почти со скоростью света, прошло всего несколько дней, в то время как здесь миновало три года.

Самыми сложными для меня оказались первые несколько месяцев, когда я посадил свою шлюпку в каньоне неподалеку от маленького городка Итценка в Перу. Мне пришлось выждать с неделю, из опасения, как бы не явилась толпа местных зевак, а потом я пешком потопал до города, неся с собой рюкзачок с тщательно отобранными образчиками, благодаря которым я и собирался начать свою новую карьеру. Мне понадобилась пара недель, чтобы добраться до морского порта Каллау, и еще неделя, чтобы попасть матросом на корабль-рефрижератор, везущий бананы. В Тампе я сиганул через борт и, не привлекая к себе внимания, добрался до Майами. Насколько можно было судить, полиция давно утратила интерес к моей персоне. Моя старая подружка — тучная леди — не слишком-то обрадовалась встрече, но все же пристроила меня, и я принялся превращать свои сувениры в деньги.

Я захватил с собой проектор и пригоршню кассет с фильмами, весьма похожими на кости домино. Я не собирался продавать их в какую-нибудь лавку, а договорился со своим старым приятелем из киносети, и он за плату скопировал их на обычную пленку. Ему я объяснил, что вывез это из восточной Европы. Правда, он был не в восторге от них, но признал, что в технике создатели кое-что все-таки смысят.

Специальные эффекты были просто потрясающи. Его любимым фильмом стал тот, который я окрестил «охотой на ма- монта».

Я предложил только двенадцать записей с незначитель- ным монтажом и комментариями, из них вышли отличные двадцатиминутные документальные фильмы. Мой знакомый связался с приятелем в Нью-Йорке и слегка поторговался. Мы сошлись на ста тысячах долларов с условием, что за такую же цену предоставим еще дюжину фильмов.

Через неделю в Бейоне, штат Нью-Джерси, состоялся пробный показ, после которого меня буквально завалили предложениями продать следующую партию за полмиллио- на долларов без всяких лишних вопросов. Я оставил Майки вершить бизнес на комиссионных началах, а сам вернулся в Итценку.

Шлюпка находилась на месте и простояла бы там, на- верное, еще пятьдесят лет, никто бы так и не наткнулся на нее. Я просто объяснил команде, которую привез с собой, что это — ракетная декорация, необходимая для моего очередного фильма. Я разрешил им облазить всю шлюпку и удовлетворить свое любопытство. Все едино- душно решили, что такой примитивный камуфляж никого не одурачит: никаких тебе стабилизаторов, никаких лу- чеметов, а панель управления вообще ничуть не лучше, чем обыкновенные игровые автоматы. Но поскольку де- нежки на ветер выбрасывал я, и их это совершенно не касалось, то они принялись маскировать ракету — как я их заверил, неотъемлемую часть замысла фильма, — и разгружать мои товары.

Через год после возвращения я владел собственным ос- тровом у побережья Перу и домом, в котором каждый мой каприз был тщательно выполнен архитектором — настоя-

щим телепатом. Конечно, он на мне здорово заработал, но дом того стоил.

Верхний этаж, по сути, представлял собой отдельную башню, ничем не уступавшую банковским сейфам. Именно там я и хранил все свои игрушки. Мне удалось продать около сотни фильмов, но оставалось еще куча других вещей, да и сам проектор много стоил. Он прочитывал фильмы по молекулярным слоям и проецировал совершенно непрерывную картину. Цвет и звук были настолько реальными, что мой агент по сбыту даже несколько раз жаловался на слабую цветонасыщенность.

Принцип конструкции проектора был абсолютно нов, а теория так вообще, пожалуй, еще недоступна нашим физикам. Но само по себе практическое применение не представляло никакого труда. Я рассудил, что с необходимыми контактами в научных кругах я мог бы ввести эту теорию в обиход и в результате стать мультимиллиардером. Я уже и так выбросил на наш рынок несколько изобретений: прочную бумагу, пригодную для шитья одежды, химикат, выбеливающий зубы до белоснежности, всецветовой краситель для художников. Те знания, которые я воспринял через штыри, обеспечивали мне в перспективе создание сотни новых индустриальных комплексов, и это было еще далеко не все.

Я потратил большую часть года на кругосветное путешествие, открывая для себя то, что доступно тугому кошельку. Весь следующий год я провел, обустраивая остров, покупая картины, ковры, столовое серебро для дома, а заодно и концертный рояль. После первого восторга, вызванного экономической свободой, я принялся наслаждаться музыкой.

Целых шесть месяцев за моим здоровьем и распорядком дня следил специальный врач. В конце курса, после бешеной гонки, я уже мало был похож на себя прежнего, в то время

как врач-тренер превратился в абсолютную развалину, не выдержав темпа. Так что мне пришлось искать себе другое хобби.

Теперь, три года спустя, мне все начинало надоедать, ко мне подкрадывалась скука — болезнь богатых. Но мечтать о богатстве и иметь его — две разные вещи, и я уже чуть ли не с ностальгией вспоминал прежние дни неудач, когда каждый шаг оборачивался приключением, полным полицейских, отвратительной еды и тысяч неутоленных желаний.

Не то чтобы я серьезно страдал. Я сидел в шезлонге, отдыхая после долгого дня с рыбной ловлей и скромным обедом. Я покуривал сигару, свернутую из лучшего табачного листа и слушал самую прекрасную музыку, какую только способна воспроизвести тысячедолларовая магнитола. А расстилавшийся передо мной пейзаж, хоть и бесплатный, стоил никак не меньше миллиона в час. А через минуту я спущусь к причалу, заведу катер фирмы «Роллс-Ройс», переберусь на материк, пересяду в свой «кадиллак» последней модели и двинусь в город, где меня уже поджидает высокая блондинка из Стокгольма. Я пригласил ее в кино. Она работала секретаршей в фирме, занимавшейся электроникой.

Я затянулся напоследок и подался вперед, чтобы бросить окурок в большую серебряную пепельницу, когда заметил какое-то пятно багровой в лучах заката воде. Рассмотреть его было трудно, я пошел и принес морской бинокль. Теперь я отчетливо различал моторный катер, мчавшийся к моему острову.

Он повернул к стофутовому бетонному причалу и подрулил под тихое клокотание воды. Мотор заглох, катер лишь мирно качало на волнах во внезапно наступившей тишине. В бинокль я изучал серо-голубоватый корпус. На корме виднелись две пушки, а на стапелях четыре торпеды. Но на

меня произвело впечатление не столько вооружение, сколько ряды моряков в касках на палубе.

Я продолжал наблюдать. Солдаты сошли на берег и выстроились в два взвода, я посчитал: пятьдесят человек, из них два офицера. Я едва расслышал, как были отданы команды, и колонна тронулась по мощеной дороге, ведущей от королевских пальм и магнолий прямо к пандусу возле дома. Здесь они остановились, по команде развернулись налево и застыли по стойке «смирно». Два офицера и кургужий гражданин с портфелем взобрались по лестнице, стараясь выглядеть как можно более непринужденно, и остановились у широкого пролета.

Офицер, стоящий впереди, не иначе как в ранге бригадного генерала, поднял голову и уставился на меня:

— Мы можем подняться, сэр?

Я оглядел застывшие шеренги солдат:

— Ну, если ваших парней мучает жажда, сержант, — отозвался я, — то пусть не стесняются, заходят.

— Я — генерал Смейл, — прокричал тот. — Это полковник Санчес, представитель Перуанской армии, — он ткнул пальцем в другого военного, — и мистер Приффи из американского посольства в Лиме.

— Здрасте, мистер Приффи, — откликнулся я. — Здрасте, мистер Санчес. Здрасте...

— Это... э-э-э... официальный визит, мистер Легион, — выдавил генерал, — дело величайшей важности, касающееся национальных интересов вашей страны, мистер Легион.

— О'кей, генерал, — бросил я, — поднимайтесь. А что случилось-то? Ваши ребятки там не начали, случайно, новую войну?

Они поднялись на террасу, слегка поколебавшись, поз-

доровались со мной за руку и расселись по креслам. Мистер Приффи положил свой чемоданчик на колени.

— Если хотите, кидайте ваше барахло на стол, мистер Приффи, — предложил я.

Он мигнул и еще крепче вцепился в чемоданчик. Я предложил каждому сигары ручной работы. Приффи выглядел озадаченным, Смайл отрицательно покачал головой, а Санчес прихватил сразу три штуки.

— Я здесь, — сообщил генерал, — чтобы задать вам несколько вопросов, мистер Легион. Мистер Приффи представляет государственный департамент, а полковник Санчес...

— Можете не продолжать, — оборвал я, — он представляет перуанское правительство, а потому я и не спрашиваю, что делают американские вооруженные силы на перуанской территории.

— Эй, — втянул Приффи, — я вовсе не думаю...

— Охотно верю, — успокоил его я. — Так в чем дело, Смайл?

— Я сразу перейду к делу, — ответил тот. — Вот уже некоторое время разведка США ведет досье, закодированное — за неимением лучшего — под названием «марсианин», — генерал Смайл извинительно кашлянул. — Около трех лет назад, — продолжил он, — неопознанный летающий объект...

— Так, летающие блюдца — ваше хобби, генерал? — перебил я.

— Ничего подобного, — отрезал он. — Этот объект за секли многие радары, когда тот спускался с огромной высоты. Он совершил посадку на Земле... — генерал слегка замялся.

— Вот только не надо говорить, будто вы, проделав такой огромный путь, не можете мне ничего сказать.

— ... в одном месте, в Англии, — нехотя ответил

Смейл, — несколько американских истребителей было послано на разведку, но прежде, чем они успели вступить в контакт, НЛО взлетел с чудовищным ускорением, и наши радары потеряли его след где-то на высоте нескольких сот миль.

— А мне-то казалось, что наши радары способны на большее, — съязвил я. — Спутниковые программы...

— Просто не было возможности воспользоваться специальным оборудованием, — отпарировал Смейл. — Тщательное расследование показало, что два неких иностранца — вероятно, американцы — посетили это место за несколько часов до... э-э-э... высадки НЛО.

Я кивнул и вспомнил, как бродил по окрестностям, прикидывая, не удастся ли уничтожить подземную установку. Но там толпилось столько копов в штатском, сколько обычно бывает старых дев на похоронах кинозвезды, просто не проткнуться. Впрочем, все складывалось как нельзя лучше. Подземный тоннель они так и не обнаружили, поскольку ракеты завалили вход. А сама установка, видимо, была сделана из таких неметаллических материалов, которые не мог уловить ни один детектор.

— Спустя несколько месяцев, — продолжил Смейл, — в прокате США появилась целая серия документальных фильмов. На них была запечатлена как жизнь других планет, так и древние и доисторические события здесь, на Земле. В комментариях указывалось, что все эти короткометражные фильмы всего лишь демонстрируют некоторые научные теории о развитии жизни на других планетах. Они, конечно же, вызвали всеобщий интерес, и, за некоторым исключением, ученые оказались единодушны в своих восхищенных оценках.

— Меня тоже восхищают эти прекрасные подделки, —

вставил я. — При всеобщем интересе к космическим путешествиям...

— Однако на фоне технического совершенства короткометражных фильмов была отмечена одна удивительная неточность, — продолжал Смейл. — Она касалась вида нашей планеты из космоса, изображавшего Землю на фоне звезд. По мнению астрономов, конфигурация созвездий указывала на проведение съемки за семь тысяч лет до нашей эры. Ошибка относилась и к изображению полярной шапки льда на месте залива Гудзон. Южных же ледовых полей не было видно вообще. Антарктида оставалась совершенно свободной ото льда.

Я молча ожидал, что же последует дальше.

— Так вот, новые исследования подтвердили, что девять тысяч лет назад Северный Полюс действительно находился на месте залива Гудзон, — сообщил Смейл, — и ледовый панцирь Антарктиды тоже сравнительно недавнее образование.

— Но об этом уже давно говорили, — возразил я, — по этому поводу даже есть теория...

— И потом, что касается видов Марса, — не обращал на меня внимание генерал, — съемки «каналов» с высоты птичьего полета считались превосходнейшим трюком, — тут он повернулся к Приффи, который открыл чемоданчик и передал ему пару фотографий. — Вот кадр, взятый из фильма, — сказал Смейл.

Это было цветное фото восемь на десять, изображавшее гряду холмов, покрытых розоватой пылью, холмы ярко выделялись на фоне черно-голубого горизонта...

Смейл выложил рядом другое фото:

— А это, — сказал он, — снято с автоматической станции в прошлом году.

Я посмотрел. Второй снимок был зернист, в цвете преобладал голубой оттенок, но во всем остальном сомнений не вызывал. Холмы выглядели более приземистыми, да и угол съемок несколько отличался, но это был тот же самый пейзаж.

— Тем временем, — неумолимо продолжал Смейл, — на рынок выбрасывается множество новых изобретений. Химики и физики поражены теоретической базой, скрывающейся за подобной технологией. Один из продуктов — вариант красящего вещества — воплощает в себе абсолютно новую концепцию кристаллографии.

— Прогресс, — вяло заметил я. — Да что там, вот когда я еще был ребенком...

— След был чрезвычайно запутан, — перебил меня Смейл. — Но в конце концов мы обнаружили, что за всеми этими любопытными фактами досье кроется общий фактор, и этот фактор, мистер Легион, вы.

Глава девятая

Через несколько минут после заката Смейл и я снова сидели на террасе за остатками легкого ужина.

— У домашнего ареста, по крайней мере, одно преимущество — не рискуешь отравиться едой.

— Я понимаю ваши чувства, — отозвался Смейл, — честно говоря, мне самому не нравится это поручение. Но совершенно очевидно, что есть вещи, которые требуют объяснений. И я питал некоторую надежду, что вы добровольно нам все расскажете.

— Заберите вашу армию и плывите-ка отсюда подальше,

генерал, — посоветовал я. — Тогда, может быть, я и сделаю что-нибудь добровольно.

— Ваш патриотизм...

— Мой патриотизм не устает твердить мне, что там, откуда я родом, у личности есть свои права.

— Дело слишком важное, чтобы обращать внимание на такие мелочи, — упорствовал Смейл. — Я признаюсь совершенно откровенно, что присутствие солдат было разрешено перуанским правительством постфактум. Я упоминаю об этом, чтобы дать понять, насколько важное значение придает правительство этому делу.

— Да, видя, как вы высаживаетесь на берег, я так и понял, — заметил я. — Вам просто чертовски повезло, что я не воспользовался своим дезинтегратором.

Смейл чуть не подавился.

— Да шучу, шучу, — успокоил я его. — Но я же не доставляю вам никаких хлопот. Зачем вы вызвали подкрепление?

Смейл ошарашенно уставился на меня:

— Какое подкрепление?

Я небрежно ткнул вилкой в пустоту. Он оглянулся. Поднимаясь все выше и выше, волны бороздила рубка подлодки, затем постепенно показался корпус, с палубы каскадами сбегала вода. Открылся люк, из которого тут же высыпали матросы. Смейл вскочил, роняя салфетку.

— Сержант! — заорал он.

Я сидел, открыв рот, и смотрел, как Смейл выскочил на лестницу и понесся вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Я слышал его рявканье, возгласы солдат, лязганье затворов, топот ботинок. Я подошел к мраморной балюстраде. Приффи в лиловой пижаме носился по лужайке, приставая ко всем с вопросами, а полковник Санчес, не пере-

ставая вопить, все дергал и дергал генерала за рукав. Пехота строилась.

— Эй, поаккуратней там с розами, сержант! — крикнул я сверху вниз.

— Не суйтесь не в свое дело, Легион! — проорал мне в ответ Смейл.

— А какого черта я должен молчать?! — гаркнул я опять. — В конце концов, владелец я этого поместья или нет?!

Смейл взлетел по мраморным ступеням.

— Я за вас отвечаю головой, Легион! — рявкнул он. — Вам надо спрятаться в убежище, где здесь подвал?

— Внизу, естественно, — отреагировал я. — А в чем дело-то? Межвойсковая грызня, что ли? Бойтесь, как бы флот не отнял лакомый кусочек?

— Это ядерная подлодка, — сурово объяснил мне Смейл, — «Гагарин», и принадлежит она русскому флоту.

Я так и застыл с открытым ртом, невидяще уставившись на Смейла и пытаясь собраться с мыслями. Меня не очень-то удивило появление бригадного генерала. Я уже заранее проиграл ситуацию с юристами и прекрасно знал, что рано или поздно кто-нибудь доберется до меня за уклонение от уплаты налогов, за отказ от службы в армии или просроченную стоянку, но ничего серьезного не ожидал. Правительству может и не нравиться, что я знаю слишком много, и все же ни одна собака не могла бы обвинить меня в похищении изобретения у Дядюшки Сэма. В конце концов, они отвяжутся от меня, а моих денежек на швейцарском счету хватит до конца дней, если даже им удастся перекрыть все финансовые поступления от разработки моих идей. Я был даже рад, что все наконец произошло.

Но уж кто у меня совершенно вылетел из головы, так

это русские. Вполне естественно, что они проявили ко мне интерес, а уж их шпионы ничуть не хуже разведчиков из ЦРУ. Я должен был сообразить, что рано или поздно они тоже выйдут на меня, но, в отличие от американских служб, им не придется считаться с Женевской Конвенцией по правам человека. Они, не задумываясь, пропустят мои мозги через «стиральную машину» и выжмут все необходимые сведения с такой же легкостью, как я выжимаю лимон.

Наконец подлодка всплыла полностью, и в лицо мне уставилось дуло зенитного пулемета, один залп которого мог запросто разнести вдребезги весь героический флот Смейла. А затем на резиновые лодки выгрузились моряки, в общей сложности пара сотен.

Прямо подо мной, на лужайке, сержант выкрикивал команды, и солдаты разбегались по позициям, должно быть, уже намеченным заранее. По всей видимости, для них появление русских оказалось не такой уж большой неожиданностью. Я оказался всего лишь пешкой, которую с успехом разыгрывали между собой два великих гроссмейстера. Моя розовая мечта утереть нос бюрократам испарялась на глазах, а мой остров готов был превратиться в поле битвы. И кто бы в ней не победил, я оказывался в проигрыше. У меня оставался лишь слабый шанс затеряться в кутерьме.

Смейл дернул меня за руку:

— Не торчи здесь! — рявкнул он. — Куда..?

— Простите, генерал, — сказал я и врезал ему под дых.

Он скрчился, но несмотря на боль, рванулся за мной. Я отвесил ему хороший хук слева. Он мешком брякнулся на землю, дрыгнув ногами. Я перепрыгнул через него, вбежал в дом, быстро пронесся вверх по спиральной лестнице и захлопнул за собой бронированную дверь. Стены башни мог-

ли выдержать любой удар, вплоть до артиллерийского снаряда. Но пока мне, похоже, это не грозило.

Я лихорадочно принялся соображать. Если мне даже и удастся смыться, то с собой многое не возьмешь. Несколько учебных штырей да все, что осталось от фильмов. Однако большинство штырей я уже прослушал и запомнил их на мертвко, как пункты налоговой декларации. Правда, была тут одна заковыка: если прослушивать их слишком часто, то перегруженный мозг неправлялся с потоком информации, и амнезия стирала все начисто.

Времени заниматься этим у меня не оставалось. Все унести с собой я не мог, а просто бросить на произвол судьбы, не поднималась рука.

Поэтому я принялся лихорадочно разбирать свои запасы, распихивая по карманам всякую мелочь. Под руку попался серебристый трехдюймовый цилиндр с черно-золотистыми полосками. Он мне что-то напомнил.

Это была неплохая идея. У меня все еще оставалась пластиковая подкова, которая помогла Фостеру восстановить память о его родной планете. Я в свое время пытался ей воспользоваться, но ничего, кроме головной боли, мне заполучить не удалось. С тех пор она так и валялась без дела. Но, может быть, сейчас самое время воспользоваться ею опять, поскольку половина предметов здесь, в моем хранилище, по-прежнему оставалась для меня тайной (как и этот серебристый цилиндр). Я точно знал, какую информацию несет подкова. Она содержит все, что мне необходимо знать о Валлоне и Двумирье.

Я выглянул в пуленепробиваемое окно. Солдаты Смейла залегли по периметру под кустами. Русские разворачивали силы вдоль берега. Похоже, они еще не скоро приступят к решительным действиям, и пройдет еще больше времени,

прежде чем они решатся вышибить меня из моего форта. Фостеру потребовалось около часа, чтобы усвоить необходимую информацию. Наверное, и у меня это займет не больше времени.

Я отложил цилиндр, порылся в ящиках и наконец нашел пластиковую подкову. Я уже присел в кресло, но вдруг за колебался. Эта штуковина предназначалась для инопланетян, не останусь ли я после нее безмозглым идиотом?

Однако альтернатива казалось мне слишком уж грустной. Оставить остров с пустыми руками, и даже не иметь возможности воспользоваться собственными деньгами без риска привлечь к себе внимание...

Ну, уж нет, по доброй воле я бедняком не останусь. А знания обеспечат мне независимость и, возможно даже, защиту от алчности нации. Я всегда смогу обменять знания на свободу.

Конечно, в моих рассуждениях было много дыр, но быстро соображать я никогда не умел. Осторожно, с опаской, я приладил подкову к голове. Сначала она сдавила виски, а потом ощущения затопили меня, словно волна прихлынувшей теплой воды. На мгновение меня охватила паника, но далекий голос прогнал ее: ты среди друзей, ты в безопасности, все хорошо.

Глава десятая

Я лежу в темноте и вспоминаю башни, звуки фанфар и фонтаны огня. Я протянул руку и нашупал грубую ткань. Может быть, я брежу..? Я пошевелился, над головой вспыхнул свет, прищурившись, я разглядел комнату, убогое

жилище, пыльное, грязное, засыпанное всяким мусором. В стене окно. Я подошел к нему, передо мной расстипался зеленый торф, изгибающаяся тропа, ведущая к полосе белого песка. Странный вид. И все же...

Нахлынула волна головокружения. Прошла. Я мигнул, попытался хоть что-нибудь вспомнить...

Голову что-то сдавливало. Я стянул это, и оно упало на пол со слабым стуком — информационный путеводитель для тех, кого трансформация застигла неподготовленными...

Внезапно, словно отхлынувшая волна, картина потускнела, оставив меня в знакомой комнате с адской головной болью. Откровенно говоря, я сомневался: сработает ли подкова, но попытка удалась, пусть не без неприятностей. С минуту я бродил по комнате, словно чужак, испытывая приступ ностальгии по своей милой планете Валлон. Я еще помнил свое видение, но теперь оно потускнело. Я был самим собой и, как обычно, в беде.

Где-то в подсознании роились заманчивые идеи. Позже, если мне выдастся свободная минутка, я сяду и постараюсь спокойно разобраться в своих мыслях. Но в данную минуту мне по горло хватало забот. Две армии загнали меня в тупик, я совершенно ни с кем не собирался воевать. Единственное, что вообще интересовало меня, так это собственная шкура.

При звуке автоматных очередей я так и подскочил к окну. Передо мной расстипался тот же самый пейзаж, что и несколько секунд назад, но теперь для меня в нем было больше смысла. Слева все еще дымились останки торпедного катера, затонувшего в нескольких ярдах от причала. Русской подлодки нигде не было видно: вероятно, высадив десант, уб-

ралась подальше. На берегу валялись два-три трупа, но отсюда я не мог определить — чьи они.

Откуда-то слева опять донеслась стрельба. Похоже, сражение там разворачивалось дедовскими методами: стенка на стенку, только с применением огнестрельного оружия. Этого и следовало ожидать, в конце концов, охотились-то они за мной, а моя умная головушка нужна была им целой и невредимой.

Не знаю уж, скрытый романтизм или практицизм заставили меня довести архитектора едва ли не до инфаркта своими требованиями проложить тайные ходы в стенах моего замка, но теперь я был рад, что они существовали. В стене рядом со мной была дверь, через нее я мог попасть на причал, в рощицу за домом и на побережье, к северу от особняка. Единственное, что я должен был сделать...

Дом содрогнулся, последовал страшный удар, сваливший меня с ног. Я расквасил себе нос, закапала кровь. Я на четвереньках подскочил к двери, кто-то там, снаружи, как видно, потерял терпение. Дом потряс еще один удар. Минометы, а то и ракеты. Я, должно быть, проспал период подготовки, и проснулся как раз накануне главных действий.

Я нажал на скрытые пружины, и потайная дверь открылась. В последний раз оглядев окутанную пылью комнату, я заметил цилиндр, теперь-то я знал, что это такое. Одним прыжком я пересек комнату и схватил его. Помнится, нашел я его на шлюпке, когда прибирался. Он лежал под костями скелета с ожерельем из медвежьих зубов. Дикарю, вероятно, понравилась раскраска, вот он и подобрал его. Но только теперь, со своим знанием валлонской цивилизации, я мог оценить, какая это огромная драгоценность. В нем содержа-

лась память Фостера, и пусть это была всего лишь копия, но бросить ее я не мог.

Грянул еще один взрыв, с потолка рухнул здоровенный кусок штукатурки, все, пора смыться. Чихая и кашляя от поднявшейся пыли, я протиснулся в потайную дверь и принялся спускаться по узкой тесной лестнице.

Внизу на секунду я приостановился, чтобы немного сбраться с мыслями, и тут опять грохнуло. Я отпрянул назад, видя, как потолок тоннеля, ведущего в сторону побережья, обваливается. Теперь можно было бежать только в рощу или на причал. Времени на размышления уже не оставалось. Потолок мог рухнуть в любую секунду. Как видно, мой архитектор слегка сэкономил на укреплении стенок. Но, с другой стороны, не мог же он предполагать, что на моей лужайке будут разыгрываться сражения.

Насколько я мог судить, битва происходила к югу от дома, следовательно, роща была полна солдат, использовавших ее, как естественное укрытие. Оставался только причал. Я предпочел бы дождаться темноты, но в данных обстоятельствах медлить было нельзя. Глубоко вздохнув, я решил и побежал по тоннелю. Если очень повезет, то катер может оказаться в порядке. Конечно, придется плыть под самым носом воюющих сторон, но элемент внезапности мог обеспечить мне преимущество в несколько сот ярдов — довольно безопасное расстояние. Мотор имел достаточно лошадиных сил, чтобы выиграть любую гонку до материка, при условии, что мне как-то удастся оторваться от погони с самого начала. В тоннеле было совершенно темно, но меня это не смущало, поскольку он вел прямо к причалу. Наконец я добрался до деревянной раздвижной двери и замер, прислушиваясь. Было тихо. Я отодвинул створку и взобрался по лестнице внутрь

ангара. В полумраке поблескивал хромом и никелем мой катер. Я осторожно обогнул его, сбросил причальный канат и уже собрался шагнуть в рубку, когда раздалось явственное клацанье передергиваемого затвора. Я бросился ничком. Грохнул выстрел. Пуля взбродила темную поверхность воды, я перекатился и со всплеском нырнул в глубину. Одновременно с этим раздался второй выстрел. В несколько гребков я проплыл под дверью ангара и, прижимаясь к песку на дне, резко взял влево. Я избавился от куртки, мысленно распрошавшись со всеми вещами, которыми набил карманы. Правда, у меня еще оставалась матрица памяти, которую я запихнул в джинсы. Десять гребков, пятнадцать, двадцать... я знал свой предел, двадцать пять гребков...

Двадцать пять... еще один.. и еще один. Где-то наверху меня поджидала пуля.

Тридцать гребков. Хочу я того или нет, а подниматься надо. Я перевернулся на спину и всплыл, но едва успел вдохнуть глоток свежего воздуха, как где-то вдалеке глухо грянул выстрел, и пуля, обрызгав мое лица, пролетела мимо. Я камнем ушел под воду и проплыл еще двадцать пять гребков. На этот раз автоматчик отреагировал быстрее. Пуля обожгла мое плечо, словно раскаленная кочерга, и мне пришлось уйти под воду.

Я слабел, задыхался и явственно предчувствовал удар пули по черепу. Надо плыть, плыть. Грудь жгло от недостатка воздуха, в глазах темнело...

Словно издали, я наблюдал за неуклюжими попытками человека, следил за суматошными, судорожными движениями неопытного пловца...

Было совершенно очевидно, что требуется вмешаться. Я активизировал подкорку, перераспределил кровообращение, задействовал запас жиров, подведя энергию и кислород к

клеткам. На внутренних ресурсах существо могло проплыть не менее шестисот секунд...

Я лежал на спине, вдыхая прохладный морской воздух и глядя слезящимися глазами на багровый закат. Только недавно я тонул в нескольких ярдах от берега, и вдруг нечто вмешалось в мои действия. Очевидно, мне на помощь пришла накопленная информация валлонской цивилизации, и вот теперь я здесь, в полулиле от берега, выдохшийся, но живой и невредимый. Усталый мозг уже не удивлялся чудесам... Я развернулся в сторону острова. Столб дыма поднимался из проема, где когда-то были окна спальни. Откуда-то выпрыгнул солдат, метнулся через лужайку, упал. Несколько секунд спустя до меня донесся звук выстрела. На побережье никого не было. Сидевший в засаде уже исчез. Вероятно, он решил, что со мной все кончено, к тому же он наверняка мог заметить следы крови на воде.

Тут я подумал об акулах. Вообще-то я не слышал, чтобы они здесь водились, но их могла привлечь даже капля крови. Я скосил взгляд на плечо, ничего серьезного, просто царапина. Она даже не кровоточила. Впрочем, мне хватало и других проблем. Например, как же все-таки добраться до материка? Пятнадцать миль — это тебе не баран чихал. Но если парнишки на острове увлекутся своими забавами, то я, пожалуй, сумею доплыть.

Я хотел снять джинсы, но все-таки решил, что не стоит. Не разгуливать же мне потом по берегу в одних плавках.

Я последний раз взглянул на дом. Изнутри пробивались отблески пламени. Очевидно, мои противники решили разделаться с домом до основания, чтобы уж никому ничего не досталось. Эх, потерять такое уютное местечко! Мне его будет так не хватать. И все-таки когда-нибудь кто-нибудь расплатится за это сполна!

Глава одинадцатая

Я сидел за кухонным столом у Маргариты и догрызая цыпленка, пока она подливала мне в кружку кофе.

— Ну-ка, расскажи, — попросила она, — зачем они все-таки сожгли твой дом? И как тебе удалось добраться до Лимы?

— Они настолько увлеклись, что совершенно потеряли голову, — ответил я. — Это единственное объяснение, которое я могу придумать. Мне казалось, я буду в полной безопасности, как долларовые часы при встрече с карманником. Я полагал, что они не захотят причинить мне вреда.

— Но твои же американцы...

— В какой-то степени их можно понять, не могли же они позволить русским заполучить меня. Забавно, вот если бы они написали письмо и попросили помочь...

— А где ты умудрился так перемазаться?

— Когда я выплыл, мне целый час пришлось пробираться по болоту. Еще повезло, что светила луна. А потом я три часа топал пешком.

— Надеюсь, теперь-то тебе получше? Выглядишь ты просто ужасно.

— Еще квартал, и я бы точно не добрался до тебя. Я выжат, как лимон. Царапина на плече — пустяки, я се и не чувствую, просто зверски устал.

— Слушай, ложись да поспи, — предложила Маргарита. — Что мне надо сделать?

— Раздобудь одежду, — попросил я. — Серый костюм, белую рубашку, черный галстук и ботинки. Да, загляни в банк, сними тысяч пять да посмотри, будет ли что-нибудь в газетах. Если на обратном пути заметишь кого-нибудь в

вестибюле, не поднимайся, а позвони по телефону, и мы с тобой встретимся где-нибудь в другом месте.

Она встала.

— Это просто ужасно, — сказала она. — А твое посольство?

— А разве я не сказал? Мистер Приффи — представитель посольства — заявил под ручку со Смейлом, не говоря уже о полковнике Санчесе. Я не удивлюсь, если здесь задействована и полиция. Они, конечно, могут решить, что я мертв, но это не надолго. Во всяком случае, до тех пор, пока ты не снимешь деньги со счета. Ну, а я пока тем временем вздремну и смотаюсь отсюда, как только ты вернешься.

— Куда же ты пойдешь?

— Ну, сначала доберусь до аэропорта, а там посмотрю. Не думаю, чтобы всех подняли на ноги. В конце концов, все проводилось в строжайшем секрете, пока не появились не-предвиденные трудности. Они еще зализывают раны.

— Послушай, банк откроется еще не скоро, — сказала Маргарита. — Ложись-ка поспи. Я позабочусь обо всем, не волнуйся.

Я добрался до спальни, разложил диван, прилег и провалился в сон.

* * *

Еще не успев открыть глаза, я уже знал наверняка, что в комнате не один. Я медленно сел.

Он занимал пост на стуле у окна. Обыкновенный парень в тропическом костюме с незажженной сигаретой в зубах.

— Да чего там, закуривай, — бросил я. — И вообще, не обращай на меня внимания.

— Спасибо, — отозвался тот тонким голосом.

Он вынул зажигалку и поднес пламя к сигарете. Я встал. Мой посетитель дернулся, зажигалка исчезла, и на меня уставился короткий ствол пистолета.

— Нервы, нервы, — заметил я. — Не бойся, я не кусаюсь.

— Я бы предпочел, чтобы вы не делали резких движений, — предупредил он, вынув сигарету изо рта и слегка кашлянув. — Вы правы, нервы у меня ни к черту.

Пистолет неподвижно смотрел на меня.

— И на какую же сторону ты работаешь? — поинтересовался я. — И можно мне хоть обуться-то, или ты боишься, что у меня в носке оружие?

Он положил пистолет на колени.

— Да что уж там, одевайся полностью, мистер Легион.

— Извиняюсь, — бросил я. — Не могу. Одежды нет.

Он слегка нахмурился.

— Моя куртка будет маловата, но это все, что я могу предложить.

Я снова сел.

— Я собираюсь вынуть сигарету, — предупредил я, — постараюсь обойтись без пальбы, — я взял пачку со стола и закурил. Он не отрывал от меня взгляда. — А как вы догадались, что я все-таки не сыграл в ящик? — поинтересовался я, выдыхая дым в его сторону.

— Мы осмотрели дом, — ответил он, — но тела не нашли.

— Ослы, я же утонул!

— Такая мысль была, но на всякий случай решили проверить и другие варианты.

— Спасибо, что хоть дали отоспаться. Сколько ты уже здесь торчишь?

— Всего несколько минут, — ответил посетитель. Он взглянул на часы. — Через пятнадцать минут нам надо идти.

— Да на черта я вам сдался? — изобразил удивление я, — вы же сами разнесли в пыль все, что вас интересовало.

— Госдепартамент хотел задать вам несколько вопросов.

— Слушай, да я тут вообще ни при чем, — заканючил я, — и даже никакого понятия не имею об этих вещах. Я же только толкал товар.

Он сделал глубокую затяжку и, прищурившись, поглядел на меня сквозь сизый дым.

— В колледже у вас были отличные отметки, включая язык и литературу.

— А ты неплохо подготовился к уроку, — я глянул на пистолет. — Интересно, станешь ты стрелять на самом деле или нет.

— Видимо, надо прояснить ситуацию, — отозвался он, — чтобы избежать случайных недоразумений. Я должен привести вас живым. По возможности, конечно. Но если возникнет хотя бы намек на попытку к бегству либо появится опасность того, что вы попадете не в те руки, мне придется стрелять.

Я едва втиснул ноги в сырье тенниски. Вот сейчас, когда я с ним один на один, — самое время бежать. У меня было предчувствие, что он не шутит. Я уже видел этих парней в действии на лужайке возле моего дома.

Он поднялся:

— Идемте в гостиную, мистер Легион.

Я вышел первым.

Часы на серванте показывали одиннадцать часов утра. Я проспал пять или шесть часов. С минуты на минуту должна была появиться Маргарита.

— Одевайтесь, — распорядился мой посетитель.

Я взял протянутую куртку, с усилием натянул ее на плечи и посмотрел на свое отражение в зеркале над диваном.

— Что-то я сам на себя не похож, обычно я...

Зазвонил телефон. Я глянул на своего стражи. Он отрицательно покачал головой. Мы стояли и прислушивались к трели. Через некоторое время она оборвалась.

— Пора идти, — сказал он в наступившей тишине. — Пройдите вперед, пожалуйста. Мы спустимся на лифте в подвал и выйдем через служебный вход...

Неожиданно он замолчал, уставившись на дверь. Кто-то гремел ключом. Мой спутник поднял пистолет.

— Погоди, — остановил его я. — Это хозяйка квартиры, — и встал напротив него, спиной к двери.

— Не глупи, Легион, — произнес он угрожающе. — Отойди.

Я следил за дверью в зеркале над диваном. Ручка повернулась, дверь приоткрылась, и тощий смуглый мужчина в белом костюме проскользнул внутрь. Закрывая дверь, он машинально перебросил оружие в левую руку. Мой сторож снял пистолет с предохранителя, не отводя его от моего живота.

— Замри, Легион, — предупредил он. — У тебя только один шанс уцелеть — оставаться со мной.

Он слегка отодвинулся, чтобы взглянуть на вновь прибывшего через мое плечо. Я видел в зеркале, как мужчина в белом позади меня резко развернулся, взял нас обоих на мушку.

— Это оружие особой системы, — проинформировал мой первый сторож вновь прибывшего. — Полагаю, тебе знакома такая система. Я все время жму на курок, если только моя рука ослабнет, грянет выстрел. Так что на твоем месте я бы подождал начинать пальбу.

Тощий агент сглотнул, не говоря ни слова. Я не завидовал его положению, впрочем, как и своему. Его инструкции,

вероятно, были так же просты, как и у моего первого приятеля. Взять меня живым, если возможно.

— И в какой команде играет этот сморчок? — поинтересовался я голосом, на пол-актавы выше, чем обычно.

— Русский агент.

Я снова глянул в зеркало.

— Чушь, — возразил я. — Какой же он русский? Это же официант из мексиканской забегаловки. За заказом пришел.

— Ты слишком много болтаешь, когда нервничаешь, — сквозь зубы процедил мой сторож.

Пистолет застыл в его руке, точно каменный.

— Ну, что, ребята, похоже, тупичок, — сказал я обращенно. — Не проиграть ли нам все сначала? Вы оба выходите...

— Заткнись, — мой сторож облизнул губы. — Извини. Хотя, похоже...

— Похоже, что ты не хочешь меня убивать, — выпалил я громко.

В зеркале я видел, как прикрытая дверь стала медленно открываться.

— Ты же запачкаешь свою курточку. Да и вообще совершишь непростительную ошибку. Каждая собака знает, что русские шпионы низкорослы, скуласты и ходят в шляпах.

Маргарита беззвучно пробралась в прихожую и с размаху грохнула тяжелой сумкой по голове тощего агента. Он пошатнулся и выстрелил в ковер, пистолет вывалился из руки, а мой напарник быстро подскочил к нему и огрел рукоятью по затылку. Затем повернулся ко мне и прошипел:

— Будь благоразумен, — и повернулся к Маргарите.

Пистолет он спрятал в карман, но я не сомневался, что он может мгновенно выхватить его.

— Вы молодец, мисс, — похвалил он. — Я позабочусь,

чтобы его убрали из вашей квартиры. А мистер Легион и я как раз собирались уходить.

Маргарита вопросительно взорвалась на меня. В голове тут же промелькнуло два или три замечания, но ни одно из них не подходило к ситуации. Мне не хотелось втравливать ее в такое дело. Похоже, и мой фэбээровец с удовольствием оставит ее в покое, если я не стану выкидывать фокусов. С другой стороны, это был последний шанс выбраться из ловушки, прежде чем она захлопнется навсегда. Мой сторож не спускал с меня глаз.

— О'кей, милочка, — сказал я как можно более непринужденно. — Это всего лишь мистер Смит из посольства. Мы с ним старые друзья.

Я протиснулся мимо нее, направившись к двери, и уже взялся за ручку, когда позади раздался глухой удар. Я тут же развернулся и успел поддеть фэбээровца в челюсть коротким джабом. Маргарита стояла, широко раскрыв глаза.

— Твоя сумка прямо на все случаи жизни, — заметил я с благодарностью. — Неплохо сработано, Мэгги.

Я присел, расстегнул ремень на фэбээровце и связал ему руки за спиной. Маргарита все поняла без слов и проделала то же самое с другим, уже начавшим приходить в себя.

— Кто они? — спросила она. — Что...

— Позже расскажу. Сейчас мне надо быстро добраться до знакомых и поведать историю газетчикам, чтобы все это попало в новости на радио и телевидение. Тогда они поостерегутся прикончить меня втихую. А уж я позабочусь, чтобы об этом узнала каждая собака.

Я вынул из заднего кармана серебристый цилиндр:

— На всякий случай, — сказал я. — Пошли это мне, Джону Джонсу, Итценка, Главпочтамту, до востребования.

— Хорошо, — кивнула Маргарита. — Я принесла тебе одежду.

Она вышла в коридор и вернулась с пластиковым пакетом и картонкой, в которой лежал костюм, потом достала пачку купюр из сумочки и вручила мне.

Я обнял ее:

— Послушай, малышка, как только мы расстанемся, возвращайся в банк, сними со счета пятьдесят тысяч и покинь страну. Конечно, придраться не к чему, разве что ты оглушила парочку взломщиков, которых застала в квартире. Но все-таки лучше исчезнуть. Оставь свой адрес на почте в Базеле, в Швейцарии, и я свяжусь с тобой, когда смогу.

Она принялась было спорить, но я ничего не хотел слушать. Через двадцать минут я уже вышел на улицу чисто выбритый, аккуратно одетый с пятью тысячами долларов в одном кармане и пистолетом в другом. Я неплохо поел, хорошо выспался и против меня не смогли устоять тайные агенты нескольких держав.

Мне удалось добраться аж до самого угла дома, прежде чем они меня схватили.

Глава двенадцатая

Ты слишком много потеряешь, — говорил генерал Смейл, — и ничего не приобретешь, если будешь продолжать упорствовать. Ты молод, энергичен и, думаю, умен. Ты располагаешь капиталом в миллион с чем-то и, будь уверен, мы оставим его тебе. А отказываясь от сотрудничества, ты вынуждаешь нас относиться к тебе, как к предателю, и обращаться с тобой соответственно.

— Слушай, чем это вы меня все кормите? — спросил я. — Во рту, как в помойке, и рука до локтя вся искалита. Вам не известно, что применение наркотиков — это незаконно?

— Национальная безопасность под угрозой, — отрезал Смейл.

— Насколько я понимаю, ваши методы не сработали, а то бы ты теперь не канючил.

— Ты нес чушь, — признал генерал. — Иногда даже на непонятном языке. Откуда ты появился, Легион? Кто ты?

— Тебе же все уже давным-давно известно, — заметил я. — Ты сам мне в этом признался. Я — парень, по фамилии Легион, из городка Маунт-Стерлинг, штат Иллинойс с населением в тысячу восемьсот девяносто два человека.

— Я — гуманист, Легион. Но если понадобится, я выбью из тебя правду.

— Ты? — я лениво ухмыльнулся. — Сомневаюсь. Скорее позовешь на помощь подручных баранов для грязной работенки. Единственное мое преступление заключается в тех знаниях, до которых так хотят добраться политики. И ради этого ты готов лгать, мошенничать, красть, пытать и даже убивать. Ты это прекрасно знаешь, впрочем, как и я. Так что давай не будем дурачить друг друга. Уж я-то знаю, чего ты стоишь как человек, мистер генерал.

Смейл побелел:

— Не забывай, что ты в моей власти. Ты просто мерзявец, — проскрипел он. — Я пока еще не прибегал к крайним мерам, учти это при размышлениях. Я солдат и знаю свой долг. Я готов отдать жизнь, а если понадобится, то пожертвовать честью. И мне плевать на твое мнение, если я могу добыть информацию, которую ты скрываешь от моего правительства.

— Дайте мне свободу и попросите по-хорошему. Насколько я знаю, ничего ценного для военных я сообщить не могу. Но если со мной будут обращаться, как со свободным гражданином, я, может быть, и предоставлю вам возможность самим судить об этом.

— Скажи сейчас и будь свободен.

— А, ну, конечно, — отозвался я. — Я изобрел помесь ракеты с машиной времени, облетел всю Солнечную систему и несколько раз побывал в прошлом. А свободное от путешествий время я потратил на всякие изобретения. И вообще, я собираюсь запатентовать их, вот и не хочу раскрывать свои секреты раньше времени. Теперь я могу идти?

Смайл поднялся:

— Ты останешься в этой комнате до тех пор, пока мы не сможем обеспечить тебе безопасность передвижения. Это шестьдесят третий этаж небоскреба, окна здесь из небьющегося стекла, имей в виду. Насколько я знаю, из карманов у тебя конфисковали все. Правда, чисто теоретически, ты можешь проделать одну вещь: проглотить язык и задохнуться. И еще, дверь бронирована и взломать ее невозможно.

— Да, забыл сказать тебе, — заметил я, — мне удалось отправить письмо другу и сообщить все о тебе. Вот-вот появится шериф с постановлением на обыск.

— Никаких писем ты не отправлял, — отреагировал Смайл. — На всякий случай мы не оставили здесь мебели, чтобы ты не мог ее разбить. Тоскливо, конечно, провести свою жизнь в этой комнатушке, но если ты не согласишься с нами сотрудничать, ты останешься здесь навсегда.

Я молча сидел на полу и следил, как он покидает комнату. Когда он открыл дверь, я заметил двух охранников в коридоре. Хорошенько дело: одиночество без уединения. Впрочем, я знал, что без присмотра меня не оставят.

Я растянулся на ковре, густом и пышном, вероятно, чтобы я не мог разбить себе голову назло им всем. Я чувствовал себя усталым. Допросы под воздействием наркотиков не улучшают сон. Но я не особенно-то переживал. Несмотря на уверения Смейла, вечно держать меня здесь им все равно не удастся. Я надеялся, что Маргарита сумела оторваться от них и поведает историю газетчикам. Такого рода вещи не могут оставаться в тайне. Или могут?

Мои мысли вернулись к словам Смейла, что под действием наркотиков я нес чушь.

И тут меня осенило: должно быть, они просто добрались до информации о Валлоне. Ха, это же надо! Они допрашивали меня в том состоянии, в котором я ни словечка не понимал по-английски. Я улыбнулся, потом расхохотался. Пока удача не покидала меня.

* * *

Стекла в окнах были двойными, в вакуумных алюминиевых рамках, запечатанных пластиком для лучшей изоляции. Я провел пальцем по раме. Дюраль. Если бы у меня был какой-нибудь нож, я бы, вероятно, мог отогнуть раму по краю и ослабить стекло... если бы хоть было чем по нему ударить...

Смейл действительно постарался на славу, вынеся все из комнаты и подчистую обобрав меня. Я был в рубашке, брюках и ботинках без галстука и ремня. У меня еще оставался пустой кошелек, пачка с двумя помятymi сигаретами да коробка спичек. А вот тут Смейл промахнулся. Я мог, например, поджечь волосы и сгореть дотла. Я мог запихать в рот носок и подавиться или повеситься на ботиночных шнурках. Естественно, ничего такого я и не собирался делать.

Я еще раз поглядел в окно. С дверью связываться не стоит, да и охрана за ней только и ждет повода отыграться на мне. А вот побега через окно они вряд ли ожидают. В конце концов, шестьдесят третий этаж, да и, собственно говоря, чего я добьюсь, выбравшись на подоконник? Но об этом потом. Вот только бы глотнуть свежего воздуха.

Мои пальцы натолкнулись на какой-то выступ. Я пригляделся. Это был винт, вмонтированный в поверхность дюраля. Неужели рама крепится на винтах? Да нет, он был единственным. Зачем же тогда он нужен? Ладно, выясню, когда отвинчу. Только придется ждать темноты. Смейл не оставил лампы в комнате, так что после захода солнца я смогу приняться за работу.

Прошла пара часов, но никто так и не нарушил моего одиночества, даже жратвы не принесли. Видать, решили морить меня голодом. А может, эта гвардия просто не привыкла быть тюремщиками и позабыла, что даже животных надо время от времени кормить.

Мне удалось отодрать от кошелька небольшой уголок из мягкого металла, всего один дюйм длиной, но я надеялся, что винт засел не слишком туго.

Впрочем, чего гадать, уже стемнело, и мне оставалось только попробовать. Я подошел к окну, воткнул в прорезь уголок и надавил, винт повернулся с изумившей меня легкостью. Я все крутил и крутил, поскольку резьба оказалась очень мелкой. Наконец винт выпал, и воздух засвистел, заполняя раму.

Я задумался. Если заполнить раму водой и заморозить ее... Да, такое еще надо умудриться проделать в тропиках, с таким же успехом можно было заполнить ее спиртом и поджечь.

Мысли вращались по кругу, и каждая начиналась со слова

«если». Мне всякий раз требовалось что-то, чего у меня не было.

Я достал сигарету, закурил, и пока горела спичка, внимательно осмотрел дыру, из которой вынул винт. Три шестнадцатых дюйма в диаметре и дюйм в глубину, с крошечной дырочкой на дне. Хорошо отработанный старый метод: через дырку выкачивали воздух, а потом запечатывали ее винтом. У него было одно неоспоримое преимущество — легкость откачивания воздуха из рамы. Вот если бы накачать воздух внутрь...

Конечно, компрессора они мне здесь не оставили, однако у меня были кое-какие химикаты — головки спичек, они тоже старомодны, как и множество вещей в Перу.

Я сел на пол и принялся за работу, аккуратно сдирая серу на кусочек бумажки. От тридцати восьми спичек получилась довольно большая кучка. Я осторожно завернул все в бумагу, закрутил концы и затолкал ее в дыру от винта. Затем, используя уголок кошелька, обтесал резьбу на винте и принялся его закручивать, пока наконец не загнал до упора. Ботинки, которые купила Маргарита, были последним криком перуанской моды: с тонкими подошвами, острыми носами и большими каблуками. Неважнецкие для ходьбы, но в качестве молотка просто незаменимы. Я подумал, не стоит ли отодрать кусок ковра, чтобы прикрыть лицо, но решил не терять времени.

Сняв ботинок, я взвесил его на ладони. Гибкая подошва обеспечивала хороший, хлесткий удар. Правда, оставалась еще парочка «но», однако, если как следует шарагнуть по винту, то можно вогнать его с достаточной силой, чтобы воспламенить серу. А расширяющийся объем газа должен взломать стекло.

Я распластался вдоль стены и изо всех сил шарагнул

каблуком по винту. Раздался грохот, пахнуло жаром, и меня обдало ночным воздухом. Через мгновение я уже был на подоконнике, спиной к улице в шестидесяти футах от земли. Цепляясь руками за карниз над головой, я подтянулся, зацепился коленом, перехватил рукой следующий подоконник, выше и, передохнув секунды три, выпрямился. Подо мной послышались крики:

— Черт!

— ...этот идиот выбросился из окна!

— Где свет?

Я возносил похвалу архитектору, подчеркнувшему горизонтальные линии небоскреба и расположившего карнизы над окнами. Теперь, если парни не сразу догадаются посмотреть наверх, у меня есть шанс добраться до крыши. Я глянул вверх, чтобы определить, сколько же мне еще лезть, и конвульсивно вцепился еще крепче, боясь, как бы не упасть вместе со зданием...

Меня прошибла холодная испарина. Я стиснул карниз так, что затрещали суставы пальцев, и прижался щекой к грубой поверхности камня, прислушиваясь, как колотится сердце. Я хотел позвать на помощь, но слова застряли в горле. Дыша прерывисто, как загнанная лошадь, я висел в пустоте, боясь повести глазами, шевельнуть ресницами, чтобы не свалиться. Я зажмурился, чувствуя, как пальцы немеют, немеют... и попытался снова крикнуть, но получился только неясный шепот.

Минутой раньше меня беспокоило только одно: как бы они не посмотрели наверх и не заметили меня. Теперь же меня пугало, что они не догадаются этого сделать.

Это был конец. Мне доводилось попадать в сложные переплеты, но не в такие, как этот. Я смогу удержаться минуту, может, две, а потом с ветерком спланирую вниз.

У меня в голове роились грандиозные планы, но, с точки зрения мироздания, я был ничтожней комара на оконном стекле. Мне казалось, что я чему-то научился, хоть чуть-чуть опередив свое время, и мог играть с успехом в бессмысленную войну за обладание богатством. Но моя философия растаяла, как дым, перед слепым инстинктом, Мой IQ* был не меньше ста сорока восьми, но идиотское подсознание, буквально приклеившее меня к карнизу, ничему не научилось со временем той облезлой обезьяны, которая была в числе моих предков. Неожиданно я услышал чье-то поскуливание и понял, что эти звуки издаю я сам.

Кому-то внутри меня ситуация явно не нравилась.

Мой разум наконец собрался в кулак. Тело тратило последние силы на иллюзию безопасности, заставляя висеть на одном месте и совершенно парализуя меня. Эту тиранию мой мозг принять не мог. Первое, расслабить хватку.

Именно! Пусть даже это убьет меня, Расслабить мертвую хватку. Конечно, я могу упасть и разбиться, но неужели же этот кусок мяса собирается жить вечно? Ну, так у меня есть для него свежая новость: жизнь коротка, как ни крути.

Я уже чувствовал себя более свободным, руки только упирались ладонями, ноги держали мой вес. Я стоял на широком карнизе, почти в фут шириной, а через минуту я перехвачу руками выше, подтянусь, встану, и так раз за разом, пока не доберусь до крыши. Ну, а поскользнувшись, так, по крайней мере, погибну, не сдавшись.

Ну, конечно, чего беспокоиться, я в любом случае могу числить себя в покойниках. До крыши далеко, да наверняка там еще и какой-нибудь вычурный карниз, через который я не смогу перебраться. Но уж коли этот момент настанет,

* IQ — коэффициент умственного развития.

и я начну свой долгий полет вниз, то во всяком случае хоть натяну нос этому старому хрычу — инстинкту.

Я передыхал под самой крышей и прислушивался к шуму, доносящемуся снизу. Кто-то высунулся и попытался разглядеть, что происходит наверху, но здесь было темно, да и все внимание, главным образом, приковывала улица далеко внизу, где собралась толпа и мигали огни. Подручные генерала рыскали, разыскивая мои останки. Вскоре они сообразят, в чем дело. Так что мне пора двигаться.

Я бросил взгляд вверх и снова вцепился в поперечную балку, затем даже слегка отклонился от стены, чтобы показать инстинкту, кто здесь хозяин. Бордюр вокруг крыши выступал довольно далеко, мне придется преодолеть его с одной попытки. Страховки не было, и я помнил об этом. Я с трудом отодрал одну руку, вдохнул, слегка присел, отпустил вторую и резко выпрямился, изгинаясь назад в прыжке...

Пальцы задели край, скользнули и впились в бордюр, удерживая вес качнувшегося тела, ветер с крыши пахнул мне в лицо. Я болтался над пропастью, как тряпичная кукла.

Надо было со всей силы подтянуться, перекинуть себя через край, но я устал, вымотался.

Откуда-то из тьмы донесся шепот на странном языке: смесь непонятных символов, чьих-то мыслей пронизывала мой мозг и сквозь все это инстинкт подсказывал мне:

— Усиль кровообращение во вторичной сосудистой системе, переведи полную проводимость на невро-канал ип-селон. Теперь, извлекая ионы кислорода из массы жировых клеток, направь электро-химическую энергию в мускулы...

Я с легкостью акробата перемахнул через барьер и повалился навзничь на чудесную поверхность крыши, все еще теплую после дневного жара.

Надо мной мерцали звезды. Позже, когда у меня будет

время, я остановлюсь и подумаю, что же все-таки произошло. А сейчас надо двигаться, надо спешить, пока они не организовались, не окружили небоскреб и не принялись обыскивать его этаж за этажом.

Пошатываясь от усталости, я поднялся и побрел к надстройке, в которой прятался механизм лифта. Дверь была заперта. Я не стал тратить время и вышибать ее, а просто встал ногой на ручку и попрыгал. Она отвалилась. Пальцем я протолкнул стержень внутрь и подергал механизм замка. Дверь открылась.

Короткая лестница привела меня в кладовую, заставленную бидонами с краской, заваленную разным инструментом. Я подобрал двухметровую доску, молоток с отбитым носиком и вышел на площадку. Улица была где-то далеко внизу, и мне как-то не особенно хотелось тащиться по лестнице. Я отыскал дверку лифта, нажал кнопку вызова и в ожидании принялся насвистывать. Откуда-то возник толстяк в мешковатом костюме, с отвращением оглядел меня, хотел было заметить, что слесарям следует пользоваться грузовым лифтом, да передумал и промолчал.

Лифт прибыл. Толстяк последовал за мной и нажал кнопку первого этажа, я кивнул и улыбнулся, продолжая насвистывать.

Наконец лифт остановился, двери открылись. Я подождал, когда выйдет толстяк и, покрепче сжимая молоток, последовал за ним. На улице перед входом мелькало множество огней. Где-то вдали завывала сирена. Ни одна душа в фойе не глянула в мою сторону. Я прошел к боковому выходу, выкинул доску за дверью, засунул молоток рукоятью за пояс брюк и шагнул на тротуар. Мимо двигался поток прохожих. Никто даже не обратил внимание на босоногого плотника — ведь это же Лима.

Я неторопливо двинулся прочь. Путь до Итценки был нелегок, но я собирался пройти его за неделю. Завтра мне придется подумать о своих дальнейших планах, а сейчас я просто наслаждался прогулкой. Человеку, который только что весьма успешно сыграл роль мухи, ничего не стоит стащить какую-то там пару ботинок.

Фостер отправился домой три года назад по местному времени, хотя на борту звездолета должно пройти всего несколько недель. Конечно, моя шлюпка была просто козявкой по сравнению с таким колossalным кораблем, но уж скорости-то ей не занимать. Как только я окажусь на борту, может, мне удастся оторваться от своих преследователей.

Чтобы спрятать шлюпку, я использовал самый лучший известный мне камуфляж. Полудикие носильщики, помогавшие мне разгружать шлюпку, не относились к разряду болтунов, и уж если ребятишки генерала Смейла услышали о ней, то оказались на удивление скрытными. Впрочем, поживем — увидим. В этом уравнении было еще несколько разных «если», но я все лучше и лучше начинал разбираться в математических правилах.

Глава тринадцатая

На всякий случай я решил подобраться к шлюпке глубокой ночью, но мне, как видно, не стоило беспокоиться. Если не считать прогнивших камуфляжных сетей, корабль был в полном порядке. Почему команде Смейла не удалось его обнаружить, я не знаю.

Подумаю об этом попозже на досуге, когда окажусь подальше от Земли.

Мне долго пришлось добираться от Лимы до каньона, где была спрятана шлюпка, но весь свой путь я проделал без всяких помех. Я обменял свое платиновое кольцо на видавший виды «Смитт и Бессон» тридцать восьмого калибра, но мне так и не пришлось воспользоваться им.

В баре одной из захолустных деревушек, куда я зашел перекусить, горланило радио, но в новостях не было сказано ни слова ни о нападении на остров, ни о моем бегстве. Похоже, участники событий решили просто замять это дело, словно ничего и не произошло.

Я заглянул на почту в Итценке и забрал пакет с матрицей памяти. Пока я проверял, действительно ли внутри серебристый цилиндр или, может, подручные дядюшки Сэма уже успели перехватить его да подменить морковкой, что-то потерлось мне о ногу. Я увидел серо-белую кошечку, довольно чистую и, очевидно, голодную. Даже не знаю, то ли я пересек поле дикой валерианы по дороге сюда, то ли ей понравилась моя манера чесать за ухом, но кошка последовала за мной вплоть до шлюпки и первой взобралась на борт.

Мне не пришлось тратить время на формальности. В свое время я почерпнул сведения о том, как управлять шлюпкой. Поэтому, оказавшись на борту, я тут же стартовал и рванул через атмосферу с такой скоростью, что наверняка у всех пэвэошников от Вашингтона до Москвы зашалили нервы.

Не знаю еще, сколько недель или месяцев мне придется провести на шлюпке. Безусловно, времени хватит, чтобы исследовать ее, как следует, пройтись по воспоминаниям о Земле и Валлоне и разработать планы на будущее. Но сейчас мне хотелось опять насладиться удивительным зрелищем удаляющейся Земли.

Я плюхнулся в кресло напротив экрана и щелчком включил его, рассматривая появившееся изображение голубого

шара моей родной планеты. Я надеялся взглянуть в последний раз и на свой остров, но не смог: все полушарие было окутано дырявым облачным покрывалом. Зато Луна была просто прелест — настоящая головка рокфора. С четверть часа я, не отрываясь, наблюдал, как она растет на экране. Вскоре мы приблизились к ней слишком близко, меня это не устраивало. Я сбросил кошечку на пол и подкрутил верньеры. Спутник промчался мимо, на мгновение в поле зрения попались кратеры, образовывавшие очертания лица, которое недовольно скривилось и пропало. Затем и Земля, и Луна уменьшились и исчезли навсегда.

Шлюпка была превосходно оснащена, обеспечена водой и пищей. Высаживаясь в каньоне, я только слегка ознакомился с ее оборудованием, теперь же прошелся от носа до кормы, ознакомившись со всем остальным. Потом перекусил, принял ванну из пара и улегся спать.

К концу месяца я почувствовал себя полным энергии. Шрамы от стычек с законом зажили, и я перестал сожалеть об игрушках, которые оставил на острове, о своих деньгах в банках Лимы и Швейцарии, и даже о Маргарите. Как-никак меня ждал новый мир.

Кошка была настоящим подарком богов. Я окрестил ее Итценка, в честь деревни, где она усыновила меня, и был способен болтать с ней часами. Уж я-то всегда чувствовал тонкую разницу между беседой с самим собой или с кем-то другим. Разговаривать с самим собой надоедает уже через неделю, а вот с другим можно болтать до бесконечности.

— Слушай, Итц, — спросил я, — а куда лучше приткнуть твой ящик с песком, может, прямо перед экраном? С тех пор, как мы покинули Солнечную систему, движение не очень-то интенсивно.

— Дудки, — ответила Итценка, вильнув хвостом, и

ткнулась носом в контейнер, который я еще не успел разгрозить на Земле.

Я вытащил из него картонку всякого барахла и пристроил на ее место ящик с песком. Итценка тут же потеряла всякий интерес к ящику и прыгнула в картонку, которая повалилась с сиденья, рассыпав куски каффа и металла.

— Иди-ка сюда, негодная, — сказал я, — и помоги лучше все собрать.

Итц прыгнула вслед за укатившимся серебристым предметом, но я опередил ее и подхватил его. Шуточки закончились, цилиндр был чьей-то матрицей памяти.

Я уселся в кресло и принялся взволнованно рассматривать его.

— Хм, откуда это, черт возьми, взялось, как ты думаешь?

Итц прыгнула ко мне на колени и ткнулась носом в цилиндр. Я мучительно пытался вспомнить те дни три года назад, когда загружал шлюпку перед тем, как вернуться на Землю.

— Слушай, Итц. Самое время разложить все по полочкам. Вот смотри: в той комнатушке, в которой мы нашли скелет, был целый ряд цилиндров. Ага, помню, я вытащил его из рекордера, а это значит, им воспользовались, но еще не успели цветокодировать. Я показал его Фостеру, а тот, не зная, что я вынул его из машины, решил, будто он пустой. Готов держать пари, что кто-то, записав память, куда-то живо слинял в спешке и не успел закодировать матрицу.

— А с другой стороны, может, этот цилиндр действительно пуст. Его только вставили, а воспользоваться не успели... одну минуточку, Фостер что-то такое говорил... Когда он только пробудился и увидел вокруг себя свеженькие трупы... ага, он подобрал раненого, оказал ему помощь, а для вал-

лонца это автоматически значит полную запись памяти...
Ты соображаешь, что я держу в руке, Итц?

Кошка глянула на меня вопрошающее.

— Вот все, что осталось от парня, которого похоронил Фостер. Аммерлин, кажется, так его звали. Содержимое этого цилиндра находилось в черепе древнего грешника. Так что парень хоть и помер, да не совсем. Готов поспорить, что его семейство хорошо заплатит за эту матрицу, да еще будет мне бесконечно благодарна. Да, это может оказаться неплохим козырем. На случай, если мне придется туда на Валлоне.

Я поднялся и прошел в спальню, Итц следовала по пятам. Я бросил цилиндр в ящик тумбочки, рядом с матрицей Фостера.

— Хотел бы я знать, как все-таки Фостер умудряется обходиться без воспоминаний о своем прошлом, Итц? Он заявил, что эта матрица — всего лишь копия оригинала, хранящегося в Окк-Хамилтоне. Но информация, которую я приобрел, ничего не упоминает о копиях. Да, он, должно быть, важная шишка, если имеет такие сведения.

Тут мой взгляд прикипел к меткам на матрице Фостера. Дьявольщина! Это же императорские цвета! Я рухнул на постель:

— Итценка, старушка, похоже, мы с тобой войдем в валлонское общество на самом высоком уровне. Да мне же теперь любой валлонский аристократ — кореш.

Последующие дни я вновь и вновь пытался связаться с Фостером по коммуникатору, но безуспешно. Я гадал, как мне удастся отыскать его среди миллионов валлонцев. Лучшим способом оставалось сначала прижиться на планете, и только потом начать расспросы.

Мне придется осторожничать, разыгрывая роль валлонца, вернувшегося из столетнего путешествия, — это подо-

зрений не вызовет — пока я наконец не освоюсь, и исподволь не начну свои розыски. По запечатлевшейся в моей памяти информации о Валлоне, это было не слишком сложно. Как и мое родное правительство, валлонцы наверняка с нелюбовью относятся к нелегальным эмигрантам. Так что самые интересные моменты моей биографии мне придется попридержать при себе.

И конечно же, мне понадобится новое имя. Я отверг несколько вариантов и остановился на «Дргон», хотя от него можно было просто свихнуть челюсть. Впрочем, как и от любого другого валлонского слова.

Я перемерил стандартный гардероб — неизменная принадлежность спасательных шлюпок. Там было все, включая тяжелую меховую одежду, пригодную для прогулок по холодным мирам, и одноместный пузырь-кондиционер для планет, вроде Венеры. Нашлись также и одеяния, очень напоминавшие древнегреческие. Они были последним криком моды на Валлоне, когда Фостер пустился в свое путешествие. Я отобрал одно из них, не слишком яркое, и занялся подгонкой. Мне вовсе не хотелось привлекать ненужное внимание плохо сидящей одеждой.

Итценка с интересом наблюдала за мной.

— А вот что мне делать с тобой на Валлоне? — спросил я. — Единственная кошка на всей планете. Тебе придется смириться с игрфим, в качестве приятеля, — сказал я, напряженно припоминая подходящего представителя фауны Валлона. — Они примерно твоего размера, правда, более капризны.

Я покончил со своей туникой, порылся в коробке и вытащил лист каффита — сплава такой же прочности, что и кафф, но более податливого в обработке.

— Не волнуйся, — заверил я Итц, — и для тебя найдется

одежонка. Я сейчас состряпаю тебе что-нибудь эдакое, такая красотка будешь!

Я разложил лист и инструменты на столе, потом, отрезав дюймовую полосу каффита, согнул ее в круг и приспособил застежку. Весь вечер я провел, вырезая на получившемся ошейнике имя Итценка со множеством валлонских закорючек, а потом надел его на шею кошке. Причем Итц ничуть не возражала.

— Ну вот, теперь мы с тобой даже больше валлонцы, чем сами валлонцы.

Итценка согласно мурлыкнула.

Мы перешли в наблюдательную рубку. Незнакомые яркие звезды сияли вдали.

— До конца путешествия уже осталось совсем недолго, — бросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Зажужжал сигнал оповещения. Я следил, как на экране растет изображение большой зеленой планеты, с одного края окаймленной белизной, а с другого залитой прохладным сиянием, отраженным от второй голубой планеты. Путешествие подходило к концу, и моя уверенность в себе стала заметно убывать. Через несколько минут я войду в незаконный мир, надеясь отыскать старину Фостера и поглазеть на диковинки. Конечно же, заграничного паспорта у меня не было, но волноваться по этому поводу не стоило. В конце концов, мне стоит лишь позволить моему валлонскому «я» взять верх и болтать на их языке. И еще...

Постепенно Валлон заполнил весь экран. Туманные, серо-зеленые равнины, мерцающие в свете напарницы-планеты Синты. Я настроил автопилот на Окк-Хамилот, столицу Валлона, где, по моим предположениям, и должен был окопаться Фостер.

Прямо подо мной расстилались целые кварталы прямых голубых улиц. Никто с поверхности планеты со мной не контактировал. Впрочем, это было нормально, шлюпка на автопилоте может управиться и сама.

Я еще раз пробежался по своей легенде: я — Дргон, гражданин Двумирья, возвращаюсь из длительного путешествия и нуждаюсь в самой свежей информации, накопившейся за время моего отсутствия. Мне также необходимо какое-то жилье. Мой костюм был безупречен, владение языком слегка захирело от долгого бездействия, а в таможенную декларацию я мог внести только туземный костюм из порта моего последнего захода, архаичное оружие оттуда же да зверушку, к которой я привязался.

Я уже мог ясно различить посадочное кольцо, оно быстро приближалось. Затем последовал легкий толчок. И тишина. Шлюз открылся, я встал в проеме и осмотрел город, раскинувшийся до самых холмов. Я глубоко втянул в себя воздух, пропитанный давно забытым ароматом, и валлонская половина моего «я» радостно встрепенулась.

Я начал было собирать свои вещи, но потом решил подождать, пока не встречусь с кем-нибудь. Я свистнул Итценке, и мы сошли на площадку. Бегло осмотрев космопорт, я обратил внимание на несколько кораблей и шлюпок на посадочных кольцах. Но вокруг не было ни одного живого существа, да и вид у всей этой техники оставлял впечатление какой-то странной заброшенности.

Мы миновали светящуюся арку, от которой дальше, изгибаясь, шла дорога к городу, террасам и далеким огням. И нигде ни одной живой души. В свете Синты передо мной предстали призрачные видения садов и подвесных дорог, а когда я достиг террас, то увидел широкие улицы. И все та

же безлюдность. Я остановился возле стены из полированного мрамора и задумался. Было около полуночи, а ночи на Валлоне длились по двадцать восемь часов, так что город никак не мог быть пустынным. Это же все-таки столица. В нее постоянно должны прибывать суда, яхты, корабли, но, как видно, не сегодня.

Мы с Итценкой миновали террасу и прошли сквозь открытую арку, попав в бар. Низкие столики и мягкие ложа пустовали, озаряемые розовым светом потолочных панелей. Мои шлепанцы едва шуршали по полированному полу.

Я остановился и прислушался. Мертвая тишина. Даже комарик не прожужжит, с ними, как видно, тут уже давно разделались. Потолок продолжал зазывно сиять, столики ждали, интересно, и сколько же они уже ждут?

Я присел за один из них и погрузился в размышления. Я выстроил множество планов, но ни один из них не учитывал опустевшего космопорта. Ну, как я могу отыскать Фостера, если даже некого расспросить?

Я прошел через бар и вышел на лужайку. Высокие деревья, напоминающие кипарисы, черной стеной выстроились над бассейном. Вдали виднелись башни, сверкающие разноцветными огнями. Неподалеку проходило широкое шоссе, петляющее между фонтанами и тянущееся до самых далеких холмов. В сотне ярдов от меня у обочины была припаркована машина. Я направился к ней.

Это было двухместное средство передвижения с мягкой обивкой и с фиолетовыми металлическими аппликациями на ярком хроме — хоппер. Я уселся на сидение, и Итценка тут же пристроилась рядом. Я внимательно осмотрел приборную доску. Управление было простое: один штурвал. Я попробовал его покачать, на доске зажглись огоньки, хоппер вздрогнул, поднялся на несколько дюймов и медленно поп-

лыл в сторону наискосок. Я повернул штурвал, покрутил ручки, потыкал клавиши. Хоппер неожиданно вырвался и ускорил движение по направлению к башням. Я чувствовал себя несколько неуютно, руль и пара педалей устроили бы меня больше. Но, по крайней мере, это куда лучше, чем топать пешком.

* * *

Два часа мы блуждали по городу, но так никого и не встретили. Насколько мне подсказывала моя валлонская память, планировка ничуть не изменилась, все было в порядке, если не считать полного отсутствия представителей местного населения. Парки и бульвары были ухожены, фонтаны и бассейны сверкали голубоватым сиянием, огни светились — и никакого движения. Автоматические пылесборщики и фильтры будут служить вечно, сохраняя все в чистоте, но оценить это просто некому. Я затормозил и сидел, созерцая игру разноцветных огней на искусственном водопаде. Может, мне удастся найти что-нибудь в одном из зданий? Я вылез из хоппера и двинулся наугад к высокому зданию из розового кристалла. Войдя внутрь, я оказался в огромном гроте, полном розового сияния, и слышал лишь собственное дыхание да урчание Итценки. Больше здесь ничего не было. Я прошел по коридору, заглядывая в пустые комнаты. Все было выдержано в традиционном стиле: стены из плит полудрагоценного камня, парчевые занавеси, ковры, словно лужи огня. В одной комнате я прихватил плащ и накинул на плечи, поскольку весьма ощутимо продрог, блуждая по городу среди призраков прошлого. Затем мы поднялись по широкой винтовой лестнице, но всюду находили только опустевшие комнаты. Куда же пропали все их обитатели?

Мне попался музыкальный инструмент, похожий на кларнет. Я взял несколько нот. По опустевшему коридору заметалось эхо, прозвучавшее печально и одиноко. Я вышел на балкон, нависающий прямо над садом, облокотился на балюстраду и уставилсь на яркий диск Синты. Он казался огромным, раза в четыре больше земной Луны.

— Стоило ли так далеко забираться, чтобы ничего не найти, — пожаловался я Итценке.

Она потерлась о ногу и утешительно вильнула хвостом. Но мне это не помогло. После долгого полета и напряженного ожидания, столкнувшись с такой действительностью, я ощущал себя опустошенным, как молчаливые залы здания.

Я присел на балюстраду, прислонившись спиной к стене, поднес к губам кларнет, принялся наигрывать мелодию и вновь испытал острый приступ ностальгии по миру, которого я не знал... Я закончил и вздрогнул от постороннего звука. Из тени ко мне приближались четверо в серых плащах.

Я выронил кларнет, соскочил с балюстрады, и, попытавшись попятиться, уперся в нее спиной. Четверка разомкнулась, предводитель покрутил в руках короткую дубинку и произнес какую-то белиберду. Я мигнул и попытался выдавить из себя какую-нибудь остроту.

Он щелкнул пальцами, и двое других придвинулись ко мне, собираясь взять под локотки. Я невольно принял боксерскую стойку, занеся кулак, но потом расслабился. В конце концов, я был всего лишь туристом по имени Дргон. Но, к сожалению, прежде чем я успел опустить руку, предводитель шарахнул меня дубинкой по затылку. Я невольно вскрикнул от боли, и в тот же момент меня скрутили. Рука онемела, я попытался пнуть одного из них своим шлепанцем, но тут же пожалел об этом: под плащами у них были

бронежилеты. Предводитель что-то буркнул и показал на кошку.

Наконец я взял себя в руки, расслабился и постарался дать волю своему валлонскому «я». Вслушиваясь в ритм языка, а это был хоть и искаженный, но все-таки валлонский язык, я постепенно начинал кое-что понимать:

— ...музыкант, должно быть, станет доменьером, — сказал один из них.

Общий смех.

— Ты кому служишь, дудочник? Каким цветам?

Я, старательно вывихивая челюсть, попытался примириться к их варварскому наречию. И так как оно не отличалось от того языка, который помнило мое второе «я», кое-что мне все-таки удалось:

— Я... гражданин Валлона, — с трудом выдавил я.

— Слуга бесхозного ренегата.

Предводитель примерился дубинкой.

— Что у тебя за идиотский диалект?

— Я... вернулся... из далекого путешествия.., — с запинками выдавил я. — Прошу... информацию... где жить.

— Ну, уж где жить, мы тебе найдем, — заверил предводитель. — В бараки Рат-Гальона, — он махнул рукой, и вокруг моих запястий защелкнулись наручники.

Он повернулся и пошел прочь. Меня потащили за ним. Через плечо я успел заметить, как исчез за балюстрадой хвост Итценки. Снаружи на лужайке нас поджидал длинный серый хоппер. Они швырнули меня на заднее сидение и уселись сами. Последний взгляд на башни Окк-Хамилота, и мы понеслись вниз через холмы.

Плащ я потерял и теперь дрожал на холодном ветру. Конечно, я попытался прислушаться к разговорам, но от них мне легче не стало. Наручники беспрестанно позвякивали,

и я понял, что эта музыка будет сопровождать меня еще очень долго. Я примчался сюда с розовой надеждой найти себе место в здешнем обществе. И нашел его, уж в этом-то сомневаться не приходилось.

Я стал рабом.

Глава четырнадцатая

Банкет в Рат-Гальоне был в самом разгаре. Я поспешил проглотил на кухне свою порцию супа и мысленно пробежался по мелодиям, которые мне предстояло исполнить. Я находился в домене всего несколько недель, но, как ни странно, успел стать любимым флейтистом доменьера Гопа. Если и дальше продолжать с таким же успехом, то я заполучу в свое полное распоряжение комнатушку в бараках для рабов.

Сайм — кондитер — подошел ко мне:

— Сыграй-ка нам что-нибудь веселенькое, Дргон, — попросил он. — Я награжу тебя мороженым.

— С удовольствием, фримен Сайм, — отозвался я.

Я быстро дохлебал остатки супа и вынул кларнет. Я опробовал уже с полдюжины разных инструментов, но кларнет мне нравился больше всего.

— Что бы ты хотел услышать?

— Одну из тех мелодий, что ты привез издалека, — крикнул Кагу — старший охранник доменьера Гопа.

Я послушно отозвался «Полькой пивной бочки», и все принялись восторженно колотить по столу. А потом Сайм преподнес мне мое мороженое и стоял, с удовольствием наблюдая, как я его ем.

— Послушай, а почему бы тебе не занять место старшего музыканта, Дргон? — спросил Сайм немного погодя. — При твоих способностях ты этого олуха обставишь в два счета. Тогда ты обретешь статус доменника и сможешь сидеть с нами на кухне почти как равный с равными.

Я облизал пальцы и отставил плошку.

— Я был бы рад стать равным такому прекрасному кондитеру, как ты, фримен Сайм, — сказал я, — но что может сделать раб?

Сайм озадаченно поморгал:

— Да ты можешь вызвать старшего музыканта на состязание. Мы же видим, что ты превосходишь его во всем. Так что можешь не бояться исхода поединка. Победа наверняка будет за тобой.

Он оглядел присутствующих:

— Разве не так?

— Это точно, — отозвался супных дел мастер. — А проиграешь, так я готов даже лечь под плетки за тебя.

— Погодите-погодите, я что-то не поспеваю за вашими мыслями, — озадаченно заговорил я. — Ну, как я могу занять чужое место?

Сайм всплеснул руками:

— Ты, наверное, действительно слишком долго путешествовал, флейтист Дргон. Да ты что, не знаешь правил нашего времени? Можно даже подумать, будто ты какой-нибудь еретик с Синты.

— Я уже рассказывал вам, что в дни моей юности все люди были свободны и император правил в Окк-Хамилите...

— Лучше не говори о таких вещах, — вполголоса предупредил меня Сайм. — Только доменьеры помнят о своих прежних жизнях... Хотя, правда, и я слышал, что давным-

давно каждый человек записывал воспоминания о своем прошлом и хранил их в безопасности. Но как ты нашел свою память, я не спрашиваю, и ты лучше молчи об этом. Доменier Гоп ревнив, хотя и самый благородный и щедрый лорд на свете, — добавил он поспешно, оглядывая столы.

— Ну, что ж, тогда я не стану больше говорить об этом, — ответил я, — но мне действительно довелось много путешествовать, даже язык изменился, пока я отсутствовал. Посоветуй, что мне делать?

Сайм надул щеки:

— Прямо не знаю, с чего начать, — выдохнул он. — Все принадлежит доменьерам, впрочем, как и должно быть, — он оглядел присутствующих в поисках подтверждения своим словам, и все поспешно закивали. — Люди без всякой профессии тоже являются собственностью доменьера, и это правильно, иначе они просто помрут с голода. Если только на них не натолкнутся Серые Плащи, — он сделал знак от глаза и сплюнул. Его примеру последовали остальные.

— Владеющие мастерством относятся к доменникам, зарабатывая согласно своим способностям. Вот я, например, старший кондитер доменьера Гопа, с квалификацией, соответствующей моему положению. И таким образом, здесь нет никого, кто мог бы сравниться со мной по таланту, — он самодовольно оглядел присутствующих, не встречая возражений. — И так со всеми нами.

— А если кто-то покушается на занятое место, — вставил Кагу, — то должен пройти через Состязание ремесел.

— И тогда, — продолжал Сайм, беспокойно расправляя пальцами свой передник, — этот выскочка кондитер должен будет сразиться со мной в искусстве выпечки. В таком случае все обитатели замка выступят в роли судей, и победитель

станет старшим кондитером, а проигравшему достанется двенадцать ударов плеткой за дерзость.

— Но тебе бояться нечего, Дргон, — высказался Кагу, — положение старшего музыканта стоит от силы пяти ударов. Только гувернанты по своему положению ниже его среди доменников. Да и вообще, чего бояться-то? Супных дел мастер же вызвался принять твой проигрыш на себя.

За дверью загомонили, она распахнулась, и я, схватив свой кларнет, бросился за пажем. Доменьер Гоп терпеть не мог ждать. Пробираясь к свободному месту перед ломившимся от яств столом, я заметил, что доменьер уже даже поднялся от нетерпения. Мне навстречу противно взвизгнула волынка старшего музыканта. Тощий, с вечным прищуром, он просто обожал гонять своих рабов-музыкантов. Он прыгал по кругу, с ожесточением давя на разноцветные меха волынки. Я невольно поморщился от непрестанного завывания. Вот именно этот момент доменьер Гоп и выбрал, чтобы наконец обратить внимание на горе-исполнителя. Он подхватил тяжелую латунную кружку и замахнулся, чтобы запустить ею в старшего музыканта. Тот все-таки замстил это движение доменьера и едва успел увернуться. Кружка врезалась в желтый с зелеными кисточками мех, и он лопнул с жалобным блеянием.

— Это блеяние ничуть не хуже твоей музыки! — проревел доменьер Гоп. — Сгинь, пока не призвал всех демонов с холмов, — и тут его взгляд упал на меня: — А вот и Дугон, или Диген! — воскликнул он. — Вот это настоящий музикант. А ну-ка, сыграй нам что-нибудь веселенькое, Другон, или как тебя там, и разгони тоску, пока еще не совсем скисло вино от его паршивой музыки.

Я низко поклонился, облизнул губы и заиграл «Хиккори-диккори-док». Судя по восторженному реву по окончании

музыки мое исполнение пришлось присутствующим по вкусу. Я вдохновенно исполнил «Коричневый кувшинчик» и «Жемчужное ожерелье». Гоп неистово заколотил кулаком по столу, и все наконец угомонились.

— Могу поклясться, редчайший раб во всем Рат-Гальоне! — пробасил он на весь зал. — Не будь он рабом, я бы выпил за его здоровье!

— С вашего разрешения, доменевер? — просяще произнес я.

Сначала Гоп уставился на меня, но потом благосклонно кивнул:

— Говори, Дугон, или как там тебя.

— Я претендую на место старшего музыканта. Я...

Крики заглушили мои слова. Гоп ослабился.

— Быть по сему! Будем голосовать сейчас или еще подвергнем себя пытке дикими воплями этого кретина, прежде чем объявили фримена Даргона старшим музыкантом?

— Объявить его! — выкрикнул кто-то.

— Вообще-то должно быть состязание, — неуверенно пискнул кто-то.

Гоп хлопнул по столу:

— Ташите сюда Лилка, старшего музыканта, — заорал он во всю мочь, — с его дутыми пузырями!

Объявился старший музыкант, нервно теребивший меха

— Место старшего музыканта объявляется вакантным, — громко объявил Гоп.

Лилка судорожно вздрогнул, сдавив мех, волынка издала мышиный визг.

— Поскольку прежний старший музыкант переходит в новое качество, — продолжал Гоп. Волынка опять взвизгнула, заглушенная возгласами и одобрительными крика-

ми. — Да будут эти пузыри проткнуты! Я изгоняю их иди-
отский вой из Рат-Гальона навечно! Да будет всем известно,
этот бывший старший музыкант теперь придворный шут в
моих владениях! И пусть он носит дырявые пузыри, как знак
своего ремесла!

Эта триада была встречена восторженным ревом всех
присутствующих. На Лилку тут же набросились доброволь-
цы, отобрали у него инструмент, продырявили и моменталь-
но умудрились напялить разодранную волынку на голову
бывшего старшего музыканта. Я исполнил «Марци доуц», и
бывший музыкант с опаской изобразил несколько па. До-
меньер Гоп зашелся от хохота. Я перешел к «Янки дуддль»,
и новый придворный шут, ободренный успехом, принялся
прыгать, корчить рожи, дергаться, ходить петухом, и все
присутствующие веселились до упаду.

— Счастливый день для Рат-Гальона! — перекрикивая
общий шум, проорал Гоп. — Клянусь рогами бога моря, я
приобрел принца музыки и короля шутов! Я утверждаю их
новое положение в десять ударов и теперь оба имают право
сидеть за моим столом. Отныне и навсегда!

Мы с шутом исполнили еще три номера, а потом Гоп
разрешил нам притулиться в дальнем конце стола. Слуга
поставил перед нами полную тарелку еды.

— Хорошо сделано, фримен Дргон, — шепнул мне на
ухо новоявленный шут. — Не забывай же нас, рабов, в лучах
своей славы.

— Не беспокойся, — отозвался я, вдыхая аромат хоро-
шо прожаренного бифштекса. — Уж на кухню-то к вам
после захода Синты я всегда забегу чего-нибудь переку-
сить.

Я уже оглядел стены варварски изукрашенного зала
совсем иными глазами. Нет ничего лучше, чем толика раб-

ства, чтобы оценить даже неполную свободу. То, что я знал о Валлоне, было совершенно неприменимо в данной ситуации. Миновали столетия, которые радикально изменили этот мир, и отнюдь не к лучшему. Старое общество, в котором вырос Фостер, было мертво и похоронено навсегда. Старые дворцы и виллы заброшены, космопорты разрушались в забвении. Система матриц, описанная Фостером, утрачена. Я не знал, какой катаклизм мог погрузить центр галактической Империи в сумерки феодализма, но именно это и произошло.

До сих пор я не нашел и следа Фостера. Мои расспросы натолкнулись на стену непонимания. Может, Фостер и не добрался до родного мира, а может, сел на другой половине планеты. Валлон был огромен, а сообщение между доменами скучное. Я мог прожить здесь всю жизнь и так и не найти ответа.

Я припомнил свои собственные разочарования той ночи, в Окк-Хамилote, когда все мои иллюзии лопнули, словно воздушный шар. Насколько же это все могло потрясти Фостера? Мы угодили в один и тот же переплет. В нынешней ситуации наши воспоминания о прежней цивилизации Валлона служили непрерывным источником горечи.

А матрица памяти Фостера, которую я привез в качестве подарка? Вот уж действительно хохма! И даже найди я Фостера, на всей планете наверняка не осталось ни одного рекордера.

И все же я не терял надежды отыскать своего друга, пусть даже это займет у меня...

Доменеर Гоп уже давно что-то фальшиво мурлыкал себе под нос. Я сразу сообразил, что к чему, и приготовил свой кларнет. Должность старшего музыканта, может, и не

сплошной праздник, но, по крайней мере, я уже не был рабом. Мне предстояла долгая дорога наверх, но первый шаг по этой лестнице я уже сделал.

* * *

Мы ладили с доменьером Гопом. Он был проницательной старой лисой, ему нравилось иметь в своем распоряжении такого необычного музыканта. Он уже слышал от Серых Плащев — своеобразной местной полиции — как я очутился в космопорту. Он довольно прямо намекнул мне, чтобы я не слишком-то болтал о своих воспоминаниях насчет прежних времен Валлона. Эта тема была запретной. Не удивительно, что на мое появление в столице так быстро отреагировали Серые Плащи.

Гоп брал меня с собой повсюду, на хоппере, на машине, на речных баржах. Транспорта было много, но, несмотря на простоту управления, мало кто знал, как им пользоваться. Конечно, хопперы были более удобны, поскольку для них не требовалось дорог, но Гоп предпочитал наземный транспорт. Я подозреваю, ему просто нравилось ощущение скорости, когда во весь дух несешься по дороге, и ветер свистит в ушах.

Однажды днем, несколько месяцев спустя после моей победы над Лилком, я заглянул на кухню. Мне предстояло отправиться с доменьером Гопом и его обычной свитой для визита в Бар-Пандерон, огромный домен в ста милях к северу от Рат-Гальона, на пути к Окк-Хамилоту. Сайм и прочие мои приятели угостили меня хорошим завтраком и предупредили, что дорога предстоит опасная, в тех местах обитали разбойники.

— Вот чего я не понимаю, — сказал я, — так это почему

Гоп не установит парочку пулеметов на машину. Каждый раз, покидая домен, он же здорово рискует.

Все присутствовавшие буквально остолбенели.

— Даже изгои не могут помыслить отнять жизнь у человека, фримен Дргон, — выразил общее мнение Сайм. — Доменьеры устраивают совместные охоты на этих ренегатов, чтобы потом превратить их в рабов, но никто не унижает себя мыслью убить человека.

— Разбойники и сами знают, что в своей следующей жизни они могут стать фрименами или пусть даже рабами, — вставил старший виночерпий. — Ты должен знать, фримен Дргон, что когда член разбойничьей банды переживает трансформацию, его доставляют в домен, чтобы тот мог найти свое место.

— А часто происходит эта трансформация? — поинтересовался я.

— Некоторые способны не изменяться три-четыре столетия. Но обычно без трансформации человек может прожить от восьмидесяти до ста лет. — Сайм на секунду задумался. — А иногда и меньше. Тяжелая жизнь, полная лишений, может состарить гораздо быстрее. Так, у моего кузена, который попал в Великую Каменистую пустыню и пробродил там три недели без воды и питья, у него был только небольшой бурдюк с вином, период трансформации сократился на четырнадцать лет. Когда его нашли, он был весь в морщинах, поседевший, что и предвещает трансформацию, а вскоре впал в кому, проспал целые сутки, и очнулся молодым и ничего не помнящим.

— И ты ему не сказал, кем он был?

— Не-а, — Сайм понизил голос. — Хоть ты и по праву считаешься любимчиком доменьера Гопа, помни: есть вещи, о которых лучше не говорить.

— После трансформации новичок выбирает себе новое имя и пытается постигнуть какое-нибудь ремесло, — вставил мясник. — В зависимости от способностей, окружающие могут оценить его, например, выше, как это, произошло с тобой, фримен Дргон.

— А разве у вас нет рекодеров памяти? — продолжал настаивать я. — Или информационных штырей, такие черные палочки, касаешься головы и...

Сайм описал рукой полукруг:

— Мне приходилось слышать об этих прутьях. Запрещенные предметы культа черной магии.

— Чепуха, — перебил я. — Ты сам-то случайно не веришь в магию, Сайм? Эти штыри не что иное, как изобретения, служившие вашим собственным предкам. И как вы умудрились потерять всякое знание истории своего народа...

Сайм всплеснул руками:

— Фримен Дргон, не задавай больше таких вопросов. На подобные темы запрещено разговаривать.

— Ну, хорошо, парни, я, наверное, чересчур любопытен.

Я вышел во двор, забрался в машину и принялся ждать доменьера Гопа. Пытаться узнать что-либо об истории Валлона — то же, что расспрашивать эскимосов об их переселении из Азии. Никто ничего на знает и знать не желает.

Правда, я пришел к кое-каким заключениям. Если предположить, что какой-то общественный катаклизм нарушил систему воспроизведения памяти, которая способствовала сохранению преемственности культуры, становится ясно, что валлонское общество постепенно деградировало.

Скучившиеся по доменам люди, избегавшие города, как очаги чумы, ничего на знали о космических полетах и прежней истории. Подобно Сайму, у них даже не было желания говорить на эту тему.

Конечно, мое расследование могло сдвинуться с мертвоточки, но только где-нибудь в большом домене, типа Бар-Пандерона, и я с нетерпением ожидал сегодняшнего путешествия. Рат-Гальон был маленьким нищим доменом, занимавшим всего лишь двадцать квадратных миль и объединявшим с полдюжины деревень. В смысле возможностей это был полнейший тупик.

Во двор вышел Гоп в сопровождении Кагу, еще двух охранников и четырех танцовщиц, следом тащили огромную корзину с подарками. Все заняли свои места, водитель запустил двигатель и вывел тяжелый грузовик на шоссе. Мое сердце учащенно забилось. Может, в Бар-Пандероне мне удастся обнаружить хотя бы следы Фостера.

Мы мчались на скорости пятьдесят миль в час по извилистой горной дороге, я сидел рядом с водителем и, поигрывая на кларнете, смотрел вперед. Водитель вел машину, словно подвыпившая старая дева, — нервно и быстро. Вообще-то, это была не его вина: большой скорости требовал Гоп. Я мысленно благодарил конструкторов за встроенный автоограничитель. По крайней мере, нам не грозила опасность слететь в пропасть с полотна дороги.

Визжа шинами, мы обогнули поворот и неожиданно впереди в четверти мили от нас увидели поставленный на дороге автомобиль. Водитель машинально нажал на тормоза.

— Разбойники! Не снижай скорости! — завопил сзади Гоп.

— Но... но... доменье Гоп...

— Не бойся врезаться в них, — оборвал его Гоп. — Только не тормози!

Танцовщицы сзади перепуганно взвизгнули. Разбойники живой стеной перегородили дорогу. Водитель закатил глаза и чуть было не выехал на обочину, но потом стиснул зубы

и, отключив антиаварийный радар, нажал на рукоять скости до упора. Я со страхом наблюдал, как мы неслись на машину, перегородившую нам дорогу, а потом неожиданно, стряхнув с себя оцепенение, потянулся к приборному щитку. Однако водитель не уступал, застыв от ужаса. Я откинулся и с силой врезал ему по челюсти. Он скорчился в углу с разинутым ртом и закрытыми глазами. Я отключил ограничитель и повел машину с дороги. С моего места управлять было неудобно, но это было лучше, чем врезаться во что-нибудь на скорости в девяносто миль.

Машина впереди не двигалась, до нее оставалось сто ярдов, пятьдесят, и в этот момент я резко свернул прямо к склону горы. Водитель блокировавшей дорогу машины тут же сориентировался, перекрывая мне проезд. Я ментально переложил штурвал влево и пронесся в дюйме от заднего бампера чужой машины, на мгновение зависнув над пропастью одним колесом, и снова выехал на шоссе.

— Молодец! — выкрикнул Кагу.

— Они нас преследуют! — перекрыл его голос Гоп. — Наемные убийцы! Бесхозные свиньи!

Водитель наконец открыл глаза.

— Перебирайся на мое место! — рявкнул я.

Он что-то промямлил и полез, цепляясь за спинки кресел. А я быстро скользнул за штурвал, не отпуская рукояти скости. Впереди виднелся поворот. Я бросил взгляд на зеркало заднего вида. Бандиты разворачивались для погони.

— Жми! — скомандовал Гоп. — До Бар-Пандерона не больше пяти ретов!

— Они нас могут догнать? — спросил я через плечо.

— В два счета, — весело обнадежил меня Кагу.

— А какая впереди дорога?

— Отличная. Начиная от подножия горы, прямая, как стрела, — отозвался Гоп.

Мы прошли следующий поворот. Все, как он и говорил, только впереди была еще и боковая дорога.

— А это куда ведет? — спросил я у водителя.

— Тоже в Бар-Пандерон, — выдохнул он, — только длиннее.

Я по спидометру прикинул скорость, слегка притормозил и резко свернул. Натужно воя двигателем, машина влетела по крутому склону в пространство между холмами.

— Что за идиотизм! — заорал Гоп. — Ты что, стакнулся с этими негодяями?

— На шоссе у нас нет шансов, — прокричал я назад, перекидывая штурвал из стороны в сторону, следя резким поворотам дороги. Мимо мелькали величественные скалы и травянистые пологие склоны, но у меня не было времени восхищаться ими. Танцовщицы на заднем сидении повизгивали от страха, доносился возбужденный говор, краем глаза я заметил, что наши преследователи тоже повернули на проселок.

— Они могут перехватить нас где-нибудь впереди? — крикнул я.

— Навряд ли, если только у них нет подмоги, — отозвался Гоп, наклонившись к моему плечу. — Но эти изгои работают в одиночку.

Я то притормаживал, то жал на акселератор, вертел штурвал. Мы сворачивали то влево, то вправо, взираясь все выше и выше, а потом ухнули вниз по крутому склону и опять вылетели наверх. Я быстро окинул взглядом дорогу впереди и оценил ее. Машина бандитов следовала всего в нескольких сотнях ярдов позади, а нам предстояло проехать

вдоль подножия горы, сквозь тоннель, а потом снова обогнуть крутой выступ следующей горы.

— Как только мы выедем из тоннеля, бросьте в них чем-нибудь, — крикнул я против ветра. — Чем угодно.

— Мой плащ! — рявкнул Гоп. — Корзину с подарками!

Кто-то сзади застонал в отчаянии, ему принялись вторить танцовщицы.

— Молчать! — прогремел Гоп. — А ну, помогите, а то клянусь бородой морского дьявола, я покидаю вас вместе с корзиной и всем остальным!

С оглушительным ревом мы влетели в отверстие тоннеля и понеслись с такой скоростью, что вокруг все завибрировало. Гоп и Кагу подняли тяжелую корзину с подарками и перевалили ее через борт. За ней последовал плащ, опустивший кувшин из-под вина, сандалии, браслеты, фрукты... Потом нас снова ослепило солнце, и машину занесло на очередном повороте. В зеркале заднего вида я видел преследовавших нас бандитов. Черно-желтый плащ Гопа облепил радиатор их машины, остатки корзины болтались под днищем. Автомобиль качнуло на ухабе, и уголок плаща откинулся, позволив водителю взглянуть на дорогу.

— Не везет, — сказал я. — Дорога впереди прямая, и мне ничего не приходит в голову.

Бандиты нас нагоняли. Я утопил рукоять скорости до предела, но их автомобиль был быстрее. Нас разделяло всего сто ярдов, потом пятьдесят, и вот уже они начали обходить нас сбоку... Я слегка сбросил скорость, позволив им чуть-чуть продвинуться вперед, а потом резко бросил грузовик прямо на них. Машины столкнулись, и я едва справился со штурвалом. Бандиты снова начали нас нагонять, бортом к борту мы мчались со скоростью девяносто миль в час по крутому склону...

Я нажал на тормоз, резко повернул влево, задним бампером успел задеть его колесо и сдал назад. Водитель попытался затормозить, и это было его ошибкой. Их автомобиль потерял управление и заскользил по склону. Он медленно скользил, становясь на нос в облаке пыли. Корзина отлетела прочь, плащ затрепетал и тоже исчез. На какое-то мгновение автомобиль бандитов завис в воздухе, а потом рухнул вверх колесами, перевалившись через край дороги. Мы же понеслись дальше, вниз по склону, и опять вверх на поросшую лесом равнину к видневшимся впереди башням Бар-Пандерона.

Сзади грянул дружный хор голосов, доменеर Гоп наклонился ко мне и принял хлопать по спине:

— Клянусь девятыглазым дьяволом холмов! — прогудел он. — Превосходный маневр! Принц музыкантов еще и принц водителей! В эту ночь будешь сидеть вместе со мной за столом в Бар-Пандероне. В чине Стоударного водителя. Мое слово!

— По сравнению с поворотом по внешнему ряду на оживленном шоссе в семнадцать тридцать по пятницам, это просто сущая безделица, — прокомментировал я.

Я повис на штурвале и попытался перевести дыхание. Было чистейшим идиотизмом — состязаться со скоростной машиной, но мой маневр сработал, а заодно я продвинулся еще выше по своей служебной лестнице. Жизнь моя складывалась не так уж и плохо.

— И пусть никто не заикается об убийстве, — продолжил Гоп. — Я не потерплю, чтобы столь искусного водителя и музыканта замуровали заживо! Накладываю на всех обязательство молчать обо всем. Будем считать, что эти негодяи просто споткнулись на своих злодейских планах.

Такая мысль подействовала на меня отрезвляюще. Все

произошедшее предстало передо мной в новом свете. В этом мире без смерти отнять человеческую жизнь считалось немыслимым преступлением, поскольку ты лишал человека не одной, а многих жизней. Существовало только одно наказание — на всю жизнь сажали в каменный мешок. Но только на одну жизнь. В моем случае этого оказалось бы достаточно. У меня не было запасных жизней. Поэтому я рисковал намного больше, чем эти бандиты.

* * *

Я провел свой первый день в Бар-Пандероне, блуждая среди высоких зданий, восхищаясь ими и выглядывая Фостера на тот случай, если он вдруг попадется мне на улице. Хотя это было столь же вероятно, как повстречать своего старого школьного приятеля из Аламо среди слуг персидского шаха. Но я все еще надеялся на чудо.

К концу дня так ничего и не изменилось. Одетый по последней моде в накидку с рюшами, я сидел за небольшим столиком на террасе в Веселом Дворце (огромном пиршественном зале Бар-Пандерона) вместе со своим приятелем Кагу — старшим охранником доменьера Гопа. Пиршественная зала напоминала воплощение голливудской фантазии — ночного клуба XXI столетия, оборудованного девятью танцплощадками на пяти уровнях, бассейнами, фонтанами, парой тысяч обеденных столов. Кроме того, там были толпы музыкантов, девиц, шум, гам, разноцветные огни и яства, достойные стола любого доменьера. Зал был открыт для гостей и всех фрименов домена с положением в пятьдесят ударов. После отшельнической жизни в Рат-Гальоне мне все это показалось невероятно восхитительным.

Под отталкивающей внешностью Кагу скрывалось добро-
душие. Лицо охранника было в шрамах от множества сты-
чек, а нос так часто разбивали, что в профиль его просто
трудно было заметить.

— И как ты умудряешься встrevать во все эти драки,
Кагу? — поинтересовался я. — Сколько тебя знаю, ни разу
не видел, чтоб ты затеял драку.

— А вот в таких местах, — ухмыльнулся тот, обнажая
обломанные зубы. — Все эти большие домены просто пре-
лесть, в них всегда можно отвести душу.

— Ты что, ввязываешься в уличные драки?

— Не-а. Обязательно кто-нибудь да найдется. Начнут
тут бродить, корчить из себя... ну знаешь, как бывает

— А что, дерутся прямо здесь?

— Ну да, полно зрителей, и всем весело.

Я было взял бокал и поднял его в честь Кагу, но тут же
все его содержимое оказалось на моих коленях, поскольку
кто-то сзади как следует поддел меня за локоть. Я поднял
глаза. Надо мной возвышался какой-то мордоворот в шра-
мах.

— Это что еще за шмакодявка, Кагу? — поинтересовался
он хриплым шепотом, ковыряя в зубах серебряной зубочис-
ткой.

Кагу встал и без разговоров врезал ему под дых. Мордо-
ворот хекнул и повис на Кагу, с досадой взирая на меня
через его плечо. Старший охранник отодвинул парня на
расстояние вытянутой руки.

— Это какая еще «шмакодявка», Малл? — прогудел
он. — А ну-ка, отвали от моего приятеля. Лучший музыкант,
к тому же первоклассный водитель.

Малл потер живот и уселся рядом со мной.

— А у тебя уже не тот удар, Кагу, — он покосился на

меня. — Ты извини, я думал, ты один из этих, — он подманил раба-официанта. — А ну, принеси моему приятелю новый костюм. Да пошевеливайся!

— А как другие обедающие воспринимают ваши стычки? Одно дело, когда опрокинут бокал, такое в Манхетене произойти может, а вот когда на тебя перевернут весь обед, тут уж не до шуток.

— Да нет, мыдвигаем на арену, — Малл лениво ткнул пальцем куда-то в пустоту и оглядел меня с ног до головы. — Откуда ты выполз, музыкант? Первый раз во дворце, что ли?

— Дргон много путешествовал, — ответил за меня Кагу. — Он свой парень. Ты вот послушай, как я недавно угодил в переплет...

Пока Кагу и Малл обменивались небылицами, я неторопливо потягивал свое вино. И хотя за весь день мне так и не удалось узнать ничего нового, но для моих целей Бар-Пандерон был лучшим местом, нежели Рат-Гальон. Территория домена включала в себя два больших города и множество деревень. Здесь я скорее мог разыскать какого-нибудь болтуна, желающего перекинуться со мной парой фраз по поводу истории, или даже, может быть, того, кто знал Фостера.

— Э-э-э, — проворчал Малл. — Гляди, кто идет.

Я посмотрел туда, куда он указывал. К столу приближались три мордоворота, один из них — длиннорукая горилла, по меньшей мере, семи футов росту — приостановился, сграбастал Кагу и Малла за шиворот и грохнул их лбами друг о друга. Я вскочил, нырнул под огромный кулак и... за восхитительным фейерверком из звезд последовала утешительная тьма.

В абсолютной темноте я стал избавляться от ткани, в

которой запутались ноги, потом приподнялся и пребольно треснулся обо что-то головой.

Я застонал, прополз между ножками стула и наконец сумел вылезти из-под стола. Раб-официант помог мне подняться и осторожно отряхнул. Семифутовая горилла, развалившаяся на стуле напротив, покосилась в мою сторону и кивнула:

— Нечего связываться с олухами, типа этого малого, — заметил он. — Кагу сказал, ты всего лишь музыкант, но когда ты вскочил с этого стула, я было подумал.., — он пожал плечами и отвернулся.

Я проверил суставы локтей и колени, покачал челюсть, повертел головой. Все в порядке.

— Это ты что ли меня огрел? — спросил я.

— Чо? Ага.

Я обогнулся стол, встал напротив и прокашлялся:

— Эй, ты, — окликнул я.

Тот повернулся. В какую-то долю секунды я выложился в одном прямом ударе в челюсть. Он опрокинулся назад, перевалился через ограду и рухнул в проход между столами внизу.

Я перегнулся через перила. На меня смотрела целая возмущенная компания.

— Пардон, приятели, — сказал я. — Он просто поскользнулся.

Вдалеке грянул дружный хор голосов. Я повернулся и увидел, как двумя уровнями ниже на свободном месте два тяжеловеса за милую душу мутузят друг друга. Один из них был Кагу. Он уложил одного противника и тут же сцепился со следующим. Я повернулся, сбежал по лестнице и добрался туда.

Кагу сумел выстоять еще против двух противников, пре-

жде чем его унесли. Я помог ему сесть на стул, сунул в руку бокал и принял смотреть, как бойцы дубасят друг друга. Теперь мне стало понятно, почему шрамы на лице служили знаком его ремесла. Они не имели никакого представления о защите. Просто стояли на месте и лупили друг друга, пока один наконец не свалится. Ничего мудреного, но зрители были просто вне себя от восторга. Немного погодя Кагу пришел в себя и начал комментировать достоинства бойцов.

— Все они первоклассные ребята, — заверил он. — И сейчас я не то, что прежде, когда был в полном расцвете сил. Тогда я бы запросто справился с любыми тремя из них. Может, кого бы я и поостерегся, так это Торбу.

— Это который?

— Его еще здесь нет. Он придет попозже.

Появлялись все новые и новые бойцы и, скидывая плащи, вступали на арену. Упавших тут же оттаскивали. Они приходили в себя и принимались подбадривать других.

Через час очередь желающих поиссякла, только двое бойцов на арене лениво обменивались ударами, входили в клинч, промахивались. Дыхание вырывалось из их глоток с натужным хрипом. Зрители недовольно шумели.

— Где же Торбу? — удивился Кагу.

— Может, его сегодня не будет? — предположил я.

— Ну, да! Да ты его видел. Он загнал тебя под стол.

— А, так это он...

— Ты видел, куда он пошел?

— Да, я заметил краем глаза, как он дрых на полу, — откликнулся я.

— Чего?

— Ну, мне не понравилось его приветствие, вот я и врезал ему разок от души.

— Ха! — воскликнул Кагу. Его лицо просветлело. Он вскочил.

— Стой! Стой! Ты куда? — позвал я.

Кагу протолкался на арену, примерился и одним ударом уложил ближайшего бойца, потом повернулся и, послав второго в нокдаун, поднял над головой руки:

— Рат-Гальон выставляет чемпиона! — его голос перекрыл возбужденные возгласы.

— Рат-Гальон встречает всех желающих, — он помахал мне рукой. — Наш парень Дргон.

Позади меня раздался возмущенный вопль, заглушивший слова Кагу.

Я обернулся и увидел проталкивающегося сквозь толпу Торбу с всклоченными волосами и багровым лицом.

— Погоди чуток! — возмущенно заорал он. — Пока еще я здесь чемпион.

Он замахнулся на Кагу, но тот ловко увернулся.

— Наш парень Дргон уложил тебя, верно? — неодующее прокричал Кагу. — Вот он теперь и есть чемпион.

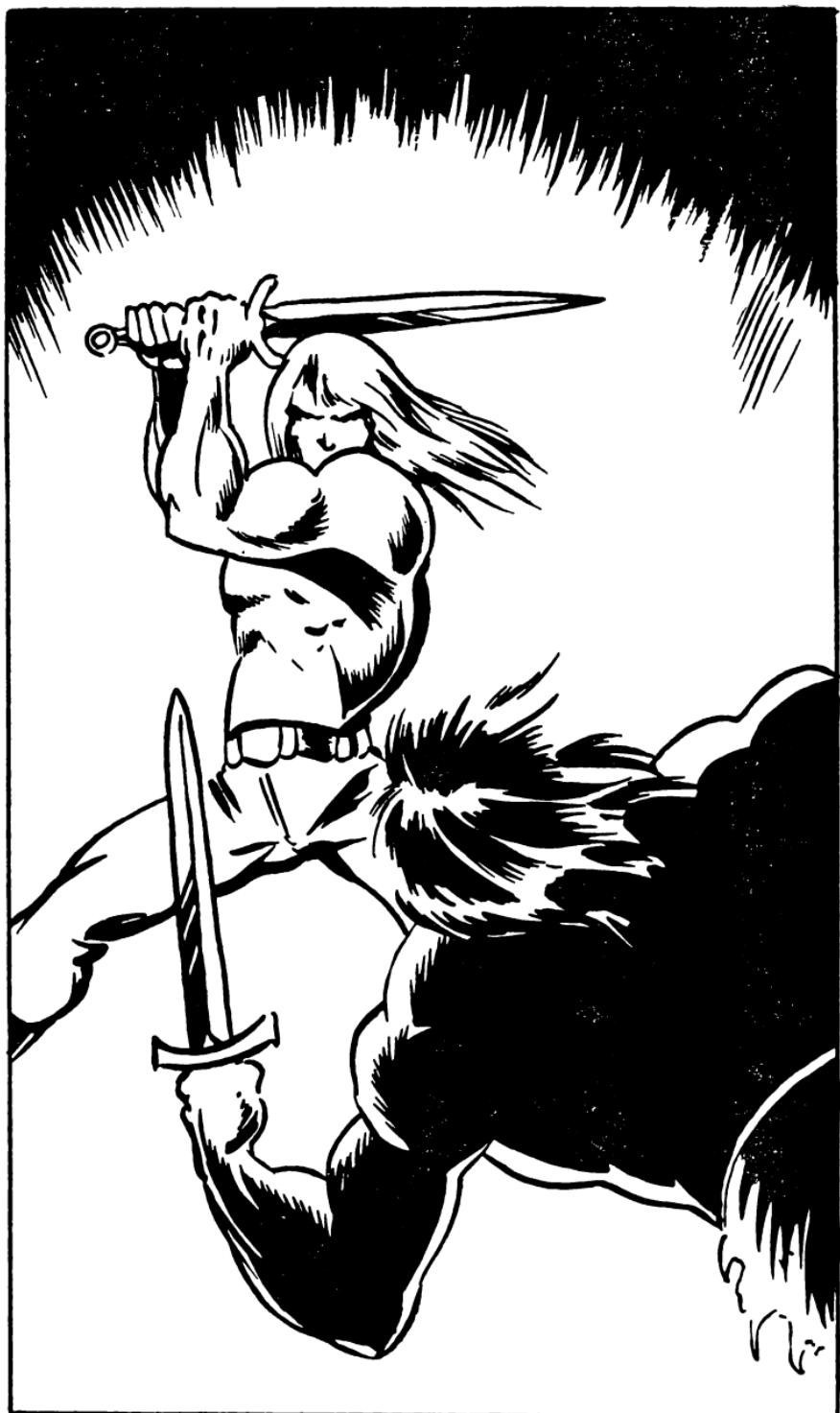
— А я не был готов, — прогудел Торбу. — Ему просто повезло.

Он обвел взглядом зрителей, ища поддержки:

— Я, понимаешь, сижу, завязываю шнурок на ботинке, а этот парень...

— Иди, иди сюда, Дргон! — поманив меня, позвал Кагу. — Мы сейчас покажем...

Торбу развернулся и двинул Кагу в челюсть. Старый боец грохнулся на арену, проехался по ней и неподвижно застыл. Я стал протискиваться ближе. Его перенесли к ближайшему столу и усадили на стул. Мужчина, нагнувшись над Кагу, выпрямился с побледневшим лицом. Я растолкал толпу и схватил Кагу за запястье. Он был мертв.

Торбу застыл в центре арены с разинутым ртом:

— Что-о? — выдавил он.

Я протиснулся между двумя зрителями и кинулся к нему. Он пригнулся и сделал замах правой, я уклонился и провел апперкот. Торбу отшатнулся. Я нанес быструю серию ударов по телу слева, справа, не обращая внимания на его суматошные движения, сделал нырок и достал несколькими хуками в голову. Он застыл: колени вместе, глаза обалделые, руки по швам. Я примерился и врезал ему в подбородок. Он рухнул, словно бревно.

Тяжело дыша, я перевел взгляд на Кагу. Белое, как мел, лицо, испещренное шрамами, выглядело до странности умиrottворенным. Кто-то помог Торбу подняться и повел с арены. Посещение Бар-Пандерона обещало стать большим событием, теперь мне предстояло везти домой труп.

Я подошел к Кагу, которого осторожно уложили на пол. Все кругом застыли в состоянии шока, здесь же был и Торбу. По его лицу стекла крупная слеза и упала на щеку Кагу. Торбу отер глаза своей лапищей:

— Прости, старина, — просопел он. — Я вовсе не хотел.

Я подобрал Кагу и, перебросив его через плечо, понес к выходу. И все это время, пока я пересекал зал, в Веселом Дворце стояла такая тишина, что я слышал свое тяжелое дыхание, поскрипывание своих пластиковых башмаков, журчание фонтанов.

* * *

В бараках охраны я уложил Кагу на постель, а потом гневно обернулся к обступившей меня дюжине верзил:

— Кагу был хорошим парнем, — сказал я. — А теперь

он мертв, и умер он, как животное. Ни за что. Все в его жизни кончилось, так ведь, парни? Как вам это нравится?

— Как будто мы виноваты, — огрызнулся Малл. — Кагу был и моим старым другом.

— А чьим другом он был тысячу лет тому назад? — отрезал я. — Кем он был когда-то? Кем был ты? В прежние времена на Валлоне существовали иные законы. Каждый был сам себе доменьером.

— Слушай, а ты случайно не из Братства? — воскликнул кто-то.

— А, так вот это как у вас называется? А по-моему, это всего лишь новое название старой игры. Один прохвост делает себя диктатором...

— Мы следуем Кодексу, — оборвал меня Малл. — Наша работа заключается в том, чтобы поддерживать доменьера. А это не значит молча выслушивать, как какой-нибудь шутник начинает обзываться.

— Я не обзываюсь, а призываю к восстанию. Вы, парни, главная сила в этой системе. Так почему же вы отсиживаете себе задницы, позволяя своим боссам заплывать жиром, да к тому же еще и калечите друг друга на потеху доменьерам? Я бы предложил прямо сейчас навестить местных шишек. У вас же право на рождение... было когда-то. Но ваша судьба зависит от вас. Пока многие из вас не ушли дорогой Кагу

Поднялся сердитый ропот. Появился Торбу с заплывшим лицом. Я невольно попятился, готовясь к неожиданностям.

— Что здесь происходит? — пробасил он.

— Да этот тип! Подстрекает на мятеж и измену, — высказался кто-то.

— Он хочет, чтобы мы поколотили, да не кого-нибудь, а самого доменьера Квохи!

Торбу приблизился ко мне.

— Ты чужой в Бар-Пандероне, — произнес он недовольно. — Правда, Кагу говорил, что ты свой парень. Ты неплохо обработал меня, и я ничего против не имею: такова жизнь. Но слушай, не муты здесь воду. Есть Кодекс и есть Братство. Мы держимся друг друга и этого достаточно. Доменер Квохи ничем не хуже любого другого доменера и, клянусь Кодексом, мы на его стороне.

— Послушайте, — настаивал я. — Я помню прошлое Валлона. Я знаю, кем вы были однажды и кем вы можете стать опять. Необходимо всего лишь взять власть. Я проведу вас к кораблю, на котором прибыл. На его борту вы можете получить достаточно информации, чтобы понять...

— Хватит! — оборвал меня Торбу. Он выписал в воздухе какую-то кабалистическую фигуру. — Мы не хотим связываться с привидениями или сражаться с магами и демонами.

— Чушь! Все эти ваши запреты введены с единственной целью: заставить вас держаться подальше от городов, чтобы вы не могли понять, чего лишились.

— Не хотел бы я отдавать тебя в руки Серых Плащей, Дргон, — проворчал Торбу. — Замолчи.

— Города, — настырно продолжал я. — Они же совершенно пустые, как будто их только что выстроили. А вы живете в этих клоповниках, окружили себя стенами со всех сторон от Серых Плащей да разных изгоев.

— Ты что, хочешь играть первую скрипку, музыкант? — встриял Малл. — Так ступай, поговори с Квохи.

— Все идем.

— Ну, уж нет, это надо делать в одиночку, — возразил Торбу. — Да пошевеливайся, Дргон. Я не стану на тебя заявлять. Я понимаю, как ты себя чувствуешь после смерти Кагу. Но, слышь, не зарывайся.

Я знал, что это конец. Они были упрямые, как упряжка мулов, к тому же особой сообразительностью не отличались.

Торбу поманил меня за собой. Я без особого удовольствия последовал за ним.

— Ты хочешь перевернуть все вверх дном? Ну, что ж, не ты первый, однако помочь тебе мы не можем. Времена изменились и отнюдь не к лучшему. У нас есть легенда: когда-нибудь вернется Ртр и вот тогда возродятся золотые времена.

— А кто такой Ртр?

— Что-то вроде могущественного доменьера. Сейчас его нет, но давным-давно, когда еще начинались первые наши жизни, жил Ртр — доменьеर всего Валлона. И всем жилось прекрасно. И у каждого была одна полная жизнь...

Торбу прервал себя и настороженно покосился на меня.

— Ни слова никому, — предупредил он. — Это секрет Братства. Наша единственная надежда. В течение всех наших жизней мы верны кодексу Братства в ожидании, что, может быть, когда-нибудь Ртр все-таки вернется.

— Ладно, — бросил я. — Мечтай и дальше, слон-пересток. И пока тебе снятся розовые сны, дожидайся дня, когда тебе, как Кагу, вышибут последние мозги.

Я повернулся.

— Послушай, Дргон, нет смысла бороться против системы. Одному не справиться. Да и отряду тоже. Но...

Я глянул через плечо:

— Ну?

— Но, если ты так хочешь рисковать своей шкурой, потолкуй с доменьером Гопом, — Торбу развернулся и скрылся в бараке, оставив меня одного во дворе.

Поговорить с доменьером Гопом? Хм. Ну что ж, терять мне нечего. И я двинулся прямо к гостевым помещениям доменьера.

* * *

Я утопал в глубоком ковре гостевого холла доменьера Гопа, нарочно старясь распалить свой гнев, в то время как мой хозяин невозмутимо восседал в церемониальном кресле, непроницаемо глядя на меня.

— С вашей помощью или без, — упрямо настаивал я, — но я найду ответы на все вопросы.

— Да, фримен Дргон, — отозвался он спокойно, без привычного крика. — Я понимаю. Но есть вещи, о которых ты не имеешь представления.

— Только отпустите меня в космопорт, благородный Гоп. Я докажу свою правоту, у меня достаточно информационных штырей на борту, не говоря уже об остальном.

— Это запрещено, разве ты не понимаешь...

— Наоборот, я слишком многое понимаю, — перебил я. Он резко выпрямился:

— Следи за своим тоном, Дргон. Я все-таки доменьер...

— Вы еще, может, помните Кагу? — перебил я его снова. — Вы помните его молодым и прекрасным, словно он бог из легенды? Вы видели, как он прожил свою жизнь. Она была у него хорошей? Удалось ли ему исполнить свои мечты юности?

Гоп тяжело прикрыл глаза:

— Прекрати, — произнес он слабо. — Все это ужасно, ужасно...

— «Смерть, заставшую их, я наблюдал со стороны, а все их жизни были моими», — процитировал я. — Вы гордились

ими? А как насчет вас? Разве вас не интересовало, кем могли быть вы в прошлые Золотые Времена?

— Кто ты? — неожиданно спросил Гоп, пристально глядя на меня. — Ты говоришь на староваллонском. Ты воскрешаешь запретные знания, бросаешь вызов всей власти.., — он поднялся с кресла. — Я могу замуровать тебя, Дрюон. Я могу передать тебя Серым Плащам.., — он принял нервно расхаживать по залу, потом вновь повернулся ко мне: — Все идет вверх дном в этом, когда-то прекрасном мире, — задумчиво произнес он. — Легенды утверждают, будто давным-давно люди жили, как боги, а Валлоном правил один могучий доменеर. Легенды говорят, что когда-нибудь он вернется...

— Могу поклясться, легенды не лгут. Но нельзя же, в самом деле, сидеть и ждать, когда кто-то явится и спасет вас от вас самих. Только не надо думать, будто я — ответ на все ваши молитвы. Я лишь хочу сказать, что когда-то Валлон был прекрасным миром, и эти времена могут вернуться. Сейчас на планету словно наложено заклятие забвения, и ее просто нужно разбудить. Города, дороги, звездолеты до сих пор не тронуты и в отличном состоянии. Но никто не знает, как все это действует, а вы даже боитесь попробовать. Чего боитесь? Кто распускает эти нелепые слухи? Кто уничтожил систему рекодеров памяти? Почему мы не можем отправиться в Окк-Хамилот, вскрыть архивы и вернуть каждому его память?

— Ты спрашиваешь о страшных вещах, — тихо произнес Гоп.

— За этим всем кто-то должен стоять или стоял раньше. Кто?

Гоп на секунду задумался:

— Среди нас есть один человек, великий доменеर. До-

меньер доменьеров, его зовут Оммодурад. Я не знаю, где он живет, это известно только самым приближенным.

— А как он выглядит? Где его можно увидеть?

Гоп покачал головой:

— Я видел его только раз, да и то он был закутан в свой плащ. Он очень высокого роста и молчалив. Говорят, — Гоп понизил голос до шепота, — что с помощью черной магии он имеет власть над всеми своими жизнями.

— Не стоит обращать внимания на всю эту дребедень, — сказал я. — Он абсолютно такой же человек, как вы или я. Всади нож ему промеж ребер и конец, магия там или не магия.

— Не нравятся мне все эти разговоры о смерти, Дргон. Преступника достаточно замуровать.

— Хм, для этого сначала надо найти его. Вот только как бы к нему подступиться?

— Есть доменьеры, которым он доверяет, — неуверенно сказал Гоп, — его верные слуги, через которых все мы, прочие, узнаем его волю.

— А можно их как-нибудь склонить на нашу сторону?

— Нет. Они связаны с ним узами тьмы, заклятий и колдовства.

— Вот будет свободное время, так я и сам могу продемонстрировать парочку колдовских трюков, — проворчал я. — Давайте все-таки не отвлекаться, благородный Гоп. Как бы мне пристроиться к одному из этих доменьеров?

— Нет ничего легче. Водитель и музыкант такого уровня, как ты, может заявить права на место, какое только пожелает.

— А как насчет охраны? Ну, положим, я могу взять верх над Торбу. Это как, лучше?

— Нет, это не должность для человека твоих способ-

ностей, фримен Дргон! — воскликнул Гоп. — Конечно, такое положение больше всего приблизит тебя к доменьеру, но ведь это же очень опасно. Состязание на пост главного охранника ничуть не легче, чем вызов самому доменьеру.

— Что? — изумился я. — Так доменьера тоже можно вызвать на состязание?

— Потише, фримен Дргон, — доменьер Гор удивленно посмотрел на меня. — Никто в здравом уме не станет вызывать доменьера.

— Но это возможно?

— Нет, ну в самом деле... если ты настолько устал от жизни, от всех своих жизней, то это такой же подходящий способ свести с ней счеты, как и любой другой. Но знай, фримен Дргон, что любой доменьер — искусный воин, и лишь равный ему может надеяться на успех.

Я врезал кулаком по ладони:

— Ну, конечно, я ведь должен был догадаться об этом раньше! Кондитеры пекут, музыканты состязаются в игре, и более способный побеждает. Среди доменьеров та же самая система. Но процедура, какова официальная процедура, бла-городный Гоп?

— Это состязание на обнаженных мечах. Мера чести доменьера, который готов утвердить себя даже перед лицом самой смерти, — и Гоп выпрямился от нахлынувшей на него гордости.

— А охранники? — спросил я. — Они же тоже сражаются.

— Но только голыми руками, фримен Дргон. Им не хватает искусности. Смерть, которую ты описал, редка. Это — нетипичное происшествие.

— Она продемонстрировала мне весь этот фарс в настоящем свете. Цивилизация, подобная Валлону, низведена до такого уровня...

— И все же жизнь так прекрасна... По каким бы то ни было правилам.

— Я не могу в это поверить и думаю, вы сами-то вряд ли верите в то, что сейчас говорите. Какого доменьера могут вызвать на состязание и как?

— Откажись от своей глупой затеи, фримен Дргон.

— Кто ближайший приятель Великого Доменьера?

Гоп, сдавшись, только махнул рукой:

— Здесь, в Бар-Пандероне, доменьер Квохи. Но...

— И с чего мне начать?

Гоп положил мне руку на плечо:

— Послушай внимательно, фримен Дргон. Конечно, с тех пор, как доменьеру Квохи пришлось обнажать лезвие в защиту своего положения, прошло много времени. Но будь уверен, своих навыков он не потерял. Когда-то он сумел проложить себе дорогу к владению Бар-Пандероном, в то время как мы, все остальные, удовольствовались меньшими доменами.

— Я сама осторожность, благородный Гоп, — заверил я, несколько кривя душой. — И в более хорошие времена не слыл беспомощной игрфнм.

— Твои похороны...

— А теперь скажите, как мне вызвать его? Или завтра на банкете я оттаскаю его за ухо.

Гоп рухнул в кресло, поднял было руку, но тут же обессиленно опустил ее.

— Если тебе не сказать, все равно скажет кто-нибудь другой. Но по правде говоря, я еще не скоро найду музыканта твоего уровня.

Глава пятнадцатая

Зал для аудиенций казался невероятно огромным. Его высокие окна были завешены аляповатыми лиловобагровыми занавесями, приглушавшими лучи солнца, а под куполом нависла напряженная, неспокойная тишина, в которой многочисленные посетители и просители ожидали доменьера.

Прошло два месяца с тех пор, как Гоп объяснил мне все формальности вызова доменьера на бой. И он справедливо указал мне, что лишь в определенном случае я могу на что-то рассчитывать. Если бы я даже умудрился уложить доменьера в честном бою, то его охрана превратила бы меня в котлету, так и не дав открыть рта.

По три часа в день я проводил в оружейной Рат-Гальона, фехтуя с Гопом и парочкой охранников. Тридцатифунтовый кусок острой стали с первого же дня стал словно продолжением моей руки, но только на первые несколько минут моих тренировок. Конечно, знаний мне было не занимать, и техники тоже, но вот мускулы мои изрядно подкачали. Уже через пять минут напряженного движения я просто подпирал стену, жадно ловя воздух, а Гоп запросто помахивал своей железякой и не переставал твердить:

— Конечно, ты сражаешься получше, чем любой музыкант, фримен Дргон, но все же долго тебе не продержаться.

И за этими словами следовала новая атака.

Все время после обеда я проводил за гимнастикой, накачивая мускулы и занимаясь бегом.

Как утверждал Гоп, нельзя было терять ни минуты. И вот через два месяца усиленных тренировок я почувствовал, что готов к любому повороту событий. Гоп предупредил

меня, что доменеर Квохи — рослый мужчина. Меня это мало беспокоило: чем больше габариты, тем лучше цель.

По залу для аудиенций прошел приглушенный ропот, медленно растворились высокие позолоченные двери. Из них выбежала пара слуг в ливреях, а за ними вальяжно прошествовал семи футовый цирковой силач, взошел на пьедестал и повернулся к толпе просителей.

Доменеर Квохи был невероятно огромен. Шея его была толщиной чуть ли не с мое бедро, а лицо — словно высечено из гранита. Он сбросил яркий алый плащ с квадратных плеч и протянул кряжистую руку, чтобы взять церемониальный меч, который волок один из его слуг. Квохи одной рукой вытянул оружие из ножен, воткнул его в пол и положил ладони на его рукоять.

— Жалобщики есть? — гулко зарокотал его голос по залу.

Это была та самая реплика, после которой мне надлежало появиться на сцене. Единственное, что от меня требовалось, так это высказаться, а уж тогда доменеर Квохи будет рад снизойти до рассмотрения жалобы. А тот пустячок, что рядом с ним Мухаммед Али показался бы худосочным пацаном, вообще не должен был трогать меня.

Я мышиным писком прочистил горло и подался вперед, не так чтобы очень далеко.

— Я хотел бы попросить слова.., — начал было я, но меня никто не слушал.

Впереди сквозь толпу проталкивался какой-то верзила в черной тоге, и все оборачивались на него. В конце концов он выбрался на открытое место и, откинув полы плаща, с лязгом выхватил из ножен длинную шпагу. Похоже, кто-то меня опередил.

Новоиспеченный претендент на пост главы Бар-Панде-

рона стоял перед Квохи, и нагое лезвие говорило красноречивей, чем любые слова. Какое-то время доменеर смотрел на него, а потом повернулся и дал знак слуге. Тот выпрямился и прочистил глотку:

— Оспаривается положение доменеера Бар-Пандерона. И пусть исход дела решит поединок, — слуга, взвизгнув напоследок, ловко отпрыгнул с дороги.

Квохи медленно спустился с пьедестала к тому, в черном. Я быстро пролавировал между людьми, чтобы получше все рассмотреть.

Парень в черном отбросил свой плащ и остался в облегающей курточке, лосинах и каких-то мокасинах из мягкой кожи. Атлетизма ему было не занимать, но Квохи возвышался над ним, словно дуб.

Я не знал, радоваться мне или расстраиваться из-за того, что у меня прямо из рук перехватили инициативу. Если этот в черном победит, смогу ли я, в свою очередь, вызвать его на бой?

Квохи запросто, одной рукой, поднял свою железку над головой и повертел ей, точно палкой. Я искренне посочувствовал бедолаге в черном. Похоже, шансы у него были неважнецкие.

К этому моменту я умудрился наконец пробиться в передние ряды. Человек в черном слегка повернулся, и я увидел его лицо. У меня намертво перехватило дыхание.

Это был Фостер.

В мертвый тишине, стоя лицом к друг другу, Квохи и Фостер коснулись концами мечей пола в церемониальном салюте, и тут же доменеер бросился в атаку. Фостер слегка уклонился и ответил молниеносным выпадом, который заставил Квохи отскочить. Я глубоко вздохнул, пытаясь проглотить набежавшую слюну. Фостер казался терьером, на-

падающим на быка, но, похоже, это больше беспокоило меня, чем его. Я преодолел столько световых лет и прибыл как раз вовремя, чтобы поглязеть, как ему отсекут его умную голову.

Меч Квохи сверкнул, целя прямо в лицо Фостера. Тот даже не двинулся с места, а только отразил удар клинком. Дзинь-звук! Квохи резал, рубил, кромсал, а Фостер просто играл с ним. Внезапно его рука метнулась вперед, и из запястья Квохи закапала кровь. Толпа ахнула, еще шаг, и Фостер вновь нанес удар, но вдруг как-то нелепо споткнулся, едва не упав. В одно мгновение Квохи подскочил к нему, их мечи скрестились. Несколько секунд Фостер держался, а потом отлетел назад. Он встал, пытаясь поднять меч, но как-то неуверенно, а Квохи тем временем снова атаковал. Фостер изогнулся, принял удар эфесом, и неудачно, снова споткнулся и упал.

Квохи подскочил к нему, поднял меч... Я бросился вперед, вытаскивая свой клинок.

— Пусть его уберут с глаз долой, — прогудел Квохи.

Он опустил гигантский меч, повернулся и, оттолкнув подлетевшего с бинтами слугу, в окружении охранников вышел вон. Я видел, как Фостер неуклюже попытался подняться. Потом меня оттолкнули. Здесь что-то было не так. Уж я-то знал Фостера, он действовал точно полупарализованный. Одурманил его Квохи, что ли?

Я бесцеремонно подергал ближайшего за рукав:

— Ты заметил что-нибудь странное... — начал было я.

Мужчина вырвался:

— Странное! Ну, да, благословен будь наш доменьер Квохи! Вместо того, чтобы прикончить его на месте, наш господин оказался столь велиководшен.

— Да нет, в самой схватке, — я снова ухватил его за руку, чтобы он не убежал.

— Этот нахал отважился претендовать на место доменера Бар-Пандерона, вот что действительно странно, — отрезал он. — А ну, пусти меня.

Я отстал от него и попытался собраться с мыслями. Что же теперь? Я потыкал одного из охранников, окруживших Фостера живым кордоном. Тот обернулся, угрожающе подняв дубинку.

— А что теперь с ним будет? — поинтересовался я.

— Хозяин распорядился замуровать бродягу, вот и все.

— В каменный мешок?

— Угу, с дыркой, чтобы не задохнулся и не помер от голода, — охранник хихикнул.

— И на сколько?

— А сколько протянет. Не волнуйся, после трансформации доменьер Квохи заполучит себе неплохого раба.

— Заткнитесь вы, — пробурчал его сосед.

Толпа медленно рассеивалась. Охранники расслабились, принявши привычно болтать между собой. Двое слуг рахаживали по месту поединка, делая руками какие-то мистические пассы над полом. Я осторожно приблизился, следя за ними. Создавалось такое впечатление, будто они собирают невидимые цветы. Странно...

Я подошел еще ближе, и тут что-то блеснуло. Жестикулируя, подбежал слуга, но я оттолкнул его и повел по воздуху рукой, мои пальцы наткнулись на тончайшие нити проволоки. Я потянул, нащупал еще одну. Слуги замерли и оторопело уставились на меня.

Все место поединка было покрыто невидимыми кольцами проволоки, натянутой в двух футах над полом.

Не удивительно, что Фостер споткнулся и не успел во-

время поднять меч, а в таком полумраке даже толпа на расстоянии двадцати футов ничего не могла разглядеть. Да, доменier Квохи умел владеть мечом, но и явно не отказывался от недозволенных приемов.

Я положил руку на эфес, пожевал губу и слегка поразмыслил. Надо признать, Фостера я нашел, но вот только ни мне, ни Валлону пользы от этой встречи ни на грош. Он был на полпути к темнице, с розовой перспективой оказаться замурованным вплоть до наступления трансформации. А мне предстояло выжидать еще три месяца, прежде чем я смогу официально вызвать Квохи на поединок. Видя его сегодня в действии, я был рад, что не оказался главным участником этого невеселого спектакля. Чтобы разделаться со мной, ему уж точно не понадобятся никакие трюки.

Я смогу провести следующие три месяца, оттачивая свою технику и надеясь, что Фостер продержится. Может даже, удастся передать ему весточку.

Толчок в спину заставил меня сделать несколько шагов вперед. Возле меня оказались четыре охранника с дубинками наготове. Я их не знал, но вдалеке заметил Торбу, повернувшегося в мою сторону.

— Я заметил его, он норовит вытащить свою зубочистку, — сказал один из охранников.

— А меня расспрашивал...

— Отстегни перевязь, — приказал мне один из них. — И без глупостей.

— А в чем дело? — возмутился я. — Я имею право носить меч в зале для...

— Живей, ребята!

Все четверо обступили меня, занося дубинки. Я прикрыл левой рукой от одного удара, схлопотал другой по лицу

и начал валиться. Удары так и сыпались: мощные, безжалостные. Я чувствовал, как меня куда-то тащат, затем мое сознание затопила боль, а потом тьма и тишина.

* * *

Я застонал сдавленно и мертво, выставил руку и наткнулся на камень справа, левый локоть тоже упирался во что-то твердое и холодное. Я инстинктивно попытался сесть и врезался лбом в шершавую поверхность свода. Прямо гроб какой-то. Я осторожно ощупал лицо и поморщился от прикосновения. Переносица была где-то ниже, чем обычно. Разбитый нос болел, как и кости надглазья. Будь здесь зеркало и свет, я бы наверняка полюбовался на великолепные синяки. Теперь левая рука. Ее как-то неестественно прижимало к телу, конечно, кость была цела, но дьявольски ныло плечо. Насколько я мог дотянуться и ощупать, колени и голени покрывала корка запекшейся крови. Это ясно — меня же волокли.

Я попытался вдохнуть поглубже. Похоже, с ребрами все в порядке, руки работали, зубы на месте. Может, не все так плохо, как мне казалось?

Но где же, черт побери, я нахожусь? Пол был твердый и холодный, а мне нужна большая мягкая постель, пухлая молоденькая нянечка, горячий обед и выпить чего-нибудь взбадривающего.

Фостер! Я опять шарахнулся головой о потолок, обессиленно повалился на бок и застонал. Звук был глухой, мертвенный.

Я облизнул губы. Нижняя была рассечена вплоть до щетины, а ведь я прибыл в зал для аудиенции чисто выбритый. Значит, уже прошло несколько часов. Кто-то говорил, будто

Фостера забрали, чтобы замуровать, потом появились охранники, напали на меня... Замуровали! И я набил себе третью шишку.

Внезапно мне стало не хватать воздуха. Меня замуровали в каменном мешке, отсекли от света, похоронили под основанием гигантских башен Бар-Пандерона. Я прямо физически ощущал эту тяжесть над собой. С большим трудом я заставил себя расслабиться и принял дышать по системе хатха-йоги. Оказаться замурованным, это еще не значит быть похороненным заживо. Неплохой способ решать проблему преступности. Однако единственная трансформация, которая меня ждала, — это смерть.

Но им же надо меня кормить, а это означало, что где-то рядом была дыра. Я осторожно ощупал стену и нашел восьмидюймовый квадрат с левой стороны, как раз под самым потолком. Я попытался просунуть руку как можно дальше, но не дотянулся до края дыры.

У меня закружилась голова. Я откинулся на спину и попытался собраться с мыслями...

* * *

Я снова проснулся. Меня разбудил какой-то звук. Я пошевелился и почувствовал, как что-то упало мне на грудь. Я пошарил в темноте — небольшая краюха черствого хлеба. Что-то шаркнуло, и упал второй предмет.

— Эй! — закричал я. — Послушай, я здесь умру. Я не такой, как вы все. Я не переживу трансформации, я подохну.

Я замолчал и прислушался. Тишина стояла гробовая. Именно гробовая.

— Да ответь же ты! — заорал я. — Тут какая-то ошибка. Я кричал, пока не охрип. Как видно, тюремщикам час-

тенько приходилось слушать подобные вопли, они уже и не реагировали. Я нашупал второй предмет, это оказалась пластиковая фляжка. Я открутил колпачок и глотнул. Отвратительное питье. Попробовал хлеб — черствый, безвкусный. Я лежал, жевал и размышлял: как здесь насчет туалета. И уже прямо видел, какая впереди простиралась удивительная жизнь. Я с горечью рассмеялся.

Спасителя мира из меня не вышло. Я даже не сумел вызволить своего приятеля Фостера. Кстати, где же он теперь? Замуровали по соседству? Что-то никто не отозвался на мои вопли.

Внезапно я перестроился на иной лад. Собственно говоря, предаваться унынию пока рановато, надо хотя бы исследовать свою тюрьму. Хотя двигаться было больно, я осторожно ощупал стены, пытаясь в кромешной тьме определить размеры камеры. Моя тюрьма была трех футов в ширину, двух в высоту и семи в длину. Стены были гладкими, за исключением вертикальных швов, а камни, из которых они состояли, имели приличные габариты, что-то около полутора на два фута. Я попытался поцарапать раствор, но он практически не уступал в прочности самим глыбам.

Как же они умудрились меня сюда запихать? Ведь какие-то камни должны быть вставлены недавно. Либо где-то есть дверь. Я не мог нашупать ничего похожего. Может быть, в другом конце?

Я попытался перевернуться. Бесполезно. Люди, которые выстроили эту клетку, прекрасно знали, что делали. Обитателю только и оставалось лежать и подбирать еду из проема.

В таком случае, тем более стоило поменять положение. Если уж они так хотели, чтобы я покорно валялся тут, как какая-нибудь колода, то я хотя бы получу удовольствие,

нарушив установленные правила. К тому же все это не без причины.

Я лег на бок, сжался в комочек, попытался перевернуться и застрял. Ободранные в кровь ноги только мешали. Я подтянул их еще на пару дюймов и, морщась от боли, уперся руками в пол и потолок, пытаясь продвинуться еще чуть-чуть...

Бесполезно. Грубый камень нещадно врезался в спину. Я раздвинул ноги, давление слегка ослабло. Продвинулся еще на дюйм, передохнул, попытался вдохнуть, но это оказалось не так-то легко, поскольку грудь я придавил ногами, а спиной уперся в стену. Гадая, стоит ли продолжать эксперимент или принять прежнее положение, я постарался шевельнуть ногами, и меня тут же пронзила боль. Конечно, если долго дожидаться, дрянное питание и потеря крови окончательно ослабят меня, и мне вообще никогда не добиться своего. Если что-то предпринимать, то только сейчас.

Я собрался с силами и принялся протискиваться снова, однако не сумел даже пошевелиться. Я отталкивался еще сильнее, обдирая ладони о камень, нет, я застрял... Внезапно я обмяк, меня охватила бешеная паника от клаустрофобии. Я зарычал, рванулся и, обдирая спину, скользнул по камню. Еще и еще, позвоночник скрючился, колени зашли куда-то за уши, я уже вообще не мог дышать, ребра ломило, но это теперь не имело никакого значения. Меня ждала одна судьба — смерть, лучше покончить со всем сейчас, одним махом, просто истечь кровью и все. Терять мне было нечего. Я ударился головой, шея выгнулась, затрещали позвонки... и я блаженно растянулся на спине, тяжело дыша и упав головой туда, где раньше были ноги. Один — ноль в мою пользу.

Прошло много времени, прежде чем ко мне вернулось дыхание, и я сумел разобраться со своими многочисленными порезами. Спина ныла больше всего, впрочем, ноги и руки — тоже. Голова была разбита в одном месте, да к тому же я дышал через рот из-за раздавленного носа. Если не считать всех этих мелочей, то я никогда не чувствовал себя в лучшей форме. У меня было достаточно места, чтобы расслабиться и спокойно подышать. Стоило чуток подождать, и мне привнесут чудесный хлеб и воду...

Я заставил себя проснуться. Что-то в этой темноте действовало на нервы и клонило в сон. Но времени у меня не оставалось. Если здесь и были свежезамазанные камни, запечатавшие меня в этой гробнице, то стоило поторопиться. Я ощупал стену, нашел линии соединений, но замазка была твердой. Следующий камень... под моими пальцами раствор стал крошиться. Я ощупал плиту двенадцать на восемнадцать дюймов, подтянулся на локтях и принялся соскребать раствор.

Через полчаса у меня в запасе были десять окровавленных пальцев и небольшое углубление в полдюйма вокруг камня. Задача оказалась сложной, и без инструмента я дальше двинуться не мог. Я нашупал фляжку, снял колпачок и попытался раздавить его. Не получилось. Больше ничего в моей тюрьме не было.

Может, камень поддастся, если я на него как следует надавлю? Я уперся ногами в дальний конец, руками в камень и приналег на него с такой силой, что кровь загудела в ушах. Бесполезно. Он был упрям, как обленившийся осел.

Я лежал и размышлял над своим положением, когда

почувствовал нечто. Это был не шум, а звук из четвертого измерения или даже намек на звук.

Мое следующее ощущение было абсолютно реальным. Я почувствовал, как четыре лапки топают по моей ноге и животу до подбородка. Это была моя кошечка Итценка.

Глава шестнадцатая

Какое-то время я пытался все свалить на чудо, а потом решил, что все это весьма подходящая возможность поупражняться в теории вероятности. Прошло уже семь месяцев с тех пор, как мы расстались на розовом балконе в Окк-Хамилете. Будь я кошкой, куда бы я подался? И как сумел бы отыскать своего старого приятеля с Земли?

Кошечка фыркнула мне на ухо.

— Если подумать, воняет здесь отменно, не так ли? Персону с таким головокружительным ароматом еще надо поискать. Да, ну и вонь в этом гробу, хоть топор вешай!

Но Итц ни капельки не волновали проблемы моего бытия. Она важно разгуливала вокруг моей головы, терлась о щеки и нос и непрестанно мурлыкала. Симпатия, которую я испытывал к ней в тот момент, была, пожалуй, кульминацией всех моих положительных эмоций в жизни. Я все гладил и гладил кошку, ощупывая каффитовый ошейник, который специально смастерили для нее еще на борту корабля...

Я в очередной раз набил шишку о потолок, но даже не заметил этого. В пять секунд я расстегнул ошейник и стащил его с шеи моей кошечки. Итак, теперь у меня было лезвие в десять дюймов длиной, и через секунду я уже лихорадочно скреб еще не застывший раствор.

Углубление в растворе уходило уже на девять дюймов по периметру всего камня, а дальше замазка никак не поддавалась. Затвердела. К этому времени меня кормили уже три раза. Однако надежды я не терял. Я был уверен, что мне удалось расковырять замазку почти до конца. Я немного передохнул, а потом снова попытался раскачать плиту. Я просунул свое самодельное орудие в нижнюю щель и надавил. Если камень сдва держится, как я предполагал, то он сразу же и вывалится. Но это были только мои догадки. Камень не двигался.

Я отложил свою царапалку, уперся ногами и попытался вытолкнуть плиту. Но сил уже не осталось, и мне не удалось даже сдвинуть ее с места. Я расслабился, немного полежал и снова попытал счастья. Может, там остался всего только тонюсенький слой раствора? Может, просто надо надавить чуть-чуть посильнее? Я глубоко вздохнул, напрягся, измученное тело пронзила боль, мышцы на спине взбугрились, руки задрожали от напряжения и... плита подалась.

Ага! И я нажал снова, изо всех оставшихся сил. Плита со скрежетом скользнула вперед и осела на полдюйма. Я замер, прислушиваясь. Тихо. Тогда я еще раз нажал и выпихнул плиту наружу. Она ударила с гулким стуком. Не теряя времени, я стал протискиваться в отверстие, на меня пахнуло свежим, прохладным воздухом. Я высвободил плечи, уперся руками в пол, подтянул ноги и наконец встал, бог знает за сколько дней, блаженно расправив тело.

Я уже продумал, что буду дальше делать. Как только Итценка выпрыгнула вслед за мной, я просунул руку в дыру, нашупал фляжку, сухие корки, которые сэкономил, и влажный хлебный мякиш. Затем, приготовив целую пригоршню

раскрошенного раствора, я с трудом приподнял упавшую плиту и запихнул ее на место, подсунув под нее сухие корки. Теперь мне оставалось только замазать щель мякишем и присыпать крошками раствора. После этого я старательно заровнял пол и уничтожил все следы своей деятельности, насколько это было возможно в абсолютной темноте. У тюремщика наверняка есть лампа, и, насколько я мог судить, через полчаса он должен был появиться. Мне не хотелось, чтобы он заметил что-нибудь подозрительное. Я собирался отыскать Фостера, а чтобы его освободить, понадобится время.

Неся в одной руке пригоршню раствора и хлебных крошек, а другой ведя по стене, я двигался по коридору, отсчитывая шаги. Каждые несколько футов мне попадались ответвления — ниши — в боковых стенах которых виднелись прорези для подачи пищи. На сорок первом шагу я натолкнулся на деревянную дверь. Я осторожно подергал, она оказалась заперта. Открывать ее я не стал, поскольку был еще не совсем готов к этому.

Я принялся отсчитывать шаги в обратном направлении, миновал свою темницу и через девять шагов натолкнулся на стену. Тогда я прошел по нишам. Это были семифутовые тупики с восьмидюймовыми дырами с обеих сторон. Я наклонялся к каждой из них и тихо окликнул Фостера, но ответа не получал. Я не слышал ни дыхания, ни шороха. Неужели я был здесь один? На такой поворот событий я как-то не рассчитывал. Я полагал, что Фостера должны были упратать в одну из таких клеток. Я пересек половину галактики, чтобы найти своего друга, и не собирался уходить из Бар-Пандерона без него.

Наступало время очередного обхода. Я мог либо забраться обратно в свою конуру, либо спрятаться в одной из ниш. Я

принял решение за долю секунды. Уж если здесь пустовало столько конур, то окажусь в безопасности в любом из тупиков, кроме своего собственного.

Я быстро забрался в нишу. Итченка последовала за мной. Она уже полгода успешно скрывалась от людей и наверняка не окажется в критической ситуации. Я только успел отшвырнуть мусор в сторону, когда послышался негромкий скрип. Я прижался к стене. Через несколько минут станет ясно, насколько наблюдателен мой тюремщик.

Коридор заполнился светом. Вероятно, он был неярким, но для моих привыкших к полной темноте глаз показался болезненно-ослепительным. Послышались тихие шаги. Я заставил дыхание. Мужчина в форме охранника прошел мимо, держа в руке корзину. Я облегченно выдохнул. Теперь только оставалось проследить, куда он будет заходить.

Я рискнул выглянуть и заметил, как он завернул в тупичок впереди по коридору. Когда он скрылся из виду, я на цыпочках перебежал поближе и снова спрятался в нише.

И тут же снова послышались шаги. Надзиратель возвращался, он прошел мимо, открыл дверь. Снова воцарились тьма и тишина. Я настороженно замер в своей нише, как прибывший на вечеринку гость, который нечаянно перепутал день праздника.

Надзиратель подошел только к одной камере — моей. Фостера здесь не было.

Следующего обхода пришлось ждать долго. Но я использовал это время с толком. Для начала я хорошенько выспался в своем гробу, поскольку пока я выбирался, отдохнуть мне не пришлось. Проснулся я уже вполне отдохнувшим и тут же принялся составлять дальнейшие планы. В первую очередь они касались надзирателя. Мне надо было где-то раз-

добыть приличную одежду, а он мог быть единственным доступным источником. Если мои внутренние часы идут правильно, то сейчас самое время...

Дверь скрипнула, и я снова затаился в нише. Показался надзиратель, наступило время действовать. Я выбрался из своей засады, как мне казалось, довольно тихо, но он тут же обернулся, выронил корзину и схватился за дубинку. Ну, а поскольку у меня ничего подобного не было, то и времени терять не пришлось. Я просто нанес ему великолепный удар правой. Надзиратель грохнулся навзничь, шарахнувшись головой об стену. Раздался треск, точно упала дыня. Больше он не шевелился.

Я стянул с него одежду и напялил на себя. Она, конечно, была мне чуток великовата, но все это — мелочи жизни. Я разорвал платок и связал охранника. Конечно, он был жив, но мне уже представлялась возможность убедиться, что никакие крики никого сюда не привлекут. И уж наверняка он насладится покоем и тишиной, пока его не хватятся. А я к тому времени надеюсь быть далеко отсюда. Я распахнул дверь и вышел в слабо овещенный коридор.

В сопровождении Итценки, продвигаясь в абсолютной тишине, я миновал боковое ответвление и остановился перед массивной дверью. Заперто. Мы вернулись и, пройдя через какое-то помещение, наткнулись на полуустертые ступени. Поднявшись по двум пролетам, мы оказались в неосвещенной комнате, и только через щели закрытой двери пробивался свет. Я осторожно подкрался и посмотрел в щель. Два кухонных раба в запачканных туниках суетились возле кипящего котла. Я с силой толкнул дверь, распахнул ее настежь. Оба изумленно уставились на меня. Я обогнул стол, подхватил тяжелую поварешку и оглушил ближайшего раба, уже совсем собравшегося завопить. Другой, отменный здо-

ровяк, кинулся за топориком для разделки туш. Я перехватил его и уложил рядом с напарником.

Содрав с вешалки фартук, я исполосовал его, а затем связал рабов, вставил им во рты кляпсы и отволок в кладовку. Я трудился не хуже белки, натаскивающей запасы на зиму.

Вернувшись на кухню, которая пропиталась ароматом кислого супа, я заметил возле печи целую горку неприятно знакомых черствых булок. Проходя мимо, я наподдал по ним ногой, потом отыскал вареное мясо, отрезал себе кусок, заодно подкинул немного Итценке, а сам принялся жевать, сосредоточенно размышляя, что же делать дальше.

К этому верзиле Квохи вели все ниточки, но, как видно, с ним не так-то легко справиться. Если мне удастся добраться до его апартаментов, то меня уже никто не остановит, до тех пор пока я не выдавлю из него правду. Тогда бы я точно отыскал Фостера и сказал бы ему, что если у него есть доступ к рекордеру, то у меня есть матрица его памяти. Ну, конечно, если только ее не выкрали со дна рюкзака на борту шлюпки, припаркованной в Окк-Хамилоте.

Четыре «если» и одно «может быть». Но, по крайней мере, хоть какой-то план. Первым делом надо было разыскать Квохи и попасть к нему. Одежда охранника послужила бы подходящей маскировкой для подобной цели.

Я дожевал последний кусок и поднялся со стула. Сейчас надо почиститься и побриться.

Дальняя дверь кухни распахнулась настежь и в кухню со смехом ввалились два охранника.

— Эй, кашевар! Готовь мясо для...

Говоривший замолк на полуслове, с изумлением уставившись на меня. Я был ошарашен не меньше. Передо мной стоял Торбу.

— Дргон! Как тебе...

Второй охранник сделал шаг в сторону и оглядел меня с головы до ног.

— Ты не из охраны, — начал было он.

Я потянулся за топориком, который оставил на столе кухонный раб, и попятившись, натолкнулся спиной на стену. Охранник угрожающе взялся за дубинку.

— Погоди, Блон, — остановил его Торбу. — Дргон — свой парень, — он искося глянул на меня: — Я уж думал, тебе конец, приятель. Парни тебя неплохо обработали.

— Еще бы, — нервно буркнул я, — и тебе большое спасибо за помощь.

— Это же преступник, которого мы замуровали, — охнул Блон. — Держи его!

Торбу неловко переступил с ноги на ногу.

— Постой, постой, — сказал он торопливо, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Послушайте вы, оба, — выпалил я. — Вы, сторонники существующей системы, как слепые котята, верите, что лучшей жизни не бывает. Все честно, никаких тайн, а победителю сладкие коврижки. Да, я знаю, — зло передразнил я, — с Кагу вышло нехорошо, но такова жизнь. Да?! А как насчет этого грязного жульничества в зале для аудиенций? Вы что, парни, старательно закрываете на это глаза, да?

— Благородный доменеर имеет право... — начал Блон.

— Да ладно, Блон, — недовольно возразил Торбу, — мне это дело с проволокой не понравилось, и тебе тоже. Да и другим.

— Не припоминаю, чтобы мне дали возможность высказаться. В свое свободное время я бы с удовольствием встретился с парочкой ваших приятелей.

— Я тебя и пальцем не тронул, Дргон, — заверил Торбу. — Я не хочу иметь ничего общего со всем этим.

— Это был приказ доменщера, — вставил Блон. — Не мог же я ему сказать...

— Неважно, — перебил его я. — Я ему сам скажу. Это единственное, чего я хочу. Короткое интервью с вашим доменщером, минус проволочная сеть.

— Эге, — прогудел Торбу. — Ага. Вот это будет встреча! — он повернулся к Блону. — У него отличный удар, Блон. Конечно, по виду не скажешь, а он мог бы померяться ударом с самим огненным Дргоном, в честь которого его назвали. Ну, а если он столь же искусен во владении клинком...

— Вы мне только его дайте, — вставил я. — А заодно покажите дорогу.

— Благородный доменщер в две минуты сделает из него барбекю, — рассеянно сказал Блон в пространство.

— Идем, соберем парней.

— А как потом объясняться с благородным доменщером? — настороженно спросил Блон. — Что он может подумать, если замурованные парни оказываются у него в спальне да еще и с оружием?

— Мы побратимы охраны, — внушительно произнес Торбу. — У нас есть Кодекс, в котором ничего не говорится о мошенничестве. Если мы не будем придерживаться клятвы Братства, то станем ничем не лучше рабов, — он оглянулся на меня. — Идем, Дргон. В наших бараках ты сможешь привести себя в порядок, а заодно отыскать приличный клинок. Если уж ты решил поставить на кон все свои жизни, то встретишь свою судьбу во всеоружии.

Торбу критически наблюдал, как меня переодевают в полевую форму охранника и перепоясывают мечом. Я явно нарушил его внутренний покой, а может, даже побудил его

мыслить. Если я смогу продержаться хотя бы две минуты, но доменьеру Квохи удастся меня убить, то Торбу ничего не потеряет. Я просто больше не стану вторгаться в его жизнь, и он сможет по-прежнему оставаться охранником-гориллой, фанатично веряющей в справедливость Кодекса. Ну, а если я уцелею...

Я следовал за Торбу. За ними тянулась процесия из пятнадцати охранников, напоминающих толпу троллей. В этот час дворцовых слуг попадалось мало, а встречавшиеся лишь провожали нас взглядами и шли дальше по своим делам. Мы пересекли пустой зал для аудиенций, поднялись по широкой лестнице и теперь шли просторным коридором, увешанным роскошными гобеленами и устланным шелковистыми коврами.

Наша процесия остановилась перед гигантской двусторчатой дверью. Двое охранников в лиловой одежде подошли поинтересоваться, в чем дело, и Торбу сходу просветил их. Несколько секунд они колебались, с подозрением оглядывая меня.

— Мы не собираемся здесь торчать целую вечность, — предупредил Торбу. — Открывай, новобранец.

Я протолкнулся мимо Торбу в комнату с великолепным убранством, по сравнению с которым зал для аудиенции доменьера Гопа казался гостиничным номером за четыре доллара. Сквозь высокие окна струился свет Синты, и в ее лучах хорошо была видна роскошная постель и фигура спящего. Я нетерпеливо подбежал к кровати и сдернул покрывало. Доменьер Квохи грузно сел, настоящий буйвол — семь футов сплошных мышц. Он глянул на меня, перевел взгляд на мою свиту...

В следующее мгновение он, словно тигр, метнулся с постели. Возиться с мечом было некогда. Я просто двинулся ему

на встречу, с ходу врезав в ухо, и, проскочив дальше, быстро обернулся.

Квохи пошатнулся, но удержался на ногах. Я вложил в свой удар всю силу, едва не раздробил костяшки пальцев, а он только слегка пошатнулся! Я не мог позволить себе дать ему передышку. Удар по почкам, потом, когда он начал поворачиваться, в челюсть, затем левой и правой в живот...

Словно балка обрушилась с высот Бруклинского моста и раздробила все кости моего несчастного тела. Сначала меня тащило океанским прибоем, потом я оказался в аду, и меня принялись тыкать раскаленными вилами... Я с трудом сморгнул набегавшие слезы. Шум прибоя в ушах утих. Квохи беспомощно сидел на полу, прислонившись спиной к постели. А мне еще надо было расставить все точки над «и».

Я отыскал свои ноги и поднялся. Вместо груди у меня был одна большая впадина, а левая рука, как видно, принадлежала вообще кому-то другому. Неважно. Уж правой-то я еще пока владел.

Словно моряк, сошедший на берег после хорошего штурма, я подобрался к Квохи. Но тому, похоже, было не до меня. Маленькие проблемы с дыханием занимали его больше: удар в живот все-таки достиг цели. Я выбрал местечко под правым ухом, отвел локоть и двинул плечом, вкладывая в удар весь вес тела. Хрустнула челюсть. Квохи, словно мешок с гвоздями, с грохотом повалился на пол. Я обессиленно плюхнулся на край постели и со свистом втянул воздух, пытаясь не обращать внимания на цветные круги перед глазами.

Через некоторое время я наконец заметил, что передо мной стоит Торбу и держит в руках кошку. И кошка, и он радостно ухмылялись.

— Приказания будут, доменеर Дргон?

Я отчаянно затряс головой:

— Приведите в чувство Квохи, посадите его на стул. Я хочу задать ему пару вопросов.

Бывшему доменьеру моя идея пришла не по душе, но после того, как Торбу вместе с парочкой охранников выразительными жестами объяснил ему ситуацию, он счел за благо повиноваться.

— Слезь с его головы, Малл, — приказал Торбу. — А ты, Блон, развязжи веревку. Доменьер Дргон хочет с ним поболтать, а вы, парни, чересчур давите на психику.

Тем временем я ощупывал ребра, пытаясь определить, какие из них сломаны, а какие только чуток погнулись. Удар Квохи нисколько не уступал пинку двухтонного страуса.

— Квохи, я задам тебе несколько вопросов, и если меня не устроят твои ответы, то я уступлю тебе вакантный номер в темнице. Прекрасных видов, конечно, не обещаю, но уж спокойствие гарантирую на все сто.

Квохи только хмыкнул, вывихнутая челюсть ему изрядно мешала.

— Тот парень, в черном, который претендовал на твоё положение... Твои парни отволокли его куда-то. Я хочу знать, куда?

Квохи снова хмыкнул.

— Врежь ему, Торбу, — посоветовал я. — Может, это улучшит его произношение.

Торбу с чувством пнул бывшего доменьера по голени. Квохи взвился.

— Убери своих псов, — с трудом прошамкал он. — Здесь ты его не найдешь.

— Почему?

— Я отоспал его.

— Куда?

— Туда, откуда ни ты, ни твои предатели не смогут его заполучить.

— А поподробней.

Квохи сплюнул.

— Уверен, что Торбу не по душе твоя реплика насчет предателей, — мимоходом заметил я. — Это несколько не соответствует истине. Так что будь добр, выражайся ясно и коротко, без инсинуаций, если дорожишь своими жизнями.

— Даже эти свиньи не отважутся...

Я вытащил острый стилет, которым меня снабдили, приставил кончик лезвия к его горлу и надавил чуть-чуть, так, что выступила капелька крови.

— Говори, — вкрадчиво прошептал я, — или я сам перережу тебе глотку.

Квохи буквально вжался в спинку стула.

— Тогда ищи его сам, убийца, — насмешливо ответил он, — ищи его в темницах доменьера доменьев.

— Ну, ну, дальше.

— Великий доменьер потребовал, чтобы раба доставили к нему... в Сапфировый Дворец у Мелкоморья.

— А имя, имя есть у этого доменьера доменьев? И откуда он узнал об этом парне?

— Доменьер Оммодурад, — прохрипел Квохи, не спуская взгляда с ног Торбу. — Я заподозрил в нем, в том рабе, что-то неладное и сообщил.

— И когда ты его отправил?

— Вчера.

— Торбу, ты знаешь, где находится этот Сапфировый Дворец?

— Конечно, — отозвался тот, — только это табу. Там полным-полно демонов и колдунов. Говорят, проклятье...

— Тогда я иду один, — отрезал я, пряча стилет обратно в ножны. — Но сначала мне надо заглянуть в Окк-Хамилот.

— Нет проблем. Правда, говорят, там полно привидений, но это сплетни. Там постоянно околачиваются Серые Плащи.

— Вот мы с ними и разберемся, — покладисто согласился я. — Собери с полсотни охранников и подготовь хопперы. Я хотел бы отправиться через полчаса.

— А как насчет этого мошенника? — спросил Торбу.

— Замуруй его до моего возвращения. Ну, а если я не вернусь, он поймет.

Глава семнадцатая

Рассвет еще не наступил, когда мой отряд собрался вокруг спасательной шлюпки, доставившей меня на Валлон. Она осталась абсолютно такой же, как и семь месяцев назад: лестница спущена до земли, люк открыт, внутреннее освещение включено. Привидений на борту не было, но этот гостеприимно распахнутый вход отпугивал ненужных посетителей ничуть не хуже привидений. Даже Серые Плащи сторонились звездолетов. Как видно, кто-то старательно поработал над созданием суеверий на Валлоне.

— И ты в самом деле собираешься подняться на борт этого проклятого судна, доменеर Дргон? — с тревогой спросил Торбу, делая кабалистические движения руками. — Оно же управляемся демонами...

— Торбу, да это всего лишь пропагандистский трюк и больше ничего. Я спокойно могу идти туда, куда направляется моя кошка. Вот смотри.

Итценка живо взобралась по лестнице и исчезла в проеме шлюза. Я поднялся на первую ступеньку, а охрана стояла, разинув рты, и наблюдала за тем, как я, пригнув голову, скрылся в шлюпке. Фостеровская матрица памяти с черно-золотыми метками по-прежнему лежала на рюкзаке, а рядом с ней цилиндр попроще — память Аммерлина. Где-то здесь в Окк-Хамилоте должен был найтись рекодер, чтобы наконец использовать цилиндр. Уж мы с Фостером постараемся его отыскать.

Я нашел свою кобуру с пистолетом, подобрал поношенный пояс и застегнулся. Мой опыт жизни на Валлоне подсказал, что он мне еще пригодится. Валлонцы так и не сумели изобрести индивидуальное оружие, которое по всем характеристикам могло бы сравниться с пистолетом. В обществе бессмертных мечи были самым опасным оружием.

— Ну, что, сваливаем отсюда, Итц, — предложил я. — Больше тут делать нечего.

Вернувшись к отряду, я подозвал сержантов:

— Я лечу к Сапфировому Дворцу. У тех, кто хочет отправиться со мной, есть последний шанс отказаться.

Торбу долго молчал, задумчиво уставившись в пространство.

— Не нравится мне все это, доменеर, — наконец произнес он. — Но я тебя не оставлю. Да и остальные тоже пойдут.

— Смотрите, обратного пути уже не будет, — предупредил я. — Да, кстати, — я вогнал патрон в магазин, поднял пистолет и выстрелил в воздух. От неожиданности все вздрогнули. — Если услышите выстрел, во весь дух мчитесь на помощь.

Все начали расходиться по хопперам. Я подобрал Итценку и залез в головную машину, поближе к Торбу.

— Лететь полчаса, — сообщил он. — Могут попасться Серые Плащи, но с ними проблем не будет.

Мы взмыли в воздух, свернули на восток и понеслись на небольшой высоте.

— А когда доберемся, что будем делать?

— Положимся на интуицию. Посмотрим, как далеко нам удастся пробраться, прежде чем этот Оммодурад соизволит оторваться от своей игры в гольф.

* * *

Взметнув голубые башни к сумеречному небу, под нами распростерся дворец. Роскошный, словно королевская резиденция Таджмахала. А сразу за ним на поверхности Мелкоморья шелковисто переливался рассвет. Вечные камни и тихие воды выглядели так же, как и в те времена, когда Фостер отправился в свой тысячелетний вояж. Но, конечно же, сопровождавшие меня не могли оценить по достоинству всего этого великолепия. Они даже и на минуту не задумывались над теми чудесами, которые создали их бессмертные предки — они же сами. С завидным упрямством они продолжали жить в своем феодальном обществе, в горьком контрасте с величественными памятниками прошлого, окружавшими их.

Я полуобернулся к своим ребятам:

— По вашим словам, местечко здесь так и кишит демонами да колдунами, вот все и боятся сюда сунуться. А раз так, то нет и официального протокола по приему нового доменьера в Сапфировом Дворце. А значит, парень, которому повезет, может просто наплевать на гоблинов и запросто заявиться во дворец, нанести визит вежливости верховному владыке, ну как, пойдет?

— А что, если они затеят заваруху первыми, прежде чем мы что-либо успеем? — спросил чей-то голос.

— Вот потому-то я и упомянул насчет удачи, — ответил я. — Еще вопросы есть?

Торбу оглядел своих парней и последовала молчаливая пантомима пожимания плечами, закатывания глаз, потом он повернулся ко мне:

— Поступай, как знаешь, доменъер, — прогудел он. — Мы поддержим твою игру.

Мы начали снижаться на широкую лужайку, но двор по-прежнему оставался безлюдным. Вскоре гигантские голубые башни замаячили над нашими головами, и мы заметили, как за стальными воротами двигаются шеренги.

— Ага, там нас все-таки собираются встречать, — с удовольствием прокомментировал я. — Держитесь, ребятки. Без меня ничего не начинать. Чем дальше мы прорвемся без сопротивления, тем меньше трудностей.

Хопперы кучно приземлились. Торбу и я выбрались наружу, и вскоре мы все двинулись к воротам. Итценка, наш талисман, следовала в арьергарде. По-прежнему все было тихо. Либо сотни лет спокойствия притупили бдительность, либо у Оммодурада были в запасе такие надежные трюки, которые начисто отпугивали нежелательных посетителей.

Мы подошли к воротам, и они распахнулись настежь.

— Вперед, ребята, — сказал я. — Но всем держать ушки на макушке.

Шеренга охранников во дворе держалась поодаль, вопросительно глядя на нас. Мы все сгрудились перед лестницей из голубых плит и стали ждать, что же последует дальше. Наступил подходящий момент появиться кому-нибудь и вручить нам ключи от города или что-нибудь в этом роде. Но, похоже, произошла маленькая заминка. Впрочем, это и по-

нятно: вот уже две тысячи девятьсот лет здесь не было никаких посетителей.

Только минут через пять появился какой-то слон в панцире и розовом беретике, прогромыхав железом по лестнице.

— Кто это отважился явиться с вооруженной охраной в Сапфировый Дворец? — спросил он, недовольно оглядывая моих спутников.

— Я домене́йер Дрго́н, приятель, — гаркнул я, уязвленный тем, что он даже не обратил на меня никакого внимания. — А это моя почетная охрана. И что за провинциальные манеры — даже не позаботиться о приеме верноподданного вассала?

От моей тирады слон в панцире слегка поувял. Он, за-пинаясь, извинился, пробормотал что-то насчет предварительного согласования и подозвал парочку дворцовых слуг. Один из них приблизился к Торбу, который бросил на меня вопросительный взгляд, машинально стискивая на поясе рукоять кинжала.

— В чем дело? — строго спросил я. — Мои люди всегда со мной.

— Не забывайте, — возразил слон в панцире, — слугам недопустимо появляться перед очи домене́йера домене́йеров Оммодурада.

Я попытался пошевелить мозгами, но ничего путного в голову не лезло.

— Ладно, Торбу, — наконец сказал я. — Не позволяй парням разбредаться, и ведите себя примерно. Увижуся с тобой через час. Да, и пригляди, чтобы Итценка не скучала.

Мажордом отдал несколько приказов и пригласил меня во дворец с самым легким поклоном, который мне когда-нибудь доводилось видеть. Охрана из шести человек составила мне компанию вплоть до Гранд-павильона.

Признаться, я ожидал увидеть обычно задрапированный зал или огромное помещение, полное музыкантов, цветов и церемониальных стражей. Вместо этого я оказался в небольшом офисе шестнадцать на восемнадцать ярдов, пол которого был устлан блоком из серо-голубого мрамора, из хрустальной чернильницы, встроенной прямо в поверхность стола, торчала пара перьев, а за огромной тумбой едва находилось место для бегемота, восседавшего там.

Он медленно поднялся — эдакий шкаф на ножках:

— Чего надо? — прогудел он.

— Я доменеर Дргон... э-э-э... Великий Доменеर, — запинаясь произнес я, собираясь разыгрывать роль недалекого олуха, ту самую роль, которую мне было легче всего исполнить.

В Оммодураде было нечто такое, от чего я почувствовал себя, словно мышь, которая в последний момент передумала насчет приманки. Квохи, конечно, был огромен, но этот верзила мог бы играть людьми, словно мячиками. Глаза излучали непоколебимую уверенность.

— Ты, похоже, не суеверен, — заметил он. Болтливостью он не отличался. Вот и Гоп тоже подчеркивал, что Оммодурад не слишком многословен. Эта деталь совпадала.

— Никогда не верил в привидения, — сознался я.

— Ближе к делу, — вернулся к разговору он. — Чем обязан?

— Только что провозглашен доменером Бар-Пандерона, — заявил я. — Думал, что подобает явиться и заверить вашу милость в своей преданности.

— Ко мне так не обращаются.

— А-а-а, доменеर Оммодурад.

Он едва заметно кивнул и перевел взгляд на охрану.

— Комнату гостю и его свите.

Я снова встрял:

— Простите, э-э-э... — пронзительный взгляд Оммодурада снова пришиплил меня к месту. — Насчет моего друга, — я с трудом сглотнул. — Прекрасный парень, только чересчур порывистый. Он там погорячился слегка, прежнего доменьера вызвал...

Оммодурад едва шевельнул бровью, но атмосфера в комнате мгновенно наэлектризовалась, расслабленные охранники моментально сделали стойку. Я прямо ощущал каждого из них. Меня пронзила мысль, что на этот раз я зашел слишком далеко.

— ... вот я и подумал, может быть, я вымолил бы помощи у вашего превосходительства, чтобы поискать моего приятеля, — закончил я упавшим голосом.

Доменьеर даменье́ров буравил меня взглядом, как мне казалось, целую вечность, потом поднял руку и шевельнул пальцем, охрана тут же расслабилась.

— Комнаты для гостя и его свиты, — бесстрастно повторил Оммодурад.

Я наконец перевел дух и вместе с эскортом вышел прочь. Я изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, но внутри меня все буквально бушевало

Оммодурад слыл молчаливым неспроста. Я готов был поспорить хоть с самим чертом, что он сохранил все свои воспоминания о Золотых Временах. Вместо искаженного современного диалекта, который я встречал повсюду, Оммодурад говорил на безукоризненном староваллонском языке.

Уже пробило двадцать семь часов вечера, и Сапфировый Дворец давно затих. Я оказался один в отведенной мне спальне. Конечно, это была весьма уютная комната, но, оставаясь в ней, я так ничего и не узнаю. Во всяком случае, мне никто не говорил, что я нахожусь под арестом.

Я нацепил кобуру с пистолетом, притворил дверь и выскользнул в слабо освещенный коридор. В дальнем конце я заметил охранника, но тот не обратил на меня никакого внимания. Тогда я подался в противоположную сторону.

Ни одна из комнат не была заперта. Но я не обнаружил никаких арсеналов или архивов, которыми могли воспользоваться люди пониже рангом, чем сам великий доменеर. Я догадался, что Оммодурад справедливо рассчитывал на полное безразличие своих подданных. То и дело по дороге мне попадались охранники, но они только равнодушно оглядывали меня и ничего не предпринимали.

Я снова оказался возле офиса, в котором меня принял Оммодурад, рядом был пышный зал с полом и потолком из оникса и занавесями из золотой нити. Главной достопримечательностью зала был знакомый мотив концентрических кругов Двумирья из кованого золота на стенной панели за троном. Здесь исполнение было более красочным. От внутреннего и внешнего кольца расходились волнистые лучи, а в центре круга червленого золота виднелась какая-то шишка. Впервые за все время моего пребывания на Валлоне мне попался этот символ. Я испытал странную радость, словно обнаружил знакомый след на песке.

Я прошел дальше, обследовал прачечную, проинспектировал кладовые и даже умудрился уловить запах конюшни. Дворец дремал. Немногие из его обитателей видели меня, а если и видели, то опасались приставать. Похоже, Великий Доменеर распорядился, чтобы меня не трогали. Честно говоря, утешительного в этой мысли было маловато.

Затем я набрел на зал с пурпурными стенами и здесь столкнулся с группой охранников, той самой шестеркой, которая сопровождала меня днем. Они выстроились, как на параде, по трое с каждой стороны массивной двери из сло-

новой кости. За ней явно кто-то обитал в пышном великолепии и безопасности.

Шесть пар глаз пригвоздили меня к месту, и отступать уже было слишком поздно. Я вздернул подбородок и подрулил к ближайшему ряду охранников.

— Слышь, приятель, — по-суфлерски прошептал я, — где тут у вас... э-э-э... ну, ты сам понимаешь.

— Каждая спальня оборудована, — отозвался стражник ворчливо, многозначительно поднимая меч и пробуя на пальц лезвие.

— Да? Вот уж не заметил.

Я пристыженно двинулся прочь. Если они решат, что я просто олух, то тем лучше. Я казался сам себе мышкой среди кошек и не был пока готов к мяуканью.

На первом этаже я нашел Торбу с его молодцами, которые по-свойски расположились в большой комнате возле главного входа со множеством кроватей.

— Мы по-прежнему на вражеской территории, — напомнил я для порядка Торбу. — Будьте начеку.

— Не бойся, шеф, — отозвался Торбу. — Мы все одним глазом следим за дверью и держим руку на рукояти кинжала.

— Заметил что-нибудь полезное?

— Не-а. Эти местные идиоты скорее себе языки пооткусывают, чем ответят на вопрос.

— Будьте настороже, и всю ночь держите, по крайней мере, двух часовых.

— Как скажешь, благородный Дргон.

На обратном пути до своей спальни я мысленно прикидывал размеры этого замка. Вернувшись к себе в комнату, я повалился на постель и попытался суммировать свои впечатления.

Первое. Насколько можно судить, апартаменты Оммоду-

рада находились двумя этажами выше, прямо над моей спальней. Надо полагать, в этом мне повезло. А может, это сделано для того, чтобы облегчить слежку за мной? Я решил, что лучше об этом не думать. Мне и так не хватало оптимизма.

Второе. Шатаясь по коридорам, я так ничего полезного и не узнал. Оммодурад явно не из тех, кто разбрасывается уликами на потеху случайному прохожим.

Третье. Я, конечно, допустил промах, решив взять эту крепость с полусотней молодцов и револьвером. Фостер наверняка находился здесь, об этом говорил и Квохи, это же подтвердила и реакция доменьера доменьев. Что же особенного было в Фостере, если им заинтересовались такие большие шишки? Надо спросить, когда найду его. Но для этого надо было придумать нечто неординарное.

Я подошел к широкому двухстворчатому окну. В свете Синты я легко мог разглядеть украшенный лепным орнаментом фасад. Я хорошо видел стену вплоть до освещенного балкона прямо надо мной. Если мои подсчеты верны, то там должна была располагаться берлога Оммодурада. Само собой, парадная дверь охранялась, как султанский гарем, но вот черный ход казался самым доступным.

Я втянул голову обратно и принял задумчиво потирать подбородок. Рискованно, конечно, но в этом есть момент неожиданности, который мог принести свои плоды. Ведь завтра доменьер доменьев обдумает все до конца и переведет меня в другую комнату, а то и замурует в своих темницах. И опять же, этим валлонцам просто и в голову-то не придет лазить по стенам: они слишком дорожат своей шкурой для этого.

Когда сердце подсказывает действовать, долгие дебаты только вредят. Я подволок тяжелую тумбу к двери, чтобы

отвадить случайных посетителей, зарядил пистолет девятью пулями, сунул оружие обратно в кобуру и подошел к окну.

По диску Синты проносились облака. Совсем неплохо! Я взобрался на подоконник. Лепные украшения оказались вполне пригодной опорой, и мне удалось докарабкаться до следующего подоконника, даже не вспотев. По сравнению с моим последним опытом альпинизма в Лиме, это был всего лишь легкий вечерний променад.

Я передохнул, а потом пополз в обход темного окна на тот случай, если там, внутри, кого-то мучает бессонница. Я добрался до балкона, пережил ужасные мгновения, не успев зацепиться за плиту, но потом перевалил через балюстраду и кованую решетку.

Балкон был узок, футов двадцать в длину, и на него выходила добрая полудюжина дверей, сквозь драпировки трех из них пробивался свет. Я осторожно придвинулся, пытаясь рассмотреть что-нибудь в просветах. Бесполезно. Тогда я приложил ухо и услышал какой-то невнятный звук. Может, это Оммодурад в своей берлоге?

Я на цыпочках миновал темную дверь и, поддавшись импульсу, потянул ручку. Дверь беззвучно распахнулась. Мой пульс учащенно забился. Я застыл, пытаясь взглядеться в чернильно-черную темноту. Входить в нее не хотелось, она словно бы отталкивала. Даже такому деревенщице, как я, было ясно, что соваться в логово дракона наугад — слишком опасное занятие.

Я с трудом проглотил ком в горле, покрепче ухватился за рукоять пистолета и вошел.

По лицу скользнула складка драпировки, я выхватил пистолет и прижался спиной к стене с такой скоростью, которой мог бы позавидовать сам Человек-Молния.

Потребовалась целая минута, чтобы наконец прийти в

норму. При этом пришлось напомнить себе, что я эдакий супермен с Земли, который умудрился за свою короткую жизнь заполучить куда больше неприятностей, чем все эти валлонцы с их хваленой вечностью. И что я все-таки собираюсь вызволить своего приятеля Фостера, вернуть ему память, а заодно и возродить Золотые Времена Двумирья.

Мне пришлось оборвать свои внушения, а то бы я настолько осмелел, что ворвался бы в соседнюю комнату и вызвал Оммодурада на пару раундов вольной борьбы. Теперь я вполне отчетливо слышал голос. Вот если бы еще разобрать, что он там бормочет!

Я прокрался вдоль стены и натолкнулся на массивную дверь. Заперта. Я продвинулся дальше. Еще одна дверь. Со всеми мыслимыми предосторожностями я подергал ручку и слегка приоткрыл. Это оказался встроенный шкаф, завешенный одеждой. Однако теперь я слышал значительно лучше. По всей видимости, с той стороны тоже были двери.

Похоже, Оммодурад наконец справился со своей молчаливостью. Время от времени возникали паузы, в беседе участвовал кто-то еще. Я протиснулся в шкаф, ощупал стены. Нет, другой двери не было. Я прильнул ухом к стенке и стал различать отдельные слова...

— ... кольцо... Окк-Хамилот... хранилище...

Похоже, беседа у них там весьма содержательна. Вот только как получше все расслышать? Я инстинктивно потянулся выше, коснулся потолка и нашупал выступ, словно от дымохода.

Встав на цыпочки, я попытался раскачать панель, но она не поддавалась. Я пошарил рукой в темноте и натолкнулся на полку с обувью, осторожно, чтобы не шуметь, подергал ее. Она оказалась не закреплена. Я снял ее, аккуратно сбросил обувь, вернул полку на место и поднялся.

Панель была пару футов длиной, без осязаемых петель или защелок. Я потянул изо всех сил, раздался громкий треск, и она отвалилась. Я протер глаза от попавшей в них пыли и пошарил внутри дыры. Там ничего не было.

Вот сейчас самое время смыться отсюда, пойти высаться и завтра рас прощаться с Оммодурадом. А через несколько месяцев закрепив свою власть в домене и объединившись с другими доменьерами, вернуться сюда во главе армии и...

Прислушиваясь, я наклонил голову. Оммодурад замолчал, другой голос что-то произнес. Потом что-то стукнуло, прозвучали шаги, раздался металлический звук. Через мгновенье доменьер доменьеров снова заговорил, но на этот раз ему ответил уже другой голос.

Я подтянулся и, ухватившись за края отверстия, протиснулся в узкий лаз, на ощупь, в полнейшей темноте, прополз до поворота, свернул, и голоса неожиданно стали громче: впереди через вентиляционную решетку пробивался свет. Я уткнулся носом в прутья и увидел троих мужчин в большой комнате

Оммодурад стоял ко мне спиной. Глыба его тела была закутана в пурпурную тогу. Рядом с ним в напряженном ожидании застыл какой-то рыжий с покалеченной ногой, а вот третьим был Фостер.

Он стоял, широко расставив ноги и держа перед собой руки в наручниках. Фостер не отрывал глаз от рыжего, словно лесник, наметивший дерево для рубки.

— Ничего не знаю об этих преступлениях, — сказал он.

Оммодурад повернулся и исчез из поля зрения. Рыжеголовый махнул Фостеру, и тот куда-то прошел. Я слышал, как открылась и закрылась дверь. Я остался в одиночестве, пытаясь рассортировать целую дюжину импульсов. От некоторых было легко избавиться. Не станешь же в самом деле

орать: держи вора! Или прыгать из вентиляционной трубы и гнаться за Фостером с громкими воплями радости. Столь же бесполезно было и бежать к Торбу за помощью.

Само собой, лучше всего — подсобрать побольше информации. Просто не повезло, что я прибыл слишком поздно. Но, может быть, еще не все потеряно.

Я ощупал вентиляционную решетку и обнаружил в углу крепления, которые подались без особого труда. Сняв решетку и поставив ее рядом, я высунулся наружу. Насколько можно было судить, комната опустела. Ну, что ж, приходилось рисковать. Я с трудом развернулся и, зависнув на руках, спрыгнул на пол. Я даже умудрился уложить на место решетку, так, на всякий случай. Я пошарил в ящиках секретера, открыл несколько шкафчиков, заглянул под кровать. Похоже, здесь тоже улики просто так не валялись.

Я подошел к балконной двери и на всякий случай отомкнул ее. Здесь была еще одна дверь, но запертая.

Ну вот, теперь мне, по крайней мере, есть чем заняться. И я принялся разыскивать ключ. Наконец в маленькой тумбочке возле софы я обнаружил чудный стальной ключик, который...

Да, ключ подходил. Я толкнул дверь и вошел в темноту. Нашупав выключатель, я включил свет и закрыл за собой дверь.

Комната поистине отвечала всем моим представлениям о лаборатории алхимика. Все стены были увешаны полками, заставленными книгами. Высокий, задрапированный потолок завис, словно гигантская летучая мышь над столами, загроможденными рукописями и инструментами, а в даль нем конце я заметил ложе с куполообразным аппаратом. Я сразу узнал его, это был рекодер — первый, встреченный мной на Валлоне.

Я внимательно осмотрел его. Предыдущий рекодер, который мне довелось видеть на звездолете, был сугубо утилитарной моделью, а эта машина была машиной экстра-класса. Но меня это не волновало, по крайней мере, одна из моих проблем решилась сама собой. Теперь только оставалось загнать сюда Фостера, и дело в шляпе.

Внезапно я почувствовал себя совершенно опустошенным, уязвимым и беспомощным. Я шел на неоправданный риск, сужу голову в пасть льву, и все это даже без намека на план, не имея ни малейшего представления, что здесь вообще происходит. Чем объяснить такой интерес Оммодурада к Фостеру? Почему он прячется здесь, отгородившись от всего Валлона слухами о колдовстве и привидениях? Какое он имеет отношение к катастрофе, постигшей Двумирье?

И почему я, простой парень по имени Легион, увяз в этом по самую макушку, когда мог бы преспокойно сидеть дома, в уютной федеральной тюрьме, в абсолютной безопасности?

Ну, положим, ответить на этот вопрос не так уж и сложно. Однажды у меня был приятель, головастый парень по имени Фостер, который оттащил меня от края пропасти, когда я собрался совершить самую большую глупость в своей жизни. Он был джентльменом, в полном смысле этого слова, и обращался со мной, как с джентльменом. Мы вместе участвовали в удивительных приключениях, давших мне богатство и показавших, что никогда не поздно расправить плечи.

И вот теперь он оказался в цепях, без друзей, без надежды, но по-прежнему несломленный, хотя его мир скатился к варварству.

Но вот в одном он все-таки был неправ. У него оставалась

одна маленькая надежда, потому что каков бы я ни был, но я здесь и на свободе. И со мной мой револьвер, и если мне повезет угадать подходящий момент, то, может быть, мы еще выйдем победителями. Ну как, например, те счастливчики, которые умудряются выигрывать в национальной лотерее.

Но сейчас самое время вернуться в свою вентиляционную трубу. Оммодурад может вернуться в любую минуту. Я подошел к двери, выключил свет, повернул ручку и замер.

Оммодурад был уже в комнате. Он сбросил свой балахон и подошел к встроенному бару. Я повис на ручке, даже не отваживаясь закрыть дверь.

— Но мой господин, — послышался голос рыжеголового. — Я уверен, что он помнит...

— Нет, — прогудел Оммодурад. — Утром я обдеру его память до основания.

— Дозволь мне, мой господин, я выжму из него правду своей сталью, я...

— Такого, как он, твоя сталь никогда не знала, — рявкнул в ответ Оммодурад.

— Доменьер доменьеров, я прошу, я умоляю, только один час... Завтра, в церемониальном зале я окружу его эмблемами прошлого...

— Довольно, — и Оммодурад грохнул кулаком по столу, заставив бокалы со звоном подпрыгнуть. — И на таких лакеях, как ты, зиждется могучая империя! Преступление перед богами и вину за это я возлагаю на него, — Оммодурад залпом выпил и дернул головой. — И все же, я дарю тебе то, о чём ты просишь. Но теперь проваливай с моих глаз.

Рыжеголовый чуть не свалился в поклоне и исчез с радостным воплем. Оммодурад что-то буркнул себе под нос и

принялся расхаживать по комнате, время от времени оставляясь перед балконом. Наконец он заметил открытую дверь и, ругнувшись, захлопнул ее. Я затаил дыхание, но это, похоже, его не насторожило.

Оммодурад разделся и лег на софу. Комната погрузилась во тьму. Минут через десять я ясно услышал его сонное дыхание.

По крайней мере, я узнал, что завтра наступит последний день Фостера. Так или иначе Оммодурад с этим рыжеголовым прикончат его. Времени оставалось в обрез, но поскольку ситуация была безнадежной, то и терять нам, собственно говоря, нечего.

В голове у меня крутилось несколько вариантов. Я мог прокрасться к вентиляционной шахте и попытаться пролезть в нее, не разбудив дрыхнувшего бронтозавра. Я мог пройти на балкон в футе от его головы или остаться на месте. Последний вариант обладал тем достоинством, что никаких немедленных действий предпринимать не требовалось. Я мог просто свернуться калачиком на полу, а еще лучше пристроиться на трансформ-ложе...

Я ощупал карманы и вытащил две матрицы памяти. Цветокодированная — память Фостера, а вот другая — собственность чужака, умершего три тысячи лет назад.

В этом цилиндре содержались все воспоминания друга Фостера, человека, который знал, что же все-таки произошло на борту корабля, знал цель экспедиции.

Мне нужны были эти знания, и вообще любая информация, которую я только мог заполучить, чтобы обеспечить себе хоть какой-нибудь перевес в этой неравной борьбе. Цилиндр наверняка даст ответы на некоторые вопросы. Возможно, включая и причину такого нездорового интереса Оммодурада к Фостеру.

Я подошел к ложу, нашупал в боку углубление и до упора запихнул в него цилиндр, затем прилег и подтянул купол к голове.

Мозг резанула боль, а потом наступила тьма.

Глава восемнадцатая

Я стоял у королевского ложа, на котором лежал Кул-клан Ртр. Я понял, что близок час, которого я так ждал, ибо он погрузился в трансформацию.

Часы показывали третий час ночной вахты. Все, кроме меня, на борту спали. Надо было спешить, и тогда рассветная вахта найдет дело завершенным.

Я потряс спящего человека. Того, кто когда-то был Ртром, а сейчас стал никем по воле трансформации. Он медленно выплыл из объятий сна и огляделся по сторонам чистыми глазами новорожденного.

— Подымайся, — скомандовал я, и император беспрекословно повиновался мне, — следуй за мной.

Как всегда после трансформации, мы повинуемся тому, кто нам приказывает. Я велел ему хранить молчание, и он, словно ягненок, подчинился мне. Я провел его к клетке с Охотниками. Они взмыли, пританцовывая от голода.

Я ухватил Кулклана за руку и просунул ее в клетку. Охотники сгрудились, метя свою будущую жертву. Он безропотно следил за происходящим расширившимися от ужаса глазами.

— То, что ты ощущаешь сейчас, — боль, — сказал я. — Тебе ее в будущем придется испытывать часто.

Охотники удовлетворились, и я установил в клетке таймер.

В своих покоях я обрядил его в пурпурные одежды и провел к докам, где находились шлюпки.

Но проклятье богов тяготело надо мной. В доке мы оказались не одни. Я не медлил и подобно ястребу налетел на человека сзади, вогнав в его тело острый кинжал. Потом я оттащил труп за подножие колонны, но не успел я его хорошенько спрятать, как из тени появились другие, не знаю уж, каким образом вызванные и кем. Они спросили у Ртр, зачем он бродит ночью, одетый в цвета Аммерлина Сクロс Иллионда. Я испытал поистине черное отчаяние от того, что мои великие замыслы натолкнулись на рифы их усердия.

Я разразился гневной тирадой, что я, Аммерлин, советник и спутник Ртр, всего лишь беседовал на личные темы с моим господином.

Но они упорствовали, и больше всех Голлад. Это он увидел спрятанный труп, и в одно мгновение меня окружили.

И тогда я выхватил длинную рапиру и приставил ее к горлу Кулклана.

— Не приближайтесь, или ваш император умрет, — предупредил я.

И они отступили.

— Неужели вы думаете, будто я, Аммерлин, мудрейший из мудрейших, нахожусь здесь только из любви к путешествиям? — негодовал я. — Уже давно я ждал этого часа, чтобы остаться один на один с Его Величеством и чтобы его настигла трансформация вдали от двора, ибо только так может быть исправлено древнее зло.

— Есть люди, рожденные повелевать, и я — один из них. Долго, очень долго он стоял у меня на пути, но смотрите, я

наконец все смогу изменить. За бортом находится зеленый мир, населенный дикарями, я не настолько низко пал, чтобы мстить человеку без памяти, я отпущу его, и пусть судьба вновь вернет ему императорский статус, если на это будет ее воля.

Но они оказались настолько глупы, что вынули свои клинки. Я сказал, что все, все могут разделить мою славу. Но они меня не слушали, и тогда я повернулся к Кулклану, чтобы вонзить рапибу ему в горло, но тут Голлад заслонил его и пал. Они напали на меня, я принял сражение, и хотя они истекали кровью, раненые, по-прежнему продолжали упорствовать в своем сумасшествии.

В конце концов, я выследил каждого из них и убил всех по одиночке в тех углах, куда они забились. Ртру исчез, и я потерял голову от страха, что мои планы разрушены низкими слугами.

Потом я понял, что найду их в Зале Памяти, ведь, без сомнения, низкородные свиньи попытаются вернуть ему память прошлых дней. Я едва не расплакался от бессилия при мысли, что все пойдет прахом. Ужасный в своем гневе, я нашел их. Их было только двое, и хотя они стояли плечом к плечу в дверях, пытаясь мне помешать, их жалкие клинки не могли противостоять моей рапире. Я сразил их и прошел к трансформ-ложу, чтобы забрать матрицу памяти с имперским цвето-кодом и уничтожить ее. А вместе с ней навечно уничтожить и Ртру...

Но тут послышался неясный звук. Я резко обернулся и отвратительное видение предстало передо мной в полутьме. Блеснула сталь в окровавленной руке проклятого Голлада, и жестокая боль пронзила мне грудь...

Голлад лежал, привалившись к стене, с мертвенно бледным лицом, белым пятном выделявшимся на фоне окровав-

лленной туники. Когда он заговорил, воздух сипел в его продырявленных легких:

— Предатель. Император уважал тебя, — прошептал он, — что ты наделал? Разве в тебе нет ни крохи жалости к тому, кто справедливо и мудро правил в Окк-Хамилоте?

— Если бы ты не искалечил мою судьбу, проклятая собака, — прошипел я, — то это великолепие и справедливость Окк-Хамилота стали бы моими.

— Ты напал на него беззащитного, — выдохнул Голлад. — Так низко пасть! Оставь Ртру его память, она более важна, чем его жизнь.

— Я только наберусь сил, поднимусь и сброшу его с ложа. И вот тогда я умру спокойно.

— Ведь ты же был его другом, — прошептал Голлад. — Вы сражались бок о бок... вспомни... и имей жалость, оставить его одного на мертвом корабле без памяти...

— Я выпустил на него Охотников, — закричал я торжествующе. — И с ними Ртр будет делить этот склеп до конца всех своих жизней!

Я нашел наконец в себе силы подняться... Но когда моя рука коснулась матрицы памяти императора, я почувствовал, как окровавленные пальцы Голлада сомкнулись на моей ноге, и мои силы иссякли. И я падал, падал в этот угрюмый колодец смерти, из которого нет возврата...

* * *

Я пробудился и долго лежал в темноте, не двигаясь и пытаясь собрать воедино обрывки увиденного мной странного сна. Меня все еще тревожили остатки горьких эмоций. Но были дела и поважнее, чем сны. Какое-то время я никак не мог припомнить, что же я собирался сделать, а потом

как-то внезапно сообразил. Я лег на трасформ-ложе, но трансфокация не сработала.

Я с усилием попытался еще раз припомнить, что же произошло, но безнадежно. Возможно, мой мозг просто не приспособлен к восприятию валлонской матрицы памяти. Еще одна идеяка не сработала. Ну, что ж, по крайней мере, я отдохнул. Пора действовать. Во-первых, убедиться, что Оммодурад по-прежнему спит. Я попытался сесть.

Ничего не произошло.

Я замер, пытаясь сосредоточиться.

Я попробовал пошевелиться, но не смог двинуть даже мускулом. Парализован? Связан? Или по-прежнему сплю?

Я боялся делать новую попытку. Положим, я приложу все усилия, но у меня ничего не получится, что тогда? Лучше лежать и думать, будто произошла какая-то ошибка. Может, еще раз заснуть? ...нет, это было бы просто смехотворно. Мне всего-навсего надо сесть. Я...

Ничего не получилось. Я лежал в кромешной темноте и пытался двинуть рукой, повернуть голову. Но, похоже, у меня нет ни руки, ни ноги, ни самого тела, а только бодрствующий в пустоте мозг. Я попробовал ощутить сковывающие меня веревки — их не было. Ни веревок, ни рук, ни тела. Вот так новость: один мозг в темноте!

А потом внезапно прихлынуло какое-то ощущение, но не тела, а скорее смутное представление о контурах тела. И вот тут-то я сообразил, что же произошло на самом деле. Я открыл свой мозг чужой памяти, чужой ум взял власть над моими ощущениями и загнал мое собственное сознание в темный угол. Я оказался несчастным узником в своей собственной голове.

Целую вечность я пребывал в полной растерянности, замурованный так, как меня не замуровали бы никакие

стены Бар-Пандерона. Неосязаемыми пальцами воображения я принял раздирать вокруг себя несуществующие, но такие реальные стены, пытаясь найти хоть какой-нибудь путь наружу, и ничего не находил.

И тогда наконец я взял себя в руки.

Мне требовалось проанализировать свои ощущения, отыскать каналы, по которым передаются нервные импульсы и проникнуть в них.

Я сделал попытку. Иллюзорное представление собственного «я» осторожно потянулось. Вот бесконечное количество слоев нервных клеток, а тут бурные потоки кровяных телец, там натянутые кабели интер-коммуникаций, а здесь...

Барьер! Непрступная, гигантская стена. Мои ощущения вихрем промчались по ней и вернулись обратно, так и не найдя ни малейшей трещины. Барьер стоял, скрывая холодного, равнодушного, чужеродного завоевателя, укравшего мое тело.

Я сжался в комок. Надо определить место для атаки и обрушиться всей силой моего сохранившегося самосознания, пока я еще хоть как-то могу мыслить, и пока абстракция, именуемая Легионом, не исчезла навечно.

Я взвесил свои возможности и почти сразу же сделал открытие. На мгновение от неожиданности я даже отпрянул — чужая конфигурация информационного узора. Но потом я вспомнил.

...Я находился в воде, захлебывался, терял силы, а где-то на берегу поджидал десантник с карабином наготове. Как вдруг, точно ниоткуда, возник поток мощной информации, который подхватил меня и понес, как бурное течение реки, дав возможность выплыть в полулиле от берега.

...И еще: я вишу на карнизе небоскреба и где-то в уголке мозга звучит равнодушный, презрительный голос.

А я все забыл. Это чудо было отвергнуто моим рациональным умом. Но теперь-то я понимал, что это было знание, которое я воспринял там, в башне моего дома на острове, перед тем, как бежать от схватки двух армий. Это была информация, позволяющая выжить, известная всем валлонцам прежнего мира. И все это лежало здесь похороненное — секреты сверхчеловеческой мудрости и выносливости, отторгнутые бестолковым инстинктом.

Но теперь-то оставалось только мое «я», очищенное от груды всяких комплексов, освобожденное от подсознательных рефлексов. Теперь, без всех этих побочных наслаждений, передо мной предстала картина тех зон мозга, где зарождаются сны, гнездятся первобытные страхи, струятся импульсы всеохватывающих эмоций. Но только с той разницей, что теперь мое сознание имело над всем этим устойчивый контроль.

Не колеблясь, я воспользовался знаниями валлонской цивилизации, сделав их своими. Я снова приблизился к барьерау, распределился вдоль него, стал пробовать его на прочность.

— ...отвратительный дикарь...

Эта мысль прогремела с силой урагана. Я отпрянул, но потом вновь возобновил атаку, теперь уже наверняка зная, что делать...

Я искал и нашел наконец слабину синапса, зарылся в него...

— ...невыносимо... окраинное... стереть...

Я тут же перешел в наступление, проскользнул сквозь защиту и захватил оптический нерв. Чужак обрушился на меня, но опоздал. Яочно удерживал позиции. Атака захлебнулась, и он отступил. Я осторожно подстроился к восприятию импульсов, бегущих по нерву. Вспышки, мигание, я фокусируюсь...

...И вдруг я вижу, вижу! На мгновение я едва не потерял самообладание, но удержался и теперь смотрел через глаз, отвоеванный у узурпатора.

И снова чуть было не потерял душевное равновесие.

Комната Оммодурада заливал яркий дневной свет. В поле зрения попадались все новые и новые предметы по мере продвижения тела. Это мое тело расхаживало по воле завоевателя. Промелькнула пустая софа. Оммодурада не было.

Я ощутил, как все левое полушарие, дезориентированное потерей глаза, ослабило защиту, я слегка отступил со своего оптического плацдарма, наложил временный травмоблок на нерв, чтобы чужак не успел захватить мою позицию, и сконцентрировал свои силы на атаке слухового нерва. В одно мгновение мой глаз скоординировался под впечатлением слухового импульса, и я ясно рассышал, как захватчик выругался моим голосом.

Мое тело стояло возле голой стены, приложив к ней руку. Небольшое открытое углубление в стене было пусто.

Тело повернулось, открыло дверь и вышло в коридор, погруженный в фиолетовый полумрак. Взгляд контролируемого мной глаза перебежал с лица одного охранника на другого. Их глаза изумленно расширились, они автоматически потянулись за дубинками.

— Вы отваживаетесь преграждать дорогу самому владыке Аммерлину? — рубанул по ним мой собственный голос. — В сторону, если дорожите своими жизнями!

Мое тело прошло мимо них, миновало огромную арку, спустилось по мраморной лестнице, пересекло зал, который я уже видел во время своей ночной вылазки, и оказалось в тронном зале из оникса с золотым символом Двумирья.

На троне Великого Доменьера восседал Оммодурад, гневно хмурясь на своего рыжего придворного, голову которого

скрывал капюшон. Между ними стоял Фостер. Его руки оттягивали тяжелые наручники. Оммодурад повернулся. Его лицо побледнело, потом залилось багровой краской. Он грустно поднялся, ощерившись.

Мой глаз не отрывался от Фостера. Выражение изумления росло на его лице.

— Мой господин, Ртр, — услышал я собственный голос.

Взгляд скользнул ниже и остановился на наручниках. Тело сделало шаг назад, как бы в ужасе.

— Ты явно забылся, Оммодурад! — нервно воскликнул мой голос.

Домен耶р домен耶ров шагнул ко мне, поднимая свой гигантский кулак.

— Не смей прикасаться ко мне, поганый узурпатор! — проревел мой голос. — О, божества! Ты что, принимаешь меня за обыкновенную глину!

Невероятно, но Оммодурад остановился на полпути.

— Я знаю тебя, как высокочку Дргона, накального домен耶ра, — прогудел он. — Но я ощущаю чужое присутствие за твоими бледными глазами.

— Отвратительно было преступление, которое ввергло меня в такое положение, — произнес мой голос. — Но знай же, что твой владыка, Аммерлин, стоит перед тобой в теледикаря.

— Аммерлин!

Оммодурад дернулся, словно его ударили.

Мое тело повернулось, взгляд остановился на Фостере.

— Мой господин, — произнес мой голос. — Клянусь тебе, что эта собака умрет за свое предательство.

— Это безмозглое тело — самозванец, — прервал его Оммодурад. — Не ищи милости Ртра, ибо он уже не Ртр. Ты будешь иметь дело со мной.

Мой глаз вонзился в Оммодурада.

— Думай, к кому обращаешься, а то твое честолюбие доведет тебя до темницы.

Оммодурад опустил руку на кинжал.

— Ты можешь быть Аммерлином Скрос-Иллиондом, либо подменышем из царства тьмы — не знаю и знать не хочу. Да будет тебе известно, что в этот миг вся власть на Валлоне принадлежит мне.

— А что с тем, кто когда-то был Кулкланом? На что покушаешься, пес? — я увидел, как моя рука махнула в сторону Оммодурада.

— Конец терпению! — проревел доменеर доменьев. — Неужели в своей цитадели я буду отчитываться перед сумасшедшим? — он угрожающе двинулся в мою сторону.

— И неужели этот глупец Оммодурад позабыл силу великого Аммерлина? — вкрадчиво спросил мой голос. И гигант снова остановился, внимательно глядываясь в мое лицо. А мой голос продолжал: — Час Ртра миновал, как и твой, неудачник и глупец. Тебе принадлежат месяцы, годы? Заблуждения скоро рассеятся, — мой голос буквально загремел, — так знай же, что я, великий Аммерлин, вернулся и буду править в Окк-Хамилоте.

— Месяцы, — оскорбленно прогудел Оммодурад. — Да, я теперь верю, что слухи верны и злой демон вернулся, чтобы преследовать меня. Ты сказал месяцы, — Оммодурад запрокинул голову, грубо расхочотавшись, словно зарыдав. Так знай же, будь ты демон или сумасшедший или древний принц зла, вот уже тридцать столетий как я один, один. Я отторгнут от всей остальной империи своим единственным ключом.

Это был момент, которого я ждал все время разговора.

Словно молния, я ударился в пошатнувшийся барьер, пробил его и натолкнулся на матрицу чуждого сознания. Провалившись в болото извращенных представлений, я запутался в паутине перевернутых мыслей о мире.

В своем порыве я оказался неосторожен. Чужак, собравшись с силами, нанес встречный удар. Я слишком поздно ощущил, как он прорвался в мое сознание. Я бросился на защиту важной информации и потерял свой шанс. Я судорожно вцепился всем своим существом в какие-то обрывки украденных сведений. Моя атака вызвала в нем лишь раздражение, но все-таки мне удалось унести с собой массу информации. Я интерпретировал ее и свел в систему.

На мое воспоминание о Фостере наложилось другое: лицо Кулклана Ртра — правителя Двумирья.

Но и кое-что другое знал теперь Легион: архивы находятся глубоко в скале под прославленным городом Окк-Хамилотом, где хранились матрицы памяти каждого валлонца. Архивы, запечатанные Ртром, которые только он способен открыть. Аммерлин побудил императора отправиться в путешествие, подчеркивая необходимость отдыха, и убедил его захватить с собой свою матрицу памяти. Согласие Кулклана вызвало тайную радость Аммерлина. Время трансформации наступило для Ртра на борту звездолета, в глубине космоса. Государственный переворот почти свершился... А потом возникла неожиданная помеха, уничтожившая все надежды...

И тут же вплелись мои собственные воспоминания: пробуждение Фостера и запись памяти умирающего Аммерлина. Бегство от Охотников, императорская матрица памяти, пролежавшая три тысячи лет среди костей, пока я, дикарь, не подобрал ее. И карман, где теперь лежал цилиндр. Тело, в котором я все еще обитал, но которое мне не принадлежало.

И еще в моем прошлом была вторая матрица памяти —

матрица Аммерлина. Я пересек галактику, чтобы отыскать Фостера, и привез с собой его главного врага. В конечном итоге, я предоставил этому врагу жизнь и тело...

А Фостер выжил, несмотря ни на что, вернулся, воскрес из мертвых — последняя надежда вернуть Золотые Времена Валлона.

...чтобы судьба погубила его моими руками.

— Три тысячи лет, — произнес мой голос ошеломленно. — Три тысячи лет люди Валлона жили в дикости, когда вся слава его истории заперта в архивах?

— Я один, — сказал Оммодурад, — нес проклятый груз этого знания. Давным-давно, еще в дни Ртра, я забрал свой оригинал из архивов в предвкушении того момента, когда ему суждено будет пасть. Но этот долгожданный час принес мне мало радости.

— И теперь, — произнес мой голос, — ты надеешься заставить этот мозг — который даже нельзя назвать разумным мозгом — открыть архивы?

— Я знаю, что это безнадежно, — согласился Оммодурад. — Сначала мне показалось, что если он говорит на старо-валлонском, то просто деградировал. Но нет, он действительно ничего не знает. Он всего лишь скорлупа от прежнего Ртра, и меня тошнит от его вида. Я бы с удовольствием прикончил его прямо сейчас и навсегда положил бы конец этому долгому фарсу.

— Нет! — резанул мой голос. — Я уже приговорил его к изгнанию, так тому и быть.

Лицо Оммодурада перекосилось от ярости.

— Твоя болтовня мне надоела.

— Стой! — рявкнул мой голос. — Ты откажешься от ключа.

Наступила тишина. В поле зрения глаза попала моя рука, державшая матрицу памяти Фостера.

— Двумирье лежит в моей руке, — проговорил мой голос. — Ты видишь черно-золотой код императорской матрицы памяти? Могуч тот, у кого в руках этот ключ. А что касается телесной скорлупы, то пусть она будет уничтожена.

Оммодурад скрестил свой взгляд с моим.

— Быть по сему, — согласился он.

Рыжеголовый вытащил узкий стилет с улыбкой вампира. Медлить было нельзя...

Сквозь слабину, которую я поддерживал в барьере чужого мозга, я швырнул последние запасы энергии и ощутил, как враг отпрянул, а потом отозвался превосходящей силой. Но я уже успел миновать барьер.

Пока чужак окружал меня, я растворился на мириады нервных импульсов, обтекающих нападение противника. Я находил все новые и новые источники силы.

Щитом к щиту я наконец схватился с самим Аммерлином, и он оказался сильнее. Медленно, медленно я стал поддаваться, отступать, краем сознания улавливая смутное восприятие тела, застывшего неподвижно, с незрячими глазами, и ощутил отголосок слов издалека:

— Быстрой! Самозванца!

Шанс?! Я взял контроль над правым глазом и перекрыл дорогу зрительному импульсу. Чужак забился, словно одержимый, когда вокруг него сомкнулась темнота. Я услышал свой собственный вопль и передо мной мелькнуло угрожающее видение: рыжеголовый бросается ко мне, сверкает стилет...

И в этот момент давление чужака внезапно исчезло, распалось на части и пропало совсем.

Я был в одиночестве. Пещеры мозга маячили угрюмой опустошенностью. Я стал двигаться по главным нервным путям, занял подкорку...

На меня разом обрушилась нестерпимая боль. Я скрчился, грудь жгло, боль перекрывала нахлынувшее возвращенное ощущение рук, ног...

И вот, валяясь на полу, я наконец понял, что рыжеголовый действительно нанес мне удар стилетом и тот, другой, чужак в моем сознании, в непосредственной связи с болсвыми центрами не устоял и отступил, оставив меня одного.

Сквозь багровый туман я увидел, как надо мной появилась фигура Оммодурада. Нагнулась и снова выпрямилась с императорской матрицей памяти в руке. А где-то поодаль, за ним, изворачивался Фостер, душа цепью наручников рыжеголового лакея. Оммодурад повернулся, шагнул, вырвал своего слугу из рук Фостера и оттолкнул в сторону.

Оммодурад выхватил свой кинжал. Фостер, словно пuma, прыгнул вперед, ударил цепью, и оружие отлетело в сторону. Доменьер с проклятьем отступил. В этот момент рыжеголовый подхватил стилет и бросился на Фостера.

А я сражался со своим непослушным телом, пытаясь дотянуться до бедра и расстегнуть кобуру. Аммерлин сумел вырвать из моего сознания память об императорской матрице, но о револьвере он так ничего и не смог узнать. Преодолевая боль, я вытащил пистолет, медленно, неуклюже поднял его, нацелился на всклокоченный рыжий затылок и выстрелил. По залу прокатилось гулкое эхо. Оммодурад поднял свой клинок, и теперь Фостер отступал от него, весь забрызганный кровью рыжеголового. Он уперся спиной в стену, символ Двумирья оказался прямо над его бледным лицом. От потери крови у меня все плыло перед глазами, покрываясь багровым туманом.

Но меня еще мучила ускользающая мысль, найденная мной в сознании Аммерлина. В центре виднелась розетка с выступом, словно рукоять меча...

Ну, конечно, меч Ртра, использованный однажды на рас-свете мира, но затем забытый, вложенный в ножны из камня, закодированный памятью Ртра, чтобы никто другой не мог им воспользоваться...

Преодолевая невыносимую боль, я глубоко вдохнул, смаргивая подступающую темноту.

— Фостер, — прохрипел я. — Меч!

Фостер метнул на меня взгляд. Я говорил по-английски. Чуждый язык в этом окружении. Оммодурад не обратил на меня никакого внимания.

— Вытащи... меч... из камня! Ты же Кулклан...

Он потянулся и ухватил изукрашенную рукоять. Оммодурад с криком бросился вперед.

Меч — четыре фута сверкающей стали — выскользнул из стены. Оммодурад резко остановился и уставился на сияющее лезвие в руках Фостера, скованных наручниками. Затем он медленно опустился на колени и склонил голову.

— Я сдаюсь, Кулклан, — сказал он. — Язываю к милости Ртра.

Я смутно слышал топот бегущих ног. Я провалился куда-то, снова выплыл. Словно в тумане я ощущал, как Торбу приподнимает мою голову, видел склонившегося надо мной Фостера. Они о чем-то говорили, но я ничего не понимал. Мои ноги были холодны, и холод поднимался все выше и выше.

Меня касались руки, холодная гладь металла у моих висков, я хотел сказать что-нибудь, сказать Фостеру, что нашел ответ, который ускользал от меня всю жизнь. Мне хотелось сказать ему, что все жизни кажутся одной длины,

если взирать на них с перспективы смерти, и что жизни, как и музыке, не нужен смысл, а только симметрия.

Но это было мне не по силам. Я пытался удержать мысль и унести ее с собой в ледяную пустоту, куда я уплывал. Но она ускользала, ускользала прочь, и только я один оставался в пустоте, ветер, дующий сквозь вечность, уносил прочь остатки моего «я». И я остался один на один с темнотой...

ЭПИЛОГ

Я проснулся от утреннего света, такого яркого и насыщенного, каким он бывает, когда мир кажется молодым и прекрасным. На высоких окнах колыхались паутинки занавесей, сквозь которые я видел, как по небу плывут белые облака.

Я повернул голову. Рядом стоял Фостер, одетый в короткую белую тунику.

— Что за идиотская одежонка, Фостер? Однако на тебе она неплохо смотрится. Хм, а ты, а гляжу, постарел, тебе никак не дать меньше двадцати пяти.

Фостер улыбнулся:

— Добро пожаловать на Валлон, мой друг, — сказал он по-английски.

Я обратил внимание, что он запнулся, произнося слова, словно давно уже не пользовался этим языком.

— Валлон, — повторил я. — Выходит, это все не сон?

— Пусть все остается сном, Легион. Твоя жизнь начинается сегодня.

— Что-то мне надо было сделать, — задумчиво произнес

я. — Не помню. Впрочем, неважно. Я ощущаю себя, как новорожденный.

Возле кровати появился еще один.

— Гоп, — сказал я, но потом заколебался. — Ты ведь Гоп, верно? — спросил я уже по-валлонски.

Тот засмеялся:

— Да, меня так звали, но мое настоящее имя — Гвенн.

Я осмотрел свое тело и увидел, что на мне такая же туника, как на Фостере, только голубая.

— Кто меня так одел? — спросил я. — Где мои джинсы?

— Это одеяние тебе больше подходит, — ответил Гоп. — Вставай, поглядись-ка в зеркало.

Я поднялся и шагнул к высокому зеркалу.

— Да это же не я, ребята, — и замолк.

На меня из зеркала смотрело отражение могучего, черноволосого атлета. Я двинул рукой, и тот последовал моему примеру. Я резко обернулся...

— Что... как... кто?

— Смертное тело, бывшее Легионом, погибло от ран. Но память твою мы записали. Нам пришлось ждать много лет, прежде чем смогли вернуть тебе жизнь.

Я снова посмотрел на отражение. Молодой гигант в свою очередь, ошеломленно взирал на меня.

— Я помню, я помню... нож, рыжеголового, доменьера доменьеворов...

— За свои преступления, — вставил Гоп-Гвенн, — он был отправлен в изгнание, пока не наступило время трансформации. Долго нам пришлось этого ждать.

Я снова глянул в зеркало и теперь только узнал две знакомые физиономии. Одна из них маячила где-то внизу у самых ног и принадлежала кошке, известной мне, как

Итценка. А вторая — моя, как я теперь видел, принадлежала Оммодураду, молодому и полному энергии.

— На его пустое сознание мы просто нанесли твою матрицу, — пояснил Гоп.

— Он расплатился с тобой за твою гибель.

— Наверное, как маленький капризный ребенок, я должен был бы закатить хорошую истерику и потребовать, чтобы мне вернули мое собственное тело, — произнес я медленно и так, и эдак поворачиваясь перед зеркалом. — Но штука в том, что мне нравится походить на господина Вселенной.

— Твое земное тело было заражено вирусами старости, — откликнулся Фостер. — Но теперь-то ты можешь не беспокоиться о ранней смерти.

— Однако пошли, — сказал Гоп-Гвенн. — Валлон ждет, — и он подошел к высокому окну.

— Твое место всегда рядом со мной, — произнес торжественно Фостер. — Все Двумирье открыто для тебя.

Я выглянул в окно и увидел бесконечное покрывало зеленой травы, тянущееся через холмы до самого края леса. По нему двигалась процессия рыцарей в сияющих доспехах. Они гордо восседали на животных, как две капли воды похожих на единорогов.

Я устремил взгляд туда, где яркое солнце отражалось от голубых плит высоких башен. Где-то гремели фанфары.

— Заманчивая перспективка, — согласился я. — Ну, что ж, будь по-вашему.

СОДЕРЖАНИЕ

Джеймс Боллард	
Затонувший мир	
<i>пер. Д.Арсеньева</i>	5
Кейт Лаумер	
След памяти	
<i>пер. Л.Ворошиловой</i>	195

С 47 След памяти Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1993. —
432 с. (Фантастические романы)

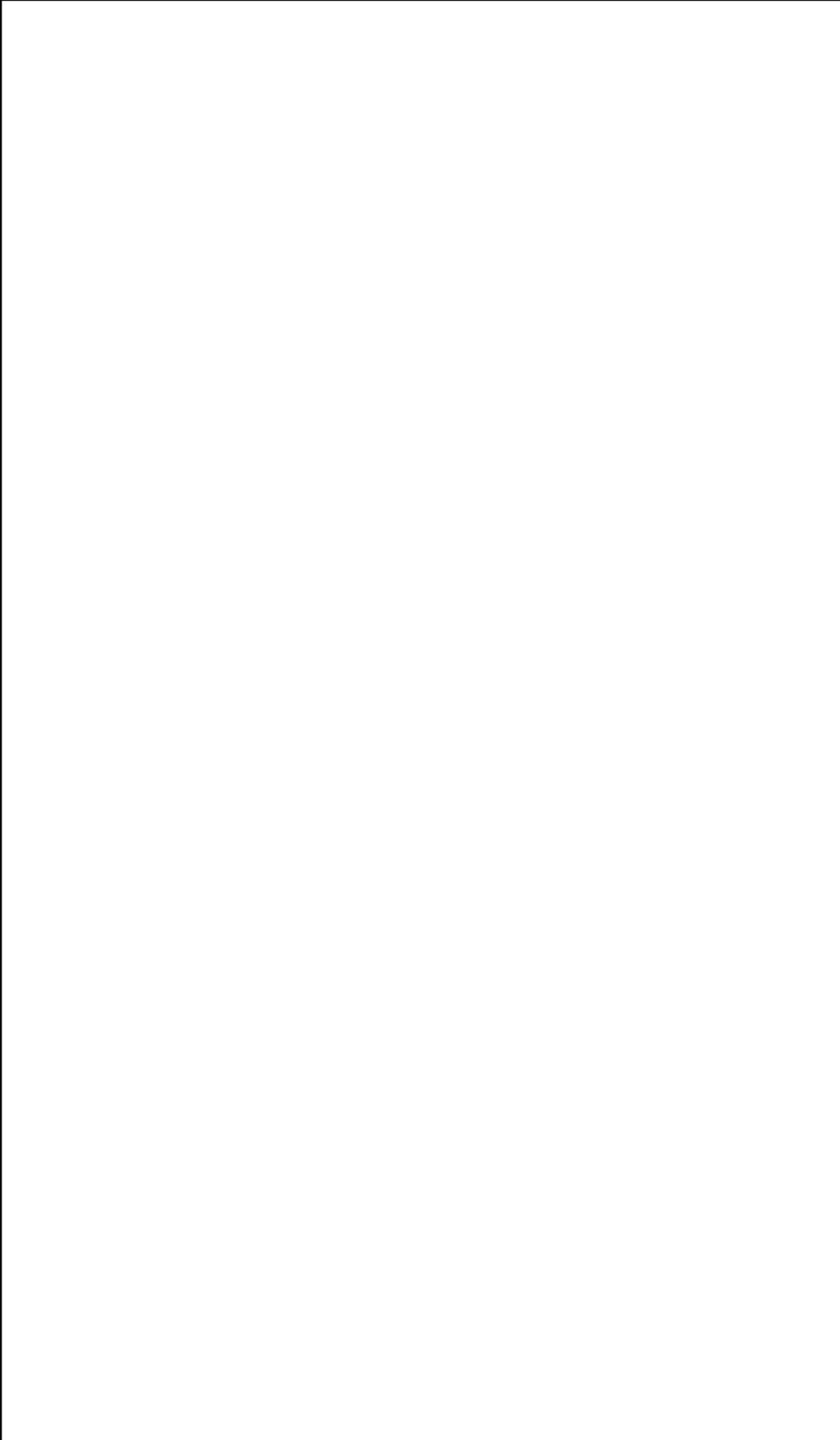
ISBN 5-87012-029-2

Ответственный за выпуск
Макаренков С.М.

Подписано в печать 9.06.93 г. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ.п.л. 13,5 Усл.п.л. 22,68. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 167. Переплет 7Б
Цена договорная

Издательства РИПОЛ, «Джокер»
123000 Москва, а/я 21

Тульская типография, 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

СЛЕД ПАМЯТИ

В эту книгу вошли два очень разных, но одинаково захватывающих романа. Произведение Кейта Лаумера «След памяти» — поразительное по размаху описание романтических приключений героя на Земле, в космосе и на другой планете, включающее даже взаимные переселения сознания инопланетян и человека. Более умерен роман Джеймса Болларда «Затонувший мир», насыщенный рассуждениями о судьбах цивилизации и смысле жизни на фоне событий эпохи экологической катастрофы.

